

Индийские
волшебные
повести

Индийские волшебные повести

перевод с урду

Москва
«Художественная литература»

1981

Предисловие
А. Дехтярь

Комментарии
А. Дехтярь и Г Зографа

Оформление художника
Н. Крылова

© Составление, предисловие, оформление и перевод,
помеченный*. Издательство «Художественная литература».
1981 г.

Сад чар и чудес

Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.

А. С. Пушкин. Бахчисарайский фонтан

Перелистывая страницы индийских волшебных повестей — дастанов, читатель словно вступает в ухоженный сад, где бьют фонтаны, благоухают розы, льются птичьи трели и деревья изнемогают под тяжестью плодов.

Невидимый садовник расчислил все с математической точностью: геометрический узор клумб вторит каменной вязи дворцовых стен, сочная зелень травы служит продолжением изумрудного бархата ковров, а виноградные гроздья и плоды граната находят повторение в утвари и убранстве покоев. Эта строгая планировка напомнит европейцу регулярный французский парк с его прямыми аллеями, фигурной стрижкой деревьев и кустарников, каскадами и боскетами.

Таков «малый» сад повествования — обязательная принадлежность сюжета, в котором происходят любовные свидания, чудесные превращения и авантюры героев. И шире — таков весь «сад словесности», цветистый, орнаментированный, строго упорядоченный литературным этикетом эпохи, подобно усмирённой природе исторических парков Альгамбры, Багдада и Кашмира.

Войдя в этот литературный сад, читатель видит, как множатся и дробятся метафоры, сплетаясь в растительный орнамент-арабеску; как живая природа — цветы, листья, травы — «притворяется» неживой: драгоценными камнями и металлами; каким пышным цветом, предельно и без полутонов, раскрываются качества персонажей: женская красота и дружеская верность, благородство героев и коварство их врагов. И не исключено, что читатель задастся вопросом, в чем смысл подобного «плетения словес», бесконечных поисков новых тропов, поистине всепроникающего «тотального» метафоризма индийской ска-

зочной прозы. На этот возможный вопрос мы и постараемся ответить.

Распространенный в Северной Индии язык урду, на котором славились дастаны, в средние века считался языком развитой поэзии, и в сложившейся литературной иерархии сказочно-авантюрной прозе отводилось место «низкого» жанра. Таков же примерно был удел родственных дастану жанров во многих литературах мира: западноевропейской народной книги и русского «лубочного» романа, арабского сирата и малайского хикаята. Неоднократно проходя стадии сказительской передачи и литературной записи, волшебная проза питалась двумя источниками: устным и книжным. И если из первого она почерпнула бродячие фольклорные мотивы и несколько наивную сказочную непритязательность, то через вторую традицию обогатилась любовной романтикой искусственного эпоса, поэтичностью и изяществом слога.

Хотя традиционные поэтологические трактаты не распространяли своих правил на дастаны, весь словесный инструментарий, многозвучный «оркестр» образов «высокой» поэзии слышится, пусть приглушенно, и в «низкой» прозе. Образность же классической литературы урду — будь то лирическое стихотворение-газель, поэма-маснави или сказочная повесть — задана наперед. Сравнение, метафора, эпитет выявляют не индивидуальность, а общность предметов, их вневременную сущность, отбрасывая при этом богатство изменчивых качеств как обманчивое, а значит, неистинное.

Символами таких вневременных, вечных отношений были стихии и небесные светила, драгоценные камни и растения. Они-то и лежат в основе бесконечных «клише» — вроде: нарциссы глаз, жемчуг зубов, бутон рта, гиацинты локонов, — кажущихся современному европейскому вкусу утомительно витиеватыми.

Однако сам художественный образ индо-персидской словесности никогда не сводился к схеме. Он высился над фундаментом «клише», создавался как свободная импровизация на заданную тему. И поскольку средневековый читатель, в отличие от современного, не предъявлял к сюжету требований новизны, по существу талант писателя и открывался в умении разнообразить, по-своему аранжировать ограниченный набор средств выразительности.

Такова же природа бесчисленных перифразов, синонимов и параллелизмов, встречающихся в дастанах буквально на каждом шагу. Кажется, что автор мучительно стремится описать явление во всей его полноте — будь то женская прелесть, пышные покои дворца или праздничное пиршество, — и сам признается в своем бессилии, так как от многократного повторения начисто стирается зрительное представление о предмете. Умозрительность описаний средневековой словесности прямо противоположна чувственному импрессионизму образа новой

литературы. В первом случае «ущность» неумолимо торжествует над явлением, во втором — многоликость явлений сама становится эстетической сущностью. Нанизываясь и прихотливо сплетаясь, метафоры и сравнения, некогда содержавшие в себе живое чувственное наблюдение, сливаются в словесный узор. Нечто подобное лежит в основе арабески: зрительный образ листа или цветка, многократно повторяясь, теряет свою «ботаническую» непосредственность, превращается в отвлеченно-абстрактный орнамент.

Всеми этими чертами: декоративностью, символизмом, орнаментикой, пристрастием к вычурным фигурам речи, а главное, умозрительной рациональностью образа — стиль дастана отчасти напоминает стиль европейского барокко.

Поэтика индийских волшебных повестей предполагает наличие у аудитории двойного видения реальности. Коранические и литературные аллюзии, скрытые цитаты и ссылки возводят все, о чем повествуется, к некоему идеальному образу, высшей модели, авторитетной «правде» культурного канона. Принадлежностью к устойчивому амплу диктуется логика поведения и высказывания персонажей. В зависимости от поворотов сюжета герой ведет себя то так, как пристало идеальному падишаху Ануширвану, то подобно безупречному влюбленному Маджуну или непревзойденному воину Рустаму. Традиция зорко стережет автора, «подкрепляющего» конкретный сюжет ссылками на исторические или легендарные прецеденты. Поэтому в разных повестях соответствующие амплу неразличимо схожи, а социальное происхождение (обычно высокое) и внешность героев превращаются в постоянные маски их внутренних качеств: царевича мгновенно узнают и в рубище, красота героини — залог ее добродетели, а уродство злого духа знаменует его порочность и жестокость.

Индивидуальность полностью отсутствует в персонажах дастанов, ибо они — суть типы, а не характеры. Все движения человеческой души, все проявления психики сугубо «овнешнены»: в горе герои обливаются слезами и лишаются чувств; в страхе — дрожат, «как ртуть»: от радости все волоски их тела «встают дыбом». Эти описания, подчеркивающие типичность, всеобщность эмоций и кажущиеся столь наивными современному сознанию, на самом деле глубоко концептуальны для эпохи, когда отсутствует представление о неповторимости личности.

Общезвестна роль ритуала как основного регулятора в средневековом обществе. Именно ритуал, действие, устная формула, а не письменный документ формировали отношения между людьми. В волшебных повестях существуют постоянные ситуации поведения персонажей, словесное выражение которых носит почти идиоматический характер: «он почтительно сложил руки и сказал», «она приняла на се-

бя все его беды (т. е. героиня ритуальным жестом коснулась головы героя, а затем прижала ладони к своим вискам) и воскликнула), «он украсил собою трон величия и изволил произнести». Во всех этих формулах жест означает больше, чем следующее за ним высказывание. Обряд, слово, присяга, жест придают практическим действиям людей общезначимую и обязательную ценность.

Композиция волшебных повестей, подобно их стилю и образности, всецело подчинена законам литературного этикета. Дастаны открываются обширным вступлением, не связанным с основным повествованием, которое вкупе с заключением составляет своеобразную «рамку» сюжета. Такого рода обрамление досталось сказочной прозе в наследство от предшествующей письменной мусульманской традиции. Сочинитель неизменно посвящал свое творение богу и взывал к милости небесных своих покровителей — пророка и его потомков. Отсюда в светскую и, по существу, развлекательную сказочную прозу проникли такие элементы высокого стиля, как неперемнная вводная формула «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного», и восхваление пророка Мухаммада, и прочие «клише», наводящие «мусульманский флер» на вводные части книги.

Непреложным следованием традиционному этикету продиктован и панегирик литературному заказчику. Если некогда в роли таких заказчиков выступали шахи, навабы и знатные вельможи, то в эпоху британского господства в Индии (когда и была записана большая часть дастанов на урду) меценатами нередко становились английские колониальные чиновники, вернее, наиболее просвещенные из них. Это гакже нашло свое отражение в интродукциях волшебных повестей.

Что же касается заключения, в нем было принято объяснять смысл названия книги как хронограмму даты ее сочинения и взывать к снисходительности читателя.

Магистральный сюжет индийских волшебных повестей хорошо знаком мировой литературе. Встреча героев, затем вынужденная разлука и обретение друг друга в конце, после долгих мытарств и приключений, — эта схема типологически сходна с сюжетным ядром романтического эпоса разных народов, фабулой греческой повести Ксенофонта Эфесского и рыцарских романов Кретьена де Труа, интригой многих комедий Шекспира и Лопе де Вега.

Генезис сюжета об испытаниях и злоключениях влюбленных уходит в седую древность, в календарный миф о гибели и воскресении божества-растения. На стадии письменной литературы подобное божество превращалось в героя или героиню вегетации, чьи имена сохраняли цветочную или растительную этимологию. В индийских волшебных повестях, несравнимо более архаичных и «косных», чем европейская классика, эти мифологические «осколки» вполне ощутимы. Так, в повести «Религия любви, или Роза Бакавали» роза одновременно имя,

атрибут и сущность героини. Овладение цветком — есть овладение самой Бакавали. В этом секрет вроде бы ничем не мотивированной любви, которую она испытывает к неведомому похитителю розы.

Путь героя, ищущего свою возлюбленную, — основной двигатель повествования, и поскольку обратного хода влюбленному нет, то и сюжет строго линеен, одностороннен — из прошлого в будущее. В завязке герой обычно обладает высоким происхождением и властью, а зачастую носит звучное имя, указывающее на избранность «Корона царей» (Тадж ул-Мулук) или «Хранитель рая» (Ризван-шах), в скитаниях он принимает облик нищего дервиша и впадает во временное безумие, тем самым как бы изменяя свою природу. Чтобы обрести желаемое, он должен духовно очиститься в «хождении по мукам», подобно западным Ивейну и Тристану, восточным Маджнуну и Ашик-гарибу. Развязка влечет за собой возвращение красоты и богатства — словом, воскресение сущности героя.

В дастанах приключение определяет не только последовательность событий, но и ход времени. В неопределенном, никак не конкретизированном прошлом временной отсчет идет от последней авантюры: «на другое утро», «через год». Событие целиком укладывается в день, начинаясь на рассвете и кончаясь на закате. Ночь же — пора любовных утех. Одна авантюра механически сменяет другую, как кинокадры, а поскольку хронологического «монтажа», то есть авторского представления о времени, еще нет, то равнополагаются события разной важности и длительности. К тому же многочисленные ссылки на «исторические» прецеденты («двойное видение») и предсказания соединяют на одной плоскости прошлое, настоящее и будущее. Да и само Время для создателей дастана — не бесстрастная философская категория: оно может быть дурным, враждебным в моменты опасности, указываемые гороскопом, и благосклонным к человеку в так называемый «благоприятный час», когда играют свадьбы.

Мир волшебных повестей с его анахронизмами, одновременным сосуществованием пророков древности и средневековых героев ислама по сути внеисторичен, вечен и, подобно миру романов Артуровского цикла, существует параллельно реальности, не имея четких границ в пространстве.

Волшебство в дастанах отличается от «чуда» богатырского эпоса, принимаемого всерьез, и от простодушного «сказка — ложь» фольклора. Это, поистине, апофеоз фантастики, декоративный и избыточный. Бытовые персонажи средневекового города: везиры, купцы, сводни и факиры — живут рядом с чародеями, райскими девами — пери, злыми духами — дэвами и джиннами, ничуть не смущаясь таким соседством. Никого не удивляют говорящие птицы и животные, а сверхъестественные существа постоянно являются на помощь герою, подобно «богу из машины» античного театра. Заклинания, предсказа-

ния и вещи сны не менее привычны сознанию сказителей, чем будничные факты.

Эта волшебная атмосфера накладывает неизгладимый отпечаток на сказочную «топографию» дастанов. Пространство повествования столь же парадоксально, сказали бы мы теперь, увязано с сюжетом, сколь время: герой на протяжении всей фабулы идет на край света в бесконечных блужданиях, а обратный путь проделывает без всякого труда в течение дня. Однако чудесное не противостоит действительности, а мирно уживается с ним. Волшебные царства по своим обычаям во всем напоминают уклад земного шахского двора; пери страдают от любви не меньше смертных красавиц, а джинны набожны и богобоязненны, как обычные мусульмане. Скрупулезное бытописание и ошеломляющее чудо слиты воедино «магическим реализмом» индийских сказителей.

Действие волшебных повестей протекает в самых разных частях света: Рум (Турция), Фарс (Персия), Миср (Египет), Шам (Сирия), Фаранг (Европа), Чин (Китай), Сарандип (Цейлон). При этом не ощущается никаких различий между, скажем, Китаем и Европой; все «заморские страны» лишены «местного колорита» и равно омусульманизированы. Китайские царевичи и европейские царевны носят персидские и арабские имена и живут по законам шариата. Нормативному сознанию создателей дастанов мир не кажется многоликим, ибо рассказы купцов и паломников о чужих землях за недостатком точных сведений обрастали легендами, и представления об окружающем мире подменялись знанием той его ограниченной части, что была хорошо знакома писателю и читателю. Поэтому жители заморских стран — суть переодетые арабы, персы, турки, индийцы, а Чин и Фаранг вызывают в памяти Пекин «Принцессы Турандот» и Серендипп «Короля-оленя» Гоцци, населенные персонажами комедии дель арте.

Наряду с причинами чисто литературными подобное единообразие имеет и историческое объяснение. В пределах обширной мусульманской империи путешественник повсюду находился под сенью своей веры, встречал одни и те же обычаи, поклонялся одному и тому же богу. Таким образом, весь Восток символизирует родину героя, а «страсти» и мытарства он претерпевает на чужбине — на Западе и Юге. В этой топографии отразились пережитки древнейших представлений о Востоке и Западе как местах рождения и умирания светила, а также мифология древних индийцев, считавших Юг обителью бога смерти Ямы.

Из «реальных» чужеземных стран действие волшебных повестей то и дело переносится на гору Каф и остров Ирам. Хорошо известные всей индо-персидской традиции, эти привычные сказочные пределы напоминают легендарные города Камелот и Тинтажель, лес Броселианд, существующие в европейских рыцарских романах наряду с историческими Корнуэллом и Константинополем.

Средневековое сознание еще не ведает автономного чувства природы. Ландшафт жестко увязан с определенным моментом сюжета в лесу герой скитается, в саду наслаждается любовью, на острове в океане становится участником волшебных приключений. Вообще стихии леса и океана играют особую роль в повествовании, являясь неким «иным» пространством. По окончании авантюры герой обычно выходит из леса к безопасному, то есть не волшебному городу, или из моря на берег

В сказочных пределах «иног» царства природа играет человеком, путает его и сбивает дороги. Перед его ошеломленным взором появляются и исчезают острова, города, дворцы, и это волшебное пространство все время меняет свои причудливые формы – герой же стоит на одном месте и наблюдает «чудеса и диковины божественного промысла». Мгновенный прорыв реального пространства и переход в другое измерение в дастанах называется «тилисм» (буквально: «волшебство», «чары», «талисман»). Достичь состояния «тилисма» можно, скажем, нырнув в заколдованный пруд или нанеся на глаза «сурьму Сулеймана». По восточным поверьям, сурьма возвращает зрение и помогает увидеть чудеса, недоступные глазу. Как и все магическое, сурьма в волшебных повестях связана с именем пророка Сулеймана (библейского Соломона), считавшегося в мусульманской традиции кем-то вроде верховного чародея.

Расцветающая буйным цветом фантастика правит в дастанах решительно всем: временем, пространством, сюжетом. Она же определяет и тип героя волшебной прозы, который, в отличие от протагониста богатырского эпоса, не вступает с противником в «бой честной», а добивается своей цели с помощью разных талисманов, чудесных предметов и магических средств. Отсюда и «дегероизация» этого героя, изнеженного красавца-царевича, уповающего на свою счастливую звезду, вмешательство высших сил и заманивающего врагов в «сети привязанности».

В дастанах по сравнению с волшебной сказкой, например, человек выступает как существо более сложное, до известной степени связанное бытовыми и социальными обстоятельствами. Герой, обладающий некоторыми слабостями, вынужден плутовать, обманывать, хитрить – словом, он сведен с эпических небес на землю. И хотя судьба персонажей всецело определяется принадлежностью к какому-либо сословию, читатель ощущает в герое недовольство, пусть и декларативное, этой судьбой, зачатки конфликта между личностью и мироустройством – иными словами, оттенок индивидуализации.

Изображенный со скрупулезной детальностью, изобилующий подробными перечислениями, описаниями и наблюдениями, мир дастана живет в постоянном ожидании чуда. Чудо – единственная окрыляющая цель развития повествования; остальное – периферия сюжета,

косный и низменный быт. Но тем не менее как раз из этого бытового фона выступают реальные фигуры и факты Северной Индии XVII-XVIII веков: придворные нравы и костюмы, обычаи «зананы» жемчужной половины дворца и свадебные обряды, семейный уклад и торговые сделки. Именно фон, живой, многоликий и пестрый, составляет неповторимый колорит волшебных повестей и придает историческую перспективу плоскостной картине их мира.

Несмотря на то что дастаны воспринимались аудиторией в основном как развлекательное повествование, в них запечатлены исторически обусловленные представления индийцев о мире, об обществе, о значении человека. Дастан в занимательной форме предлагал слушателю и читателю норму поведения, наилучший порядок вещей, правильный ход событий. Здесь всегда торжествует добродетель и поспрамяется зло. Как идеальный сколок действительности, волшебные повести использовались и с нравственно-воспитательной целью.

Дастан пришел в Индию из Персии и распространялся профессиональными сказителями — киссаханами или дастанго. Они исполняли свои произведения перед самой разнообразной аудиторией: при дворах правителей и в покоях вельмож, на базарах и в городских кофейнях. Дастанго импровизировали на хорошо известный публике сюжет под аккомпанемент музыкальных инструментов. Темой для импровизации могли быть как народная сказка, так и литературная классика, любовно-романтические поэмы-маснави, индийская обрамленная повесть, сюжеты «Шах-наме». По-видимому, роль дастанго в создании прозы была подобна той, что играли средневековые жонглеры и шпильманы в «спускании в народ» авторской литературы и «поднятии» в рыцарские замки народного эпоса.

Большинство дастанов было записано лишь в XIX веке. Их переложителями и обработчиками были писатели, работавшие в Колледже форта Вильяма, открывшемся в 1800 году в Калькутте.

Целью учреждения Колледжа было обучение английских чиновников в Индии живым местным языкам. Для создания учебных пособий как нельзя лучше подходили дастаны с их занимательными фабулами и относительной простотой и живостью изложения. Созданные в Колледже литературные авторские обработки волшебной прозы быстро получили признание у широкого читателя.

Мы мало знаем о литераторах Колледжа, в том числе о Мире Аммане, Нихалчанде Лахори и Халиле Алихане Ашке, с чьими повестями читателю предстоит познакомиться. Мы располагаем лишь скудными биографическими сведениями, которые сами писатели по традиции приводят в «Причинах написания книги» — обязательном компоненте предисловия. Сходство жизненного пути троих писателей во

многим объясняет судьбу литератора в старой Индии: это и бесконечные скитания по стране в поисках мецената, и непременная зависимость от вкусов литературного заказчика, и постоянные ссылки на авторитет предшественников для поднятия собственного творческого престижа.

Мир Амман, считающийся классиком литературы урду, родился в Дели, где его предки занимали высокие должности при дворе Великих Моголов. После упадка Могольской империи и разграбления столицы афганскими войсками Ахмад-шаха Дуррани лишившийся своего наследственного состояния Мир Амман был вынужден переехать в город Патну (Азимабад). Не обретя там удачи, он направился дальше, в Калькутту и некоторое время состоял воспитателем в семье одного богатого наваба. Вскоре фортуна улыбнулась Миру Амману: случай свел его с влиятельным англичанином — профессором Джоном Бортвиком Гилкристом, лингвистом и лексикологом. В 1801 году по рекомендации Гилкрита Мир Амман был зачислен в штат Колледжа форта Вильяма на должность преподавателя хиндустани и в том же году создал лучшее прозаическое произведение своего времени — «Сад и весну»

Оригиналом повести Мира Аммана была «История четырех дerviшей» на персидском языке, приписываемая великому индийскому поэту XIV века Амиру Хусро. Существует и более поздняя прозаическая версия этого сказания на урду, датируемая последней четвертью XVIII века, — «Новый украшенный стиль» Тахсина. Однако ранние обработки сюжета со временем были забыты, а повесть Мира Аммана снискала устойчивую популярность в Индии и за ее пределами, неоднократно переводилась на разные языки. Этому успеху способствовали разговорная живая лексика «Сада и весны», свободная от сложных арабских и персидских заимствований, благородная простота стиля, занимательно и органично развивающееся повествование. И в наши дни текст «Сада и весны» как некий критерий «чистого урду» используется в Индии на экзаменах по этому языку.

Сюжет «Сада и весны» скорее всего происходит из Индии, там же родилась и своеобразная композиционная форма книги — обрамленная повесть. Русский читатель знаком в переводах с древнеиндийскими образцами этого жанра — «Панчатантрой», «Двадцатью пятью рассказами Веталы» и др. Из Индии обрамленная повесть проникла в Иран и арабские страны, где оформилась в таких прославленных памятниках, как «Книга попуая», «Книга Синдбада» и «Тысяча и одна ночь» а оттуда в Европу, трансформировавшись в сборники ренессансной новеллистики типа «Декамерона» Боккаччо, «Гептамерона» Маргариты Наваррской. В средние века, обогатившись образностью и сюжетами литератур Среднего и Ближнего Востока, обрамленная повесть вновь вернулась в Индию, как бы в новом качестве. «Сад и весна» как раз

находится в точке замыкания этого круга, ибо в нем индийская основа щедро расшита украшениями мусульманской словесности.

В обрамленной повести магия звучащей речи всегда спасает говорящего от смерти — Шахразаду ли, ждущую казни, или галантных дам и кавалеров, скрывающихся от чумы. В «Саде и весне» исполнение желаний становится возможным лишь после взаимной исповеди персонажей. Рассказы у костра, которыми герои коротают ночь, ожидая рассвета, были литературной метафорой древнейших представлений о светоносности, живительной силе слова.

«Сад и весна» стоит особняком среди других волшебных повестей, ибо здесь предельно, насколько позволяли нормы жанра, сказочный мир «углублен» реалиями эпохи и национальной жизни. По сравнению с прочими переложителями дастанов, Мир Амман несомненно обладал лучшим литературным вкусом и известной демократичностью взглядов, проявившейся в большем интересе автора к пестрому быту городских средних слоев, нежели к роскоши дворцовых покоев.

Название книги лишь косвенно связано с ее фабулой. «Сад и весна» — традиционная хронограмма даты написания повести, так как каждой букве арабского алфавита соответствует определенное цифровое обозначение. И в то же время это точная метафора «сада словесности», цветущего стиля индийской сказочной прозы.

Подобно Миру Амману, Нихалчанд Лахори — уроженец Дели, большую часть жизни проведший в Лахоре (отсюда его прозвище — «Лахорский»). Странствия в поисках литературного заработка привели его в 1802 году в Калькутту. Здесь он через третье лицо познакомился с профессором Гилкристом и при поддержке последнего поступил на службу в Колледж. Повесть «Религия любви, или Роза Бакавали» увидела свет в 1804 году и была обработкой на урду несохранившегося персидского оригинала — маснави, написанного Иззатуллою Бангали (1710).

Индийский сюжет о розе Бакавали лег в основу многих других произведений, как прозаических, так и стихотворных. Наиболее старая его версия сложилась на юге Индии, Декане, в 1625 году. В 1738 году появился еще один поэтический вариант под названием «Подарок собранию». Оригинал, которым пользовался Нихалчанд, обработал поэт Райян в поэме «Цветник» (1797). Существуют изложения этого сюжета на бенгали, гуджарати, панджаби, синдхи и прочих индийских языках. Успех книги Нихалчанда, во многом обязанный возросшему интересу индийцев к прозе в начале XIX века, способствовал ее переводу на английский язык в 1835 году. Другой известный перевод под названием «Виджаямала» был сделан в 1873 году в Малайе.

Тот факт, что повесть Нихалчанда является переложением поэмы, а не прозаического произведения, определил такие черты ее поэтики,

как чрезмерная витиеватость метафор, пышная риторика авторских отступлений, частое использование рифмованной прозы – саджа.

В ряду волшебных повестей «Религию любви» отличает своеобразная «религиозная терпимость», синтез мусульманских и индусских сюжетных мотивов и художественных средств. Наряду с персонажами исламской демонологии – пери и дэвами – в повести действует божество древнеиндийского пантеона – Индра. Рядом с рассуждениями в духе суфизма уживаются идеи индуизма о вечных перерождениях – сансаре. Коранический мотив оклеветанного Зулейхой Юсуфа (в дастане – линия Тадж ул-Мулука и Читрават) соседствует с древнеиндийским – о любви небесной девы Урваши к земному царю Пуруравасу (линия Тадж ул-Мулука и Бакавали).

Название «Религия любви» одновременно указывает на дату создания книги и дает возможность ее суфийского прочтения, мистической трактовки любовной фабулы как стремления души индивидуума влюбленного к слиянию с Абсолютом-возлюбленной.

Халил Алихан, писавший под псевдонимом Ашк (слеза), обладал незаурядными способностями компилятора. Его перу принадлежит краткая популярная обработка многотомного свода дастанов об Амуре Хамзе; известных в Индии уже с конца XVI века. Кроме того, Ашк изложил на урду персидский текст хроники деяний императора Акбара – «Акбар-наме». Сжатое и динамичное повествование придавало произведениям этого писателя сугубо развлекательную ценность. В повести «Цветник Чина», увидевшей свет в 1804 году, нет ни яркого бытописательства Мира Аммана, ни декоративной метафорики Нихалчанда. Автор увлечен лишь стремительным ходом событий, нагромождением новых и новых перипетий, и поэтому обычные для дастанов повторы, задерживающие действие, у него почти отсутствуют, а диалог превращается в лаконичное перебрасывание репликами.

Персидский сюжет «Цветника Чина» издавна известен в Индии. Фаиз, поэт деканского княжества Голконда, использовал его в своем маснави «Ризван-шах и Рухафза» около 1682 года. Любви царевича Ризвана и райской девы посвятил свою поэму «Цветник любви» Бакир Агах в 1745 году.

В свою маленькую по объему повесть Ашк сумел уложить фабульные мотивы из многих произведений сказочной прозы разных стран, в частности, из средневосточного сказания о царевиче Санаубаре и ближневосточного – о Сейф ул-Мулуке. В «Цветнике Чина» отражены все наиболее общие свойства индийских волшебных повестей, и несколько бесстрастная надындивидуальная манера повествования усугубляет это ощущение модели, схемы жанра, «очищенной» от многообразия конкретных форм. Именно своей нормативностью, максимальной типичностью для дастанной прозы примечательна книга

Ашка, в художественном отношении уступающая «Саду и весне» и «Религии любви».

Несмотря на всегдашнюю популярность сказочного фольклора в Индии, слава не слишком баловала первых прозаиков урду, лаская своими лучами их более счастливых современников — поэтов. В этом неотвратимая закономерность нового литературного этапа, становления пока несовершенного нового жанра, которому лишь предстоит завоевать признание. Между тем именно произведения писателей Колледжа форта Вильяма, давшие вторую жизнь старым народным сказаниям, были почвой, на которой выросла современная проза Северной Индии. Ранний роман и первые опыты драматургии урду еще всецело вдохновлены наследием дастанов. В наши дни традиция волшебных повестей живет в многочисленных прозаических и поэтических интерпретациях любимых сюжетов, устном предании, театрализованной народной драме. И поныне в цвету сад индийской сказочной прозы, сад чар и чудес народной фантазии. Он, как и встарь, манит читателя и сулит ему наслаждение прекрасным вымыслом.

А. ДЕХТЯРЬ

Мир Амман

САД И ВЕСНА

Вступление

Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Благословен Аллах! Сколь велик творец, который из горсти праха создал людей, не похожих друг на друга лицом и телом. Он взял всего лишь два цвета — белый и черный, дал всем те же нос и уши, руки и ноги, но сотворил столько ярких образов, что вид одного не сходится с обликом другого — ведь среди миллионов людей вы всегда узнаете того, кто вам нужен. Небеса — лишь пузырьрек воздуха в безбрежном океане единства, а земля — только кружок на воде. Но вот чудо! Море, которое обрушивается на нее тысячами волн, не может нанести ей ни малейшего ущерба. Язык человека немеет, когда он пытается восхвалить и прославить того, кто обладает такой силой и могуществом. Что он способен сказать?! Пусть лучше молчит о том, что выразить ему не под силу.

Едва ли смогу я с достоинством должным прославить того,
Кто создал и небо и землю, чья воля превыше всего.
Одни лишь глупцы помышляют Аллаха постичь до конца,
Ведь даже пророк говорил: «До конца я не понял его».
Есть солнце и месяц у неба, подобно огромным глазам,
Всегда они смотрят на землю и славят творца торжество,
Он равных не знал и соперников гордых не ведал вовек.
Ни с кем и ни с чем не сравнимо в сияньи своем божество.
Аллах всемогущ — он творец и великий кормилец живых,
Его благодать осеняет вседневно меня самого¹.

И хвала тому, кого он возлюбил, для кого создал он небо и землю и кого облек в сан посланника.

---

¹ Стихи в повести «Сад и весна» даны в переводе А. Сендыка.

Светлое тело пророка — сгусток небесного света,
Тени оно не бросает, каждому ведомо это.
Как бы мне силы набраться, чтобы восславить пророка,
Ведь прославление пророка — долг величайший поэта.

И благословение и приветствие роду его, который
представлен двенадцатью имамами.

Я славословил пророка и славословил Аллаха,
Кончив, к труду приступаю, полный сомнений и страха.
Ради святого пророка, добрый Аллах, помоги мне,
Пусть мою речь разумеет знатный и вставший из праха.

История создания этого сочинения такова. В 1215 году хиджры, или 1801 году христианского летосчисления и, соответственно, в 1207 году эры фасли, в правление благороднейшего из благородных, генерал-губернатора маркиза Уэлзли лорда Морнингтона (при описании достоинств которого ум приходит в смущение и рассудок помрачается, ибо все качества, какие потребны правителю, господь соединил в его лице; это счастье для нашей страны, что пожаловал сюда такой губернатор, благодаря полезной деятельности которого все обрели покой и нет места тому, чтобы кто-нибудь смел чинить над кем-нибудь насилие: тигр и коза пьют из одного источника и вся беднота живет, вознося благословения) пошли толки об обучении. У сановных господ явилось стремление ознакомиться с языком базара, чтобы свободно беседовать с индийцами и вести государственные дела — с полной осведомленностью. Для этого в тот же год было приказано составить несколько книг.

Всем знатокам, желающим говорить на языке Хиндустана, я сообщаю, что «Историю четырех дервишей» впервые рассказал Амир Хосров Делийский по следующему поводу. Захворал однажды хазрат Низамуддин Аулия по прозванию Зари Зарбахш, который был его духовным наставником; гробница его находится близ Дели в нескольких косах от крепости, за Красными воротами, против Ворот носильщиков, у Красного дома. Для того чтобы развлечь и утешить наставника, Амир Хосров, ходивший за больным, стал рассказывать ему о четырех дервишах. Через несколько дней Аллах даровал больному выздоровление. Тогда наставник в день, когда было

совершенно омовение, помолился, чтобы всякий, кто услышит эту историю, по милости божьей обретал здоровье. С тех пор она и пошла ходить на персидском языке.

Ныне господин благости, владыка благосклонности, ценитель превосходного, господин Джон Гилкрист (да будет велико его счастье, пока текут Ганг и Джамна!) любезно соизволил повелеть мне: «Переложить эту историю на чистое индийское наречие, на котором говорят друг с другом люди на базаре — индусы и мусульмане, женщины и мужчины, дети и подростки, знатные и простые». Исполняя приказание его превосходительства, я и начал писать таким языком, словно кто-нибудь просто разговаривает.

Сначала я, жалкий грешник Мир Амман Делийский, расскажу о себе. Мои предки из поколения в поколение преданно служили у стремени всех падишахов со времен Хумаюна, и те благосклонно покровительствовали им, воздавая каждому по заслугам. Награждая поместьями, должностями и другими пожалованиями за службу, они сделали их богатыми и знатными и благословенными устами своими нарекли их наследственными слугами и потомственными вассалами, так что титул этот вошел в шахские книги.

Когда же этот царственный дом, благодаря которому все другие дома процветали, постигла та доля, которой мы сами свидетели (стоит ли говорить об очевидном?), тогда Сурадж Мал, джат, захватил наши поместья, а Ахмад-шах Дуррани разграбил имущество. Под ударами всех этих бед как изгнанник покинул я город, который был моей родиной и к которому я привязан всем сердцем. Так корабль, капитаном которого был сам падишах, потерпел крушение, и я погрузился в океан одиночества. Утопающий хватается за соломинку. Поэтому несколько лет я провел в городе Азимабаде. Удачи чередовались там с неудачами. В конце концов ушел и оттуда: судьба не была ко мне благосклонна. Оставив семью и детей, я один-одинешенек сел на корабль и в поисках пропитания прибыл в благороднейший из городов — Калькутту. Некоторое время я не имел никакого занятия. Случайно наваб Дилавар Джанг призвал меня и приставил наставником к своему младшему брату Мир Мухаммад Казим-хану. Довелось мне прожить у него около двух лет, но настоящей поддержки себе я там не

видел. Потом благодаря почтенному мунши Мир Бахадур Али я встретился со славным господином Джоном Гилкристом (да продлится процветание его!). Наконец-то судьба привела меня к такому благородному человеку. Надо бы, чтобы теперь наступили дни получше. Да ведь и то хорошо, что я имею место, где приклонить голову, когда съем свой кусок, а десять человек домашних, старых и малых, обретя покровительство, молятся об этом справедливом человеке. Да примет бог их молитвы!

Об истории языка урду наши предки повествуют так. Город Дели, как считают индусы, очень старый. В нем издревле жили их цари и народ, и говорили они на своем наречии. Тысячу лет назад наступило правление мусульман. Пришел султан Махмуд Газнави, потом стали падишахами Гури и Лоди. Благодаря общению индусов и мусульман некоторые их языки смешались. Наконец Хиндустан захватил эмир Тимур, род которого до сих пор владеет султанатом. После того как он пришел и обосновался здесь, войсковой базар вошел в черту города. Поэтому городской базар стал называться «урду» — так же, как войско. Затем падишах Хумаюн, разбитый патанами, бежал за границу. Вернувшись обратно, он наказал отступников, и не осталось тогда ни одного бунтовщика, который мог бы поднять мятеж.

Когда воссел на престол падишах Акбар, то люди разного племени из окрестных стран, прослышав о любезности и щедрости этой несравненной династии, стали стекаться к его двору. Но все они говорили на разных языках и наречиях. Собравшись вместе, они вели между собою дела, торговали, беседовали, и в результате установился общий язык базара. Шах-Джахан, великий император, повелел соорудить благословенную крепость, соборную мечеть и городские стены и оправить Павлиний трон множеством драгоценных камней. По его приказу был установлен на шестах и растянут на канатах огромный шатер, а наваб Али Мардан-хан провел канал. Когда все это было готово, шах, обрадовавшись, устроил празднество и сделал город своей столицей. С тех пор и стал известен Шахджаханабад (так как Дели расположен отдельно, он называется Старым городом, а этот — Новым городом), и тамошнему базару дали название шахского базара.

С правления эмира Тимура до царствования Мухаммад-шаха, даже более того — до времени Ахмад-шаха и Аламгира II, султанат из поколения в поколение оставался все тем же. Постепенно язык базара, все более совершенствуясь, отшлифовался настолько, что с ним не могла сравниться речь никакого другого города. Но для того чтобы его оценить, необходим беспристрастный судья.

И вот теперь, много спустя, господь послал такого мудрого и проникательного человека, как Джон Гилкрист, который благодаря своим познаниям и свершениям, путем разысканий и трудов составил книги грамматических правил. Вследствие своих достоинств язык Хиндустана пошел по всей стране, и блеск его возрос еще более. Но никто ведь не считает плохой свою манеру повязывать тюрбан, свою речь и свои обычаи. И если спросить деревенского жителя, то он станет поносить горожанина и превозносить самого себя. Но умные сами разумеют!

Когда Ахмад-шах Абдали пришел из Кабула и разграбил город, Шах-Алам был на востоке. Не осталось ни наследника, ни наместника. Город оказался без главы. Поистине, процветание города покоилось на могуществе государства. Бедствие свалилось внезапно. Благородные жители столицы разбежались куда глаза глядят. Где бы они ни поселились, речь их менялась от общения с местным людом. А много нашлось и таких, которые, попав по какой-либо причине в Дели, прожили там всего лет по пять или десять. Сколько-то они научились делийскому языку, но, конечно, не смогут говорить без ошибок. Лишь тот, кто, подобно делийским камням, оставался там, претерпев все лишения, чей род в продолжение пяти или десяти поколений жил в этом городе, кто сам многие годы бывал там на собраниях знатных людей, участвовал в торжествах, пиршествах, процессиях, шествиях, поездках, гуляньях и зрелищах и кто после отъезда оттуда старательно оберегал свой язык, только тот сохранил свою речь в чистоте. Таков и я, ничтожный, который добрался сюда, обойдя и повидав всякие го-
рода.

Н а ч а л о и с т о р и и

Итак, начинаю рассказ. Пожалуйста, слушайте внимательно и судите благосклонно. В «Похождениях четырех дервишей» говорится, что некогда в стране Рум был падишах, который славился справедливостью Нуширвана и щедростью Хатима. Звали его Азадбахт, и город Константинополь, который теперь называют Стамбул, был его столицей. Под его властью народ благоденствовал, казна была полна, войско послушно, бедняки довольны. Все жили в таком покое и радости, словно в каждом доме днем и ночью был праздник. Азадбахт извел всех воров, грабителей, жуликов, мошенников, обманщиков и не оставил даже памяти о них во всей стране. Двери домов на ночь не запирались, а лавки на базаре оставались открытыми. Путешественники шли через леса и поля, позванивая золотыми монетами, и никто не спрашивал, что они несут и куда направляются.

Тысячи городов были подчинены этому падишаху, и несколько султанов платили ему дань. Но даже при такой большой власти он ни на час не забывал о боге. Из мирских благ у него было все, что только можно желать, лишь сына, плода жизни, не хватало в саду его счастливой судьбы. Поэтому нередко пребывал он в задумчивости и после пятикратного намаза говорил своему щедрому покровителю:

— О Аллах! Ты все даровал своей милостью мне, недостойному, не дал лишь светильника моему темному дому. Одно гнетет мою душу: нет у меня наследника моего имени, нет верной опоры. Ведь у тебя в сокровищнице тайн имеется все что угодно. Дай мне веселого, резвого сына, тогда сохранится имя мое и останется след моей власти.

Не теряя надежды, дожил падишах до сорока лет. Однажды в зеркальном зале, совершая намаз, он читал свой урок из Корана. Бросив случайно взгляд в зеркало, он вдруг заметил в своих усах седой волос, блестевший словно парчовая нить. Слезы навернулись у него на глазах, и тяжкий вздох вырвался из груди. «Увы! — подумал он про себя, — сколько лет потратил ты даром! В погоне за мирской славой ты перевернул целый мир, но все эти

земли, которыми ты овладел, теперь тебе ни к чему -- в конце концов все это пустит по ветру кто-то чужой. А к тебе пришел вестник смерти. Если и проживешь еще, все равно телесные силы будут только слабеть. Ясно, что не судьба тебе родить наследника венца и престола. Кончится тем, что умрешь, и все пойдет прахом. Не лучше ли самому все покинуть и провести остаток дней в служении творцу?»

И утвердившись на том в своем сердце, он отправился в нижний сад, выслушал всех просителей и повелел, чтобы с этого дня никто больше к нему не обращался, а все взяли бы в обычай разрешать свои дела в зале собраний. Потом удалился в одну из внутренних комнат, разостлал молитвенный коврик и погрузился в молитвы. Кроме плача и тяжких вздохов, ничего от него не слышали. Так провел падишах Азадбахт несколько дней и ночей, не покидая места молитвы; лишь вечером, в час разрешения от поста, он съедал один финик и запивал его тремя глотками воды. Толки об этом вышли за стены дворца, и по всей стране разнеслась весть о том, что падишах, отрешившись от власти, избрал уединение. Притеснители и мятежники повсюду подняли головы и преступили границы дозволенного: всякий, кому только хотелось, теснил народ и поднимал бунт; всюду, где были наместники, открылись упущения в их управлении. Из всех областей потекли ко двору жалобы на беззакония. Тогда собралась вся придворная знать и принялась держать между собою совет.

Порешили на том, чтобы обратиться к везиру: он, мол, человек мудрый и знающий, приближен к падишаху и пользуется его доверием, к тому же он выше всех чином. Надо пойти к нему и спросить, что он сочтет подходящим.

— Известно ли вам, — сказали амиры, явившись к везиру, — что если падишах и дальше будет уклоняться от дел, то построенное с таким трудом государство пойдет прахом. А воссоздать его будет не так-то легко.

Везир был старый, опытный человек, справедливый и умный; так и звали его — Хирадманд, то есть «мудрый».

— Хоть падишах и не велел являться к себе, но вы попытайтесь, — посоветовал он. — Я тоже отправлюсь с вами. Бог даст, падишах согласится принять нас

Он привел всех в зал собраний, а сам прошел в зал совета и послал евнуха доложить падишаху:

— Скажи, что пришел старый слуга, который уже несколько дней не мог лицезреть того, чье сияние служит украшением мира. Он надеется увидеть его и облобызать его стопы, чтоб обрести утешение.

Падишах выслушал просьбу везира, а так как он знал достоинства, осмотрительность и преданность Хирадманда, да и сам не раз обращался к нему за советом, то, пораздумав, велел его пригласить. Лишь только дозволение было получено, везир предстал перед падишахом, приветствовал его как подобает и встал, сложив почтительно руки. Он был изумлен переменой, которую увидел в облике шаха: от бесконечных слез и поста у него под глазами пошла синева, а лицо побледнело. У Хирадманда не хватило сил сдержать себя. Подбежав к своему господину, он припал к стопам его. Тот поднял голову старого слуги и спросил:

— Ну что? Увидел меня, утешился? А теперь иди. Не беспокой меня больше, возьми правление в свои руки.

В ответ на это Хирадманд горько заплакал.

— Вашими милостями и благосклонностью вашей мне всегда открыт путь к высшей власти, — произнес он. — Но ныне, когда защитник мира так внезапно удалился от дел, всю страну охватило волнение, а это добра не сулит. Что за мысль терзает возвышенный ум? Было бы хорошо, если б вы соизволили посвятить в свою тайну меня, выросшего в вашем доме слугу. Я осмелюсь доложить вам все, что придумает ничтожный мой ум. Ведь отличия для того и даруются слугам, чтоб падишах мог пребывать в довольстве и покое, возложив заботы о стране на своих подчиненных. Не дай бог, чтобы тяжкие думы овладели высоким духом, — на что же тогда нужны будут шахские слуги?

— Ты верно говоришь, — отвечал падишах. — Но гнетущую меня мысль невозможно прогнать. Слушай же, Хирадманд! Вся моя жизнь протекла в тяжких заботах о том, как укрепить государство и расширить его. Но теперь наступила такая пора, когда впереди только смерть. Она уже прислала мне своего гонца — седину. Знаешь пословицу: «Проспав всю ночь, ужель и утром не проснешься?» Ведь до сих пор нет у меня сына, утешенья души. Потому-то жестокая печаль и заставила меня от всего отказаться. Пусть кто угодно забирает страну и бо-

гатства. Мне до этого нет дела. Уже не первый день я лелею мечту бросить когда-нибудь все что имею, уйти в леса и горы, чтобы больше ни с кем не встречаться, и так провести свои последние дни. Где понравится, там и останусь, посвятив себя служению богу, которому я поклоняюсь. Может быть, он пошлет мне хороший конец. Я уже насмотрелся на мир — нет мне в том удовольствия. — И тяжело вздохнув, падишах замолчал.

Хирадманд служил везиром еще у его отца. Он любил Азадбахта еще с той поры, когда тот был царевичем. Вдобавок старый везир отличался мудростью и осмотрительностью.

— Никогда не следует терять надежду на милость божию, — сказал он. — Для того, кто одним мановением создал восемнадцать тысяч живых существ, что за труд даровать вам потомка! Пусть владыка мира изгонит из своего сердца мрачные мысли, не то на всей земле воцарится беспорядок. Ведь государство, созданное вами и вашими предками с таким трудом и усилиями, попусту уйдет из ваших рук, и лишенная заботы страна придет в запустение, а не дай бог, еще и обесславится! Тогда в Судный день вам может быть брошен упрек: «Поставив тебя падишахом, мы доверили тебе слуг наших. Ты же разочаровался в нашей милосердии и посеял смущение и тревогу среди своих подданных». Что вы на это ответите? Ведь никакие оправдания тут не помогут, потому что сердце человека — это дом божий, и падишаха спросят только, как он творил правосудие. Простите вашему рабу, что он надоедает вам вопреки приличиям, но покидать свой дом и скитаться в лесах — дело йогов и факиров, а не падишахов. Вам надлежит исполнять свое предначертание. Молиться и служить богу можно не только в горах и лесах. Вы, верно, слышали такое двустишие:

Он бога в лесу не отыщет, вся тщетность попытки знакома
Тому, кто на улице кличет ребенка, уснувшего дома.

Если вы соизволите рассудить справедливо и согласитесь выслушать мнение преданного слуги вашего, то лучше поступить так: пусть прибежище мира, ежечасно и ежеминутно направляя свои помыслы к богу, постоянно ищет его милости — ведь он никого не обходит своей

благосклонностью. Днем управляйте страной и вершите правосудие, чтобы слуги божьи мирно благоденствовали под сенью вашей власти, а ночью творите молитву. И вознеся ее к чистому духу пророка, обратитесь за помощью к безропотно уповающим отшельникам-дервишам. Назначьте ежедневное пропитание сиротам и узникам, многосемейным, неимущим и вдовам. С помощью таких добрых дел и благих решений, даст бог — я в этом твердо уверен, — сбудутся все желания вашей души. Свершится и то, чем заняты ваши думы, и благородное сердце наполнится радостью. Уповайте на милость творца — он вмиг может сделать все что захочет.

В конце концов доводы везира вернули Азадбахту решимость.

— Хорошо! — сказал он. — Все, что ты говоришь, превосходно. Так и попробуем сделать. А там пусть будет воля Аллаха. — И обретя утешение в этом, он спросил у везира, что делают остальные амиры и дабиры и чем они озабочены.

— Все столпы государства, — почтительно отвечивал тот, — молят бога о благополучии владыки мира. Их снедает забота о вас. Если вы позволите им лицезреть благословенную красоту вашу, то все успокоятся. А сейчас они ожидают в общей приемной.

— Да будет воля Аллаха! — повелел тогда падишах. — Завтра устрою общий прием. Скажи всем, чтоб явились.

Обрадованный таким обещанием, Хирадманд воздел обе руки и воскликнул:

— Да не поколеблются трон и венец падишаха, пока существуют небо и земля!

И, довольный, с поклоном вышел и передал счастливую весть амирам. Все, радуясь, разошлись по домам. Город охватило веселье. Народ ликовал оттого, что падишах завтра устроит всеобщий прием.

Наутро собрались должностные лица, низшие и высшие, и сановники, малые и большие. Расположившись по рангу, они ожидали шахского выхода. Когда же день вступил в свои права, поднялись занавеси и на трон взошел падишах. В павильоне над воротами загремели литавры. Все склонились, приветствуя государя, и поднесли ему свои дары, всяк получил награду по заслугам и положению, и на сердце у каждого стало легко и спокойно.

В полдень падишах поднялся, проследовал во внутренние покои и, вкусив от изысканных блюд, удалился отдохнуть в опочивальню. С того дня он так и взял в обычай: по утрам устраивать общий прием, а после полудня обращаться к Корану, читать молитвы и восхваления и, взывая к милости бога, просить об исполнении своего желанья.

Однажды он прочитал, что если человеком овладеют неотвязная тоска и забота, от которой он не в силах найти избавления, то ему следует положиться на волю судьбы. Пусть он обратится лицом к какому-нибудь кладбищу, с молитвою вознесет хвалу пророку и, памятуя о своем ничтожестве, отрешится от мирской суеты. И заплачет тогда он от страха, и увидит могущество бога, и подумает про себя:

«Сколько было на этой земле до меня великих владык, но небеса в своём неумолимом вращении их всех обратили во прах. Есть изречение:

На мельницу глядя, заплакал Кабир,
поникла его голова,
Никто устоять здесь не сможет:
любого сотрут жернова.

Теперь от них не осталось ничего, кроме горсточки праха. И лежат они в одиночестве, покинув все мирское богатство: дом и семью, друзей и слуг, слонов и коней — ничего им больше не нужно. Теперь никто и имени их не помянет. Да и загробные дела неизвестны: просто ли съели их черви, змеи, жуки, муравьи или же участь их оказалась иная?» Взвесив это в душе, он поймет, что мир только игра; представление, и тогда бутон его сердца навсегда сохранит свежесть и никогда не увянет.

Когда падишах прочитал в книге этот совет, вспомнил он слова Хирадманда и увидел, что одно совпадает с другим. Очень захотелось ему попробовать, что же будет. «Но ехать верхом и со свитой, как надлежит падишахам, не стоит, — подумал он. — Лучше переоденусь и ночью пойду один на кладбище или в обитель к какому-нибудь отшельнику и пробуду там до утра. Может быть, с помощью божьих людей мне удастся достигнуть желаемого в этой жизни и получить искупление в будущей». И твердо порешив на том, он оделся однажды ночью в простое старое платье, взял немного денег и, тайно выйдя из крепости, направился в поле. Шел, шел,

пока не добрался до кладбища. С открытым сердцем принялся он читать молитву. Тем временем поднялся сильный ветер. Вдруг вдалеке падишаху померещился огонек, поблескивавший словно утренняя звезда. «Неспроста такой темной ночью да еще в бурю горит этот свет, — подумал Азадбахт. — Нет ли тут какого-нибудь колдовства? Правда, если обложить фитиль селитрой и серой, лампа не потухнет, какой бы ни был ветер. А может быть, она горит потому, что хозяин ее святой человек? Что бы ни было, надо пойти посмотреть. Вдруг от этого огонька в моем доме тоже воссияет светильник, и тем исполнится заветное желание?»

С этой мыслью он двинулся на огонек и, приблизившись, увидел четырех нищих странников-факиров в заброшенных на плечи плащах. Уткнув головы в колени, они безмолвно сидели в глубоком раздумье. Очевидно, ими владело такое же чувство, как путником, который вдали от родной земли и народа, одинокий и обездоленный, охвачен тоской и грустью. Так застыли они в неподвижности, будто изваяния на каменной стене. Перед ними на могильной плите мерцал светильник, язычок пламени спокойно поднимался вверх; казалось, сам небосвод укрывает его от ветра.

Лишь только Азадбахт увидел факиров, им овладела уверенность, что с помощью этих божьих людей его желание обязательно исполнится.

«Благодаря их милости иссохшее дерево твоей надежды зазеленеет и принесет плоды, — сказал он себе. — Подойди к ним, поведай о своих невзгодах и прими участие в их беседе. Может быть, они сжалятся над тобой и вознесут молитву, которая будет услышана тем, кто свободен от всяких желаний».

И он уже готов был выступить вперед.

«Эй, неразумный! — остановил его голос рассудка. — Не спеши! Сперва осмотрись! Знаешь ли ты, кто они, откуда явились сюда и куда направляются? Быть может, это дэвы или злые духи пустыни, приняв человеческий образ, собрались в этом месте. Во всяком случае, незачем торопиться. Лучше сперва спрятаться где-нибудь неподалеку и разузнать, что это за дервиши».

Так Азадбахт и поступил: он тихонько присел поблизости, так что никто не заметил его появления, и обратился в слух, в надежде услышать беседу дервишей.

Вдруг один факир чихнул и воскликнул:

— Хвала Аллаху!

От его голоса встрепенулись и трое других. Сняли нагар — светильник вспыхнул ярче, потом набили трубки и закурили. Тут кто-то из них произнес:

— О друзья по несчастью и товарищи по странствиям! Превратности судьбы заставили нас четверых оставить дом и безутешно скитаться по белу свету. Слава Аллаху, что счастливая звезда и благое стечение обстоятельств свели нас сегодня в этом месте. Что будет завтра, никому не известно: может быть, мы останемся вместе, а может быть, разойдемся в разные стороны. Ночь длинна и тягостна, а ложиться так рано спать — нехорошо. Пусть лучше каждый из нас расскажет другим обо всем, что с ним стряслось в этом мире, памятуя об одном условии — не говорить ни крупицы неправды. Так в беседе скоротаем мы время, а когда ночь будет клониться к утру, тогда и уляжемся.

— О хади! — ответили остальные. — Мы согласны со всем, что вы предлагаете. Начните же сами рассказ о виденном вами, мы же будем внимательно слушать.

Похождения первого дервиша

Первый дервиш сел скрестив ноги и так приступил к истории своих походов.

— О возлюбленные Аллахом! Соболаговолите выслушать, что приключилось со мною, бездомным.

В этой истории смысла немало, слушайте,
Жизнь возносила меня и бросала, слушайте,
Я расскажу вам о бедах и приключениях,
Станут ясны и конец и начало, слушайте.

О друзья! Я, ничтожный, как и мои предки, происхожу из страны Яман. Отца моего звали Ходжа Ахмад, он числился старшиной купцов и сам вел большую торговлю. В те времена ни один ростовщик или купец не мог с ним равняться богатством; во многих городах он открыл свои лавки и назначил приказчиков для продажи

и купли, а в доме его всегда можно было найти много денег наличными и на сотни тысяч рупий товаров из разных стран света. Детей у него было двое: я — факир, который сидит перед вами, одетый в кафни и с волосяным ожерельем на шее, и моя сестрица, которую еще при своей жизни родитель отдал за сына купца из соседнего города; она жила в семье мужа. Известно, когда в доме такое богатство и всего лишь один ребенок, есть ли предел заботам и ласке? Я воспитывался под родительским кровом, окруженный любовью, а когда подрос, начал учиться читать и писать, ездить верхом, владеть оружием да еще вести торговые дела и отчеты. Четырнадцать лет моей жизни протекли в беспечности и полном довольстве — никакие мирские заботы не отягощали мою душу. Вдруг в один и тот же год родители мои по воле Аллаха скончались.

Меня охватила такая тоска, что описать невозможно, — ведь я осиротел так внезапно, и никого из старших надо мной не осталось. В горе плакал я день и ночь, не мог ни есть, ни пить. Кое-как прошли сорок дней траура. Тогда собрались все родные и знакомые от мала до велика, прочитали молитву, повязали мне отцовскую чалму и принялись утешать.

— У всех на земле умирают родители, — говорили они, — настанет день, когда придется умереть и тебе самому. Возьми себя в руки, крепись. Смотри за домом — теперь ты хозяин вместо отца. Займись делами и торговлей.

Успокоив меня, они разошлись. Следом за ними явились приказчики, управляющие и разные слуги; они поднесли мне подарки и попросили:

— Извольте взглянуть своим благословенным оком на кладовые денег и склады товаров.

Лишь только взгляд мой коснулся этих несметных богатств, я словно прозрел. Первым делом велел я украсить приемную залу. Разостлали ковры, развесили роскошные занавеси. Были подобраны лучшие, самые красивые слуги, одетые по моему приказанию в богатое платье. Сам я воссел на маснад, опершись на подушку. Пустые люди — бездельники, прихлебатели, любители поесть и выпить за чужой счет, лжецы и льстецы — мигом окружили меня, напрашиваясь в друзья и приятели. Стал я проводить с ними дни и ночи; болтали о всякой всячине, молили вздор и чепуху, и постоянно я слышал

от них: «Пользуйтесь драгоценной юностью. Велите подать ароматных напитков, призовите прекраснейших женщин, пейте с ними и наслаждайтесь».

Да! Нет хуже врага человеку, чем сам человек. От таких бесед и я с пути сбился. Вино, танцы и азартные игры вошли у меня в обычай. Настал, наконец, и тот час, когда, позабыв о торговле, я проводил все свое время в удовольствиях и развлечениях. Видя мою небрежность в делах, служащие, да и приятели пошли тащить все что под руку попадет. Грабили не таясь: никто уже не интересовался, сколько расходуется денег, откуда они появляются и куда исчезают. Ведь то, что достается без труда, тратится без жалости. Такой расточительности не выдержала бы даже сокровищница Каруна. Прошло несколько лет, и я вдруг увидел, что у меня не осталось ничего, кроме шапки и повязки на бедрах. Друзья-приятели, которые с такой охотой ели мой хлеб и в речах своих проливали за меня потоки крови, теперь уж не появлялись в моем доме; больше того, если мне случалось встретиться с ними на улице, они отворачивались, делая вид, что не замечают меня. Покинула меня и вся многочисленная прислуга, так что некому было спросить: «Что это с тобой приключилось?» Только горе и скорбь остались моими друзьями.

В доме не было у меня и горстки зерна. Немало времени провел я в жестокой нужде и дошел до того, что муки голода стали невыносимы. И вот однажды, спрятав лицо под покровом бесстыдства, я решил отправиться к своей сестре. Терзало меня, что со времени смерти отца я не только ни разу не проведал ее, но и не написал ни строки. В угаре своего безрассудства я не ответил даже на ее несколько писем, проникнутых состраданием и любовью. Хоть и стыдно мне было теперь взывать к ней, но другого прибежища себе я не видел. Кое-как, пешком, с пустыми руками, спотыкаясь на каждом шагу, я с тысячью трудностей преодолел те несколько дневных переходов, что отделяли меня от сестры, и добрался до ее дома. Увидев мое состояние, дочь моей матери приняла на себя все мои беды и, обняв меня, разрыдалась. Чтобы отметить мой благополучный приход, она велела наделить нищих маслом, чечевицей и мелкой монетой, потом обратилась ко мне:

— Брат! Встреча с тобой меня очень обрадовала, но что за вид у тебя?

Что я мог ей ответить? Молча стоял я, с глазами полными слез.

Сестра отправила меня в баню, а тем временем велела шить мне новое платье, которое я и надел после купанья, отмывшись дочиста. Для жилья она отвела мне хорошо убранную комнату неподалеку от своей и стала ухаживать за мной, не жалея сил. Сама кормила и поила меня: по утрам давала шербет со сладостями; потом халву, миндаль и фисташки на завтрак; после полудня — разные фрукты, свежие и сушеные; а два раза в день — к обеду и к ужину — на диво вкусный плов, хлеб, кебаб и жаркое. Когда после всех огорчений я нашел такой безмятежный покой, мне оставалось только тысячи раз возносить благодарности богу. Несколько месяцев пребывал я в полном бездельи, ни шагу не ступив из своего убежища.

Но однажды сестра, лелеявшая меня словно мать, обратилась ко мне с такой речью:

— О брат! Ты свет моих очей и живая плоть наших покойных родителей. Твой приход утешил мое сердце. Душа радуется, лицезрея тебя. Ты принес мне весну. Но господь сотворил мужчин для того, чтобы они сами зарабатывали свой хлеб, — им не следует век сидеть дома. Того, кто прячется в своих покоях и тратит попусту время, люди поносят и презирают. Вот и наши соседи от мала до велика, хоть и без основания, а все же станут судачить о том, что ты здесь живешь. «Он проел и растратил огромные богатства отца, — скажут они, — а теперь пришел на хлеба к зятю». Ведь это бесчестье! Нас с тобой засмеют и покроют позором имя наших родителей, не то я обула бы тебя в туфли из собственной кожи и век бы носила тебя в своем сердце. Но теперь мой тебе совет: уезжай отсюда. Даст бог, времена изменятся, и на смену нынешним тревогам и бедности к тебе придут довольство и счастье.

Эти речи пробудили во мне гордость.

— Хорошо! — сказал я. — Ты мне теперь вместо матери. Что ты велишь, то я и сделаю.

Заручившись моим согласием, она вошла в дом и вернулась со служанками, которые несли пятьдесят кошельков золота.

— Караван наших купцов уходит в Димашк, — сказала она. — Купи на эти деньги разных товаров, отправь их с караваном, а заботу о них возложи на достойного до-

верия человека, да не забудь взять расписку. Сам тоже поезжай в Димашк. Когда благополучно придешь туда, приглядывай за своими товарами и доходами с них или сам займись их продажей.

Я взял деньги и пошел на базар. Накупил всего, что только можно пустить в торговлю, и препоручил эти товары богатому купцу, а сердце свое успокоил распиской. Купец погрузился на корабль и отправился морем, я же готовился ехать сухим путем. Когда подошел час разлуки, сестра одела меня в богатые одежды, подарила коня в усыпанной драгоценными камнями сбруе и велела подвязать к седлу бурдюк с водой и сундучок, полный сладостей и печений. На руку мне она повесила рупию, посвященную имаму-хранителю, чтобы в пути оберегала от бед; кислым молоком нанесла на лоб тiku и, глотая слезы, сказала:

— Отправляйся! Препоручаю тебя богу. Сегодня ты показываешь нам спину, так возвращайся скорей, обратив к нам лицо.

Я прочитал молитву и произнес:

— Да будет и тебе защитником Аллах! Я исполнил, что ты пожелала.

Выйдя со двора, я сел на коня и, уповая на заступничество божье, поскакал, покрывая в день по два перехода. Вскоре добрался я до Димашка. Но когда подъехал к городским воротам, была глубокая ночь. Привратники и стража уже заперли вход. Я умолял впустить меня, говоря, что я путник, прискакал издалека и надеюсь найти в городе еду, ночлег и корм для коня.

— В такое время отпирать ворота не велено, — грубо закричали в ответ стражники. — Зачем приехал так поздно!

Получив решительный отказ, я сошел с коня, разостлал попону и уселся под городской стеной. Чтоб не уснуть, я то и дело принимался ходить взад и вперед. Когда же до конца ночи осталось столько же, сколько прошло, я ненадолго забылся. Вдруг вижу, с крепостной стены медленно спускается ящик. Я изумился: «Что за чудо! Быть может, господь снизошел к моим бедствиям и страданиям и жалуется на меня из своей небесной сокровищницы?» Ящик тем временем опустился на землю. Я с опаской подошел к нему. Смотрю: это простой деревянный сундук. С жадностью отворил я его — и что же вижу! Несравненной красоты женщина, один вид кото-

рой заставляет ум помутиться, лежит в крови, вся израненная. Тело ее трепещет, глаза закрыты, но губы еле заметно шевелятся, и с них слетает тихий шепот:

— Ах, злосчастный изменник! Ах, жестокий притеснитель! Так-то ты отплатил за мою доброту и любовь? Что ж, ударь еще! И пусть рассудит нас бог!

С этими словами она, все так же не приходя в себя, спрятала лицо под край покрывала, а на меня даже и не взглянула.

Я же, увидев ее и услышав подобные речи, остолбенел. «Какой бессовестный тиран изранил это чудное создание? — подумал я. — Что взбрело ему в голову и как поднялась на нее его рука? Она ведь до сих пор сохранила в сердце любовь, раз даже в предсмертном бреду вспоминает о нем». Так рассуждал я сам с собой, и голос мой коснулся ее слуха. Отодвинув слегка покрывало, она посмотрела на меня. Лишь только мои глаза встретили ее взор, голова у меня закружилась и чувства пришли в смятение. С трудом я взял себя в руки и, набравшись отваги, спросил:

— Скажите всю правду: кто вы и что с вами случилось? Если я это узнаю, сердце мое успокоится.

— Спасибо, — ответила она чуть слышно, говорить ей едва хватало сил. — Сами видите, как я изранена. Что я могу рассказать! Я здесь минутная гостья. А когда дыхание покинет меня, ради бога, будьте так благородны, похороните меня, несчастную, где угодно, прямо в этом же сундуке. Тогда я смогу избежать пересудов и добрых и злых людей, а вас бог наградит. — И она замолчала.

Ночью я ничего не мог предпринять. Я только перенес сундук к своей стоянке и принялся считать часы до рассвета: когда же, наконец, пройдет эта ночь, зардеет заря и я смогу войти в город, чтоб, не жалея сил, разыскать все, чем только можно ей помочь. Остаток ночи тянулся так долго, что сердце у меня совсем истомилось. Не раз я взывал к богу, прежде чем дождался наступления утра. Но вот пропел петух и послышались людские голоса. Тогда, совершив утренний намаз и взвалив сундук на седло, я, лишь только открылись ворота, вошел в город. У всех встречных и лавочников я спрашивал, где сдаются внаймы помещения. После долгих поисков мне удалось, наконец, найти дом, красивый, новый, удобный, и я решил в нем остановиться. Прежде всего я вынул красавицу из сундука и уложил ее на мягкую постель.

Потом оставил при ней надежного человека, а сам вышел на поиски лекаря.

— Кто в этом городе искусный врачеватель и где его можно найти? — спрашивал я каждого встречного.

— Есть один цирюльник, сведущий во врачевании ран, он очень искусен в этих делах, — ответил мне кто-то. — Принесите к нему покойника, так он, по божьей воле, найдет такие средства, что и к тому вернется душа. Живет он в этом квартале, и зовут его Иса.

Вне себя от такой радостной вести, я бросился, куда было указано, и скоро достиг дома этого человека. У дверей я увидел седобородого старца; вокруг него несколько человек растирали какие-то мази. Стараясь расположить его лестью, я очень почтительно обратился к нему:

— Я пришел, потому что узнал ваше имя и прослышал о ваших достоинствах. Дело вот в чем: я покинул родину, чтобы заняться торговлей, и взял с собой жену, которую страстно люблю. Когда мы уже приблизились к вашему городу, сгустились сумерки. Ехать ночью по незнакомой стране я не решился, пришлось расположиться в поле под деревом. Под утро налетели разбойники и отняли все наше имущество. Срывая с моей жены драгоценности, они ее ранили, а я ничего не в силах был сделать. Кое-как протянул я остаток ночи; с рассветом вошел в город, снял себе дом и, уложив жену в постель, прибежал к вам. Господь наделил вас несравненным умением. Смилуйтесь над путником, пожалуйста в мой нищий дом и осмотрите ее. Если вы сохраните ей жизнь, то возвеличится ваша слава, а я на всю жизнь останусь вашим рабом..

Цирюльник Иса был человеком сострадательным и благочестивым. Он сжалился над моею бедой и вместе со мной отправился ко мне в дом. Едва лишь взглянув на раны женщины, он сразу же утешил меня.

— По милости божьей, — сказал он, — раны этой госпожи затянутся раньше, чем пройдет сорок дней, а тогда я прикажу совершить исцелительное омовение.

И вот этот божий человек очистил все ее раны и промыл их соком дерева ним. Потом он зашил те, какие нашел возможным, а на другие, вынув из своей сумки шкатулку с лекарствами, наложил либо компрессы, либо сухие повязки.

— Я буду приходить два раза в день, — сказал он с редкостной добротой. — Ты же следи внимательно, чтобы она не делала резких движений, от которых могут повредиться швы. Для поддержания сил корми ее куриным отваром и давай почаще напитков из сока бедмушка с розовой водою.

С этими словами он распрощался. Рассыпаясь в благодарностях и сложив почтительно руки, я пожелал ему благополучия и отпустил, одарив духами и бетелем.

День и ночь проводил я в заботах о своей пери и даже отдыхать себе запретил. Каждый день я молил бога, чтобы она выздоровела. К счастью, вскоре прибыл купец, который привез мне мое имущество. Я продал все товары за первую цену, какую за них предложили, и принялся тратить деньги на лекарства. Врачеватель постоянно навещал нас, и вскоре раны красавицы закрылись и стали заживать. Через несколько дней было совершено омовение, как полагается при выздоровлении. Меня охватила безмерная радость: цирюльника Ису я наградил халатом и золотом, а прекрасную пери усадил на маснад, велел разостлать великолепный ковер. Богатая милостыня была роздана нищим — в тот день я чувствовал себя так, словно стал властелином семи стран света. Поправившись, красавица так расцвела, что лицо ее засияло как солнце, озаряясь блеском чистого золота. Глазам нестерпимо было глядеть на ее красоту. Я служил ей беспрекословно и выполнял все, что она требовала. Гордая своей красотой и опьяненная властью, она, если и обращала иногда свой взгляд на меня, то лишь для того, чтобы сказать:

— Смотри! Если тебе дорого наше расположение, никогда не вмешивайся в наши дела. Все, что мы скажем, должно исполняться без оговорок. И не суйся не в свое дело, не то пожалеешь.

По обращению ее было видно, что моя преданность и покорность несомненно нравятся ей. Я ничего не делал сам без ее согласия и всем ее приказаниям подчинялся с полной готовностью. Некоторое время все шло хорошо и спокойно. Чего бы ей ни хотелось, я тотчас же доставал. Но вот настал день, когда все товары, какие у меня были, весь капитал и вся прибыль — все разошлось. Кто поверит мне в долг в этой незнакомой стране? Я не мог теперь купить самого необходимого. Сердцем моим овладела забота; от тягостных мыслей я начал худеть,

а лицо мое потемнело. Все думал, к кому обратиться, но понапрасну — бедняк ведь сам несет свое горе.

И вот однажды прекрасная пери со свойственной ей проницательностью угадала мое состояние и обратилась ко мне:

— Эй, как тебя! Твоя верная служба неизгладимо запечатлелась у меня в душе, но вознаградить тебя за нее я сейчас не могу. Если же тебя одолевают заботы о повседневных расходах, выбрось их из своего сердца. Поддай мне листок бумаги, чернильницу и калам.

Я тут же смекнул, что это, наверно, шахская дочь из какого-нибудь государства, раз она ведет столь возвышенные речи, и мигом принес ей принадлежности для письма. Красавица написала письмо и вручила его мне.

— Поблизости от крепости, — сказала она, — есть ворота с тремя арками. Там в переулке стоит огромный дом. Хозяина дома зовут Сиди Бахар. Пойди и доставь ему эту записку.

Исполняя ее повеление, я по указанным признакам добрался до места и послал привратника доложить о письме. Тотчас же вышел ко мне молодой привлекательный эфиоп с изящным тюрбаном на голове. Лицо его хоть и было темным, но так и светилось умом. Он принял из моих рук письмо и, ничего не сказав, ничего не спросив, удалился внутрь дома. В скором времени он вернулся с одиннадцатью невольниками. Каждый из них нес на голове поднос с запечатанным парчовым кошельком.

— Следуйте за этим молодым человеком, — велел он, указав на меня, — и доставьте ему свою ношу.

Поклонившись, я двинулся обратно и привел их к своему дому. Невольников я отпустил у дверей, а подносы взял и поставил перед своей пери. Взглянув на них, она сказала:

— Здесь одиннадцать кошельков с золотом. Возьми это золото и употреби на расходы. Господь — наш кормилец.

Получив деньги, я принялся тратить их на все, что было нужно; но хотя и избавился от прежних забот, в душе моей зародилось сомнение. «Боже мой! — думал я. — Что это такое? По одному лишь клочку бумаги незнакомый человек иноземного вида, не спросив ни о чем, отдал мне такое богатство! Если бы разузнать об этом таинственном деле у моей пери! Так нет! Она ведь зара-

нее запретила мне любопытствовать». Страшась ее гнева, я и слова молвить не смел.

Через неделю возлюбленная обратилась ко мне:

— Всевышний даровал людям одеяние из высоких человеческих свойств, которое не пачкается и не рвется. Но хотя старое платье и не меняет существа человека, в глазах творений Аллаха оно не внушает почтения. Возьми два кошелька золота, походи в лавку купца Юсуфа, что находится посредине базара, и купи на эти деньги драгоценных украшений и два самых роскошных халата.

Я сразу же сел на коня и поехал к той лавке. Гляжу — сидит в ней на подушке прекраснейший юноша в шафранных одеждах, и сила его красоты такова, что целая толпа запрудила базар, чтобы полюбоваться им. Я приблизился к нему, объятый восторгом, и произнес: «Мир вам», — потом сел и спросил о вещах, что мне были нужны. Говор мой отличался от речи жителей города, и хозяин лавки это заметил:

— Все, что господину угодно, у нас имеется, — радушно отвечал он. — Соизвольте только сказать, из какой страны вы приехали и что заставляет вас жить в чужом городе? Поведайте нам о себе, будьте так благосклонны.

Мне совсем не хотелось открывать ему истину. Придумав какую-то отговорку, я забрал платье и драгоценности, расплатился за них и стал прощаться. Молодой купец помрачнел.

— Эх, господин! Если вы стремитесь уклониться от знакомства со мной, — сказал он, — то зачем же приветствовали меня так дружески? У добрых людей сердечный привет ценится высоко.

Это было сказано так деликатно и с таким чувством меры, что поневоле слова его тронули меня. После такого упрека просто встать и уйти было бы бесчеловечно. Чтобы доставить ему удовольствие, я снова сел и сказал:

— Я покоряюсь вам душою и сердцем и готов служить вам.

Это его очень обрадовало.

— Если вы сегодня почтите своим присутствием мой жалкий дом, — сказал он просияв, — то, составив благодаря вам веселое общество, мы потешим душу час или два и посидим вместе за едой и питьем.

Я еще ни разу не оставлял свою перь одну и, вспоминая сейчас об ее одиночестве, стал подыскивать разные

извинения, но молодой купец и слушать ничего не хотел. Только взяв с меня обещание, что я вернусь тотчас, как отнесу ей покупки, и заставив в этом поклясться, он решил мне уйти. Выйдя из лавки, я доставил драгоценности и халаты своей госпоже.

Она спросила, сколько я за них заплатил и каков был сам ювелир. Я рассказал ей, во что обошлась мне покупка и как хозяин настойчиво звал меня в гости.

— Человек должен твердо держать свое слово, — сказала она. — Оставь меня под защитой бога и исполни что обещал. Сам посланник Аллаха заповедал нам принимать приглашение на пир.

— Сердце мое не велит мне оставлять вас одну, — ответил я. — Но раз таково ваше желание, я пойду против своей воли, и, пока не вернусь, душа моя не увидит покоя.

С такими словами я отправился обратно в лавку ювелира. Он уже ждал меня, сидя на пороге.

— Входите, любезный, — сказал он, увидев меня, — вы долго заставили себя ждать. — И тотчас же поднявшись, он взял меня за руки и повел за собою.

Он привел меня в сад дивной красоты: в бассейнах и вдоль каналов били фонтаны, деревья сгибались под бременем зреющих плодов, разноцветные птички оглашали все вокруг своим щебетаньем, а великолепные залы стоящего среди сада дома были устланы роскошными коврами. Усадив меня в беседке на берегу канала, он на мгновение исчез и появился снова уже в другой, подобающей случаю одежде.

— Великий боже! Прочь дурной глаз! — вскричал я, увидав его в таком виде.

— Хорошо бы, если б и господин сменил свое платье, — ответил он улыбаясь.

Уступая его желанию, я тоже переоделся.

Мой хозяин приготовил роскошнейший пир — не было ничего, что могло бы служить наслаждению. Он тепло принял меня и повел приятную беседу. Между тем явился виночерпий с кувшином и хрустальной чашей, принесли разные фрукты и сладости, и вино полилось. Когда настал черед третьей или четвертой чаши, вошли четверо прекрасных, ни разу не бривших еще бороды юношей с распущенными кудрями и принялись петь и играть. В музыке их было столько чувства и мастерства, что появившись в тот час сам Тан Сен, он забыл бы

свои мелодии, а Байджу Бавра сошел бы с ума от их искусства.

Вдруг посреди развлечений грусть овладела хозяином дома.

— Ведь мы с вами уже подружились, — обратился он ко мне, роняя невольные слезы, — а скрывать от друзей сердечную тайну не принято ни в какой вере. Поэтому я без церемоний обращаюсь к вам с просьбой: если вы ничего не имеете против, я позову сюда мою возлюбленную и утешу тем свое сердце. Без нее душа не знает покоя.

Его слова дышали такой страстью, что, еще не видев возлюбленной ювелира, я уже проникся к ней чувством.

— Ваше счастье — мое желание, — отвечал я. — Что может быть лучше?! Не медлите! Поистине, без любимой не мило ничто.

Юноша обернулся к ширмам и подал знак, и тотчас же вышла и села с ним рядом женщина, черная и безобразная, словно ведьма. От одного ее вида можно было умереть раньше времени. Глядя на нее, я в страхе подумал: «Этакое чудовище — возлюбленная такого красивого юноши. И он еще говорит о ней с восторгом и страстью!» Тихо прочел я заклинание и ничего не сказал.

Три дня наслаждались мы вместе вином, песнями и прочими радостями; на четвертую ночь опьянение и усталость победили нас. Не помню как, я заснул мертвым сном. Наутро хозяин разбудил меня и, дав несколько чашек отрезвляющего напитка, взял за руки и помог мне подняться. Тут я попросил отпустить меня. Довольный моим посещением, он не возражал.

— Нехорошо больше утруждать гостя, — сказал он своей подруге.

Тогда я быстро надел свои старые одежды и, вернувшись домой, предстал перед пери. До сих пор ни разу еще не случилось, чтобы я провел где-нибудь целую ночь, оставив ее в одиночестве. Смущенный своим трехдневным отсутствием, я просил у нее извинения и в оправдание рассказал все о пиршестве и о том, что хозяин не хотел отпустить меня раньше.

Она хорошо знала обычаи света.

— Что за беда, если пришлось задержаться для друга, — сказала она улыбаясь. — Я уже тебя простила. В чем ты виноват? Когда человек приходит в чей-нибудь дом,

то только по воле хозяина он может покинуть его. Но я хочу сказать о другом: ты ел,пил и развлекался в гостях; что же, на этом и успокоишься или отблагодаришь его тем же? Надо, чтобы ты пошел и привел этого молодого купца к себе в гости и задал бы ему пир вдвое роскошнее. А об устройстве не беспокойся, с божьей милостью все что нужно вмиг будет готово и празднество обретет должный блеск.

Я послушался и пошел к ювелиру.

— Ваше желание я выполнил беспрекословно, — сказал я ему, — теперь и вы, следуя пути благосклонности, примите мою покорную просьбу.

— Я ваш душою и сердцем, — отвечивал он.

— Если вы пожелаете в дом вашего покорного слуги, — продолжал я тогда, — вы окажете мне величайшую милость.

Молодой человек долго отнекивался и извинялся, но я не отставал, пока не добился согласия. Тут же я повел его к себе, а по дороге все размышлял, как бы устроить ему такой прием, чтобы он был доволен. «Вот веду я его с собой, — думал я, — а что из этого выйдет?»

С такими тревожными мыслями я приблизился к дому. И что же вижу! Какое великолепие! Улица подметена и полита водою, расставлены стражники и булавоносцы. Я изумился: туда ли я попал? — но, признав свой дом, решился войти. Гляжу: по всем комнатам разостланы великолепные ковры, каждый на подобающем месте; разложены маснады и расставлены в строгом порядке шкатулки с бетелем, кувшины с розовой водою, коробочки с благовониями, плевательницы, букеты цветов и вазы с нарциссами. В нишах лежат всяких сортов апельсины и сласти. Тут за ширмами из разноцветной слюды пылают светильники, там — сияют свечи в шандалах, формой подобных кипарисам и лотосам, а по всей зале и галереям расставлены ароматные камфарные свечи в подсвечниках из чистого золота и развешаны усыпаные самоцветами фонари. Люди стоят наготове, каждый там, где велит его должность. В кухне звенят посудой; на серебряных подносах расставлены завязанные кисеей кувшины и накрытые колпаками сосуды с теплой водою, на низком столике — блюдо под крышкой, и в нем ковши и чаши; большие кувшины стоят во льду, и длинногорлые бутылки покачиваются, охлаждаясь в растворе селитры. Можно сказать, все готово для цар-

ского пира. Собрались танцовщицы, шуты, мальчишки-танцоры, музыканты, певцы — все в красивых одеждах; они пробуют струны своих инструментов.

Я ввел гостя и усадил его на маснад, а сам не мог опомниться от удивления: «О Аллах! Как можно было обставить так дом за столь короткое время?» Оглядываясь по сторонам, я не видел нигде и следа своей пери. Пошел искать ее и добрался до кухни. Смотрю: сидит там моя красавица в шальварах и курти, на голову наброшен белый платок — одета просто, безо всяких украшений.

Зачем драгоценности той, которой дана красота,
Взгляни, как прекрасна луна, хотя на ней нет украшений.

Она вся ушла в заботы об угощении и сама пробует каждое блюдо, следя, чтоб в меру было в них нужных приправ и отличались они изысканным вкусом и ароматом. От этих трудов ее тело, подобное розе, оросилось каплями пота.

Подойдя, я склонился перед ней и принялся славословить, вознося ее ум и способности. В ответ на мои льстивые речи она нахмурила брови.

— Человек может многое из того, что не под силу ангелам. Что такого я сделала, чем ты столь изумлен? Ты и без того наговорил много слов, которые мне неприятны. Скажи лучше, разве учтиво бросить гостя одного, а самому ходить неизвестно где? Что он может подумать? Сейчас же иди, займи свое место и усладжай гостя, да позови еще его возлюбленную и усади ее рядом с ним.

Я тотчас же пошел к юноше и окружил его радужным вниманием. Между тем перед нами предстали два раба редкостной красоты. Они принесли кувшин и осыпанные жемчугом чаши и принялись наливать нам вино.

— Я во всем ваш верный слуга, — обратился я тогда к гостю. — Хорошо бы, чтоб владычица красоты, к которой проникнуто склонностью сердце моего господина, тоже пожаловала сюда. Это было бы великолепно. Если вы соизволите приказать, я тотчас же пошлю за ней человека.

— Превосходно! — вскричал он с радостью, лишь только услышал это. — Вы высказали сейчас как раз то, что лежало у меня на душе.

Я отправил за ней одного из своих слуг, и вскоре после полуночи, словно нежданное бедствие, эта ведьма явилась к нам в роскошных носилках. Ради своего гостя мне поневоле пришлось оказать ей любезную встречу. Приветливо, как только мог, я ввел ее и усадил рядом с ним. При виде ее мой гость так обрадовался, словно обрел все блага мира, а сама дьяволица повисла на шее прекрасного юноши — поистине выглядело это подобно тому, как на сияющий лик полной луны находит темная туча. Приглашенные разделить наше общество замерли в изумлении. «Что за беда свалилась на этого юношу?» — думал каждый из них. Все взоры обратились туда; забыв о праздничных зрелищах, гости не сводили с них глаз.

— Друзья! — сказал один из гостей. — Сердце и рассудок непримиримы: что откажется понять ум, то покажет вам сердце — этот безбожник. Взгляните на Лейли глазами Маджнуна.

— Поистине, так оно и есть, — хором ответили все.

Я неотлучно был при гостях, как приказала мне моя пери. Хотя юноша настоятельно приглашал меня разделить с ним чашу и трапезу, но, боясь прогневить свою пери, я не мог расположить себя ни к еде, ни к питью, ни к развлечениям и отказывался ото всего; говоря, что занят с гостями. Так прошло трое суток; на четвертую ночь он позвал меня и с жаром принялся говорить:

— Теперь нам пора уходить. Забросив ради вас все дела, мы были вашими гостями целых три дня. Хоть напоследок присядьте с нами и порадуйте наше сердце.

«Если я и теперь его не послушаюсь, — подумал я, — то он обидится, а ведь к новому другу, когда он твой гость, надо быть особенно внимательным». И тогда я сказал:

— Я должен исполнить просьбу господина, ибо учтивость превыше всего.

Лишь только юноша услышал мой ответ, он подал мне чашу, и я опорожнил ее одним духом. А потом слуги только успевали наполнять кубки один за другим, пока все участники пира не опьянели до того, что лишились чувств, и я сам не свалился без памяти.

Когда наступило утро и солнце поднялось ввысь на два копья, я открыл глаза, но не увидел ни прежнего убранства, ни сотрапезников, ни своей пери — осталась только пустая зала. Лишь в одном углу лежало что-то

под покрывалом. Приподняв его, я увидел два обезглавленных тела — моего молодого гостя и его возлюбленную. Это зрелище ошеломило меня. Я не мог понять, что же произошло здесь за время, пока я спал. В изумлении я озирался по сторонам. Тут я заметил того евнуха, который хлопотал над приготовлениями к пиру. При виде его я немного воспрял духом и стал расспрашивать, как все это случилось.

— Какой вам прок знать это? — ответил он мне. Хорошенько подумав, я решил, что он прав.

— Ладно, не надо, — произнес я после некоторого колебания. — Скажи только, где сейчас госпожа?

— Извольте, что знаю, то расскажу, — отвечал он тогда. — Но как понимать, что вы при своей рассудительности позволили себе без согласия госпожи так бездумно предаться разнузданному пьянству со случайным знакомцем?

Я был удручен своим проступком и назиданием евнуха.

— Теперь дела уже не поправишь, — было единственное, что я нашелся сказать.

Наконец евнух сжалился надо мной и сказал, где искать мою пери. Озабоченный тем, как похоронить тела обоих убитых, он ушел, а я, сняв с себя подозрение в этом злодействе, страстно мечтал лишь об одном: как найти свою пери. Спотыкаясь и падая, бродил я по городу и только к вечеру добрался до улицы, о которой рассказывал евнух. Дожидаясь утра, я всю ночь провел в беспокойстве у дверей ее дома. Но ничьих шагов не было слышно за ними, и никто не вышел спросить, что со мною. Так одного-одинешенька меня застало утро. Когда взошло солнце, в окне верхнего этажа показалась моя луноликая и посмотрела на меня. О радости, охватившей меня в это время, знает одно только сердце.

Через некоторое время ко мне вышел евнух.

— Идите вон в ту мечеть и ждите, — сказал он. — Может быть, желание ваше исполнится и вы получите то, к чему стремится ваше сердце.

Вняв его совету, я отправился в мечеть. Но сидя там, я не мог отвести глаз от двери — хотелось скорее увидеть, что покажется из-за покрова таинственного. Весь день я провел в таком же нетерпении, с каким тот, кто постится, с самого утра ждет наступления сумерек. Нако-

нец приблизился вечер, и словно тяжелая гора свалилась с моего сердца. Вдруг в мечеть вошел тот самый евнух, который рассказал мне, как найти дом моей пери. Окончив вечерний намаз, этот добрый человек, поверенный всех ее тайн, обратился ко мне со словами утешенья и, взяв меня за руку, повел за собой. Он привел меня в небольшой садик и, усадив там, сказал:

— Оставайтесь здесь, пока не сбудется ваше желание, — а сам ушел, наверно чтобы рассказать обо мне госпоже.

Я вдыхал свежесть цветов этого сада, следил за блестящим лунным светом, любовался фонтанами в водоемах — их струи, казалось, танцевали в серебристых лучах; но когда я глядел на цветы, то думал о той, чье тело прекраснее розы; когда взор мой поднимался к луне, я вспоминал лицо луноликой; и без нее все это великолепие язвило меня словно шип.

Но вот всевышний смягчил ее сердце, и она вышла из дверей, словно луна в полнолуние. На плечах ее было платье с парчовой каймой, обшитое жемчугом; на голове — покрывало, конец которого спускался волной до самых браслетов на щиколотках; вся с головы до пят она сверкала драгоценными камнями. Красавица прошла по аллее и остановилась. Ее появление наполнило сад новой свежестью, легче стало и у меня на душе. Прогулявшись немного по саду, она поднялась на балкон и села на возвышении, где лежал парчовый маснад и подушки. Я подбежал к ней, влекомый той же силой, что заставляет мотылька кружиться около свечи, и покорно, как слуга, встал, сложив руки. Тем временем евнух, мой заступник, доложил обо мне.

— Я низкий раб, грешный и преступный, — сказал я, обращаясь к ней. — Пусть будет мне назначено любое наказание, какое только я заслужил.

Пери была очень недовольна мной.

— Теперь тебе лучше всего, — сказала она с неприязнью, — получить сто кошельков золота, собрать все свои вещи и отправиться обратно на родину.

При таких словах я словно одеревенел и засох. Рассеки кто-нибудь в этот миг мое тело, не пролилось бы, наверно, ни капли крови. В глазах у меня потемнело, вздох отчаянья невольно вырвался из самого сердца, с ресниц упали тяжелые слезы. В тот миг не на кого было мне уповать, кроме бога.

— Однако ж, — сказал я, совсем отчаявшись, — хоть немного рассудите в сердце своем: будь у меня, злополучного, хотя капля алчности к мирским богатствам, разве стал бы я губить ради вас свою жизнь и имущество? Неужели преданность и самоотверженность больше не ценятся в мире, раз вы с таким бессердечием отнеслись ко мне, злосчастному? Что ж, теперь мне и жизнь ни к чему — измена возлюбленной лишает несчастного влюбленного охоты продолжать его жалкое существование.

— Скажите пожалуйста! — нахмурив брови, насмешливо и гневно отозвалась она. — Вы влюблены в нас?! И лягушку прохватила простуда? Глупец! Из крохотных уст да великие речи! Можно подумать, что тебе все дозволено! Хватит, молчи! Прекрати этот бесцельный разговор! Будь на твоём месте кто-нибудь другой, клянусь творцом, коршуны уже давно по кускам растащили бы его тело. Но что мне делать с тобой? Я ведь не забыла твоих услуг. Однако теперь тебе лучше всего отправиться своим путем; ты уже получил от нас все, что уготовила тебе здесь судьба.

И все же я со слезами и плачем сказал:

— Если мне написано на роду не достигнуть цели, которая влечет мое сердце, и, рискуя лишиться жизни, блуждать по горам и лесам, то я перед этим бессилён.

— Мне претят эти мерзкие домогательства и намеки, — отвечала она, ещё сильнее разгневанная моими словами. — Обращай их к тем, кому они больше подходят.

Затем, всё так же сердито, она поднялась и удалилась в свою благословенную обитель. Я ещё ниже опустил голову, но она не обратила на это внимания. Поневоле и я покинул сад, охваченный тоской и отчаяньем.

Сорок дней прошло в тяжких страданиях. Когда я уставал скитаться по городу, то отправлялся бродить в леса; когда же становилось невмоготу и там, снова, словно безумный, слонялся по улицам. Я не ел целыми днями и не спал по ночам, как собака прачки, которой нет места ни дома, ни на берегу. Но жизнь поддерживается пищей, человек — хлебный червь, и тело мое без еды вскоре вовсе лишилось сил. Совсем больной свалился я под стеной той самой мечети, где когда-то ждал свою пери. И вот однажды пришел на пятничную молитву знакомый мне евнух. Он прошел мимо, чуть не задев

меня, а я еле слышным от слабости голосом читал такое двустипшие:

Любовью ранен я; не знаю,
жизнь или смерть мне суждена.
С судьбою спорить безрассудно,
но пусть торопится она.

Хотя вид мой изменился безмерно и лицо так осунулось, что никто из видевших меня раньше теперь ни за что не узнал бы, все же евнух, услышав голос боли, остановился. Внимательно взглядевшись, он горестно вскрикнул и сочувственно обратился ко мне, расспрашивая, как я дошел до такого состояния.

— Того, что свершилось, теперь уже не исправишь, — сказал я ему. — Я пожертвовал ей всем, что у меня было, жизни своей не жалел; но раз такова ее воля, что же мне еще делать?

Выслушав это, он оставил со мной одного из своих слуг, а сам удалился в мечеть. Когда, окончив намаз, он вышел оттуда, то уложил меня на носилки и велел нести за собой к той бессердечной красавице. Там он усадил меня перед ширмой, за которой она скрывалась. Хотя от моей былой красоты ничего не осталось, она не могла меня не узнать — ведь я провел с ней рядом много дней и ночей. И все же пери сделала вид, что не знает меня.

— Кто это? — спросила она евнуха.

— Это тот злополучный юноша, — отвечал сей добрый человек, — который вызвал ваш гнев и впал у вас в немилость. Вот отчего вид его так несчастен. Пламя любви сжигает его. Как он ни заливает его потоками слез, оно разгорается сильнее и сильнее, и облегчения ему нигде не найти. Вдобавок он умирает от стыда за свою вину.

— Зачем ты болтаешь вздор? — возразила пери с насмешкой. — Уже много дней, как мои люди донесли мне, что он вернулся на родину. Конечно, Аллах лучше знает. Но все-таки кто же это? О ком ты говоришь?

— Если мне будет дарована жизнь, я все объясню, — взмолился тогда, сложив руки, евнух.

— Говори, я дарую ее тебе, — получил он ответ.

— Самой природой дано вам быть справедливым судьей, — сказал евнух. — Бога ради, соизвольте приоткрыть ширму, которая отделяет вас от него, вспомните этого человека и смилуйтесь над его беспомощ-

ностью. Нехорошо оставаться неблагодарной. Сколько бы жалости вы ни проявили к нему в этой беде, все будет уместно, и вам за это воздастся. А давать советы, что делать дальше, мне не подобает. Что придет на ум вашей милости, то и будет лучше всего.

— Хорошо, — улыбаясь, ответила она. — Кто бы он ни был, отведите его к лекарю. Когда же он хорошенько поправится, мы сами расспросим его.

— Если вы собственноручно окропите его розовой водой да при этом соблаговолите молвить хоть слово своими устами, — продолжал евнух, — то в нем пробудится желание жить. Разочарование — злая штука. Мир держится надеждой.

На это пери ничего не сказала.

Слыша такой разговор, я совсем опечалился и, не колеблясь больше, воскликнул:

— Душа моя не хочет терпеть такой жизни! Я уже стою одной ногой в могиле. Смерть моя близка, а исцеление — в руках царевны; даст она мне его или нет — ей лучше знать.

Видно, всевышний повелитель сердец смягчил душу жестокосердной красавицы.

— Приведите скорее шахских врачей, — приказала она, сменив гнев на милость.

Тотчас собрались лекари. Они пощупали у меня пульс, посмотрели мочу и долго совещались между собой. Наконец они сошлись на том, что больной страстно влюблен: для него нет другого лекарства, кроме встречи с любимой; лишь только он обретет ее, как сразу поправится. Когда и врачами была подтверждена у меня та же болезнь, о которой говорил евнух, царевна приказала, чтобы меня отвели в горячую баню, хорошенько вымыли, одели в красивое платье и доставили к ней. Без промедления меня повели, вымыли в бане, нарядили в лучшие одежды и доставили назад к моей пери.

Тогда красавица с жаром сказала:

— Тебе не следовало оскорблять и порочить меня своими домогательствами. Чего же ты хочешь? Выскажи начистоту все, что лежит у тебя на душе.

О факиры! Меня охватил такой восторг, что я чуть не умер. Радость моя так стремилась наружу, что я не чувствовал под собой ног, и даже мой облик изменился от счастья. Я возблагодарил бога и отвечал ей:

— Сейчас вы сделали ненужной всю врачебную науку: ведь я был совсем уж покойником, а вы оживили меня в один миг. Посмотрите! Какая разница между тем, чем я только что был и чем стал теперь!

Произнося это, я трижды обошел вокруг красавицы, чтобы выказать ей свое уважение и признательность. Потом, остановившись перед ней, продолжал:

— Госпожа мне приказывает, чтобы я поведал ей все, что у меня на душе. Для меня, вашего раба, желанней власти надо всем миром, чтобы вы проявили величайшую благосклонность: допустили к себе меня, недостойного, и возвысили бы разрешением облобызать ваши стопы.

Она выслушала меня и погрузилась в раздумье, потом, потупив глаза, сказала:

— Садитесь. Вы нам служили столь преданно, что все, чего вы ни попросите, будет уместно. Ваши заслуги запечатлены в нашем сердце. Хорошо, мы согласны даровать вам то, чего вы хотите.

В тот же день, в добрый час и благоприятный момент кази без лишнего шума поженил нас. Наконец-то после стольких тягот и несчастий господь дал мне увидеть день, когда исполнилось мое сердечное стремление! Но как раньше сердцем владело желание соединить свою жизнь с этой пери, так теперь душу мою томила жажда проникнуть в тайну всех тех удивительных дел, свидетелем которых я был. Ведь до сих пор я не знал, кто моя пери и кто был тот красивый эфиоп, который по одному лишь клочку бумаги вручил мне столько кошечков с золотом. Как за такое короткое время могло появиться убранство пира, достойного падишахов? Почему те двое невинных были убиты на этом пиршестве? Что за причина навлекла на меня, несмотря на мое послушание и покорность, безжалостный гнев моей пери и почему теперь она вдруг меня так возвысила? Из-за этого целую неделю после совершения свадебного обряда я, хоть и питал сильную страсть к ней, был не в силах предаться радостям любви. Ночью мы ложились в одну постель, но на деле я не стал ей супругом.

Раз утром, намереваясь совершить омовение, я велел служанке согреть немного воды. Госпожа с улыбкой спросила:

— На что вам теплая вода?

Я промолчал, хотя давно уже заметил, что пери недовольна мной.

— Что за странный вы человек: то так горячи, то столь холодны, — наконец сказала она мне однажды: — Как это назвать? Если в вас нет мужской силы, то к чему было это нелепое стремление жениться на мне?

— О любимая! — ответил я тогда не раздумывая. — Будьте же справедливы. В своем суждении никто не должен пренебрегать беспристрастием.

— Какой еще справедливости вы хотите? — спросила она. — Что было можно, все уже сделано.

— Действительно, мое самое большое желание исполнилось, — сказал я, — но в сердце моем царят сомнения; а у того, кем владеет раздумье, душа беспокойна, и потому он становится ни к чему не способным и не походит на обычных людей. Я поклялся себе, что после нашей свадьбы, поистине напоившей радостью мое сердце, я спрошу вас о многих вещах, которые не вмещает мой ум и смысл которых мне самому не постичь. Когда из благословенных уст ваших я услышу повесть о них, покой снизойдет на мою душу.

— Ах вот что! — нахмурила она лоб. — Неужели вы так скоро забыли? Так вспомните! Сколько раз я говорила вам: не вмешивайтесь никогда в мои дела и ни о чем не спрашивайте. Зачем понадобилось вам, не в пример прошлому, позволить себе такую неучтивость?

— Раз вы простили другие дерзости, так простится и эта, — засмеялся я.

Красавица гневно сверкнула очами и воскликнула, пылая гневом, как огненный вихрь:

— Ты что-то чересчур возомнил о себе! Иди займись своим делом! Что за польза тебе знать мои тайны?

— Нет большего стыда в мире, чем показать другому свое обнаженное тело, — отвечал я. — Но настолько-то мы уже знаем друг друга. Теперь, когда сердце даже с этим смирилось, что еще может заслуживать тайны?

— Это верно, — подумав, согласилась она. — Но предчувствие говорит мне, что, если секрет мой откроется, беды не миновать.

— Что вы! — вскричал я. — Неужели я не заслужил доверия? Вы можете спокойно поведать мне все, что с вами случилось, и я сокрою это в сердце своем и никогда в жизни не выдам вашу тайну. Как же сможет она дойти до чьих-либо ушей?

Когда она увидела, что отделаться от меня, не раскрыв мне секрет, невозможно, ей поневоле пришлось уступить.

— Разглашение моей тайны сулит многие неприятности, но ничего не поделаешь, ты слишком настаивал. Что же, я хочу доставить тебе утешение, поэтому расскажу свою историю. Но помни, ты должен держать ее в секрете.

Предупредив меня строго-настрого, она приступила к рассказу.

— Я, злосчастная, — начала она, — дочь падишаха страны Димашк. Мой отец — величайший из султанов, и других детей, кроме меня, у него не было. С самого дня своего рождения я воспитывалась под родительской опекой в ласке и неге, окруженная счастьем и радостью. Когда я немного вошла в разум, у меня обнаружилась склонность к красивым и привлекательным лицам, поэтому в подружки мне были даны самые прекрасные девушки из благородных семей, прелестные, как дочери пери, а прислуживали мне лучшие из хорошеньких рабынь и служанок, сверстниц моих. Я вечно любовалась танцами, нежила свой слух пением, и не было мне никакого дела до мирской суеты. Наслаждаясь своей беззаботной жизнью, я только и могла благодарить бога.

И вдруг мой характер сам собой так испортился, что ничье общество не стало мне нравиться и никакие веселые сборища меня больше не радовали. Словно черная немочь овладела мной: сердце погрузилось в печаль и расстройство, ни одно лицо мне не казалось больше приятным, разговаривать ни с кем не хотелось. Видя меня в таком состоянии, няньки и мамки, кормилицы и служанки — все до единой переполошились и сбились с ног, не зная как быть. Мою тоску заметил преданный евнух, которого ты уже знаешь, — он с давних пор был поверенным моих тайн, и я от него ничего не скрывала.

— Если вы, царевна, соизволите выпить немного настойки из растения, которое называется «лист мечты», — предложил он мне, — то здоровье ваше, наверно, поправится и жизнерадостность снова вернется к вам.

Совет его пришелся мне по душе, и я приказала, чтоб он поскорей доставил мне этот напиток. Евнух ушел и заботливо приготовил кувшинчик такого питья. Хоро-

шенько охладив его на льду, он вручил сосуд мальчику и вместе с ним вернулся ко мне. Я выпила напиток и вскоре почувствовала, что его целебное действие вполне отвечает тому, что было обещано. Тогда в награду за эту услугу я подарила евнуху богатый халат и приказала, чтобы всегда в этот час мне доставляли такой же кувшинчик с напитком. С тех пор и повелось, что евнух все с тем же мальчиком приносил мне кувшинчик, а я его выпивала. Когда же опьянение давало себя знать, легкими волнами окутывая мой рассудок, я услаждала свое сердце шутками и забавами с отроком. А он, когда осмелел, начал говорить ласкающие слух, сладкие речи и рассказывать занимательнейшие истории; временами принимался даже вздыхать и плакать. И собою он был хорош — стоило посмотреть. Поневоле душа моя потянулась к нему. По склонности сердца, да и в благодарность за развлечения я каждый день одаривала его чем-нибудь, но этот несчастный по-прежнему приходил ко мне все в той же одежде, которую обычно носил, — грязной и рваной.

Однажды я спросила его:

— Ты столько получаешь от меня денег, а все так же пренебрегаешь своей внешностью. Что это значит? На что тратишь ты эти деньги? Или ты их, может быть, копишь?

Когда мальчик услышал мои участливые речи и увидел, что я о нем беспокоюсь, глаза его наполнились слезами.

— Все, что вы жалуете мне, вашему рабу, — сказал он, — забирает мой наставник, а мне не дает ни гроша. Откуда же мне взять новое платье, в котором я мог бы явиться к вам? Я в этом вовсе не виноват. Что я тут могу сделать?

Весть о том, как ему приходится бедствовать, вызвала у меня сострадание. Я тотчас же приказала евнуху, чтобы с этого дня он взял мальчика к себе в обучение, велел сшить ему хорошее платье, да не давал бы ему попусту бегать и резвиться со сверстниками, а лучше, чтобы доставить мне удовольствие, поучил его благовоспитанности, подобающей слугам падишахов, и приставил его служить мне. Евнух сделал все, что было сказано, и, следуя моей воле, принялся за ним хорошенько присматривать. Вскоре недостаток и хорошая пища сделали свое дело — внешность отрока совсем изменилась,

будто он, как змея, сменил кожу. Как я ни сдерживала свои чувства, образ этого несносного отрока так глубоко проник в мою душу, так завладел ею, что я готова была носить его в своем сердце и ни на миг не отпустить с глаз своих.

Наконец я взяла его к себе в услужение и, нарядив в роскошнейшие халаты и украсив всяческими драгоценными камнями, постоянно им любовалась. И вот благодаря тому, что он всегда был поблизости, в глазах у меня появился блеск счастья и тоска отлегла от сердца. Я думала о нем ежечасно и дошла до того, что если он хоть на миг отлучался по какому-нибудь делу, я не могла найти себе покоя.

Через несколько лет он возмужал: у него стали пробиваться усы, тело и грудь его окрепли. Тут между придворными пошли о нем толки. Привратники, слуги и стража перестали пускать его во дворец. Посещения его совсем прекратились, а я без него не знала покоя — каждый миг был мне тяжек. Когда же я поняла безнадежность своего положения, то почувствовала себя так, точно надо мной разразилось страшнейшее бедствие, и в такое пришла состояние, что ни сказать ничего не могла, ни жить без него не хотела, а предпринять что-нибудь у меня уже не было сил. О Аллах! Что мне было делать? Горе мое не поддавалось описанию. В расстройстве, я позвала к себе верного внуха.

— Я хочу позаботиться об этом юноше, — сказала я ему. — По нынешним временам лучше всего будет дать ему тысячу золотых и построить ювелирную лавку на людном перекрестке базара — на доходы с торговли он сможет безбедно существовать. А неподалеку от моего дворца постройте ему красивый дом для жилья, купите сколько нужно рабынь и рабов и наймите хороших слуг, чтобы он ни в чем не ощущал недостатка.

Так внух и сделал. Он приготовил все, что было нужно юноше для жизни, а также для занятий ювелирным мастерством и торговлей. В скором времени лавка молодого ювелира так заблестала среди других и так прославилась, что когда шахскому двору или амирам бывали нужны роскошные халаты и дорогие изделия из самоцветных камней, то покупали их только у него. Понемногу торговля его все расширялась, и вскоре в лавке юноши можно было найти любые заморские диковинки. Дела же других городских ювелиров пришли

в упадок. Одним словом, никто в городе не мог с ним соперничать, да и в других странах не было ему равных.

В то время как юноша преуспевал и к состоянию его прибавлялись новые сотни тысяч рупий, мое здоровье из-за разлуки с ним изо дня в день ухудшалось. Я не могла придумать никакого способа встретиться с молодым ювелиром и вернуть покой сердцу. В конце концов я обратилась за помощью к опытному в делах евнуху и сказала:

— Вели прокопать из его дома подземный ход во дворец. Другой возможности хоть на миг увидеть его я не нахожу, а сердце мое не хочет больше терпеть.

Через несколько дней, после того как я отдала этот приказ, подземный ход был готов, и каждый день, лишь наступали сумерки, евнух приводил ко мне юношу. Всякая ночь протекала у нас за вином и едой в радостях и веселье. Встречи с ним приносили мне покой, а он был рад лицезреть меня. Когда же восходила утренняя звезда и муэдзин возглашал призыв на молитву, евнух тем же путем отводил юношу обратно. Кроме трех человек: этого евнуха да двух нянек, вскормивших и вспоивших меня, не было никого, кто знал бы об этом деле.

Так прошло некоторое время. Помню, однажды евнух, как обычно, отправился за юношей. Смотрит, он сидит молчаливо, погруженный в задумчивость.

— Что случилось с вами сегодня? — спросил евнух. — Почему вы такой грустный? Идемте, госпожа зовет вас.

Но тот ничего не ответил: даже уст не раскрыл.

Евнух вернулся ни с чем и доложил, в какой печали он застал юношу. Видно, дьявол мной овладел, раз даже это не заставило меня изгнать из сердца любовь. Если б я знала, что страсть к вероломному возлюбленному в конце концов покроет меня позором и бесчестьем, я тут же отвернулась бы и отреклась от него, забыла бы навсегда его имя и выкинула навек из своего сердца. Но случилось иное. Я не заподозрила его в недостойных намерениях, а то, что он не пришел, истолковала как кокетство и любовный каприз. Конец же этой истории вышел такой, что и ты к ней оказался причастен. Не то где бы теперь была я, а где ты? Ладно, что вышло, то вышло.

Так вот, не задумываясь глубоко над упрямством этого осла, я снова послала к нему евнуха и велела сказать так: «Если ты тотчас же не придешь, то я сама так или иначе проникну к тебе. Но мой приход может обернуться

большой бедой, потому что тебе придется очень плохо, если тайна наша откроется. Не доводи дела до того, что не даст иных плодов, кроме бесчестья, а лучше приходи поскорей; не то знай, я приду сама». Получив это известие и видя мою безудержную страсть, он состроил несчастное лицо и явился с лестью и обманом.

Когда он сел рядом со мной, я спросила его:

— Почему ты сегодня так долго не приходил и чем недоволен? Ты никогда не позволял себе такой дерзкой небрежности и всегда являлся без отговорок.

— Я, ничтожный бедняк, достиг такого высокого положения благодаря вашему вниманию и покровительству, и жизнь моя течет в полном довольстве, — отвечал он. — Я вечно молюсь за вашу жизнь и имущество. Грешен, я провинился, уповая на милость царевны. Надеюсь, вы простите меня.

Я любила этого юношу всем сердцем, поэтому поверила его притворным словам, не заметив в них лживости, и даже ласково спросила:

— В чем встретилось тебе затруднение? Чем ты так озабочен? Расскажи — придумаем, как помочь твоему горю.

— Все, что затрудняет меня, когда я один, при вас легко разрешается, — ответил он все так же смиренно.

Смысл его дальнейших речей сводился к тому, что рядом с его домом, как раз в центре города, продается на редкость красивый сад с высоким домом, с бассейном, прудом и каменными колодцами. А в придачу к этому саду идет рабыня-певица, которой нет равной в музыкальном искусстве. Сад купить отдельно нельзя — продаются они только вместе, как верблюд с кошкой на шее. Тот, кто возьмет этот сад, должен заплатить и за девушку, и самое хитрое то, что сад стоит лакх рупий, а рабыня — пять лакхов. А таких денег ему, понятно, сразу взять неоткуда.

Я увидела, что стремление совершить эту покупку совсем захватило юношу и оттого сердце его полно волнения, а душа — беспокойства. И хоть он сидел рядом со мной, лицо его было печально. Мне же хотелось каждый час и каждое мгновение видеть его счастливым, поэтому я сразу же позвала евнуха и приказала, чтобы на следующий день поутру с покупкой сада и рабыни было кончено и бумаги на право владения тем и другим были составлены и отданы юноше, а бывшему хозяину их

уплатили бы золотом из шахской казны. Едва услышав мое повеление, юноша рассыпался в благодарностях, и лицо его оживилось. Вся ночь прошла у нас как обычно — смех и веселье не прекращались. На заре он удалился. Евнух купил сад и рабыню, и каждую ночь юноша по-прежнему продолжал приходить ко мне.

Как-то был чудесный весенний день: по небу медленно проплывали облака, моросил мелкий дождичек, поблескивали молнии и веял нежнейший ветерок. Вдруг взгляд мой упал на полку с разноцветными бутылками и кувшинами, и меня потянуло выпить глоток вина. После двух-трех бокалов я вспомнила о недавно купленном саде. Неудержимо захотелось тотчас же по нему прогуляться. Говорят ведь: когда тебя преследует несчастье, так хоть на верблюда залезь — и там тебя укусит собака.

И вот я, не думая ни о чем, с одной только нянькой, прошла подземным ходом в дом к юноше, а оттуда направилась в сад. Гляжу: и верно, сад цветет, словно райские кущи. Капли дождя сияют на ярко-зеленых листьях деревьев, как жемчуга на изумрудных пластинках, прекрасные цветы, словно вечерняя заря, рдеют на фоне облаков, а по зеркальной глади полных до краев водоемов расходятся легкие круги. Я разгуливала по саду, пока не кончился день и не сгустились вечерние тени. И вот на одной из аллей показался мой юноша. Заметив меня, он приветливо и учтиво бросился мне навстречу, заключил мои руки в свои и отвел меня в дом. Когда я вошла туда, то внутреннее убранство дома затмило в сердце моем все, что я видела снаружи. Тут было море огня: повсюду горели фонарики, яркие светильники и шандалы, китайские фонари, огромные свечи и лампы, так что праздник шаб-е барат с его лунным светом и праздничным освещением улиц в сравнении с этим показался бы сумерками. Здесь пускали потешные огни, там летели ракеты, взрывались шутихи, и каких только не было тут замысловатых фигур из огня: одни сияли яркими звездами, другие рассыпались мелкими искрами; они то вертелись колесом, то распускались пышными цветами разной формы, переливаясь как жемчуг и серебрысь словно месяц.

В это время, прорвав облака, показалась луна, словно выглянула красавица в багряных одеждах. Как стало красиво! Лишь только луна пролила повсюду свой свет, юноша пригласил меня подняться и посидеть на балконе.

Я была так глупа, что верила каждому слову этого негодяя. Теперь он надумал свести меня в башню. Она поднималась так высоко, что, казалось, все городские дома и огни базара лежат у самого ее подножья.

Обвив руками его шею, я сидела, упоенная счастьем. Между тем с графином вина в руках вошла отвратительного вида женщина с уродливым лицом и такая черная, будто только что вылезла из печи. Ее появление пришлось мне очень не по душе — вид этой уродины поверг меня в ужас.

— Что это за чудовище? — спросила я в волнении. — Откуда ты ее выкопал?

— Это та самая невольница, которая благодаря вашей милости была куплена вместе с садом, — отвечал юноша, сложив руки.

Мне вдруг стало ясно, что этот глупец принял ее с большим удовольствием, может быть, даже сердце его к ней равнодушно. Опечалившись этим, я замолчала: душой моей с этой самой минуты овладело тяжкое беспокойство, радость померкла. А он в своем бесстыдстве дошел до того, что оставил эту дрянь при нас виночерпием. Сердце мое обливалось кровью, и я чувствовала себя словно самка попугая, которую заперли в одной клетке с вороном: уйти не дают, а сидеть выше сил.

Вино, которое принесла эта эфиопка, оказалось таким крепким, что способно было лишить человека рассудка. Юноша выпил подряд несколько чаш, и по его настоянию мне тоже пришлось проглотить полбокала этого яда. В конце концов та бессовестная тварь охмелела и стала бесстыдно заигрывать с подлым негодяем, а он, набравшись спьяну наглости, пустился в разные непотребства.

Мне стало так стыдно, что я готова была провалиться сквозь землю, и все-таки из любви к нему, я, глупая, тогда промолчала. Но он, видно, был закоренелый негодяй и не понял моей снисходительности. В пьяном дурмане он хватил еще две чаши и лишился остатков разума; уважение ко мне совсем испарилось из его сердца. Охваченный страстью, он кинулся на грудь к этой ведьме, и она щедро наградила его ласками. Так они обнимались и целовались тут же при мне: ни верности не осталось в вероломном, ни стыда у бесстыдной — они обнажили всю свою душевную низость. Я чувствовала себя певицей, которая, сбившись с такта, поет как по-

пало. «Зачем тебя принесло сюда за таким наказанием? — думала я, проклиная себя. — Сколько можно терпеть?» С головы до ног меня жгло огнем, и сидела я как на углях. Охваченная возмущением и гневом, я поняла, что мое присутствие здесь явно излишне, и поднялась; желая уйти.

Но этот пьяница решил, что ему грозит опасность. «Если царевна нынче разгневалась, — шепнула ему его подлость, — то что будет со мной завтра? Какая буря поднимется утром! Раз так, лучше с ней сразу покончить». Посоветовавшись со своей развратницей и укрепившись в этом решении, он повесил пояс на шею, бросился мне прямо в ноги и, сорвав с головы тюрбан, принялся со слезами молить о прощении. А ведь сердце мое было в плену у него, и он вертел мной так же легко, как вертят жерновок ручной мельницы. Так или иначе, он меня улестил, усадил снова и опять, наполнив несколько чаш тем же крепчайшим вином, пил сам и угощал меня. Я уж и без того чересчур распалилась от гнева, да еще это вино — мигом я опьянела и вовсе лишилась сознания, а он, безжалостный предатель с каменным сердцем, нанес мне мечом удар и решил, что со мной уже кончено. Но я все же открыла глаза и прошептала:

— Ладно, я получила по заслугам, но и ты остерегайся возмездия за безвинно пролитую кровь.

Боюсь, жестокий, кто-нибудь тебя за ворот схватит,
Отмой с одежды кровь мою: что было, то прошло.

Никому не открывай эту тайну. Я же верила тебе до последнего вздоха.

Потом я препоручила его богу, и душа моя погрузилась в небытие. Больше я уже ничего не чувствовала. Очевидно, этот мясник счел меня мертвой, бросил в сундук и спустил с крепостной стены. Это ты сам видел. Я никому не желала зла, но, верно, так было написано мне на роду, а предначертанье судьбы не стирается. Я сама была виновата в своих несчастьях: если бы не моя склонность любоваться красавцами, этот негодяй не стал бы яром на моей шее.

Аллах послал тебя и сделал моим спасителем. Мне было так стыдно, что я не знала, как дальше жить и как показаться на глаза людям. Но что могла я поделать?

Человек не волен в своей смерти: господь погубил меня, но оживил снова, чтобы я испытала все, что мне суждено. Видно, твои заботы и усердие пошли мне на пользу, раз я оправилась от таких тяжких ран. Ты пожертвовал ради меня собой и своим имуществом и предоставил мне все, что у тебя было. В те дни, видя, что ты остался без денег и не знаешь как быть, я дала тебе письмо к Сиди Бахару, своему казначею. В нем я писала, что благополучно пребываю в таком-то доме, и просила сообщить обо мне, неудачнице, моей благородной матушке. Он прислал с тобой те подносы с деньгами на наши расходы. А когда я отправила тебя в лавку к купеческому сыну Юсуфу покупать халаты и драгоценности, я думала так: он, нищий духом, легко заводит знакомства со всяким; признав в тебе иноземца, он обязательно станет приглашать тебя в гости, чтобы завязать с тобой дружбу. Я не ошиблась в расчете — он поступил точно так, как я полагала. Когда ты, дав ему обещание вернуться, пришел ко мне и рассказал, как настойчиво он звал тебя в гости, я втайне обрадовалась. Если ты станешь есть и пить в его доме, подумала я, то в ответ должен будешь пригласить его сам, а он сразу же прибежит. Потому-то я и отпустила тебя так легко. Ты вернулся оттуда через целых три дня и со стыдом стал просить прощения. Тогда я сказала, чтобы успокоить тебя:

— Не беда. Ты ведь ушел от него, как только он дал разрешение. Но не подобает принимать от человека любезности и не отвечать ему тем же. Пойди теперь, пригласи его к нам и приведи с собой.

Лишь только ты отправился к нему, я увидела, что к приему гостей у нас ничего не готово. Что делать, когда он придет? Выход все же нашелся. Дело в том, что у падишахов нашей страны издавна такой обычай: восемь месяцев в году они проводят за пределами столицы, объезжая область за областью и занимаясь устройством всяческих дел, а четыре осенних месяца восседают во дворце на престоле. Как раз в это время падишах, мой благородный родитель, уже несколько месяцев как отправился объезжать свои земли, чтобы навести повсюду порядок. Пока ты ходил за тем молодым человеком, Сиди Бахар доложил обо мне шахской супруге — она ведь была моей матерью. Потом я сама, сгорая от стыда за свой недостойный поступок, предстала пред ее очи и рассказала ей все, что со мной приключилось. Материнская

любовь и предусмотрительность заставляли ее скрывать до времени, что я исчезла. «Бог ведает, как еще оно обернется, а разглашать такой позор пока ни к чему», — рассуждала она, глубоко храня в сердце мою тайну, но поисков не оставляла.

Когда она увидела меня, злополучную, и услышала всю мою историю, глаза ее наполнились слезами, и она изволила молвить:

— Ах, негодница, лучше бы тебе не появляться на свет! Ты умышленно бросила тень на честь всего нашего шахского рода. Тысяча проклятий! Почему ты сама не пропала! Лучше бы мне родить вместо тебя камень — и то было бы легче. Хоть теперь-то покайся и не грехи больше, а что было тебе суждено, то свершилось. Что же станешь делать дальше? Жить будешь или умрешь?

— Видно, мне, бессовестной, на роду было написано, — отвечала я со стыдом, — претерпеть эти несчастья, чтобы остаться жить в позоре и бесчестии. Умереть было бы лучше. Но хотя клеймо позора и легло на мой лоб, я не сделала ничего, что запятнало бы честь моих родителей. Хуже всего для меня сейчас то, что оба наглых бесстыдника ускользнули из моих рук и будут наслаждаться друг с другом, а я из-за них должна переносить столько мук. Боюсь, я одна ничего не смогу с ними сделать, и надеюсь, что вы мне поможете. Велите дворецкому приготовить у меня в доме все как следует для пиршества, тогда я заманю обоих негодников в гости и воздам им за все содеянное. Как он поднял на меня руку и ранил меня, так и я изрублю их в куски. Может быть, после этого сердце мое немного остынет, а то я готова сгореть в пламени гнева и обратиться в горсточку пепла.

Мой рассказ наполнил сердце матери болью. Сжалившись, она простила мне мои прегрешения, прислала с моим доверенным евнухом все, что было нужно для приема гостей, и каждый занялся своим делом. Вечером пришел ты с тем обреченным, а мне хотелось заполучить еще и его развратную рабыню. Поэтому я снова дала тебе заботу: велела позвать ее тоже. Когда она появилась, началось пиршество, и все перепились до бесчувствия, а с ними и ты свалился мертвецки пьяный. Тогда я позвала калмычку-телохранительницу и велела зарубить их обоих. Она тотчас же вынула саблю, отсекала им головы, и их тела обагрились кровью. На тебя же я раз-

гневалась потому, что тебе было дано разрешение устроить пир, а не пьянствовать вместе с людьми, которых ты знаешь только два дня. Конечно, твое легкомыслие мне не понравилось: можно ли было ждать от тебя помощи, когда ты напился до потери сознания? Но твои прежние заслуги так обязывали меня, что я вынуждена была простить тебе этот проступок.

Вот я и рассказала тебе все, что случилось со мной, с начала до конца. Может быть, твоему сердцу угодно знать еще что-нибудь? Теперь, когда я исполнила то, о чем ты просил, сделай и ты, что я скажу. Дело в том, что нам с тобой не следует оставаться дольше в этом городе. А в остальном поступай как знаешь.

О дервиши, возлюбленные Аллахом! На этом царевна кончила свой рассказ.

Ее приказания я ставил выше всего на свете — ведь я попался в силки любви.

— Как ваша милость изволит, так и будет. Я целиком посвятил себя вам и все исполню без отговорок, — отвечал я.

— Достань из личной шахской конюшни пару быстрых и неутомимых коней, таких, чтобы могли спорить с ветром, — сказала царевна, убедившись, что я готов ей покорно служить, — и держи их наготове.

Я так и сделал: выбрал самых красивых и резвых коней, велел оседлать их и привести. Под утро царевна, переодевшись мужчиной, в полном вооружении вскочила на одного из коней, на другого сел я, тоже вооруженный, и мы отправились в путь.

К рассвету мы добрались до берега озера. Спешившись, умыли лицо и руки и, наскоро закусив, тронулись дальше.

Время от времени госпожа принималась выговаривать мне:

— Ради тебя я бросила все: совесть и стыд, родину и богатство. Не случилось бы так, что ты поступишь со мной, как тот вероломный злодей.

Я рассказывал ей разные истории, чтобы скоротать путь, и в свой черед отвечал:

— Царевна! Люди не все одинаковы. Видно, у того негодяя был какой-то природный изъян, если он совершил такое подлое дело. А я предан вам душою и телом.

Вы подарили мне непомерное счастье, и теперь я ваш раб на всю жизнь. Если вы прикажете сшить себе туфли из моей кожи, я не позволю себе даже вдоха.

Так, беседуя, мы ехали дни и ночи. Лишь иногда мы останавливались, чтобы отдохнуть и поохотиться за зверем и птицей. Мы убивали дичь, как того требует шариат, доставали соль из солонки, высекали кремнем огонь и готовили себе пищу. Пока ели сами, лошадей пускали пастись. Они щипали траву и листья и тем были сыты.

В конце концов мы оказались среди пустынной равнины, где не было ни признака жилья, ни следов человека. Но несмотря ни на что близость царевны делала для меня день и ночь вечным праздником. Долго мы ехали, и вдруг легло у нас на пути бескрайнее море, при виде которого кровь леденела в жилах. Куда ни обращал я взор, стоя на берегу, повсюду, насколько хватало глаз, расстилалась водная ширь, и не было видно ни клочка суши. «О Аллах! — подумал я. — Как нам теперь перебраться через это море?» Наконец мне пришлось оставить царевну на месте, а самому пойти на поиски лодки. Пока я найду что-нибудь годное для переправы, красавица моя отдохнет.

— Госпожа! — обратился я к ней. — Если вы мне позволите, я осмотрю берег.

— Я очень устала и проголодалась, — отвечала она. — Дай я немного переведу дух, а ты тем временем поищи способ, как переправиться.

Поблизости стояло фиговое дерево. Крона его была так раскидиста, что целая тысяча всадников смогла бы укрыться под ним от дождя или солнца. Я усадил мою пери в тени и пошел, оглядываясь по сторонам, не окажется ли признаков человека на берегу или в море. Но сколько я ни смотрел, ничего не нашел, а когда, наконец, отчаявшись, вернулся назад, то пери под деревом не оказалось.

Как описать мне свое отчаяние! Рассудок отказался служить мне. Я совсем обезумел: то взбирался на дерево и обыскивал каждую ветку, каждый листок; то, обессиленный, разжимал руки, падал на землю и кружил у ствола, будто пришел к нему на поклонение; то с громкими воплями рыдал над своею беспомощностью; то бегал с запада на восток, то метался с севера на юг — словом, искал как только мог, но нигде не находил и следа своей

несравненной жемчужины. Когда же я понял, что поиски мои тщетны, я, плача и посыпая голову прахом, покинул это злосчастное место.

Мне пришло в голову, что случилось одно из двух: или какой-нибудь джинн похитил ее и поверг меня в такое глубокое горе; или же нас с самого начала кто-то преследовал и, когда застал ее здесь одну, то уговорил вернуться обратно на родину и увез в страну Шам. Одолеваемый неотвязной заботой, я изорвал на себе все одежды и, голый и нищий, словно факир, бродил по этой стране с ранней зари до позднего вечера, а ночью валялся спать где попало. Так истоптал я все окрестные земли, но о своей царевне ни от кого не услышал ни слова, и исчезновение ее оставалось мне непонятным как прежде. «Раз ты ничего не узнал о любимой, — решил тогда я, — то и жить тебе незачем».

Однажды в лесу попался мне на глаза высокий утес. Я влез на него с намерением броситься вниз, чтобы вдребезги разбить свое тело о камни и разом покончить со всеми несчастьями. Только хотел я привести свою мысль в исполнение и занес уже ногу, как кто-то схватил меня за руку. Тут я пришел в себя. Гляжу: передо мной всадник в зеленых одеждах, лицо его скрыто под покрывалом.

— Почему решил ты покончить с собой? — обратился он ко мне. — Не уповать на милость божью — значит не верить силе всевышнего. Пока хранится дыхание, до тех пор пусть живет и надежда. В скором времени в стране Рум соберутся три дервиша, таких же несчастных, как ты; они попали в ту же беду, что и ты, и им тоже довелось претерпеть много несчастий. Тебе надо встретиться с ними. Падишаха этой страны зовут Азадбахт; и его гнетет горе. Когда он присоединится к вам четверым, каждый из вас благополучно обретет то, чего желает всем сердцем.

— О божий посланец! — сказал я, поймав и поцеловав его стремя. — Ваши слова успокоили мою истерзанную душу. Ради бога, скажите мне, кто вы. Назовите свое благородное имя.

— Меня зовут Муртаза Али, и дело мое — облегчать страдания тех, кому встретится тяжкое испытание, — ответил он и скрылся из глаз.

Вот так я, найдя утешение в добром слове того, кто разрешает людские тяготы, направился в Константино-

поль. Перенеся в пути все несчастья, какие были мне предначертаны в книге судьбы, но уповая на встречу с царевной, я по милости божьей все же добрался сюда и осчастливил себя вашим обществом. Наша встреча свершилась, мы уже вступили в беседу друг с другом, и теперь нам надлежит встретиться с падишахом Азадбахтом. Тогда мы все пятеро наверняка достигнем желанной цели. Так что молитесь и говорите: «Да будет так!»

Вот вся моя история, которую я, измученный и опечаленный, рассказал вам, о дервиши. Теперь посмотрим, когда же встреча с царевной обратит мою грусть и тоску в радость и счастье.

Азадбахт, который тихо сидел, спрятавшись в стороне, и внимательно слушал, обрадовался рассказу первого дервиша. Но тут второй из них повел речь о своих похождениях.

Похождения второго дервиша

Когда очередь рассказывать перешла ко второму дервишу, он уселся, подогнув под себя ноги, и молвил:

Повесть факира, бредущего мимо, слушайте,
Точит болезнь мое тело незримо, слушайте,
Понял давно я бессилье лекарств и лекаря,
Ибо болезнь моя неизлечима, слушайте.

О вы, одетые дервишами! Я, ничтожный, — царевич из страны Фарс. Там рождаются самые одаренные люди, и не зря про столицу ее ходит пословица: Исфаган — половина мира. Нет другой страны во всех семи частях света, которая сравнилась бы с нашей, и звезда ее — само солнце, величайшее светило из озаряющих землю. Климат там очень приятный, а люди возвышенные и обходительные.

Мой отец, падишах, стремясь с юных лет научить меня, как следует править страной, выбрал самых луч-

ших и самых мудрых наставников, знатоков всевозможных наук и искусств. Он поручил им мое воспитание, чтобы я достиг совершенства в разных отраслях знаний и стал человеком просвещенным. По милости божьей уже к четырнадцати годам я овладел всеми науками. Я приобрел умение говорить любезно, двигаться изящно и научился делать все, как надлежит и подобает падишахам. Между прочим, появилась у меня тогда страсть проводить дни и ночи в беседе с людьми достойными и учеными, слушать их рассказы о всяческих странах и о подвигах славных царей и героев.

Как-то раз один мой собеседник — муж, умудренный знаниями и повидавший мир, — сказал, что при всей бренности нашей жизни у человека нередко могут быть такие достоинства, вспоминая которые люди донесут его имя до самого Судного дня.

— Вот бы мне узнать поподробней о таком человеке и попробовать поступать так же, как он, — произнес я. И тогда он рассказал мне историю Хатима Тая.

— Во времена Хатима был у арабов один падишах, которого звали Науфаль. Он проникся страшной враждой к Хатиму, завидуя его славе, собрал огромное войско и выступил против него войной. Хатим был человеком добрым и богобоязненным. Он подумал: «Если я тоже начну готовиться к битве, то лишится жизни немало слуг божьих, много будет пролито крови и мне придется нести ответ за все это». И с такой мыслью он ушел один-одинешенек и спрятался где-то в горах в пещере. Когда до Науфалья дошла весть, что Хатим исчез, он захватил его дом и имущество и велел объявить: всякому, кто найдет Хатима и схватит его, он даст в награду пятьсот золотых. Это известие возбудило алчность в сердцах, и все бросились разыскивать Хатима.

Однажды какой-то старик со старухой и малыши ребятами отправились в лес за дровами и, собирая хворост, подошли к той самой пещере, где прятался Хатим.

— Если б нам повезло, — сказала старуха, — мы нашли бы где-нибудь Хатима, поймали б его и отвели к Науфалю, а тот дал бы нам пятьсот золотых. Тогда зажили бы мы без труда и забот, избавившись от своей тяжелой работы.

— И что ты тараторишь? — ответил старик. — Нам на роду написано целый день ломать хворост, а потом, взвалив вязанки на голову, нести продавать его на базар. Так мы заработаем себе хлеб насущный, если только нас самих не утащит раньше тигр. Иди делай свое дело. С какой стати Хатим попадется к нам в руки и заставит падишаха отдать столько денег?

Женщина тяжело вздохнула и замолчала.

Но Хатим слышал их речи. Он считал бесчеловечным и жестоким и дальше скрываться в пещере и не помочь бедным людям достигнуть желаемого. Поистине, если человек лишен милосердия, то это не человек; и тот, в чьем сердце нет места жалости, просто мясник.

Бог сотворил человека, чтоб видеть сердечные муки,
Для славословий ему бы и ангелов было довольно.

Одним словом, благородное сердце Хатима не могло допустить, чтобы он, услышав слова бедняков, пропустил их мимо ушей. Он тотчас же вышел наружу и сказал старику:

— Эй, дорогой! Хатим — это я. Отведи меня к Науфалу. Он увидит меня и выдаст тебе столько денег, сколько было обещано.

— Верно, — ответил старик, — это сулит мне благополучие и благоденствие. Но кто знает, как он поступит с тобой. Если убьет, то что я тогда буду делать? Нет, я никак не смогу предать тебя врагу ради собственной выгоды. Пусть даже я проживу на эти деньги какое-то время, а что потом? Ведь в конце концов и ко мне смерть придет, а что тогда отвечу я богу?

— Веди меня, — упорствовал Хатим. — Я хочу этого. Я всегда думал, что было бы лучше всего, если бы сама моя жизнь смогла послужить кому-нибудь на пользу.

Но старик никак не хотел согласиться отвести Хатима и получить за это награду.

— Если ты не отведешь меня, — сказал наконец Хатим, отчаявшись, — тогда я сам пойду к падишаху и скажу, что это ты прятал меня в горной пещере в лесу.

— Вот судьба! Получить злом за добро, — ответил с усмешкой старик.

Пока они так препирались, собралась целая толпа. Люди поняли, что это Хатим; они быстро схватили его и повели. Старик с причитаниями поплелся следом.

Когда все предстали перед Науфалем, тот спросил:

— Кто поймал его?

— Кто же мог сделать это, кроме меня? — заявил один бессердечный подлец. — Эта победа принадлежит моему имени: я поднял знамя славы!

— Нет, это я, — перебил его другой хвастун. — Несколько дней бегал я за ним по лесу, а теперь вот изловил и привел. Оцените мои труды и дайте, что было обещано.

Но и остальные точно так же стремились получить золото. Каждый кричал: «Я! Я это сделал!» Старик между тем молча стоял в стороне, слушал их бахвальство и плакал, глядя на Хатима. Когда же все кончили превозносить свое геройство и храбрость, заговорил Хатим.

— Сказать по правде, — обратился он к падишаху, — привел меня тот старик, что стоит один, в стороне ото всех. Если вы способны судить по лицу, то признайте это и отдайте ему обещанную награду. Ведь во всем человеческом теле самое святое — это язык, наделенный даром речи. Муж должен твердо следовать своему слову, иначе в чем состояла бы разница между человеком и зверем, у которого тоже есть язык в пасти.

Науфаль подозвал к себе старого дровосека.

— Скажи честно, как было дело. Кто схватил Хатима? — спросил он.

Несчастный искренне и без утайки поведал, как все произошло.

— Хатим сам пришел ради меня, — заключил он.

Науфаль, узнав про отвагу Хатима, был изумлен.

— Какое великодушие! — вскричал он. — Ты не пожалел даже собственной жизни!

Лжецам, которые хвастались, что поймали Хатима, он приказал связать за спиной руки и наградить их вместо пятисот золотых пятьюстами ударами тупфлей по затылку, да так, чтобы у них мозги полезли наружу. Тут же раздались шлепки тупфелей, и вмиг головы хвастунов покрылись коростой. Поистине, ложь — худший из пороков. Да охранит господь всякого от этой беды и не привьет никому вкуса к вранью! Многие люди то и дело лгут, но в час испытания их настигает расплата.

Воздав таким образом всем по заслугам, Науфаль подумал, что было бы бесчеловечно и неблагородно дальше враждовать и соперничать с таким человеком, как Хатим, который приносит пользу целому миру, а для бедняков даже жизни своей не жалеет и во всем следует

божьим заветам. «Ну что ж. Пусть так и будет», — сказал он про себя, дружелюбно взял Хатима за руку и с почтением усадил его рядом с собой. В тот же час он вернул ему все захваченные богатства и земли и вновь поставил его властвовать над племенем тай, а старику велел выдать пятьсот золотых из собственной казны, и тот, не переставая благодарить, удалился.

Когда я выслушал до конца историю Хатима, мной овладело честолюбие. «Хатим, — подумал я, — был всего лишь вождь племени и все же одной только щедростью прославил свое имя, так что память о нем дошла до наших дней. А я, по милости божьей, падишах надо всем Ираном, и будет очень жалко, если я не сделаю того, что под силу повелителю целой страны. Действительно, в мире нет ничего лучше щедрости, потому что за все, что человек отдает в этой жизни, ему сторицей воздается в другой. Когда кто-нибудь сажает зерно, сколько зерен получает он после!»

Отдавшись этой мысли всем сердцем, я позвал смотрителя строений и приказал возвести за городом роскошное здание, у которого было бы сорок высоких и очень широких дверей. В скором времени просторное строение, точно такое, как мне хотелось, было готово. Я воссел в нем и целый день от зари до зари раздавал деньги беднякам и бездомным, и всякую просьбу, с которой ко мне обращались, я исполнял до конца, да еще давал сверх того что просили. Так через сорок дверей входили нуждающиеся и брали все что хотели.

Помню, вошел однажды в одну дверь факир и обратился за подаванием. Я дал ему золотой. Потом он вернулся через другой вход и попросил два золотых. Я узнал его, но не подал вида и одарил снова. А он тем же образом принялся входить по очереди через каждую дверь и каждый раз просил на один золотой больше, а я нарочно делал вид, что не запомнил его, и давал ему, сколько он спрашивал. Наконец, дойдя до сороковой двери, он потребовал сорок червонцев — я выдал и это. Не остановившись на том, дервиш снова вошел через первую дверь и опять попросил. Больше терпеть я не мог.

— Послушай, стяжатель! — сказал я ему. — Что же ты за факир, если не знаешь смысла, который скрыт в этом слове? А ведь это заповедь жизни факира.

— Благодетель, объясни мне сам, — попросил он.

— Первое — это умеренность в еде; второе — довольство тем, что имеешь, и третье — преданность богу. В ком нет этих качеств, тот не факир. Проешь сперва то, что ты получил, а потом приходи и требуй еще что захочешь. Я даю милостыню, чтобы утешить в нужде, а не затем, чтобы мои деньги копили. Скупец! Через сорок дверей ты унес от одного до сорока золотых. Сосчитайка, сколько это будет всего! И все-таки жадность снова привела тебя в первую дверь. Что будешь ты делать с этим богатством? Факир должен заботиться только о нынешнем дне, а на завтра господь снова пошлет пропитание. Стыдись! Разве это поступки факира? Терпи и довольствуйся тем, что у тебя уже есть. Чему научил тебя твой наставник?

Мои слова обидели и рассердили его.

— Довольно, господин! — вскричал он, бросив на землю все собранные у меня деньги. — Не горячись. Спрячь свое богатство и впредь о щедрости не поминай. Щедрым быть очень трудно, и нести бремя щедрости тебе не под силу. Когда ты достигнешь этой ступени?! Ведь до нее тебе так же далеко, как до Дели. В слове «щедрый» тоже есть скрытый смысл, научись сначала его понимать и поступать в согласии с ним — вот тогда и зовись щедрым.

— Благодетель, объясни мне это, — сказал я в смущении.

— Первое — это способность терпеть, — продолжал он, — второе — страх божий, а третье — умение помнить всегда, что мы рождаемся смертными. Пока ты не будешь этому следовать, о щедрости и не говори. Ведь в чем величие щедрого? Пусть даже он совершит дурные дела — и то господь на него не разгневается! Я обошел много стран, но, кроме царевны из Басры, не видал никого, кто был бы истинно щедрым. Платье щедрости этой женщине выткал сам бог. Все же другие хотят только славы.

Как я ни молил его смилостивиться, как ни заклинал простить мне эту ошибку и взять, что ему будет угодно, он наотрез отказался.

— Дай мне теперь все свое царство, я на него и не плюну, — сказал он и пошел прочь.

Он-то ушел, но его похвалы басрийской царевне лишили мое сердце покоя, и я нигде не мог найти себе ме-

ста. Меня томило желание во что бы то ни стало добраться до Басры и поглядеть на эту царевну.

Тем временем отец мой скончался, и трон унаследовал я. Но хотя я получил целое царство, прежние мысли не покидали меня. Тогда я решил позвать везира и амиров — опору трона и поддержку государства — и оповестить их о своем желании.

— Я хочу ехать в Басру, — сказал я. — Вы же по-прежнему твердо исполняйте, что вам положено. Если останусь в живых, то путешествие продлится недолго и я скоро вернусь.

Но никто не захотел согласиться с тем, чтобы я уехал, и сердце мое поневоле охватила тоска. И вот однажды втайне от всех я позвал к себе мудрого везира, назначил его своим полномочным наместником и вручил ему бразды правления. Потом я надел охряное покрывало паломника и под видом факира один направился в Басру. Через некоторое время я дошел до границы этой страны и тут стал свидетелем удивительного обычая: всюду, куда бы я ни зашел переночевать, меня встречали слуги царевны, вели в благоустроенный дом, подавали мне угощенья, каких только можно желать, и сами почтительно прислуживали целую ночь. На другой день то же повторялось на новом месте. С такими удобствами я совершил многомесячный путь и, наконец, достиг города Басры. Едва я вступил в него, как тотчас же подошел ко мне молодой человек, красивый, изящно одетый, учтивый и благовоспитанный. Сама его внешность говорила о недюжинном уме.

— Я забочусь о странниках, — обратился он ко мне с крайней любезностью. — Мое дело состоит в том, чтобы всякий путник, который прибывает в наш город, будь то факир или мирской человек, соизволил бы направить свои стопы в мое жилище. Кроме как в этом доме, здесь негде остановиться чужеземцу. Поэтому пожалуйста туда, украсьте его своим присутствием и освятите этим меня.

— Позвольте узнать ваше благородное имя, — спросил я.

— Меня, бесславного, зовут Бедарбахтом, — отвечал он.

Покоренный его любезностью и обходительностью, я последовал за ним и вскоре пришел к нему в дом. Вижу — роскошный дворец, убранный прямо по-царски. Бедарбахт отвел меня в большой зал и, усадив там, ве-

лел слугам принести теплой воды и омыть мне руки и ноги. Потом приказал разостлать дастархан, и слуга мне одному стал подносить блюдо за блюдом. Каких тут только не было яств: мясной плов, приготовленный четырьмя разными способами, плов сладкий, жаркое разного рода, всевозможные хлебцы, лепешки, печенья; снова мясные блюда — мясо жареное, тушеное, птица, яичница; пирожки и пирожные, сладкие блюда из риса, молочные кушанья, всевозможные сласти и фрукты — много десятков всяческих блюд. При виде такого изобилия у меня дух захватило. Если бы я отведал хоть по крошке от каждого кушанья, мне было бы достаточно, чтобы наесться до отвала.

— Господин, вы ничего не съели, — стал настоятельно упрашивать меня хозяин. — Все осталось нетронутым. Не стесняйтесь, откусайте еще.

— Разве стыдно есть, когда хочется? — отвечал я. — Но да ниспошлет всевышний процветание вашему дому! Я съел ровно столько, сколько вместил мой желудок. Вкус этой пищи выше всяких похвал. Язык мой до сих пор облизывает губы, а отрыжка благоухает. Но больше не могу, увольте.

Когда убрали дастархан, хозяин велел разостлать бархатный, шитый золотом кашанский коврик, принести рукомойник, кувшин из чистого золота и мыльницу с ароматным мылом и предложил мне вымыть руки теплой водой. Потом в изукрашенной драгоценными камнями шкатулке был подан бетель, уже в готовом для жевания виде, завернутый в тонкие листочки золота. Рядом, в коробочках с четырьмя отделениями, в серебряных обертках лежали отдельно листья бетеля, семена арековой пальмы, гвоздика и кардамон. Стоило мне попросить напиться — хранитель воды тотчас же приносил обложенный льдом узкогорлый кувшин. С наступлением вечера в фонарях зажгли камфарные свечи; любезный хозяин присел и повел со мной беседу. Когда же вступила в свои права ночь, он сказал:

— Извольте опочить на кровати, что стоит здесь за ширмой.

— Господин! — возразил я. — Нам, факирам, вместо постели хватает циновки или оленьей шкуры, а это ложе господь создал для вас — для мирян.

— Все в этом доме предназначено дервишам, — отвечал он. — Тут нет ничего моего.

Уступив его настояниям, я лег в постель, которая оказалась мягче ложа из цветов. С обеих сторон ее были поставлены корзины роз и вазы с цветами, возжжены курильницы с алоэ и благовонные лампы; куда я ни обращал свое лицо, отовсюду меня обдавали волны аромата; и так я заснул. Утром на завтрак дали мне миндаль, фи-сташки, виноград, инжир, груши, гранаты, кишмиш, финики и фруктовый шербет.

Так провел я трое суток; на четвертый день стал прощаться.

— Должно быть, я, грешник, чем-нибудь не угодил господину, раз вы недовольны? — взмолился, сложив руки, хозяин.

— Ради бога, что вы говорите! — вскричал я в беспокойстве. — Ведь по правилам гостеприимства следует гостить три дня. Столько я у вас и прожил, а оставаться дольше не годится. К тому же я отправился из дому странствовать, и нехорошо мне задерживаться в одном месте. Потому я и прошу позволения уйти. Если бы не это, я непременно остался бы: ваша любезность так привлекает, что не хочется покидать вас.

— Как вам угодно, — сказал он на это. — Но подождите немного, пока я доложу царевне. А раз вы собрались уходить, то знайте, что все, что есть в этом приюте для странников: постели со всеми принадлежностями, посуда, серебряная, золотая и в драгоценных камнях, — все ваше. Как вы распорядитесь поступить с ними, так и будет исполнено.

— Не говорите подобных вещей, — отвечал я. — Вы обходитесь с факиром как со странствующим певцом, который сам ищет награды. Если бы сердце мое было жадно к богатству, к чему бы мне быть факиром? Чем плоха мне была бы мирская жизнь?

— Если вы не возьмете и об этом узнает госпожа, — сказал он, — она отрешит меня от моей нынешней службы и бог знает что со мной сделает. Раз вы так пренебрегаете своими вещами, то мы сложим их на хранение в кладовую, и вы запечатаете дверь, а там поступайте как вам угодно.

Я не соглашался на это, но и он не слушал меня. В конце концов мне пришлось примириться с тем, что он собрал все имущество и запер на ключ, а я все ждал, когда меня отпустят.

Тем временем в дом торжественно явился почтенного

вида евнух, подпоясанный кушаком, в тюрбане с султаном и с золотой булавой, осыпанной жемчугом, а с ним придворная челядь всякого ранга. Он так приветливо и любезно обратился ко мне, что описать невозможно.

— Господин! — сказал он между прочим. — Окажи снисхождение и милость, озари ничтожный дом просителя блеском своего присутствия — это будет верхом любезности и великодушия. Может случиться, царевна услышит, что сюда приходил путешественник, но никто его не встретил внимательно, и он ушел, как и явился. Одному Аллаху ведомо, что за несчастья падут из-за этого на мою голову и какой поднимется переполох. Дело может коснуться самой моей жизни.

Я не хотел его слушать, но он так умолял, что поневоле пришлось пойти к нему в дом, который был еще лучше первого. Он, как и мой прежний хозяин, дважды в день кормил меня теми же кушаньями, по утрам и после полудня поил шербетом и угощал фруктами, а под конец тоже стал мне говорить, что вся посуда, серебряная и золотая, ковры и все, что там было, — мое безраздельно, и пусть я распоряжусь ими как пожелаю.

Я переполошился, услышав эти речи, и любым путем готов был добиться, чтобы он меня отпустил.

— О слуга божий! — обратился тогда ко мне евнух, видя по моему лицу, что я недоволен. — Скажи мне, чего ты желаешь, и я пойду доложу госпоже.

— Стану ли я, надевший платье факира, просить о богатствах этого брэнного мира? Ведь вы даете их мне без моей просьбы, и мне приходится от них отказываться, — отвечал я.

— Житейская корысть, хотя бы в малой своей доле, не покидает ни одно сердце, — возразил он. — Недаром сказал какой-то поэт:

Отшельника, чьи ногти отросли,
Аскета, чье лицо темней земли,
И йога, распростертого в пыли,
Терзающего плоть свою, я видел.

Молчальника, что нем как неживой,
Подвижника с обритой головой,
Весельчака, цветами и листвою
Украшенного празднично, я видел.

Людей, смотревших гибели в лицо,
Бесчисленных глупцов и мудрецов,
Богатством опьяненных подлецов
И пламенных мечтателей я видел.

С рождения счастливых видел я,
И тех, кому лишь горести — друзья,
Но одного, признаюсь не тая, —
Людей, лишенных жадности, не видел.

— Это верно, — ответил я, — но все-таки мне ничего не нужно. Позвольте, я напишу, к чему я стремлюсь, и если вы отнесете это письмо в запечатанном виде к царевне, то обяжете меня больше, чем подарив мне все богатства мира.

— С полной готовностью. Что за труд, — сказал он, и я принялся за письмо.

Вначале я вознес хвалу богу, а потом рассказал о себе: *«Сей раб божий несколько дней назад прибыл в Ваш город и заботами управителей Ваших был окружен всевозможным вниманием. Я уже раньше слышал о Вашей щедрости и доброте, что породило во мне страстное желание видеть Вас, но нашел я здесь вчетверо больше. Нынче Ваши вельможи говорят мне, чтобы я прямо сказал, чего я хочу и чего добиваюсь. Поэтому я без утайки осмеливаюсь доложить Вам о том, что владеет всем моим сердцем: мне не нужны мирские богатства — в своей стране я сам падишах, — а пришел я сюда и вынес все тяготы пути только ради того, чтобы увидеть Вас. Вот почему я явился совсем один под видом факира. Теперь я надеюсь, что благодаря Вашей милости желание моего сердца исполнится, и этого мне будет достаточно. А дальше — как Вам угодно. Если же моя смиренная просьба не будет принята, то я отправлюсь бродить без смысла и цели, а свою никчемную жизнь посвящу безнадежной любви к Вам и умру где-нибудь в лесах или в горах, как Маджнун и Фархад».*

Кончив писать, я вручил это послание евнуху, а он отнес его к госпоже. Через миг он вернулся, позвал меня и привел с собой во дворец. Гляжу, в золотом кресле сидит очень старая женщина величественного вида и в драгоценных украшениях, а вокруг нее стоят, скрестив руки, евнухи и слуги в парадных одеждах. Решив, что главная здесь она, и видя ее преклонные лета, я выразил ей свое нижайшее почтение. Эта женщина, оказалось, была мамкой царевны. Она очень любезно приняла мой поклон и произнесла:

— Подойдите, садитесь. Хорошо, что вы пришли. Это вы написали царевне письмо о своей страсти?

Охваченный стыдом, я молча сидел, низко склонив голову.

— О юноша! — продолжала она немного спустя. — Царевна приветствует вас и велит передать, что она не видит греха в том, чтобы пойти замуж. Вы предлагаете себя ей в мужья, но говорить о своем царстве и, несмотря на ваш дервишеский вид, называть себя падишахом, да еще гордиться этим — совсем неуместно. Ведь, в сущности, люди все одинаковы, хотя, конечно, мусульманская вера дает превосходство тем, кто ей следует. Царевна сама не первый день думает о замужестве, и если вы безразличны к земным благам, то ее всевышний наделил несчетным богатством. Но мужем царевны будет тот, кто поднесет ей свадебный подарок — сможет сделать нечто такое, что ей угодно.

— Я готов на все! — вскричал я. — Жизни своей не пожалею! Скажите, что это за дело?

— Сегодня вы отдохните, — отвечала она, — а завтра я вам расскажу.

Я с радостью согласился и вышел.

Прошел день, а когда настал вечер, евнух снова позвал меня во дворец. Смотрю, там уже собрались самые почтенные люди, и мудрецы, и знатоки законов. Я примкнул к их обществу и сел среди них. Тем временем разостлали дастархан и подали разнообразнейшие блюда, и сладкие, и соленые. Все принялись за еду, меня тоже пригласили разделить трапезу. Когда с угощением закончили, из внутренних покоев вышла мамка царевны.

— Где Бахравар? — спросила она. — Позовите его.

Стражник тотчас привел его. Это оказался человек самого благородного вида, на поясе у которого болталась, позвякивая, целая связка серебряных и золотых ключей. Произнеся: «Мир вам», он подошел и сел рядом со мной.

— Эй, Бахравар! — обратилась к нему мамка. — Расскажи-ка подробно все, что ты видел.

— Дорогой! — обращаясь ко мне, начал он свой рассказ. — У нашей царевны есть тысячи слуг, занятие которых составляет торговля; к ним принадлежу и я, низкорожденный. Царевна посылает нас в разные страны с товарами на сотни тысяч рупий. Когда кто-нибудь возвращается, она призывает его к себе и велит рассказать о тех землях, какие он повидал.

Случилось как-то, что я, отправившись торговать, по-

пал в город Нимроз. Смотрю, все жители там ходят в черных одеждах, и на каждом шагу слышатся вздохи и плач. Мне стало ясно, что с ними стряслось большое несчастье, но, у кого я ни спрашивал, в чем тут дело, никто не давал мне ответа. Несколько дней провел я в догадках. Но однажды все горожане от мала до велика, бедные и богатые, молодые и старые, с восходом солнца отправились за город. Они собрались на широком поле и, когда пожаловал туда на коне сам падишах с многочисленной свитой амиров, все выстроились в один ряд.

Я тоже стоял среди них и глядел, что же будет. Казалось, что люди кого-то ждут. И верно, через четверть часа появился верхом на желтом быке юноша лет пятнадцати — олицетворение красоты. Он испускал громкие крики и брызгал слюной, а в руках у него был какой-то предмет, который мне не удалось рассмотреть. Подъехав к народу, он слез с быка и, скрестив ноги, сел прямо на землю с уздечкой в одной руке и обнаженным мечом — в другой. Ему сопутствовал красавец раб, которому юноша передал то, что держал, и раб понес эту вещь вдоль по ряду, показывая ее всем и каждому. Но удивительно: всякий, кто смотрел на нее, принимался безудержно плакать. Так, обойдя собравшихся и доведя их всех до слез, он вернулся к своему господину.

Лишь только раб подошел, юноша встал и отсек мечом ему голову. Потом он поехал туда, откуда явился. Все смотрели ему вслед. Когда же он скрылся из глаз, народ пошел назад в город. Я приставал с расспросами ко всем и каждому, соблазнял их даже деньгами и лестью, чтобы они рассказали, кто этот юноша, что это он делал, откуда пришел и куда удалился, но никто не говорил мне ни слова, а сам я ничего не мог понять.

С тех пор как я вернулся сюда и доложил госпоже о происшествии, столь удивившем меня, царевна лишилась покоя и все время погружена в раздумье, как разрешить эту загадку. Вот это она и поставила условием свадьбы. Свое сердце она отдаст только тому, кто раскроет тайну чуда и объяснит, в чем там причина. Лишь он станет владыкой и богатств страны, и самой госпожи.

Теперь вы слышали эту историю. Хорошенько подумайте и, если сможете разузнать о том юноше, поезжайте в Нимроз, да поскорей, а не то откажитесь сразу и отправляйтесь домой.

— Даст бог, я выведаю все с начала до конца и, вернувшись к царевне, найду свое счастье,— отвечал я.— А если судьба окажется неблагоприятной ко мне, тут уж ничем не поможешь. Пусть только царевна пообещает, что не откажется от своих слов, а то тяжкое сомнение грызет мою душу. Если бы госпожа со свойственной ей любезностью и добротой пригласила меня к себе и, посадив перед занавесом, выслушала мои мольбы своими ушами, а потом соизволила дать мне ответ из собственных уст, тогда бы я совсем успокоился и был бы способен на все что угодно.

Мамка доложила прекрасной, как пери, царевне о моей просьбе, и та милостиво повелела допустить меня к ней. Тогда мамка повела меня с собой в тот дворец, где пребывала царевна. Что я увидел! Стоят в два ряда, скрестив руки, подружки, прислужницы и телохранительницы: калмычки, турчанки, эфиопки, узбечки, кашмирки — каждая на своем месте, и все осыпаны драгоценностями. Что это? Обитель ли Индры, или нисшествие сонма пери? Невольно вздох восторга сорвался с моих губ и сердце затрепетало. С великим трудом я сдержал себя и, любуясь ими, двинулся дальше, но ноги мои словно свинцом налились. Стоило взглянуть на какую-нибудь из красавиц, как уже не было сил сойти с места.

В конце зала висела бамбуковая штора, а перед ней был разостлан узорный ковер и рядом стояла сандаловая скамеечка. Мамка дала мне знак сесть. Я сел на ковер, а она устроилась на скамеечке и сказала:

— Теперь говори все что хотел.

Я начал с восхваления царевны, ее достоинств, справедливости и щедрости, а затем продолжал:

— С тех пор как я вступил в пределы вашей страны, повсюду я видел роскошные пристанища для путников и при них царских слуг всякого ранга, назначенных заботиться о странниках и бедняках. Мне самому пришлось жить по три дня в каждом из этих мест, когда же на четвертый я уходил, так, вместо того чтобы радоваться моему уходу, меня просили остаться и на прощанье отдавали все, что только могло найтись в доме: всевозможные ковры, чехлы, пологи, занавеси, ширмы, зонты, балдахины, кровать вместе с постелью, матрац, одеяло и шнур, чтобы связывать их, покрывало, подушки и всяческие подушечки, котлы, котелки, кастрюли, блюда, миски, тарелки, ложки, шумовки, черпаки, подносы с колпа-

ками, кувшины, сосуды для теплой воды, кружки, чашки, коробочки и шкатулки с бетелем и благовониями, цветочные вазы, графины с розовой водой, курильницы, кувшин с рукомойником и много другого. «Все это ваше, — говорили они, — хотите, возьмите с собой, а не то запечатайте в кладовой и заберите, когда вам будет угодно». Так я и делал. Но поразительно! Ведь в вашу страну должны приходить тысячи подобных мне нищих, и если каждого из них встречают с таким же приветом, как меня, бездомного факира, то это, без сомнения, должно стоить несчетных денег. Как же велико ваше богатство, если возможны подобные траты? Откуда берется оно? Будь тут казна самого Каруна, и той не хватило бы; а если посмотреть на подвластное вам государство, то доходов с него вряд ли достанет на одни только затраты по кухне, что говорить уж о прочих расходах! Мне бы хотелось услышать объяснение этому из уст самой госпожи. Тогда я отправлюсь в Нимроз со спокойной душой и уж как-нибудь доберусь туда. А потом, если только останусь в живых, снова явлюсь перед вами, разузнав все что нужно, и достигну цели, которая влечет мое сердце.

— О юноша! — ответила царевна. — Если ты хочешь проникнуть в суть моих дел, останься здесь еще на день. Вечером я призову тебя и, ничего не тая, расскажу, откуда взялись эти неисчерпаемые богатства.

С таким обещанием я вернулся туда, где остановился, и стал ждать, когда же наступит вечер и исполнится мое желание. Тем временем явился ко мне евнух с носильщиками, на головах у которых были покрытые крышками подносы.

— Госпожа жалует вам яства со своего стола, — сказал он. — Извольте их отведать.

Когда передо мной открыли эти блюда, от их аромата у меня закружилась голова и захватило дух. Я съел сколько мог; остальное вернул доставившим и, произнеся слова благодарности, отослал их. Наконец, когда солнце, словно усталый путник, прошедший в дороге весь день, запинаясь, ушло в свой дворец, а луна со свитой звезд заняла свое место в обширной гостинной вселенной, ко мне пришла мамка царевны.

— Идем, царевна ждет тебя, — сказала она.

Я отправился с ней. Она привела меня в покои царевны. Тут было такое море огней, что даже праздник

«Ночь предопределения» не в силах с этим сравниться. Шахские ковры покрывал златотканый маснад, на нем лежала подушка, вся в драгоценных камнях, а над ней на разукрашенных серебряных столбиках возвышался парчовый балдахин с жемчужной оторочкой. Перед маснадом на золотых подставках стояли сделанные из самоцветов деревья, цветы и листья которых казались совсем настоящими. По обеим сторонам, справа и слева, выстроились, почтительно скрестив руки и опустив глаза, слуги и приближенные, а танцовщицы и певицы, приготовив инструменты, ждали знака начать представление. Роскошь и пышность приготовлений поразили мой разум.

— Неужели, — спросил я мамку, — такая красота днем и подобный блеск ночью царят здесь всегда? Можно подумать, что у вас вечный праздник. Ведь это недоступно даже тому, кто владеет всем миром.

— Покои, где царевна вершит государственные дела, всегда таковы, какими ты видишь их, — отвечала мне мамка. — Они не знают упадка, наоборот — всегда процветают. Садись. Госпожа пребывает здесь. Я пойду доложу.

С этими словами она удалилась и, вскоре вернувшись, позвала меня к госпоже. Войдя в зал, я остолбенел: не понять, где дверь, где стена — повсюду зеркала высотой в человеческий рост, в рамках, усыпанных алмазами и жемчугами. Все они отражались друг в друге, так что казалось — зал полон драгоценных камней. В конце зала висел занавес, позади которого восседала царевна. Мамка села вплотную к занавесу, пригласила сесть и меня, а сама по приказанию царевны приступила к рассказу.

— Послушай, разумный юноша! — начала она. — Правил этой страной великий падишах. У него было семь дочерей. Однажды падишах устроил праздник, и семь девушек явились перед отцом в роскошных нарядах, с унизанными жемчугом волосами. Тут падишаху что-то взбрело на ум, и, взглянув на дочерей, он сказал

— Если бы ваш отец не был шахом и вы родились бы в семье бедняка, кто стал бы называть вас царевнами и госпожами? Благодарите бога, что вы зоветесь шахскими дочерьми; всем своим благоденствием вы обязаны мне.

— Все, что говорит покровитель мира, бесспорно, — ответили в один голос шесть девушек, — на вашем благополучии покоится все наше счастье.

Но наша госпожа, хотя и была самой младшей, но, видно, невзирая на это, оказалась старше сестер по уму и рассудительности. Она стояла молча, не проронив ни слова, потому что знала: речи сестер — святотатство.

— Эй, биби! — воскликнул падишах, бросив на нее гневный взгляд. — Ты молчишь? Почему?

— Если вы даруете мне жизнь и простите мое прегрешение, тогда я осмелюсь вам доложить, что лежит у меня на сердце, — отвечала царица, в знак смирения обвязав себе руки платком.

— Говори! — последовал приказ. — Что ты хочешь сказать?

— О тот, кому поклоняется мир! — продолжала царица. — Вы ведь слышали, что слова правды бывают горьки, поэтому, обращаясь к вам с ними, я подвергаю свою жизнь опасности. Но то, что всевышний предначертал в моей судьбе, уничтожить никто не в силах, и само оно тоже не исчезнет.

Ты можешь ноги в кровь стереть,
ты можешь лоб о пол разбить,
Но предначертанной судьбы
не умолить, не обойти.

Ведь царицей меня нарек тот же всемогущий правитель, который назначил вас падишахом, и в его делах никто не властен. Вы, наш благословенный отец, наша кибла и Кааба — величайшая наша святыня, и я должна прах с ваших следов класть себе на глаза, как сурьму, но все же судьба каждого из нас принадлежит всевышнему.

При этих словах падишах пришел в ярость — такой ответ был ему не по душе.

— Из ничтожных уст и такие громкие речи! — сказал он сердито. — В наказание за эту дерзость снимите у нее с шеи и рук все драгоценности и украшения, посадите ее в паланкин и бросьте в лесу, где нет и следов человека, — посмотрим, что написано ей на роду.

И вот, как приказал падишах, царицу, которая была воспитана в неге и ласке и нигде, кроме своего дворца, не бывала, посадили в паланкин и бросили среди ночи в крошечной тьме в таком месте, куда даже птицы не залетают, что уж и говорить о людях. Трудно описать, что

чувствовала царевна: кем она только что была и кем стала! Тут она обратилась с молитвою к богу и, уповая на его помощь, сказала:

— Ты — всемогущий: что ты хотел — то и сделал, что хочешь — то делаешь, что захочешь — то сделаешь. Поэтому я не потеряю веры в тебя, пока в груди у меня теплится дыхание.

И полная надежды, она сомкнула глаза.

Когда наступило утро, очи царевны раскрылись. Она позвала, чтобы ей подали умыться, и тут вспомнилось ей все, что произошло ночью.

— Разве ты забыла, где ты сейчас и где остались твои прислужницы? — сказала она, обращаясь к самой себе, и умылась песком. Потом она снова вознесла хвалу богу.

— О дорогой! — продолжала мамка. — Сердце мое готово было разорваться на части, когда я услышала о том, что претерпела царевна. Сколько могла бы эта невинная душа рассказать! Одним словом, сидя по-прежнему в паланкине, она, уповая на бога, читала такие стихи:

Когда жевать я не умел, бог посылал мне молоко,

а после, зубы подарив, насушный хлеб давал.

О том, что людям нужно есть, он не забудет никогда, как никогда зверей и птиц кормить не забывал.

Глупец! Зачем себе нашел ты множество забот?

Ведь никогда заботы плод съедобен не бывал.

А бог глупцам, и мудрецам, и всем дает, ты знаешь сам: молись о том, чтоб дар его тебя не миновал.

Поистине, когда нет никакого выхода, то вспоминают о боге, а так ведь каждый сам себе Лукман и Ибн-Сина.

Теперь послушай о деяниях господних. Три дня подряд не было у госпожи и крошки во рту. Ее тело, пышное словно цветок, стало сухим, как колпучка; нежная кожа цвета чистого золота приняла землистый оттенок корня куркумы; губы свело, взор погас, только грудь еще тихо вздымалась. Живо дыхание — жива и надежда. Наутро четвертого дня явился к ней дервиш, обликом похожий на Хизра, — со светлым лицом и ясной душой.

— Дочка! — обратился он к госпоже, видя печальное ее положение. — Хоть твой отец и падишах, но тебе было предопределено попасть в такую беду. Считай меня, нищего старика, своим слугой и устрями свои мысли к тому, кто тебя создал, — бог поможет.

Он положил перед госпожой еду, которая оставалась в его нищенской суме, а сам отправился искать воду. Смотрит: стоит колодец, но нет ни ведра, ни веревки,

чтобы достать воды. Тогда он сорвал с дерева несколько листьев, сложил их и скрепил в виде чаши, а потом снял с себя веревочный пояс и привязал к той посудине. Так ему удалось добыть воду и утолить голод и жажду царевны. Наконец-то она немного пришла в себя: Зная, что бедняжка одна и без помощи, сей божий муж долго ее утешал, успокаивал, не в силах сдержать слез сочувствия. Когда госпожа увидела, что его участие и сострадание не имеют границ, ей стало легче. С тех пор у них повелось, что старик с утра отправлялся в город за милостыней. Все куски, которые он получал, он приносил госпоже — тем она и кормилась.

Так прошло некоторое время. Однажды госпожа вознамерилась умастить голову маслом и расчесать волосы гребнем. Когда она распустила косы, из одной пряди выпало прекрасное жемчужное зерно. Госпожа попросила дервиша снести его в город, чтобы продать. Факир продал жемчужину и вырученные деньги принес госпоже.

— Сооруди здесь дом, в котором можно было бы жить, — велела тогда она.

— А ты, дочка, выкопай ямы под основание дома и собери немного глины, — ответил факир. — На днях я натаскаю воды, замешу глину и выложу прочные стены.

Царевна начала копать землю, как он сказал. Когда она вырыла яму по пояс, то увидела в ней дверцу. Госпожа очистила ее от земли, и перед ней открылась большая зала, полная золота и драгоценностей. Она взяла несколько горстей золотых монет, закрыла дверцу и, засыпав ее землей, заровняла сверху. Тем временем вернулся факир.

— Позови искусных и опытных в своем деле каменщиков, строителей и проворных рабочих, — повелела она. — Пусть быстро построят на этом месте царский дворец, чтобы он был под пару дворцу Кира и превзошел бы замок Нумана. Вокруг него пусть возведут стены, а рядом крепость, и сад, и водоем, и дом для странников, который не знал бы себе равных. Но прежде они должны составить на бумаге план всей этой постройки, чтобы я могла его оценить.

Факир привел умелых и опытных строителей, каких было нужно, и работа началась. Вскоре были подобраны слуги для всякого дела, такие, чтобы могли нести службу честно и хорошо. Понемногу весть о постройке роскош-

ного дворца дошла и до ушей падишаха, тени всевышнего, — отца нашей царевны. Он очень удивился и у всякого спрашивал, кто же все это затеял. Но никто ничего не смог ему доложить. Все смиренно прикладывали руки к ушам и говорили, что имя строителя им неизвестно. Тогда падишах послал к царевне амира и велел передать ей такие слова: *«Я хотел бы приехать полюбоваться этими местами, но не ведаю даже того, какой земли Вы царевна и какого Вы рода. Мне угодно знать обо всем этом».*

Лишь только госпожа услышала эти слова, радость охватила ее сердце, и она отвечала: *«Да пребудет в благополучии защитник мира! Весть о том, что Ваше величество намерены пожаловать к моей убогой хижине, принесла мне великую радость и преисполнила гордостью меня, ничтожнейшую. Сколь славна звезда того дома, где оставит свой след благословенная стопа, сколь счастлива судьба обитателей его, на которых падет тень полы процветания, а взгляд благосклонности осчастливит и место и жителей! Я, Ваша рабыня, надеюсь, что завтрашний день — день четверга, день благоприятный — будет для меня лучше, чем день Нового года. Вы сами, подобные солнцу, пожалуете сюда, и блеском своим озарите меня, ничтожную пылинку, и отведаете всего, что удастся добыть мне, бессильной, — и это есть верх благосклонности и снисхождения. Больше сказать я не смею».* Одарив посланца, царевна отпустила его обратно с этим письмом.

Падишах прочитал ее почтительный ответ и послал сообщить: *«Мы приняли Ваше приглашение. Будем непременно».*

Госпожа созвала слуг и велела все, что нужно для пиршества, приготовить так, чтобы падишах, увидав и отведав, пришел в восхищение, а все малые и великие, что придут вместе с ним у его стремени, тоже были б довольны. По приказу госпожи и под ее присмотром наготовили всяческих яств, соленых и сладких, таких вкусных, что попробуй их дочка брахмана, и та вмиг согласилась бы обратиться в мусульманскую веру. Вечером падишах в роскошных носилках пожаловал в дом к госпоже, и она со всеми приближенными, служительницами и подружками вышла навстречу. С таким искусством отдала она ему царские почести, что падишах, видя ее обращение, удивился еще больше, а она с тем же

блеском приняла его и усадила на усыпанный драгоценными камнями трон. Еще раньше госпожа велела соорудить помост из ста двадцати пяти тысяч слитков серебра. На нем поставили сто одно блюдо с драгоценностями и золотом и разложили шерстяные, шелковые и парчовые ткани, а еще привели двух слонов и десять лошадей, иракских и йеменских, в изукрашенной самоцветами сбруе — все это для подарка падишаху. Сама же она почтительно предстала перед ним, сложив руки.

— Какой земли вы царевна? — спросил падишах очень милостиво. — И как случилось, что вы попали сюда?

— Ваша рабыня — та самая грешница, которую вследствие царского гнева бросили в этом лесу, а все, что вы видите вокруг, — чудо всевышнего, — доложила царевна с надлежащим почтением.

При этих словах падишах почувствовал волнение в крови. Он поднялся, любовно обнял царевну, потом, взяв ее за руку, велел приготовить ей место рядом с тронном и усадил, не переставая изумляться.

— Пойдите, — повелел он, — скажите царице, чтобы она поскорей приходила сюда вместе с царевнами.

Мать и сестры вскоре явились и узнали нашу госпожу. Они принялись обнимать ее, плакать и благодарить бога. Госпожа выставила перед родительницей и сестрами столько денег и драгоценностей, что сокровища всего мира не смогли бы с этим сравниться. Потом падишах, усадив всех вместе с собою, изволил откусать.

Пока защитник мира был жив, все так и шло; то он приезжал в гости к царевне, то увозил ее к себе во дворец. Когда же он удалился в другой мир, правление страной перешло к госпоже, потому что для этого никто так не подходил, как она.

О дорогой! Такова история, которую ты услышал. Надо добавить, что данное богом богатство не истощается. Нужно только, чтобы у человека были добрые намерения, а там — сколько ни трать, столько и вернется обратно. Удивляться же могуществу бога не принято ни в какой вере.

Если ты утвердился в решении поехать в Нимроз и привезти объяснение, которого жаждет царевна, — закончила мамка, — то отправляйся скорей.

— Я сию же минуту иду, — отвечал я. — Даст бог, скоро вернусь.

Распроставшись и уповая на милость Аллаха, я двинулся в путь. Переноса каждый день столько трудностей, что их достало бы на год, я прибыл в город Нимроз. Все жители, какие мне попадались, и воины и торговцы, носили черное платье. Все, о чем мне рассказывали, я увидел теперь своими глазами. Через несколько дней наступило новолуние. В первый день нового месяца городской люд: старые и малые, дети и подростки, амиры и падишах, женщины и мужчины — все собрались в поле за городом. Я тоже, охваченный волнением и нетерпением, под видом факира, который лишился своей страны и имущества, смешался с этой толпой и ждал, что за чудо покажут мне небеса. Между тем из лесу верхом на быке, испуская громкие вопли, выехал юноша. И тут я, несчастный, я, который с таким трудом добрался сюда, чтобы о нем разузнать, при одном только виде его растерялся и застыл в изумлении. Юноша, сделав все, как мне говорили, удалился обратно, и народ двинулся в город. Только тогда пришел я в себя и стал причитать: «Что ты наделал?! Теперь снова надо ждать целый месяц!» Поневоле пошел я вместе со всеми и весь этот месяц провел как пост Рамазан, отсчитывая день за днем. Наконец снова пришло новолуние, а для меня словно праздник настал. На заре падишах вместе с народом опять отправился на то же поле. Я твердо решил про себя, что на сей раз — будь что будет — я должен взять себя в руки и разобраться в этом поразительном деле.

И вот, как обычно, верхом на желтом быке, явился тот юноша и, сойдя наземь, уселся, подогнув ноги. В одной руке у него был обнаженный меч, в другой — уздечка быка. А вазу, которую он держал перед тем, он отдал рабу. Тот пошел показывать ее всем присутствующим, и люди, взглянув на нее, принимались рыдать. Потом юноша разбил эту вазу и нанес рабу такой удар мечом, что разом отсек ему голову, а сам сел верхом и поехал назад. Я бросился следом за ним, но горожане схватили меня за руки.

— Что ты делаешь? — говорили они. — Зачем идешь на верную смерть? Если тебе жизнь надоела, так разве мало других способов умереть? Воспользуйся ими.

Как я их ни упрасивал, как ни старался вырваться из их рук, они меня не пустили. Несколько человек повисли на мне и потащили в город. Я был страшно раздосадован — ведь опять пропал целый месяц.

Пришел конец и этому месяцу, и, когда настал день новолуния, весь народ утром снова столпился на том же месте. Но на сей раз я ушел один в час утренней молитвы и спрятался в лесу, который лежал на пути того юноши, — уж там-то никто не должен был мне помешать. Молодой человек появился точно так же, как прежде, и, совершив все свои действия, поехал обратно.

Я последовал за ним и бежал что было сил. Услышав мои шаги, он догадался, что его кто-то преследует. Внезапно натянув поводья, он издал грозный вопль, выхватил меч и бросился мне навстречу, намереваясь ударить. Я с крайней почтительностью склонился в приветствии, покорно сложив руки. Тогда он, как благовоспитанный человек, обратился ко мне:

— Эй, факир! Ты мог бы пропасть ни за что, но спасся от смерти. Тебе еще суждено пожить на свете. Куда ты направляешься? — Он снял с пояса усыпанный самоцветами кинжал с жемчужной подвеской и, бросив его мне, продолжал: — Сейчас у меня нет с собой денег подарить тебе. Снеси эту вещь падишаху, и ты получишь все чего ни попросишь.

Мной овладел такой ужас, что я не смел вымолвить слова и не мог даже шагу ступить. Голос у меня пропал и ноги окаменели.

Между тем доблестный юноша с криком двинулся дальше, а я подумал про себя: «Будь что будет! Отстать для тебя теперь хуже всего — впредь такой случай уже не представится». Махнув рукой на опасность, которой я подвергался, я опять пошел вслед за ним. Он обернулся и, снова увидев меня, сильно разгневался, стал грозить и готов был убить меня. Я покорно согнул шею и, заклинающая его всем святым, произнес:

— О Рустам наших дней! Ударь меня так, чтобы разом надвое рассечь мое тело, чтобы даже полоска кожи не связывала обе его половины, тогда я избавлюсь от своих мучений и всех этих бедствий. Я прощаю тебе свою кровь.

— Эй, образ сатаны! — ответил он. — Зачем хочешь ты навязать мне свою неповинную кровь и ввести меня в грех? Иди своей дорогой. Что, тебе жизнь надоела?

Я не слушал его и продолжал идти сзади, а он, видно, решил пренебречь этим, и так я преследовал его, не отставая. Пройдя несколько верст, мы вышли из зарослей, и перед нами оказалась ограда. Юноша подошел

к воротам, издал страшный вопль, и они сами собой отворились. Он удалился во двор, а я остался снаружи. «Аллах! Что мне теперь делать?» — думал я в беспокоестве. Но некоторое время спустя вышел раб и сказал:

— Войди, хозяин зовет тебя. Наверно, ангел смерти реет над твоей головой. Какая злая судьба привела тебя?

— Напротив, это мое счастье! — ответил я и бестрепетно вошел во двор.

Раб привел меня в дом, где сидел молодой человек. Я отвесил ему земной поклон, и юноша подал мне знак садиться. Тогда я покорно сел, скрестив ноги. С изумлением вижу, что юноша сидит один на маснаде, перед ним лежат инструменты ювелира и он кончает складывать узор из изумрудов. Когда подошло время ему подниматься, все рабы, какие только стояли вокруг его трона, попрятались по комнатам; я тоже в страхе укрылся в какой-то каморке. Юноша встал, запер двери всех помещений, потом направился в угол сада и принялся бить быка, на котором он ездил. Когда рев животного дошел до моих ушей, сердце мое затрепетало; но ведь для того чтобы раскрыть эту тайну, я перенес столько лишений. Как мне ни было страшно, я открыл дверь и, спрятавшись за толстым деревом, стал наблюдать. Юноша отбросил вдруг палку, которой он бил быка, отворил ключом одну из дверей и вошел в дом. Выйдя вскоре обратно, он погладил быка по спине, поцеловал его в морду и, задав ему корма, пошел оттуда. Увидав это, я бросился назад и спрятался в том же чуланчике. Тем временем юноша отпер все двери, и слуги вышли наружу с вышитым золотом ковриком, кувшином и умывальным тазом. Он совершил омовение и встал на молитву. Окончив намаз, он спросил:

— Где же тот дервиш?

Едва лишь я услышал, что он поминает меня, я выбежал и встал перед ним.

— Садись, — соизволил он предложить.

Я с поклоном уселся. Принесли еду. Он принялся за нее, пригласив и меня. Я поел вместе с ним. После того как убрали дастархан, мы вымыли руки и он отпустил рабов, отправив их спать. Когда в покоях никого, кроме нас, не осталось, он обратился ко мне:

— Дорогой! Что за беда приключилась с тобой, что ты отправился искать себе смерти?

Я подробно поведал ему все, что случилось со мной, с начала и до конца.

— Надеюсь, что благодаря вашей милости я смогу достичь своей цели, — заключил я.

В ответ на это он тяжело вздохнул и в смятении чувств воскликнул:

— О боже великий! Кто, кроме тебя, знает, что такое муки любви?! Тому, у кого от мороза не трескались пятки, как понять чужие страдания? Силу боли моей поймет только тот, кто сам изведал ее.

О муке, которую дарит любовь,
узнай у того, кто любит сильнее,
О ней ты у искреннего спроси,
ну что притворщик знает о ней!

Спустя мгновение он овладел собою, испустив мучительный вздох, который разнесся по всему дому. Тут мне стало ясно, что и он подвергся несчастьям любви и болен той же болезнью, которая мучит меня.

— Я доложил вам о себе все, — сказал я тогда, набравшись смелости. — Соизвольте быть так любезны, поведайте мне вашу историю, тогда я первым делом постараюсь помочь вам, в чем только смогу, и приложу все усилия, чтобы достать желанное вашему сердцу.

Одним словом, видя мое сочувствие и сострадание, этот безутешный влюбленный принялся рассказывать мне о своих похождениях.

— Слушай, дорогой! — начал он. — Я, несчастный, — царевич этой страны Нимроз. Когда я родился, падишах, мой отец, призвал звездочетов, предсказателей и мудрых пандитов. Он повелел им изучить положение звезд и, составив точный гороскоп новорожденного, подробно доложить обо всем, что должно с ним случиться в каждый миг, минуту и час, в каждый день, месяц и год его жизни. Следуя этому приказанию, все они собрались вместе и определили мою судьбу, всякий, как позволяли ему его искусство и знания. «По милости божьей, — донесли они падишаху, — рождение царевича свершилось в такой добрый час и счастливый момент, что он, наверное, создаст себе такую же империю, как Александр Македонский, будет справедлив, как Нуширван, преуспеет во всех науках и искусствах, какие бывают на свете, и всякое дело,

к которому он почувствует склонность, будет ему удаваться. Великодушием же и мужеством он обретет такую славу, что люди забудут Хатима и Рустама. Но до четырнадцати лет глядеть на солнце и на луну ему очень опасно; есть даже угроза, что от этого он может лишиться рассудка и тогда прольет кровь многих людей, отрешится от мира и удалится в леса, чтобы там усладить свое сердце обществом диких животных. Единственный способ избежать этого — днем и ночью беречь его от солнечного и лунного света, не давать ему даже взглянуть на небо. А если опасный срок минует благополучно, то весь век свой он будет править страной в мире и счастье».

Выслушав их, падишах велел заложить эту усадьбу, построить в ней покои всякого рода, и здесь стали воспитывать меня в подземельях, закрытых войлочным куполом, сквозь который не мог пробиться даже тончайший луч солнца или луны. Меня растили под такой защитой в роскошных покоях, в окружении мамок, нянек, кормилиц, служанок; а для обучения ко мне был приставлен мудрый и опытный наставник: он должен был преподавать мне все науки и выучить писать семью красивыми почерками. Защитник мира — отец мой — постоянно справлялся обо мне, и ежедневно ему докладывали обо всем, чем я занимался. Мой дом казался мне целым миром; я забавлялся всевозможными игрушками и цветами, и дары всей земли украшали мой стол — ешь, что только хочешь. К десяти годам я овладел всеми искусствами и родами занятий, какие только можно придумать.

Однажды прямо под куполом я увидел странный цветок, который рос у меня на глазах. Я хотел схватить его, но, как ни тянулся, он все время выскальзывал из-под рук. В изумлении я уставился на него, в это время до моих ушей донесся чей-то смех. Я поднял глаза и вижу: сквозь разорванную кошму смотрит лицо, прекрасное как лик луны. При виде его я едва не лишился чувств и рассудка. Когда же, овладев собой, я взглянул снова, то рассмотрел усыпанный самоцветами трон, который стоял на плечах бесподобных красавиц, а на нем увидел царственную перу в драгоценной короне и великолепном наряде — она восседала с яхонтовой чашей в руке и пила вино. Трон тихо, тихо спустился с высоты и встал на пол. Перу подозвала меня, усадила рядом с собою

и обратилась ко мне со словами любви. Потом сомкнула уста с моими устами и напоила меня целой чашей ароматнейшего вина.

— Рожденные людьми вероломны, — сказала она, — но сердце мое стремится к тебе.

Своими ласковыми, нежными речами она вмиг покорила мою душу. Счастье охватило меня, я почувствовал радость жизни и понял, что лишь сегодня вступил в мир. Однако ж, увы, что я теперь собой представляю! Зато никто, верно, не испытал такого счастья и не слышал о нем!

Мы сидели вдвоем, объятые радостью встречи, как вдруг наше блаженство прервалось.

Слушай, что я расскажу об этом неожиданном событии. Внезапно спустились с небес четыре красавицы пери и что-то сказали моей возлюбленной на ухо. Выслушав их, она изменилась в лице и обратилась ко мне:

— Милый! Мне хотелось бы еще не один миг наслаждаться, сидя рядом с тобой, и впредь постоянно сюда приходить или же брать тебя к себе, но небеса противятся тому, чтобы мы вместе вкушали радость и блаженство. Прощай, любимый! Да хранит тебя бог.

При этих словах голова у меня закружилась, и счастье упорхнуло от меня, как птица из рук.

— Госпожа моя! — вскричал я. — Когда же мы встретимся снова? Что за жестокие речи вы говорите? Если вернетесь скоро, то еще найдете меня живым, а нет — вам останется только скорбеть. Скажите хоть, как ваше имя и где вас найти, чтобы я знал, куда направить свой путь.

— Боже избави, — отвечала она. — Да не коснутся твои речи ушей шайтана. Дай тебе бог дожить до ста двадцати лет: быть бы живому, а встречи-то будут. Я дочь шаха джиннов и живу на горе Каф.

С этими словами она поднялась вместе с тронном и улетела так же, как появилась. Пока она еще была видна, мы не сводили друг с друга очей, но лишь только она исчезла из глаз, я стал словно бы одержимым: душу охватила неизъяснимая грусть, ум и рассудок оставили меня, мир потемнел перед глазами. Несчастный и безутешный, я принялся громко плакать, посыпать голову прахом и рвать на себе одежды. У меня пропал вкус к еде, и я стал ко всему безразличен.

Любовь приносит так много бед,
Что сердцу от горя спасенья нет.

Няньки и мой наставник увидели, что со мной приключилось что-то неладное. В страхе направились они к падишаху.

— Царевич сам не свой, — докладывали они. — Не понять, что за беда неожиданно разразилась над ним: он лишился сна и покоя, отказался от еды и питья.

Тогда падишах взял с собою всю свиту: везира, мудрых амиров, искусных лекарей, пронизательных звездочетов, ученых, мулл, ходжей и набожных дервишей — и пожаловал ко мне в усадьбу, озарив ее своим блеском. Видя мое отчаяние и неутешные слезы, он сам взволновался. Глаза его увлажнились, в порыве чувств он прижал меня к груди и повелел найти средство лечения. Лекари прописали мне снадобье, чтобы вернуть силу духа и изгнать меланхолию. Муллы написали на бумажках заклинания, чтобы я носил их на теле как амулеты или проглатывал, запивая водой; бормоча молитвы, они стали дуть на меня. Звездочеты сказали, что эта беда вызвана положением звезд и нужно принести жертву. Одним словом, всякий рассуждал так, как велело ему его ремесло. Но страдания, что терзали мою душу, переносил я один: ничьи советы, ничьи ухищрения мне не помогали, и день ото дня мое безумие становилось сильнее, а тело, лишенное пищи, слабело. Дни и ночи напролет я рыдал и бился в истерике.

Так прошло три года. На четвертый приехал к нам странствующий купец. Он принес в дар защитнику мира поразительнейшие диковинки со всех концов земли и выразил ему свое почтение. Падишах принял его очень любезно и, расспросив о делах и здоровье, сказал:

— Вы повидали много стран. Не повстречался ли вам где-нибудь искусный лекарь или не слышали ли вы о таком?

— О тот, кому поклоняется мир! — воскликнул купец. — Я много поездил, и вот что я видел. В Хиндустане есть гора посредине реки. На ней святой отшельник, не стриженный волос, воздвиг большой храм Махадевы, устроил место для богослужений и вырастил цветущий сад. Там он и живет, и есть у него один обычай. Каждый год в день праздника шеверат он выходит из своей обители и с наслаждением погружается в реку. Когда он после омовения направляется к своему обиталищу, у дверей его ждет огромная толпа больных и страждущих из самых

дальних стран и земель. Этот святой человек, которого следует назвать Платоном нашего времени, обходит их, исследуя мочу и пульс каждого, и дает им советы. Господь наделил его таким искусством исцеления, что стоит лишь больному выпить его лекарства, как результат сразу же дает себя знать и недуг исчезает бесследно. Я видел это своими глазами и дивился могуществу бога, создающего себе таких слуг. Если вы соизволите, мы отвезем туда царевича и покажем его отшельнику. Я уверен, сын ваш скоро выздоровеет. Я думаю также, что один лишь воздух в незнакомых краях и непривычная пища вернут царевича к хорошему расположению духа.

Совет купца понравился падишаху.

— Превосходно, — сказал он обрадовавшись, — может быть, рука целителя преуспеет и в этом деле и печаль оставит сердце моего сына.

Он назначил сопровождать меня вместе с купцом доверенного амира, опытного во всяких делах и повидавшего мир, и снабдил нас всем необходимым в дорогу. Снарядили целый флот: лодки и барки, парусники и галеры — чего только не было. Погрузили на них наше имущество, и падишах распрощался с нами. Переход за переходом, мы добрались до назначенного места. Новый воздух и новая пища укрепили мое здоровье, но я по-прежнему не произносил ни слова и беспрестанно плакал. Воспоминания о моей пери ни на миг не оставляли меня. Если я и раскрывал временами уста, то только чтобы произнести такое двустийше:

Ах, если б знал я, какую пери
был мне подарен тот взгляд лукавый,
Ведь сердце не ведая боли билось,
Пока не впитало его отравы.

По прошествии двух-трех месяцев на острове собралось около четырех тысяч больных, и все твердили одно: «Бог даст, святой отшельник выйдет из своей кельи и принесет нам полное исцеление своим советом».

И вот, когда наступил ожидаемый день, поутру, словно солнце, появился отшельник. Он сошел в реку, стал купаться и плавать, доплыл до другого берега, вернулся и, выйдя, покрыл все свое тело золою и прахом. Его белое тело исчезло под пеплом, как прячется в золе пы-

лающий уголь. Лучшим малабарским сандалом он поставил себе на лоб тикку, повязал ланготи, набросил на плечи платок, завязал узлом волосы, закрутил усы и надел туфли на каблуках. По лицу его было видно, что весь мир не имеет в его глазах ни малейшей цены. Держа под мышкой украшенный самоцветами пенал, он обходил всех по очереди, осматривал и раздавал предписания и, наконец, приблизился ко мне. Когда он взглянул на меня и взоры наши скрестились, он остановился, погруженный в раздумье.

— Пойдемте со мной, — молвил он затем, и я пошел следом за ним.

Обойдя всех больных, он отвел меня в свою обитель и показал мне удобную красивую келью.

— Живите здесь, — сказал он и удалился к себе.

По прошествии сорока дней он посетил меня и нашел, что мне стало лучше, чем было прежде.

— Прогуливайтесь по нашему саду и ешьте плоды, какие понравятся; — разрешил он с улыбкой. Тут же он дал мне китайскую чашу с лекарственным снадобьем и продолжал: — Каждый день пейте это лекарство по глотку натошак.

С этими словами он оставил меня.

Я стал делать как он велел. С каждым днем я чувствовал, что в теле набираются силы и в сердце появляется радость. Но власть любви оставалась непобедимой: образ моей пери неотступно витал у меня перед глазами.

Однажды на полке попался мне толстый том. Я взял его и увидел, что все знания, какие дают вера и жизнь, собраны в нем, — великое сосредоточено в малом, словно море в кувшине. Дни и часы напролет я проводил над этой книгой и многое постиг в лечебном искусстве и в заклинании духов. Тем временем пролетел год, и вновь наступил тот день радости. Святой йог поднялся со своего места и вышел из кельи. Когда я приблизился к нему с приветствием, он вручил мне пенал и велел его сопровождать. Лишь только показались мы за воротами, целые толпы народу обратились к нему с благословениями. Были тут и амир с купцом, которые меня привезли. Увидав меня рядом с отшельником, они бросились ему в ноги, изъявляя свою благодарность.

— По вашей милости, — говорили они, — он наконец поправился.

Следуя обычаю, отшельник спустился к реке, так же как всякий год, совершил омовение и прочитал молитву. На обратном пути он принялся за осмотр больных.

Случайно в группе безумцев попался ему на глаза красивый молодой человек, который от слабости не мог даже стоять. Отшельник велел мне пригласить его к нам. Когда, раздав всем советы и предписания, мы пришли назад в келью, отшельник проделал в черепае больного небольшое отверстие и хотел вытащить щипцами сороконожку, которая сидела в мозгу. Тут я сообразил, что, если он наложит щипцы ей на спину, сперва раскалив их в огне, она вылезет без труда, если же станет тянуть просто так, она не захочет расстаться с мякотью мозга, и это подвергнет опасности жизнь больного. Так я ему и сказал. Услышав это, он взглянул на меня, молча поднялся и ушел в угол сада; там он обнял руками дерево и задушил себя петлей из своих же волос. К тому времени как я подбежал и увидел все это, отшельник — увы, увы! — был уже мертв. Я очень огорчился, видя такое странное дело, но мне ничего больше не оставалось, как только похоронить старика. Когда я стал отделять тело от дерева, из спутанных прядей волос выпали два ключа. Я подобрал их, а отшельника — кладезь добродетели — предал земле. Потом каждым из ключей начал пробовать все замки в доме, и вот запоры двух келий удалось отпереть. Вижу, с полу до потолка они полны драгоценных камней, а в одном месте лежит шкатулка, обитая бархатом, украшенная золотыми пластинками и запертая на ключ. Открыв ее, я увидел книгу, в которой записаны величайшее имя Аллаха, способы, как вызывать джиннов и пери, как встретиться с духами и как подчинить себе движение солнца.

Я был рад получить такое богатство и решил им распорядиться: открыл ворота обители и приказал посланному со мной амиру и его помощникам затребовать корабли, погрузить на них все эти деньги, товары, драгоценности, книги и отплыть с ними морем на родину. Когда, пробыв долго в пути, мы приблизились к дому, весть о нашем возвращении дошла до падишаха. Он выехал навстречу и, не помня себя от радости, любовно прижал меня к сердцу.

— Дозвольте мне, ничтожному, жить в моей старой усадьбе, — попросил я его, облобызав ему стопы.

— Благословенный сын! — отвечал он. — Это место,

по нашему мнению, оказалось несчастливый, поэтому за усадьбой перестали смотреть и ухаживать; она уже не годится для жилья человеку. Устройся в любом дворце, в каком только захочешь. Было бы лучше всего, если бы ты выбрал место где-нибудь в крепости и жил перед моими глазами, а для прогулок и развлечений разбил себе сад, какой будет угодно.

Но я твердо стоял на своем и поселился в старой усадьбе, отстроив ее заново и уподобив сад раю. Потом, отстранившись от дел, я выдержал сорокадневный пост, чтобы подчинить себе джиннов, и в удалении от всех живых существ стал готовиться вызывать нечистую силу.

Когда окончились эти сорок дней, среди ночи вдруг поднялась такая буря, что начали падать самые большие дома, а вырванные с корнем деревья летели по ветру. Затем показалось целое войско пери, спустился по воздуху трон, а на нем восседал некто блистающий в жемчужном венце и роскошном халате. Едва завидев его, я с большой почтительностью поздоровался. Он ответил на мое приветствие и сказал:

— Эй, дорогой! Что понапрасну тревожишь нас? Чего тебе нужно?

— Я, беспомощный, давно уж люблю вашу дочь, — доложил я ему. — Я измучился и истомился сверх всякой меры, душа во мне умерла. Жизнь опостылела мне, я готов поставить ее на карту, потому и занялся такими делами. Теперь уповаю только на вас, возвысьте своей милостью меня, страдающего и смущенного, и, разрешив увидеться с ней, подарите мне жизнь и покой — это было бы величайшим благодеянием.

— Люди созданы из праха, а мы — из огня, — ответил он на мою просьбу, — соединиться одному с другим нелегко.

— Я стремлюсь только увидеть ее и не желаю ничего больше, — стал клясться я.

— Люди не держат своего слова, — ответил тогда сей венценосец. — Когда они стремятся достичь желаемого, то обещают все что угодно, но потом забывают свои клятвы. Я говорю это для твоего же блага: если впоследствии ты захочешь чего-нибудь большего, оба вы — и ты и она — окажетесь на краю гибели; тогда сама жизнь твоя будет в опасности.

Я снова поклялся ему, что не сделаю ничего, могущего принести зло нам обоим, а только взгляну на нее. Так

продолжался наш разговор, и вдруг явилась в пышном уборе та самая пери, о которой шла речь, а трон шаха джиннов исчез. Не в силах сдержать себя, я обнял ее с нежным пылом и прочитал такое двустишие:

Наконец-то со мною та, чьи брови как луки,
Та, во имя которой сорок дней я постился.

Счастливые, мы стали жить вместе в моей усадьбе. Боясь беды, я позволял себе только невинные ласки и все любовался ею, о другом не смея и думать. Моя пери поражалась про себя моей верности данному обещанию.

— Милый! — говорила она мне время от времени. — Ты хоть и крепко держишь слово, но мой совет тебе: храни хорошенько свою книгу. Ведь не сегодня, так завтра джинны подстерегут тебя и похитят ее.

— Я берегу ее, как собственную жизнь, — отвечал я.

Но как-то ночью шайтан соблазнил меня. От страсти не владея собой, я подумал: «Будь что будет! До каких пор стану я себя сдерживать?» — и прижал красавицу к сердцу с намерениями самыми дерзкими. Вдруг раздался голос: «Дай мне книгу: в ней написано величайшее имя — не оскорбляй его». В исступлении я совсем лишился рассудка и, вынув книгу из-за пазухи, беспрекословно отдал ее, оставаясь во власти желания.

— Ах мучитель! — вскричала красавица, видя мой неразумный поступок. — Ты все-таки нарушил обещание и забыл мой совет.

С этими словами она лишилась чувств, и у ее изголовья я увидел дэва, который стоял, держа книгу. Я хотел схватить его, избить хорошенько и отнять книгу, но в это время другой дэв выхватил ее у него и убежал. Я принялся читать заклинания, какие мог вспомнить. Джинн, который остался стоять, обратился в быка, но — увы! — пери все так же была без сознания, и с тех пор она спит волшебным сном и не приходит в себя.

Тут рассудок мой помутился; все радости обернулись для меня горестью. Я почувствовал отвращение к людям, уединился в этом саду и, чтобы отвлечься, делаю украшенные изумрудами вазы. Каждый месяц выезжаю я на заколдованном быке в поле и, разбив вазу, убиваю раба, для того чтобы все видели, как я страдаю, и горевали вместе со мной. Может быть, найдется среди слуг

божьих кто-нибудь, кто сжалится и помолится за меня; тогда и я вновь обрету свое счастье. О друг! Вот я и поведал тебе, как я стал безумцем.

Выслушав его рассказ, я воскликнул, не в силах удержаться от слез:

— О царевич! Ты поистине изведаль в любви великие бедствия. Но клянусь, теперь я, отрешившись от собственных стремлений, пушусь скитаться по лесам и горам ради твоего дела и совершу для тебя все, что в моих силах.

Пообещав это, я распрощался с ним и пять лет, как одержимый, бродил по разным местам, но никакого средства помочь ему не нашел. Наконец, совсем отчаявшись, я забрался на гору и хотел броситься вниз, чтобы переломало мне все кости и ребра. Тут явился тот же всадник в зеленом плаще и произнес:

— Не губи свою жизнь. Через несколько дней ты достигнешь желаемой цели.

О дервиши, преданные Аллаху! Моя встреча с вами уже состоялась. Теперь, надеюсь, по милости божьей мы обретем радость и счастье и все обездоленные получат то, что они ищут.

История падишаха Азадбахта

Когда второй дервиш кончил рассказ о своих похождениях, ночь подошла к концу и наступило утро. Падишах Азадбахт молча отправился домой. Придя во дворец, он совершил намаз, потом искупался в бассейне, надел парадный халат и вышел в зал общих приемов.

— Пусть начальник стражи пойдет в такое-то место, — воссев на трон, повелел он. — Там находятся четыре факира. Пусть он с почетом приведет их сюда.

Подчиняясь велению падишаха, начальник стражи пошел, куда было указано. Видит, там четверо нищих, освобождаясь от нужды и омыв лицо и руки, собираются идти каждый своею дорогой.

— Почтенные! — обратился к ним посланный. — Па-

дишах призывает вас к себе. Извольте пойти со мной.

— Господин! — заявили дервиши стражнику, переглянувшись друг с другом. — Мы сами правим своими сердцами, что за дело до нас мирскому правителю!

— О слуги Аллаха! — отвечал тот. — Не тревожьтесь. Если вы пойдете, все будет как нельзя лучше.

Тут четверо сообразили: ведь это сбывается предсказание Муртаза Али. Обрадовавшись, они последовали за начальником стражи. Войдя в крепость и представ перед падишахом, дервиши произнесли благословение:

— Отец наш! Да сопутствует тебе счастье!

Падишах удалился в зал частных приемов, пригласил нескольких приближенных амиров и приказал:

— Позовите тех четверых, которые одеты в рубища.

Когда они вошли, он велел им сесть и изволил осведомиться:

— Откуда вы к нам явились и куда намерены отправиться дальше? Где ваша обитель?

— Да продлится век падишаха и приумножится богатство его! — отвечали они. — Мы факиры. Мы блуждаем так уже долгое время, и дом наш у нас на плечах — ведь говорят: где застанет факира вечер, там и дом ему. А рассказать обо всем, что мы повидали в этом полном превратностей мире, невозможно — когда бы мы кончили?

Азадбахт успокоил и обласкал факиров; он велел подать кушанья и усадил их перед лицом своим. Когда же они покончили с едой, падишах снова повел речь:

— Поведайте мне без утайки о своих похождениях, а я сделаю для вас все, что в моих силах, и не остановлюсь ни перед чем.

— У нас не хватит сил рассказать обо всем, что с нами стряслось, а падишах не найдет удовольствия в том, чтобы это слушать. Поэтому лучше простите нас, — отвечали факиры.

— Там, где вы ночью рассказывали друг другу свои приключения, был и я, — сказал им на это падишах улыбаясь. — Посему истории двух дервишей я уже слышал. Теперь хочу, чтобы два других тоже рассказали нам о себе и чтобы все вы несколько дней в покое и довольстве провели у меня, — говорят ведь: след дервиша отгоняет беду.

Услышав от падишаха такие слова, факиры задрожали, объятые страхом, и, опустив головы, хранили молча-

ние — у них не было сил говорить. Азадбахт же, видя, что их робость и смятение чувств не дают им вымолвить слова, соизволил сказать:

— В этом мире, наверное, нет человека, с которым не случилось бы хоть какого-нибудь удивительного и чудесного происшествия. Хоть я и падишах, я тоже видел немало. Об этом я вам расскажу сейчас первый, вы же слушайте, ничего не страшась.

— Благополучие падишаху! — воскликнули дервиши. — Раз ваша милость к факирам так велика, то соблаговолите начать.

И Азадбахт принялся рассказывать свою историю:

Повесть мою и мои поученья слушайте,
Про жизнь падишаха, про скорбь и мученья слушайте,
Все то, что я видел, все то, что я слышал, выскажу,
Знавал я и радости и огорченья, слушайте.

Когда скончался мой родитель, на сей престол воссел я, а было то в самом расцвете моей юности. Власть моя простиралась на всю страну Рум. Раз как-то приехал сюда купец из Бадахшана и привез множество товаров. Придворные донесли мне, что столь богатый купец чикогда еще не бывал в нашем городе. Я потребовал его к себе.

Он явился и преподнес мне дары разных стран света, вполне достойные моего сана. Поистине, каждая вещь казалась бесценной, но и среди них выделялся лежавший в шкатулке рубин удивительно красивого цвета, чистойшей воды и правильной формы; весом же он достигал пяти мискалей. Мне он понравился: никогда раньше я не видел подобного камня и даже не слышал о таком. Щедро вознаградил я купца, оказал ему почести и велел написать подорожную грамоту, чтобы во всех наших владениях никто не чинил препятствий его торговым делам и чтобы всюду, куда он ни поедет, устраивали его со всеми удобствами, приставляли бы для охраны стражу и убытки его почитали бы за свои. Во дворце, беседуя со мной, купец показал, что умеет держать себя при дворе, и речами его можно было заслушаться. А рубин я каждый день с той поры требовал приносить из сокровищницы и любовался им у всех на виду.

Однажды я восседал в зале собраний. Тут же стояли, расположившись по чину, амиры и столпы государства. Присутствовали и послы от падишахов всех стран — они

пришли приветствовать меня. Тем временем я, как обычно, послал за рубином. Хранитель казны принес мне его, я взял камень в руки и начал хвалить, а потом передал послу из Фаранга. Тот взглянул, улыбнулся и льстиво произнес похвалу. Так камень шел из рук в руки, каждый смотрел, и все в один голос твердили: «Только благосклонность счастливой судьбы вашего величества помогла вам получить этот камень. Ведь ни одному падишаху до сих пор не попадало в руки такое бесценное сокровище».

В то время везиром при мне был мудрый придворный — его назначил на этот пост еще мой отец.

— Я хочу вам кое-что доложить, — обратился он с почтительным поклоном. — Соизвольте даровать жизнь.

— Говори, — велел я.

— О тот, кому поклоняется мир! — начал он. — Вы падишах, а падишаху не следует превозносить так высоко какой-то камень. Пусть форма и цвет его бесподобны, но все же это лишь камень. Здесь собрались послы разных стран. Когда они разъедутся по своим городам, то, конечно, будут рассказывать о вас: «Что это за падишах! Получил откуда-то рубин и считает его такой диковинкой, что изо дня в день требует его приносить и расхваливает перед всеми». Тогда падишах или раджа, который услышит об этом, станет смеяться над вами при всей своей свите. Государь! В Нишапуре есть ничтожный купец. Так он двенадцать подобных рубинов, в семь мискалей каждый, вставил в ошейник и повесил на шею собаке.

Едва я это услышал, меня охватил такой гнев, что, не помня себя, я вскричал:

— Отрубить голову этому везиру!

Палачи тотчас схватили его и потащили, но посол из Фаранга выступил вперед, скрестив почтительно руки.

— Что тебе нужно? — спросил я.

— Я хотел бы узнать, в чем провинился везир, — произнес он.

— Что может быть большим грехом, чем ложь? — ответил я. — И хуже всего лгать перед лицом падишаха.

— Лживость его слов еще не установлена, — возразил тот, — может быть, все, что он доложил, окажется правдой. Казнить же не разобравшись невинного — несправедливо.

— Уму непостижимо, — отвечал я на это, — чтобы ка-

кой-то купец, который в поисках выгоды изнуряет себя, скитаясь словно бездомный из города в город, из страны в страну, и собирает грош за грошом, вставил бы в ошейник собаке двенадцать рубинов весом каждый по семь мискалей!

— Нет ничего удивительного в могуществе бога, — настаивал посол из Фаранга. — Может случиться и это. Такие диковинки нередко попадают в руки купцов и факиров, потому что и те и другие странствуют по разным землям и привозят оттуда все, что им попадет. Раз вы считаете, что везир виноват, его бы следовало ввергнуть в темницу. Ведь везиры — это ум падишахов, и не подобает повелителям приказывать казнить своих подданных за слова, ложность или правдивость которых еще не доказана, забывая при этом всю их прежнюю верную службу и преданность. Благополучие падишаху! Владыки прежних времен для того и возвели тюрьмы, чтобы падишахи или правители, когда разгневаются на кого-нибудь, заключали туда провинившегося. Если же через несколько дней гнев уляжется и обнаружится невинность узника, падишах не будет запятнан безвинно пролитой кровью и ему не придется нести ответ в Судный день.

Как ни старался я убедить его, он обезоруживал меня своими рассудительными речами, и мне нечего было ответить.

— Хорошо, — сказал я наконец. — С тем, что ты говоришь, стоит согласиться. Я не стану проливать его кровь, но он будет брошен в темницу. Если его слова о рубинах в ошейнике у собаки подтвердятся в течение года, его отпустят на волю, а нет — он умрет мучительной смертью.

И тут же я повелел заключить везира в тюрьму. Услыхав мой приказ, посол поклонился мне в землю и удалился.

Когда известие о происшедшем достигло семьи везира, поднялся плач и вопли и дом его стал обителью траура. У везира была единственная дочь лет четырнадцати — пятнадцати, очень красивая и одаренная всяческими талантами, да к тому же искусная в грамоте. Везир ее нежно любил, так что даже построил для нее прекрасные покои позади своих собственных. Он окружил ее подружками из дочерей знатных лиц и приставил к ней красивых прислужниц. С ними она весело проводила свой досуг в играх и развлечениях.

Случилось, что в тот самый день, когда везира ввергли в темницу, эта девочка сидела в кругу своих сверстниц и играла в кукольную свадьбу. Взяв барабан и тамбурин, она готовилась к ночному бдению, потом, поставив сковороду на огонь, пекла печенье и сладости. Вдруг, рыдая и колотя себя в грудь, вбежала в дом ее мать с непокрытым челом и босыми ногами. Она ударила дочь обеими руками по голове и принялась кричать:

— Если бы бог вместо тебя послал мне сына, хотя бы слепого, то сердце мое было бы покойно и у отца была бы опора!

— На что тебе слепой сын? — спросила дочь. — Все, что должен делать сын, могу сделать и я.

— Прах на твою голову! — ответила мать. — С отцом стряслось несчастье: он произнес перед падишахом что-то такое, за что его бросили в тюрьму.

— Как было дело? Пожалуйста, расскажи мне, — попросила девушка.

— Твой отец, видно, сказал о том, — объяснила тогда супруга везира, — что в Нишапуре есть купец, который вставил двенадцать рубинов в ошейник собаке. Падишаху это не понравилось, он счел его за лжеца и велел заключить в тюрьму. Если бы был у меня сейчас сын, то он употребил бы все силы, чтобы разузнать об этом деле и поддержать отца, и, умолив падишаха, добился бы его освобождения.

— Мама! — ответила дочь. — Мы не можем бороться с судьбой. Человек должен терпеть нежданные напасти и уповать на милость Аллаха. Он милосерд, никакие тяготы он не оставляет навек. А купаться в слезах нехорошо. Не дай бог, недоброжелатели представят падишаху все в дурном свете и сплетники начнут так злословить, что он разгневается больше прежнего. Наоборот, молитесь за защитника мира — мы его верные слуги, а он наш господин: он разгневался, он же и смиляется.

Так увещевала она мать, пока не вернула ей твердость и терпенье, и та, успокоившись, удалилась к себе. С наступлением ночи дочь везира послала за своим воспитателем. Она упала ему в ноги и долго его упрашивала.

— Я хочу, чтобы мать не корила меня, а отец получил бы свободу, — говорила она со слезами на глазах. — Если ты мне поможешь, я отправлюсь в Нишапур, найду купца, владельца собаки, у которой в ошейник вставлены

рубины, и сделаю все что возможно, чтобы спасти отца.

Сначала он отказывался наотрез, но наконец, после настойчивых просьб, согласился.

— Потихоньку приготовь все, что надо для путешествия, — велела тогда ему дочь везира, — купи разных товаров, чтобы годились в дар даже падишахам, и возьми сколько нужно слуг и рабов, но никому не открывай моих замыслов.

Воспитатель пообещал и занялся приготовлениями. Когда все имущество было собрано, он погрузил его на верблюдов и мулов и отправился в путь. Дочь везира, переодевшись в мужское платье, тоже поехала с ним, но никто в семье об этом не знал. Когда настало утро, по дворцу везира пошли разговоры, что пропала хозяйская дочь и неизвестно, что с ней случилось.

Опасаясь бесчестья, мать скрыла исчезновение дочери, а та в это время странствовала под видом молодого купца. Наконец добралась она до Нишапура, там, довольная, остановилась в караван-сараяе, разгрузила тюки и провела ночь. Наутро она вымылась в бане, надела чистые одежды, какие носят жители Рума, и пошла прогуляться по городу. Выйдя к базарной площади, она остановилась на перекрестке. На глаза ей попалась ювелирная лавка, в которой лежали целые груды драгоценностей, стояли, скрестив руки, рабы в парадном платье, а хозяин, человек лет пятидесяти, одетый в куртку с короткими рукавами и халат, вел разговор с собеседниками, почтительно расположившимися вокруг него на стульях.

При виде его дочка везира, которая теперь называла себя купеческим сыном, удивилась и обрадовалась, думая про себя: «Не дай бог ошибиться; верно, это тот самый купец, о котором отец мой рассказал падишаху. Господь всемогущий! Открой мне его тайны». Оглянувшись вокруг, она заметила другую лавку, а в ней две железные клетки, в каждой из которых был заключен человек. Вид пленников был ужасен: как у Маджнуна, у них остались лишь кожа да кости, зато сильно отросли ногти и волосы. Они сидели опустив головы, а по обеим сторонам стояли два уродливых эфиопа в полном вооружении. Дочка везира изумилась. Прочитав заклинание против злых сил, она оглянулась и увидела еще одну лавку. В ней были разостланы ковры, а на них стояла скамеечка из слоновой кости с бархатной подушкой, на которой си-

дела привязанная золотой цепочкой собака в драгоценном ошейнике; два безбородых красивых раба прислуживали ей. Один обмахивал ее опахалом из павлиньих перьев на украшенной самоцветами ручке, другой златотканым платком обтирал ей морду и лапы. Всмотревшись, дочка везира различила на ошейнике двенадцать рубинов, точно таких, как говорили. Она возблагодарила Аллаха и стала думать, какой бы найти способ, чтобы доставить к падишаху эти рубины и, показав их ему, вызвать отца из беды. Пока она стояла, погрузившись в раздумье, весь народ с базара и соседних улиц пленился ее красотой и, собравшись толпой, застыл в изумлении. Люди говорили друг другу: «До сих пор не встречали мы человека столь совершенной красоты». Ходжа, хозяин лавки, тоже увидел ее и послал к ней раба.

— Пойди, — сказал он ему, — пригласи ко мне этого купеческого сына.

— Соизвольте быть так любезны, — сказал раб, подойдя с этим поручением к девушке, — наш хозяин жаждет побеседовать с вами, пожалуйста к нему.

Мнимому купеческому сыну только этого и хотелось.

— Что за труд? — был ответ.

Лишь только она подошла и ходжа посмотрел на нее, стрела любви пронзила его сердце. Он любезно приподнялся ей навстречу, но чувства его были в смятении. «Он уже попался в сети», — сообразил мнимый купеческий сын. Тут они обнялись друг с другом; ходжа поцеловал гостя в лоб и усадил его рядом с собой.

— Скажи мне свое имя и звание, — сказал он ласково. — Откуда ты пришел и куда направляешься?

— Я, ничтожный, происхожу из Рума, — ответил «купеческий сын», — и город Стамбул издавна был родиной моих предков. Отец мой купеческого рода. Нынче по старости лет он уже не в силах путешествовать, поэтому он отправил меня поучиться торговым делам. До сих пор я никогда не отлучался из дому, это первая поездка, какая мне представилась. Я не осмелился пуститься в море и предпочел путешествовать сушей. Но здесь, в Фарсе, слава о ваших достоинствах и добродетелях побудила меня искать встречи с вами, и я направился прямо сюда. Наконец, по милости Аллаха, я удостоился чести попасть в ваше высокое общество и нашел в вас больше высоких качеств, чем ожидал. Теперь стремление моего

сердца достигнуто. Храни вас бог, а я отправлюсь дальше.

— Сынок! — попросил ходжа, у которого от этих речей голова закружилась. — Не говори подобных слов. Хоть на денек осчастливь своим присутствием мою убогую хижину. Скажи, пожалуйста, где твои товары и прислуга?

— Дом путешественников — караван-сарай, — отвечал «купеческий сын», — там я все и оставил, когда направился к вам.

— Тебе не следует жить на постоялом дворе, — заявил тогда ходжа. — Я пользуюсь в нашем городе доверием и уважением. Вели скорей позвать своих слуг — я отведу помещение для твоей клади. Ты покажешь мне все товары, которые привез с собой, и я постараюсь пристроить их так, чтобы ты получил побольше выгоды. Это и тебе будет удобно — ты избавишься от лишних хлопот, и меня очень обяжешь, если останешься в моем доме на несколько дней.

«Купеческий сын» для вида начал было отказываться, но ходжа не уступал, и кончилось тем, что он велел приказчику послать носильщиков в караван-сарай за имуществом гостя и перенести все в указанное место. Вместе с ними «купеческий сын» отправил черного невольника, чтобы тот распорядился доставкой товаров и пожитков, а сам остался у ходжи.

Когда торговля окончилась и лавки закрылись, ходжа направился домой. Один из рабов взял на руки собаку другой забрал ковер и скамеечку. Оба чернокожих невольника водрузили клетки с пленниками на плечи носильщиков и, вооружась до зубов, последовали за ними. Ходжа шел рука об руку с «купеческим сыном», не прерывая беседы, и так привел его к себе в дом.

«Купеческий сын» увидел роскошный дворец, достойный амиров и падишахов. Возле арыка был разостлан белый ковер, а перед маснадом собрано все, что надо для приятного времяпрепровождения. Туда же поставили и скамеечку для собаки. Ходжа вместе с гостем уселись и без церемоний принялись угощаться вином. Когда в голове слегка зашумело, ходжа приказал подавать еду. Разостлали дастархан и собрали на нем все дары земли. Прежде всего положили разных яств в медную миску, накрыли ее золотой крышкой и поставили перед собакой на шитую золотом скатерть. Собака спрыг-

нула со своего сиденья, поела сколько хотела, напилась воды из золотой чаши и снова забралась на скамеечку. Рабы вытерли ей платком лапы и морду, а потом один из них отнес миску с чашкой к клеткам и, попросив у ходжи ключи, отпер замки. Он выгнал дубиной обоих пленников, заставил их доесть собачьи объедки и допить остатки воды, потом снова запер их в клетках, а ключи отдал ходже. Только после этого ходжа сам принялся за еду.

Все увиденное очень не понравилось «молодому купцу». Чувствуя отвращение, он не притронулся к пище. Как ходжа ни настаивал, он от всего отказывался.

— Почему ты не ешь? — спросил тогда ходжа.

— То, что я вижу, внушает мне омерзение, — ответил «купеческий сын». — Ведь человек — благороднейшее из творений, а собака нечиста по природе. И вы кормите двух рабов божьих объедками после собаки! Чья вера может позволить это? Неужели вам достаточно того, что они ваши пленники? Ведь во всем остальном они равны вам. Теперь я не уверен, мусульманин ли вы. Откуда мне знать, кто вы такой, раз вы поклоняетесь псу? Я не могу есть вашу пищу, пока сердце мое одолевают сомнения.

— Сынок! — сказал ходжа. — Я понимаю все твои чувства. Из-за того, о чем ты говоришь, я всегда подвергаюсь бесчестью. Жители нашего города прозвали меня ходжой-собакопоклонником; так они ко мне обращаются, и под этим именем я всем известен. Но покарай, Аллах, неверных и язычников!

Свою речь ходжа закончил тем, что прочел символ веры, и это принесло «купеческому сыну» успокоение.

— Если вы в душе мусульманин, то почему же бесчестите себя такими поступками? — спросил он.

— Сын мой! — отвечал ходжа. — Имя мое опозорено, и я плачу двойной налог в этом городе как раз потому, что тайна моя никому не известна. Дело в том, что всякий, кто узнает ее, не обретет ничего, кроме горя и грусти. Поэтому прости меня: ни у меня нет сил рассказывать, ни у тебя не хватит духа слушать.

— Хорошо! — сказал «купеческий сын», решив про себя, что он должен заботиться о собственном деле и не зачем настаивать на большем. — Если говорить об этом не следует, так тому и быть. — И он принялся за еду.

Два месяца провел «купеческий сын» у ходжи. Он держал себя так осторожно и умно, что никто и не заподо-

зрил в нем женщину. Все были уверены, что это молодой человек, и ходжа день ото дня все больше проникался любовью к нему, так что ни на миг не хотел отпустить его от себя.

Однажды, сидя за чашей вина, «купеческий сын» принялся вдруг плакать. Ходжа, полный участия, стал вытирать ему платком слезы и спросил о причине расстройства.

— О отец! Что мне сказать? — ответил тот. — О, если бы мне не случилось встретиться с вами и вы не были бы так добры ко мне! Я не знаю что делать: мне не хочется расставаться с вами, а остаться здесь дольше я не имею возможности. Нынче мне нужно уезжать, но я не мыслю жить в разлуке с вами.

В ответ на эти слова ходжа сам так разрыдался, что горло ему свело судорогой.

— Свет очей моих! — вымолвил он. — Неужто тебе так скоро надоел твой старый слуга, что ты уезжаешь, оставляя его безутешным? Прогони из сердца мысль об отъезде. Оставайся здесь, пока я еще жив. Без тебя я не протяну и минуты — умру раньше предопределенного часа. Ведь у нас в Фарсе прекрасный здоровый климат. Лучше будет, если ты пошлешь доверенного человека и пригласишь сюда своих родителей, чтобы они приехали со всем имуществом, а хлопоты об их переезде я возьму на себя. Когда же приедут твои мать и отец со всем домом, занимайся торговыми делами в свое удовольствие. На своем веку я претерпел немало превратностей и объездил много разных стран. Теперь я уже стар, а сына у меня нет. Тебя я люблю словно родного и сделаю своим наследником и душеприказчиком. Смотри хорошенько за моими делами и сам их веди, а пока я буду жив, давай мне кусок хлеба на пропитание. Когда же умру — похорони и забери себе все, что останется после меня.

— Поистине, вы больше родного отца проявили ко мне любви и участия, — ответил на это «купеческий сын». — Вы способны заставить меня забыть о родителях; но дело в том, что отец мой отпустил меня, грешного, только на год. Если я задержусь, то он в своем преклонном возрасте от печали может скончаться. К тому же покорность воле родителя угодна богу, и, если отец будет мной недоволен, боюсь, как бы он не проклял меня; тогда не видать мне милости божьей ни в этом мире, ни

в будущем. Вы оказали мне такое расположение, что, я не сомневаюсь, позволите мне подчиниться желаниям отца и выполнить свой долг перед ним. Благодарность вам за ваши милости я сохраню до последнего вздоха; даже когда вернусь на родину, буду всякий миг вспоминать о вас с сердечной признательностью. Аллах — первопричина всех причин; может быть, он снова даст мне случай встретиться с вами и облобызать стопы ваши.

Одним словом, «купеческий сын» убеждал ходжу так красноречиво, что тому, бедному, поневоле ничего не оставалось, кроме как согласиться — ведь он любил «юношу» до безумия.

— Хорошо, — сказал он. — Раз ты не останешься, я сам поеду вместе с тобой. Ты — моя жизнь; а если жизнь покинет меня, то на что мне бездушное тело? Если ты согласен на это, поезжай и меня с собой заberi.

Заявив это «купеческому сыну», он принялся готовиться в путь и приказал своим управляющим позаботиться о средствах передвижения.

Когда весть об отъезде ходжи распространилась по городу, все местные купцы тоже стали собираться в дорогу. Ходжа-собакопоклонник забрал свою несчетную казну и драгоценности, взял бесчисленную толпу слуг и рабов, прихватил множество диковинок и утвари, достойной падишахов, и, разбив за городом лагерь из всяческих шатров, палаток и навесов, выехал туда. Остальные купцы набрали товаров кто сколько мог и последовали за ним. С ними было еще и целое войско.

И вот однажды, дождавшись благоприятного часа, все тронулись в путь. Тысячи верблюдов были нагружены вьюками с багажом; мулы несли сундуки с деньгами и драгоценностями; шли пятьсот вооруженных рабов из кипчакских степей, из Занзибара и Рума; на арабских, турецких и иракских конях гарцевали всадники с саблями. Позади всех в удобных паланкинах, разодетые в роскошные одежды, ехали ходжа и «купеческий сын». На седле одного из верблюдов было укреплено походное багдадское кресло, и в нем на подушке спала собака, а по бокам другого верблюда раскачивались клетки с пленниками. На стоянках все купцы сходились в палатку к ходже и там за дастарханом угощались едой и пили вино. Радуюсь обществу «купеческого сына», ходжа возносил благословения богу, а караван шел вперед и впе-

ред. Наконец, благополучно подъехали к Константинополю и расположились лагерем у стен города.

— Отец! — обратился к ходже «купеческий сын». — Если вы разрешите, я пойду повидаться с родителями и подготовлю дом к приему гостя. А вы вступите в город, когда сами соизволите.

— Ладно, иди. Ведь я приехал сюда ради тебя, — отвечал тот. — Только поскорей возвращайся ко мне. Да найди мне дом, в котором я мог бы остановиться.

«Купеческий сын» попрощался с ним и явился домой. При виде ворвавшегося в дом мужчины во дворце везира все переполошились. Но «купеческий сын», а на самом деле дочь везира, упал матери в ноги и со слезами признался:

— Я — ваша дочь.

— Ах, своенравная девчонка! — с бранью и упреками набросилась на нее жена везира. — Вот ты какой оказалась! Ты запятнала себя и покрыла позором всю нашу семью! А я-то оплакивала тебя, решив, что никогда больше не увижу. Уходи вон отсюда!

— Милая мама! — вскричала дочь, сбросив с головы свой тюрбан. — В дурных местах я не была и ничего плохого не сделала. Я придумала все это, только чтобы исполнить твое желание и выручить батюшку. Слава Аллаху! Твоими молитвами и милостью божьей я добилась успеха. Я привезла с собой из Нишапура того купца вместе с собакой, у которой рубины в ошейнике, и ничем не уронила своей чести, но для путешествия мне пришлось принять облик мужчины. Теперь у меня остались еще кое-какие дела на несколько дней; окончив их, я освобожу отца из тюрьмы и сама возвращусь домой. Если позволишь, я сейчас снова уйду и явлюсь к тебе через день.

Когда мать, наконец, поняла, что ее дочь взялась за мужское дело и соблюла свою чистоту, она, распростершись на земле, принесла благодарение богу. Потом в радости прижала дочь к сердцу и расцеловала ее.

— Делай как сочтешь подходящим; теперь я спокойна, — отпустила мать дочку, благословляя ее и заклиная от зла и беды.

Снова обратившись в «купеческого сына», девушка отправилась к ходже. А тот, не в силах вынести тяжесть разлуки, уже снялся с места. У городских ворот среди дороги они и повстречались.

— Сынок! — спросил ходжа первым делом. — Куда же ты ушел, бросив меня, старика, одного?

— Я ходил домой с вашего разрешения, — отвечал «купеческий сын», — но желание снова служить вам не позволило мне там задержаться, и вот я вернулся.

Увидев у самых городских ворот тенистый сад на берегу реки, они остановились в нем, раскинув шатер. Усевшись вместе, ходжа и «купеческий сын» принялись за вино и закуски. После полудня они, чтобы развлечься всем, что творилось вокруг, вышли из палатки и сели снаружи. Вдруг появился шахский дозорный. При виде войска, сопровождавшего столь важных приезжих, он изумился и решил про себя, что, наверное, это прибыло посольство какого-нибудь падишаха, и остановился, взирая на них.

Слуга ходжи, возглавлявший караван, подозвал его и спросил, кто он такой. Тот отвечал, что он распорядитель шахской охоты. Слуга доложил об этом ходже.

— Пойди, — велел тот черному невольнику, — скажи этому человеку, что мы путешественники. Если он хочет, пусть присоединяется к нашему обществу. Кофе и кальян ждут его.

Услышав, что это купцы, начальник охоты очень удивился и вместе с рабом подошел к ходже. Взглянув на окружающую приезжих роскошь и блеск, на солдат и рабов, он почтительно поздоровался с ходжой и «купеческим сыном», а когда увидел, какой почет оказан собаке, то почти лишился рассудка и застыл, ошеломленный. Ходжа усадил его и попросил отведать кофе, а тот осведомился об имени и звании приезжего. Когда гость стал прощаться, ходжа пожаловал ему несколько кусков шелка и одарил разными диковинками.

Явившись поутру ко двору, начальник охоты рассказал придворным о ходже-купце.

Вскоре это дошло и до меня, — продолжал повествовать Азадбахт. — Я потребовал начальника охоты к себе и расспросил его о купце. Он доложил мне все, что увидел. Рассказ о том, что собака окружена роскошью, а два человека содержатся в клетках, привел меня в негодование.

— Подлый купец достоин казни, — произнес я и приказал военачальникам: — Идите скорей и принесите мне голову этого безбожника.

Случайно при дворе оказался тот же посол из Фаранга. Услышав мои слова, он улыбнулся. Я вспыхнул еще больше.

— Невежа! — вскричал я. — В присутствии падишахов не подобает веселиться без причины. Лучше плакать, чем смеяться не к месту.

— Защитник мира! — обратился он тогда ко мне. — Мне пришли в голову некие мысли, поэтому я и улыбнулся. Во-первых, везир оказался прав — теперь следует выпустить его из темницы; во-вторых, падишах избавил себя от напрасного пролития крови; в-третьих, тот, кому поклоняется мир, без причины и без вины осудил на смерть купца. Вот мне и странно, что, не разобравшись, лишь по навету глупца, вы готовы всякому сразу же вынести смертный приговор. А что являет собой этот купец на самом деле? Было бы лучше, если б вы повелели доставить его сюда и обо всем расспросили сами. Если виновность купца будет установлена, вы вольны поступить с ним как угодно.

Пока посол наставлял меня таким образом, я и сам вспомнил речи везира и приказал, чтобы тотчас доставили ко мне купца вместе с сыном, собаку и клетки. Стражники бросились за ними и вмиг привели. Я потребовал их к себе. Первыми вошли ходжа с юношей, оба в роскошных одеждах. Глядя на красоту «купеческого сына», все придворные, и низшего и высшего ранга, пришли в изумление и лишились покоя. Юноша держал в руках блюдо из золота, полное драгоценных камней, блеск каждого из которых мог озарить целый зал; подойдя к трону, он преподнес мне это блюдо и, отвесив низкий поклон, встал в стороне. А ходжа поцеловал землю и принялся славить меня. Речь его была так сладкозвучна, что ее можно было сравнить только с пением лучшего из соловьев. Любезность его мне очень понравилась, но все же я сказал с гневным видом:

— Эй, шайтан в человеческом облике! Что за сеть ты себе сплел и что за яму выкопал на своем же пути? Какой ты веры и что за закон у тебя? Какому пророку ты следуешь? А если ты неверный, то какого же бога ты чтить? И как называть тебя, если ты поступаешь подобным образом?

— Да продлится век покровителя мира и приумножится царство его, — отвечал он. — Вера вашего покорнейшего раба состоит в том, что Аллах един и нет ему

равных. Я чту слово избранника — Мухаммада (да благословит Аллах его самого и род его и да помилует!), а за ним почитаю своими наставниками двенадцать имамов. И закон мой таков, что пять раз в сутки я творю намаз и соблюдаю пост Рамазан, и хадж совершаю, и с имущества отдаю пятую долю на веру, и раздаю часть беднякам, и зовусь мусульманином. А что до грехов, которые отягощают меня и из-за которых вы мной недовольны и все созданья божьи бесчестят меня, то все они имеют причину, но открыть ее я не могу. И хотя я прославился как собакопоклонник и вынужден платить двойные налоги, я пошел на все это, но никому не раскрыл своей тайны.

Его слова разгневали меня еще больше.

— Ты развлекаешь меня баснями, — вскричал я. — Я не желаю их слушать. Если ты объяснишь мне подобающим образом причину своих непристойных поступков и я соглашусь с тобой, ты спасешь себе жизнь. А не то в наказание я прикажу распороть тебе брюхо, и всем будет урок, чтобы никто больше не сбивался с пути веры Мухаммада.

— О падишах! — взмолился ходжа. — Не проливай мою кровь, лучше заberi все мое имущество, а оно без числа и без счета. Помилуй перед своим тронem меня и моего сына, даруй нам жизнь и отпусти нас.

— Глупец! — рассмеялся я в ответ. — Ты хочешь соблазнить меня своим богатством! Но знай, у тебя нет выхода, кроме как сказать мне всю правду.

Глаза ходжи невольно наполнились слезами и, оборотясь к юноше, он произнес:

— Пусть я провинился перед падишахом. Придется умереть — что теперь делать. Но на кого я оставляю тебя?

— Эй, хитрец! — пригрозил ему я. — Хватит теперь отговорок; говори быстрее все что нужно сказать.

Тут этот муж поднялся, приблизился к трону и, облобызав мои ноги, обратился ко мне со словами хвалы.

— О шахиншах! — сказал он. — Если бы вы не приказали меня умертвить, я бы вытерпел все и не рассказал о себе. Но жизнь дороже всего; никто не захочет толкать себя в яму. Кроме того, верующие должны охранять свою жизнь, а отказ от заветов веры противен велению бога. Что ж, раз такова высочайшая воля, слушайте ис-

торию этого немощного старца, но прежде прикажите, чтобы сюда принесли обе клетки с пленниками. Я стану рассказывать о себе, и, если в каком-нибудь месте вам покажется, что я отклоняюсь от истины, спросите у них, пусть они подтвердят — тогда и судите.

Мне понравились его речи. Я приказал внести клетки, велел выпустить обоих узников и поставить их рядом с ходжой.

— О падишах! — начал ходжа. — Человек, что стоит справа, мой старший брат, а слева — брат средний. Я же младше обоих. Отец мой был купцом в стране Фарс. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, наш родитель скончался. И вот, после совершения похоронных обрядов, братья обратились ко мне:

— Теперь нам надо поделить отцовское богатство, и пусть потом каждый делает что захочет.

— Братья! — ответил я. — Что вы говорите? Я ваш слуга и не притязаю на братнюю долю. Отец у меня умер, но вы двое остались надо мной вместо отца. Мне хватит сухой корки, чтобы поддержать свою жизнь и быть в силах служить вам. На что мне своя доля? Я прокормлюсь тем, что вы оставите после себя, и буду жить около вас. Я еще мал и совсем не разбираюсь в делах, хочу у вас поучиться.

— Ты задумал погубить и довести до нищеты не только себя самого, но и нас, — возразили на это братья.

Забравшись в уголок, я тихонечко плакал. Потом я подумал: «Ведь братья у меня уже взрослые. Видно, они хотят научить меня уму-разуму». С этой мыслью я и заснул. Поутру пришел посланец от кази и отвел меня в суд — в дом закона. Смотрю, мои братья уже там.

— Почему ты не хочешь делить наследство отца? — спросил кази.

Я ответил ему то же самое, что сказал дома братьям.

— Если он говорит от чистого сердца, — заявили тогда братья, — пусть подтвердит распиской, что на наследство не притязает и что в богатстве отца нет его доли.

В тот миг я решил, что братья как старшие надо мной наставляют меня на правильный путь: взяв, мол, отцовское богатство, не растрать его попусту. Согласно их воле, я изложил свой отказ на бумаге, и кази скрепил мою подпись печатью. Братья были довольны, и мы пошли домой.

— Братец! — сказали они мне на следующий день. — Дом, где ты живешь, нам самим нужен, подыщи себе другое жилье и отправляйся туда.

Тут понял я: им не нравится даже, что я живу в отцовском доме. Поневоле пришлось мне уйти.

Защитник мира! Когда мой отец был жив, то каждый раз, возвращаясь из путешествия, он привозил мне в подарок диковинки дальних краев — ведь всякий больше ласкает младшего из детей. Продав эти вещи, я выручил немного денег и сам начал торговать. Когда-то отец привез мне рабыню из Туркестана. Другой раз он пригнал табун коней. Среди них был необъезженный жеребенок, обещавший стать хорошим скакуном, — отец мне его подарил, и я сам ухаживал за ним. И вот, видя бессердечное отношение братьев, я купил себе дом и там поселился. Эта собака тоже ушла со мной. Я приобрел все, что нужно в домашнем хозяйстве, купил двух рабов для услужения, а на остальные средства открыл лавку и, уповая на заступничество бога, стал торговать. Я не жаловался на свою судьбу. Хотя братья меня обделили, Аллаха был ко мне милостив, и в течение трех лет я так преуспел в торговле, что заслужил уважение в городе. Все вельможи, когда хотели купить что-нибудь редкое, обращались ко мне. Я заработал на этом много денег и стал жить, ни в чем себе не отказывая. Всякий миг благодарил я творца, проводил дни в довольстве и полном покое и часто, думая о себе, вспоминал такие стихи:

Раджа мрачен стал по моей вине,
Только гнев его безразличен мне.
Я доволен жизнью своей вполне,
Лишь тебе я служу, господь.

Недоволен брат и его семья,
Но ведь им ни в чем не подвластен я.
Ты опора единственная моя,
Лишь с тобой я в родстве, господь.

Возмущаться мной будут друг и враг,
Даже вспомнить их не могу никак,
Посвятив тебе каждый вздох и шаг,
Лишь тобой я живу, господь.

Вправе целый свет мне желать беды,
Пусть ничтожен я, но всемогущ ты,
Все склонятся, лобзая мои следы,
Если ты повелишь, господь.

Однажды в пятницу я сидел дома, а слуга пошел на базар за покупками. Вскоре он возвратился в слезах:

— Что с тобой? — спросил я.

— А вам какая печаль? — ответил он раздраженно. — Наслаждайтесь своим благополучием. Только что вы ответите на Страшном суде?

— Эй, чернокожий! — крикнул я. — Что за дьявол тобой овладел?

— Беда в том, — сказал он, — что какой-то еврей вывел ваших старших братьев на середину базара со связанными за спиной руками. Он бьет их плетью и грозит: «Если вы не вернете мне моих денег, я запорю вас до смерти и хоть в этом найду себе утешение». Ваших братьев постигла такая участь, а вы беззаботно сидите здесь! Хорошо ли это? Что люди скажут?

При этом известии вся кровь во мне закипела. Босиком бросился я на базар, крикнув рабам:

— Возьмите денег и бегите за мной!

Когда я прибежал на базар, то увидел — все так, как сказал мне слуга: на братьев градом сыплются удары.

— Ради бога, подождите, — попросил я людей хакима. — Я спрошу у еврея, в чем они провинились и за что их так наказывают.

— Сегодня ведь пятница, — обратился я к еврею, — почему же их бичуют?

— Если вам угодно их защитить, — ответил еврей, — то сделайте это как положено: заплатите мне за них деньги, а не то отправляйтесь откуда явились.

— Сколько? — спросил я. — Давайте расписку, я вам сейчас отсчитаю.

— Их расписки я уже передал хакиму, — сказал он.

В это время подошли оба моих раба с двумя кошельками золота. Я отдал тысячу рупий еврею и вызволил братьев. Вид их был ужасен. Обнаженных, изголодавшихся и мучимых жаждой, я повел их с собой. Первым долгом вымыл в бане, одел в новое платье, накормил и не задал вопроса о том, куда они подевали столько отцовских богатств: думал, им самим будет стыдно.

О падишах! Вот они оба перед вами. Спросите, правду ли я говорю или в чем-нибудь склонился ко лжи.

Так вот. Через несколько дней они оправились от побоев, и как-то раз я сказал им:

— Братья! Теперь в нашем городе вы лишились почтения, лучше бы вам отправиться в путешествие.

В ответ на это они промолчали. Я решил, что они согласны, и стал готовить их к отъезду. Позаботился о палатках и вьюках, о носильщиках и верблюдах, закупил товаров на двадцать тысяч рупий и отправил братьев вместе с караваном купцов, который держал путь в Бухару.

Через год караван вернулся обратно, но о братьях я ничего не услышал. Наконец упробил знакомого купца, и тот мне рассказал, что, когда пришли в Бухару, один из моих братьев спустил все свое добро в игорном доме. Он теперь метет там полы, обмазывает и белит стены да прислуживает игрокам. Они из жалости дают ему деньги, и он бегаёт для них со всякими поручениями. Другой влюбился в дочку винокура и растратил все что имел. Теперь он служит в винной лавке. Купцы из каравана не хотели говорить мне об этом, щадя мое самолюбие.

Услышав от купца такое известие, я очень расстроился, от раздумий забыл про сон и голод. И вот, взяв припасы на дорогу, я отправился в Бухару. Прибыв туда, я сразу же разыскал обоих братьев, привел их к себе, вымыл и одел в новое платье. Не желая стыдить их, я и слова не молвил. Потом закупил им товаров, и мы вместе отправились обратно. Невдалеке от Нишапура я оставил их в деревушке вместе со всеми товарами и имуществом, а сам один поехал вперед, чтобы никто в городе не знал, что я ездил за ними. Через два дня я объявил, что братья мои возвращаются из путешествия, — завтра я отправлюсь встречать их. Утром только я хотел тронуться в путь, как вдруг к моему дому явился крестьянин из той самой деревни, где я оставил братьев, и принялся громко вопить. Я вышел на его голос.

— Что ты плачешь? — спросил я, видя, что он весь в слезах.

— Из-за ваших братьев дом мой разграблен, — ответил он. — Хоть бы вы не оставляли их там!

— Что же случилось? — взволновался я.

— Ночью нагрянули разбойники, — рассказал он, — унесли все имущество ваших братьев да пограбили и мое.

— Где же теперь мои братья? — спросил я расстроившись.

— Они сидят за городом босые и голые — у них ничего не осталось, — сообщил он.

Тотчас же взял я две пары платья, отправился за ними, одел и привел домой. Народ, прослышав об этом, собрался посмотреть на них, но они от стыда носа не показывали наружу. Так прошло три месяца, и я подумал: до каких же пор будут прятаться они по углам? Лучше уж взять их с собой путешествовать.

— Если вы соизволите, — обратился я к братьям, — то я, ваш покорный слуга, отправлюсь с вами по свету.

Они промолчали. Тогда я снова набрал разных товаров, приготовил все что надо в дорогу, и мы тронулись в путь. Щедро раздав милостыню, я погрузил товары на корабль; подняли якорь, и судно отчалило. В это время моя собака спала на берегу. Когда, встрепенувшись, она увидела, что корабль уже в море, то в беспокойстве залаяла, бросилась в воду и поплыла. Я послал за ней лодку, которая подобрала ее и доставила на судно. Целый месяц плыли мы спокойно и благополучно. Между тем средний брат пленился моей рабыней.

— Не позорно ли нам зависеть от милостей младшего брата? — сказал он однажды старшему. — Как бы нам избавиться от него?

— У меня в голове есть один план, — ответил старший. — Если удастся его исполнить, будет неплохо.

И вот оба, посоветовавшись, решили убить меня и завладеть всем добром и имуществом.

Однажды я дремал у себя в каюте, а рабыня массировала мне ноги, как вдруг вошел средний брат и поспешно разбудил меня. Я в тревоге вскочил и вышел наружу, за мной выбежала и собака. Смотрю, старший брат нагнулся, опершись о борт руками, глядит в воду и подзывает меня к себе.

— Ну что там? — спросил я подойдя.

— Удивительная картина, — сказал он. — Под водой пляшут тритоны с жемчужными раковинами и ветвями коралла в руках.

Если бы кто-нибудь другой сказал мне такую нелепость, я бы ни за что не поверил. Но слова старшего брата я привык почитать за правду. Перегнулся через борт, чтобы поглядеть, и, конечно, ничего не увидел. А он все спрашивал: «Видишь теперь?» Если бы там что-нибудь было, я бы, конечно, увидел, но в это время средний брат, воспользовавшись моей неосторожностью, подкрался сзади и так толкнул меня, что я полетел в воду, а сами они, обливаясь слезами, принялись причитать:

— Бегите скорей, наш брат утонул!

Между тем корабль ушел далеко, и меня отнесло в сторону. Захлебываясь, я боролся с волнами, пока не изнемог. Лишаясь последних сил, невольно помянул я бога. Вдруг рука коснулась чего-то. Открыл глаза, смотрю — моя собака. Видно, когда меня скинули в воду, она тоже бросилась в море и плыла все время за мной. Я ухватился за ее хвост, и так, по воле Аллаха, она спасла мою жизнь. Семь дней и ночей носились мы по волнам, на восьмые сутки прибило нас к берегу. Подняться не было сил. Ползком, перекатываясь с боку на бок, я кое-как выбрался на сухое место. Долго пролежал я без чувств, лишь на другой день лай собаки дошел до моих ушей. Я очнулся, возблагодарил бога и стал озираться по сторонам. Вдалеке виднелись очертания города, но откуда взять сил, чтобы добраться туда? После каждого шага приходилось мне отдыхать; так до вечера прошел я немного больше версты.

На полпути повстречался мне холм, там я и заночевал, свалившись без сил. Поутру добрался до города и вышел на базар. Повсюду попадались мне на глаза лавки булочников и торговцев сладостями. Сердце у меня трепетало: ни гроша в кармане, а просить совесть не позволяла. Так я шел все дальше и на каждом шагу утешал себя мыслью, что уж в следующей-то лавке я попрошу. Наконец я совсем изнемог, в животе жгло словно огнем, и казалось, еще шаг — и душа покинет тело. Вдруг вижу, приближаются ко мне, взявшись за руки, два молодых человека в персидской одежде. Я очень обрадовался: вот мои соотечественники, может быть, они окажутся знакомыми, и я объясню им свое положение. Когда они приблизились, я узнал братьев. В восторге я благодарил бога за то, что он спас мою честь и не заставил просить помощи у чужого. Подойдя к ним, я поздоровался и поцеловал руку старшего, но он, лишь взглянув на меня, поднял крик, а средний дал мне такую пощечину, что я зашатался и упал наземь. Ухватив за полу старшего брата, я ждал, что он защитит меня, но напрасно — он тоже ударил. Одним словом, они избили меня, поступив как братья с Иосифом. Как я ни просил, как ни заклинал их Аллахом, они не сжалились. Собралась толпа, и все спрашивали, в чем я провинился.

— Этот подлец — слуга нашего брата, — отвечали они. — Он утопил его в море и похитил его имущество.

Мы долго разыскивали этого убийцу, и сегодня он, наконец, нам попался.

— Негодяй! — обратились затем братья ко мне. — Что нашло на тебя? За что ты погубил нашего брата? Чем он перед тобой провинился? Разве плохо он обращался с тобой, если сделал тебя своим управляющим?

Потом они оба разорвали на себе воротники и, заливаясь притворными слезами, осыпали меня ударами и пинками.

В это время подошел человек от хакима. Пригрозив им: зачем, мол, вы его бьете, — он взял меня за руку и повел разбирать наше дело. Братья пошли вместе с ним, рассказали хакиму то же самое, что говорили на базаре, сунули ему взятку и просили о правосудии, требуя мщения за невинно загубленную душу. Хаким обратился ко мне. Я находился в таком состоянии, что от голода и побоев неспособен был вымолвить слова, лишь стоял, склонив низко голову, и ничего ему не ответил. Тогда хаким подумал, что я и верно убийца.

— Отведите его на площадь и повесьте, — приказал он.

Защитник мира! Я расплатился за них и вызволил их из беды, а в благодарность за это они не пожалели денег, чтобы погубить мою жизнь. Вот они оба: спросите у них, отступил ли я хоть на волос от истины.

Ладно, меня повели. Увидев виселицу, я распростился с жизнью. Некому было оплакивать меня, кроме собаки. А она в тревоге бросалась всем под ноги и скулила. Ее отгоняли, кто палкой, кто камнем, но она не уходила. Я же стоял лицом к кибле и взывал к богу:

— Сейчас, кроме тебя, у меня нет никого, кто пришел бы на помощь и спас невинного. Если ты сам мне поможешь, тогда я спасен. — И с молитвой мучеников на устах я упал без чувств.

По велению божию у падишаха этого города случились сильные колики. Собрались амиры и врачи, но какие средства они ни пробовали, ничто не помогало. Один из вельмож посоветовал раздать богатую милостыню беднякам и освободить заключенных из тюрем — благодарственные молитвы страждущих исцеляют лучше любого лекарства.

Тотчас же шахские слуги бросились по тюрьмам. Случайно один из них заглянул и на площадь. При виде толпы он понял, что кого-то собираются вешать. Мигом подскакал он к виселице, разрубил мечом веревку, при-

грозил помощникам хакима, упрекнув их за то, что они казнят раба божьего, когда падишах занемог, и отпустил меня на свободу. Тогда братья снова отправились к хакиму и потребовали моей смерти, а так как тот принял от них взятку, то делал все, что они хотели.

— Не тревожьтесь, — ответил он им. — Теперь я засажу его в такое место, где он помрет от голода и жажды, и никто не узнает об этом.

Меня схватили и спрятали на время в укромном углу. А неподалеку от города была гора, где во времена пророка Соломона дэвы выкопали узкий и мрачный колодец. Его называли «темницей Соломона»; туда бросали тех, кто вызвал самый большой гнев падишаха, и там они умирали. Короче говоря, ночью мои братья вместе с прислужниками хакима потихоньку втащили меня на ту гору, сбросили в яму и ушли со спокойной душой.

О падишах! Эта собака пошла следом за мной. Когда меня спустили в колодец, она улеглась на краю его. Я без чувств валялся внизу. Немного придя в себя, я решил, что я мертв, а место, где я находился, принял за могилу. Тут я услышал голоса двух людей, которые о чем-то говорили друг с другом. Мне показалось, что это ангелы смерти — Мункир и Накир — пришли ко мне за отчетом. Послышался шелест веревки, будто кто-то спустил ее вниз. Изумленный, я начал ощупывать землю вокруг себя, но под руки мне попадались только кости. Немного спустя мой слух уловил звук, похожий на чавканье, словно кто-то принялся есть.

— Эй, рабы божьи! — позвал я. — Кто вы и где мы находимся? Скажите мне, ради бога.

— Это темница великого Соломона, — засмеявшись, сказал кто-то в ответ, — и мы пленники в ней.

— Скажите, разве я жив? — спросил я снова.

— Пока ты еще жив, — отвечали мне с громким хохотом, — но теперь уж умрешь непременно.

— Что вы едите? Дайте и мне немножко, — осмелился я попросить.

Но в ответ ничего, кроме чавканья, не услышал. Насытившись и утолив жажду, незнакомцы заснули, а я же в полузабытьи от слабости заливался слезами и зывал к богу.

О тот, кому поклоняется мир! Провести семь суток в море и после этого по навету родных братьев остаться без пищи, хуже того — получить взамен побои! А теперь

еще я попал в такую темницу, освободиться из которой даже в мыслях не представлялось возможным! Наконец наступил мой смертный час — дыхание то покидало меня, то возвращалось. Вдруг среди ночи наверху послышались чьи-то шаги, спустилась веревка с завязанными в платок хлебцами и кувшином с водой, потом кто-то тихо позвал. Те двое, что были заключены вместе со мной, забрали все и принялись есть и пить. Лежавшая у входа в пещеру собака видела, как в колодец спускали припасы, и понемногу дошло до нее, что таким же путем можно доставлять хлеб и воду ее покинутому хозяину и тем спасти его жизнь. Тогда она направилась в город. Там, на прилавке у булочника, были разложены хлебцы. Подпрыгнув, она схватила один, зажала в зубах и кинулась наутек. Народ бросился в погоню, в нее стали швырять комья земли, но собака не рассталась с хлебом. Люди устали и вернулись, зато к ней привязались городские голодные псы. В драке с ними она отстояла свой хлебец, принесла его к яме и сбросила вниз. День был светлый; я увидел хлеб, упавший рядом со мной, и, услышав лай собаки, поднял его. Она же, снабдив меня пищей, пустилась теперь искать воду.

Поблизости, на окраине дереvушки, перед хижинной одинокой старухи стояли полные воды горшки и кувшины, а сама хозяйка сидела и пряла. Собака подбежала к одному из кувшинов и схватила его зубами. Старуха замахнулась на собаку, та уронила кувшин, и он упал на горшок. Глиняный горшок расколось, а вода растеклась по земле. Старуха подняла палку, чтобы отколотить и прогнать собаку, но та вцепилась в ее подол, стала тыкаться мордой ей в ноги и вилять хвостом. Она отбегала к горе, потом возвращалась к старухе, хватая зубами то ведро, то веревку, показывая их старой женщине, и вновь принималась тереться об ее ноги и тянуть за подол. Видно, Аллах смягчил сердце старухи; она взяла ведро и веревку, намереваясь отправиться за собакой, а та, уцепившись за платье, вытащила женщину из дому и повела за собой. Наконец, они пришли на гору. Поведение собаки внушило старухе догадку, что хозяин животного сидит в этой яме и ему, наверно, нужно доставить воды. Собака подтащила старуху к самому краю ямы, и та спустила на веревке ведро с водой. Я принял его, проглотил кусок хлеба, запил несколькими глотками воды и успокоил этим пса голода, который терзал мой желудок. Возбла-

годарив всевышнего, я сел в сторонке и стал ожидать дальнейших его милостей — посмотрим, что теперь будет?

Так эта бессловесная тварь приносила мне хлеб, и с помощью старухи снабжала водой. Когда торговцы увидели, что собака постоянно таскает хлебцы, они сжалились и сами стали бросать ей лепешки. Если же старуха не приносила воды, собака била ее горшки, так что той поневоле приходилось доставлять мне каждый день по кувшину. Этот преданный четвероногий друг утешал меня питьем и пищей, а сам проводил время, лежа у отверстия темницы. Так прошло шесть месяцев. Но каково человеку, который сидит в таком подземелье, куда не доходит даже свежий воздух. От меня остались лишь кожа да кости, жизнь мне опостылела, и нередко я думал про себя: «О Аллах! Умереть было бы лучше».

Раз ночью оба узника спали, а у меня душа была переполнена тоской. Не в силах сдержаться, я принялся плакать и, склонившись лицом до земли, молил бога. После полуночи мне вдруг показалось, что по милости божьей в яму спускается веревка.

— Эй, злосчастный горемыка! — донесся тихий шепот. — Обвяжись крепче концом веревки и вылезай оттуда.

Услышав эти слова, я подумал: «Наконец-то братья сжалились надо мной и, покорясь зову крови, пришли освободить меня». Не помня себя от радости, я обвязал веревку вокруг пояса, и кто-то вытащил меня наверх. Ночь была так темна, что я даже не мог разглядеть своего освободителя.

— Идем скорей! — сказал тот, когда я вылез наружу. — Здесь оставаться нельзя.

У меня совсем не было сил, но, подгоняемый страхом, я, спотыкаясь и падая, кое-как спустился с горы. Смотрю, стоят наготове два оседланных коня. Мой спаситель помог мне влезть на одного, сам сел на другого, и мы поскакали. Через некоторое время мы подъехали к берегу моря.

К утру мы были уже в добрых двух десятках верст от города. Тут вижу, мой спутник — молодой человек, одетый в кольчугу и латы и даже коня своего покрывший броней, — глядит на меня гневным взором и кусает пальцы от злости. Вдруг он выхватил саблю из ножен и поскакал на меня.

— Я ни в чем не виновен, — взмолился я, мигом скатившись с лошади. — Почему ты хочешь убить меня? О владыка великодушия! Ты ведь сам вытащил меня из темницы, а теперь проявляешь такую жестокость!

— Скажи правду, кто ты? — спросил он.

— Я путешественник, — отвечал я, — и был заключен в эту темницу по жестокой несправедливости. Только благодаря вашей милости я вышел оттуда живым. — И я много еще сказал ему лестных слов.

Наконец Аллах смягчил его сердце.

— Что ж, бог делает так, как ему угодно, — молвил он, спрятав оружие в ножны. — Ладно, жизнь твоя спасена. Садись скорей на коня, нечего тут задерживаться.

Мы погнали коней дальше. Вся дорогу мой спутник горевал и вздыхал. К полудню мы подъехали к острову. Там он соскочил с коня, помог мне спуститься на землю и, расседлав лошадей, пустил их пастись.

— Эй, несчастный! — обратился он ко мне, когда снял доспехи и присел отдохнуть. — Расскажи теперь о себе, чтобы мне стало ясно, что ты за человек.

Я назвал свое имя и звание и поведал все беды, какие со мною стряслись. Выслушав рассказ о моих похождениях, молодой человек заплакал.

— О юноша! — сказал он. — Послушай-ка и мою историю. Я — дочь раджи из страны Зербад, а тот молодой человек, который сидит в темнице Соломона и которого я хотела спасти, — сын советника моего отца, и зовут его Бахраманд. Однажды махараджа, мой отец, приказал всем раджам и их сыновьям выехать в поле под окна дворца и затеять стрельбу из луков и игру в чауган, чтобы каждый мог показать свою ловкость и искусство ездить верхом. Я вместе со своей матерью, рани, сидела за решетчатой ставней, окруженная няньками и подружками, и любовалась всадниками. Сын советника был красивее всех и умело правил конем. Мне он понравился, я ощутила к нему сердечную склонность, но некоторое время держала это в тайне.

Наконец, когда я совсем лишилась покоя, то рассказала обо всем няньке, задобрив ее подарками, и она тайком привела этого юношу ко мне в покои. Тут и он влюбился в меня. Много дней провели мы в блаженстве. Однажды, когда среди ночи стражники обходили дозо-

ром дворец, они нашли его, схватили и донесли об этом радже. Раджа повелел его казнить, но все придворные и вельможи стали просить даровать ему жизнь; тогда было приказано бросить его в темницу Соломона. Второй юноша, заключенный с ним вместе, — его двоюродный брат, который сопровождал его той ночью. Прошло уже три года, как они сидят в этой яме, но никто до сих пор не узнал, зачем юноша забрался во дворец к радже. Всевышний сохранил мою честь. В благодарности за это я сочла своим долгом приносить пленникам воду и пищу. С тех пор раз в восемь дней я отправляюсь туда и оставляю им на неделю еды.

Прошлой ночью я увидела во сне, что какой-то человек говорит мне: «Вставай скорей, оседлай коня, возьми веревку и денег на пропитание, отправляйся к яме и вызволи несчастного». Я тут же проснулась и с радостью стала собираться: переделалась в мужское платье, набрала сундучок золота и драгоценных камней, взяла эту лошадь и кой-какую одежду и отправилась к яме, чтобы вытащить его на веревке. Но освободиться из темницы жребий выпал тебе. О моем намерении никто не догадывался, так что, видно, это какое-то божество послало меня, чтобы спасти твою жизнь. Ладно, что было мне суждено, то и случилось.

Закончив рассказ, она достала из узелка печенье, хлебцы, мясо и овощи, растворила в чашке сахар, подлила туда сока бедмушка и дала мне. Я принял чашку из ее рук и выпил; потом мы вместе немного поели. Спустя недолгое время она велела мне прикрыть чресла набедренной повязкой, свела меня в воду, остригла мне ножницами волосы, обрезала ногти, хорошенько отмыла и одела в новое платье, словом, снова сделала меня человеком. С удвоенной благодарностью обратился я лицом к кибле, читая молитву, а красавица наблюдала за мной.

— Что это ты делал? — спросила она, когда я кончил намаз.

— Есть творец, который создал все сущее и послал мне такую прелестную деву, как ты; он вложил в твое сердце жалость ко мне и велел вызволить меня из темницы; ему, несравненному, вознес я молитву, выразил покорность свою и исполнил долг благодарности, — отвечал я.

— Ты мусульманин? — спросила она.

— Хвала Аллаху, да.

— Мне понравились твои речи. Научи меня своей вере и скажи, как в нее обратиться.

Возблагодарив Аллаха за то, что он приобщил ее к нашей вере, я произнес: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник его», — и заставил ее повторить. Потом, снова сев на коней, мы вместе двинулись дальше. Когда мы остановились на ночь, она говорила только о вере и слушала меня с удовольствием. Так два месяца подряд мы вдвоем скакали с утра до ночи.

Наконец, достигли области, расположенной на границе стран Зербат и Сарандип. Вскоре мы въехали в город, в котором было больше народу, чем в Стамбуле, а климат там оказался очень приятный и здоровый. Падишах этого города был справедливей Нуширвана и больше него заботился о своих подданных. Видя это, я очень обрадовался, купил себе дом и в нем поселился. Когда через несколько дней я оправился от тягот путешествия, то подготовил все, что было нужно, и женился на своей спасительнице, совершив брак в соответствии с мусульманским законом. За три года я освоился среди тамошних великих и малых, заслужил всеобщее доверие и сильно преуспел в торговле. Дошло до того, что я превзошел всех местных купцов. Однажды я отправился во дворец к великому везиру, чтобы выразить ему свое почтение. По дороге, на площади, я увидел множество народу. Я спросил, почему собралась такая толпа, и узнал, что поймали каких-то людей, занимавшихся грабежом и развратом. Говорили, что они будут казнены, — их закидают камнями.

При этом известии я вспомнил, как меня самого собирались повесить, да избавил Аллах. Мало ли кто может попасть в такую беду. Еще неизвестно, справедливо ли их обвинили, — может быть, как и меня, схватили по ложному навету. Расталкивая народ, я пробрался в самую середину. Смотрю: это оба мои брата стоят нагие со связанными за спиной руками. При виде их кровь во мне вскипела и сердце перевернулось. Я сунул палачам пригоршню золота, попросил их подождать, а сам пустил лошадь в галоп и помчался к хакиму. Поднеся ему бесценный яхонт, я обратился с ходатайством.

— Один человек выступил против них с обвинением,

их преступления доказаны, и падишах уже произнес приговор. Я тут бессилён, — отвечивал он.

Только после долгих моих просьб хаким вызвал истца и за пять тысяч рупий убедил его взять назад обвинение и не требовать смертной казни. Я отсчитал ему деньги, заставил его написать, что он согласен на мировую, и вызволил братьев из этой беды.

Защитник мира! Спросите у них, правду я говорю или болтаю вздор.

Оба брата молча стояли, опустив головы. Казалось, они объаты стыдом.

— Хорошо! — продолжал купец. — Освободив братьев, я привел их к себе, вымыл в бане, одел и отвел им для жилья парадные комнаты. Я не решился показать им жену, а прислуживал сам и ел вместе с ними, лишь ночевать удалялся к себе. Три года они жили у меня и не позволяли себе ничего непристойного, что могло бы меня опечалить. Уезжая куда-нибудь, я оставлял их у себя в доме.

И вот однажды моя дорогая жена отправилась в баню. Войдя в парадную комнату, она не заметила в ней мужчину и сняла с головы чадру. На беду мой средний брат лежал и не спал. Едва лишь взглянув на нее, он влюбился и сказал об этом старшему брату. Тогда оба они сговорились известить меня, а я ни о чем не догадывался и даже думал про себя: «Слава богу, на этот раз они до сих пор не причинили мне никакого вреда. Наконец-то они исправились. Видно, совесть проснулась».

Раз после обеда старший брат со слезами на глазах стал хвалить нашу родину и расписывать красоты Аджамы. За ним начал плакать и второй брат.

— Вы хотите на родину? Превосходно, — сказал я тогда. — Я покорен вашей воле. К тому же таково и мое желание. Если будет угодно Аллаху, мы вскоре отправимся вместе.

Я поведал жене о тоске, что гнетет моих братьев, рассказал и о собственном намерении.

— Подумай, — сказала мне моя умница, — опять они готовят какой-то обман. Они твои смертельные враги, ты пригрел змею на своей груди. И еще полагаешься на их дружбу! Делай что хочешь, но берегись негодяев.

Тем не менее вскоре я приготовился к путешествию и раскинул за городом шатер. Собрался большой кара-

ван, и меня выбрали его предводителем. Дождавшись доброго часа, мы тронулись в путь. Я остерегался своих братьев, но послушно исполнял их желания и во всем старался им угодить.

Однажды на привале средний брат сказал:

— Недалеко отсюда есть место, где бьет ключ, подобный источнику Салсабил, а на версты вокруг расстилается дикая степь, покрытая яркими цветами: тюльпанами, пунцовыми маками, нарциссами и розами. Это поистине изумительный уголок для прогулок. Если ты соизволишь, хорошо бы завтра отправиться туда поразвлечься и отдохнуть.

— В вашей воле делать все, что вам захочется, — отвечал я. — Прикажите, и завтра караван останется здесь, а мы отправимся прогуляться.

— Чего же лучше! — согласились братья.

Я велел объявить по всему каравану, что на завтра назначается дневка, и наказал повару приготовить всяческих закусок для прогулки. Поутру оба брата оделись, повесили на пояс оружие и напомнили, что надо отправляться скорей, пока еще прохладно. Я послал за конями, но братья возразили:

— Разве поездка верхом может дать то удовольствие, которое получаешь от пешей прогулки? Скажи слугам, пусть поведут коней в поводу сзади.

Вместе с нами пошли два раба с кофейным прибором и кальяном. По дороге мы развлекались стрельбою из луков. Когда удалились от каравана, братья послали за чем-то одного из рабов, а немного спустя отправили и другого — на поиски первого. К несчастью, мне словно кто-то рот запечатал: они делали что хотели и, занимая меня разговором, уводили все дальше. Хорошо, хоть собака оставалась со мной. Мы зашли очень далеко, но ни родника, ни цветущей степи нигде не было видно — по-прежнему вокруг простиралась покрытая колючей травой пустыня. Я устал и присел перевести дух. Вдруг уголком глаза я уловил блеск меча за спиной; обернулся и вижу: мой средний брат уже замахнулся, и вмиг череп мой треснул. Прежде чем я успел возопить: «Мучитель! За что ты бьешь меня?» — старший брат ударил меня в плечо, и оба они принялись наносить мне рану за раной. Я свалился без чувств; тогда они, безжалостные, изувечив меня, оставили плавать в крови. При виде этого собака в ярости бросилась на них, но они ранили и ее.

Потом нанесли себе несколько легких ран и вернулись к каравану.

— На нас напали разбойники, — рассказали эти негодяи. — Они убили нашего брата и изранили нас. Снимайтесь скорей, не то они сейчас настигнут караван и всех ограбят.

Лишь только караванщики услышали о грабителях из пустыни, они обезумели от страха, тотчас же снялись с места и тронулись в путь.

Жена моя была уже наслышана о коварных повадках братьев и знала, как вероломно они со мной поступали. Узнав от этих лжецов о том, что случилось, она тут же закололась кинжалом, и душа ее отошла ко всевышнему.

— О дервиши! — прервал свою речь Азадбахт. — Когда ходжа-собакопоклонник довел рассказ о своих несчастьях до этого места, у меня на глазах невольно выступили слезы. При виде их купец обратился ко мне:

— Владыка мира! Если б то было учтиво, я бы разделся и показал вам все свое тело.

Тем не менее в подтверждение своих слов он разорвал воротник и обнажился до плеч. И верно, на теле его не было места без шрамов. Затем он снял с головы тюрбан — на макушке оказалась такая вмятина, что в нее влез бы целый гранатовый плод. Все присутствовавшие вельможи закрыли глаза — смотреть не было сил.

— Благословен падишах! — продолжал ходжа свой рассказ. — Когда братья решили, что со мною покончено, и удалились, мы, израненные, остались лежать — тут я, а тут вот собака. Я потерял столько крови, что совсем лишился и сил и сознания. Не знаю, как жизнь еще теплилась во мне.

Место, где меня бросили, было на границе Сарандипа. Неподалеку находился большой процветающий город, и в центре его высился огромный храм идолов. А у царя, который правил страной, была очень красивая дочь. Многие цари и царевичи сгорали от любви к ней. Обычай парды там не знали, поэтому девушка целыми днями гуляла и резвилась со своими подружками. В тот злосчастный день, получив разрешение отца, царевна отправилась в усадьбу, расположенную на краю той самой

равнины. Когда в сопровождении нескольких служанок она выехала за пределы города, девушки вдруг услышали стоны. Они осторожно подошли, но, увидев меня в таком плачевном состоянии, убежали обратно.

— Там лежат в крови мужчина и собака, — доложили они царевне.

Тогда она сама приблизилась ко мне и сказала с жадностью в голосе:

— Посмотрите, может быть, он еще дышит?

— Да, он пока еще жив, — сойдя с лошадей, сообщили служанки.

— Осторожно положите его на ковер и снесите в усадьбу, — приказала царевна.

Доставив нас в усадьбу, она призвала придворного лекаря и велела ему вылечить меня и собаку, обещая за это большую награду. Лекарь смыл с моего тела пыль и кровь, обтер раны вином, наложил повязки и компрессы, а вместо воды накапал мне в горло укрепляющего сока бедмушка. Царевна сама сидела у моей постели, ходила за мной и из собственных рук по нескольку раз в день поила меня мясным отваром и шербетом. Когда, наконец, я очнулся, то первое, что я услышал, были слова госпожи, произнесенные с неизъяснимой грустью:

— Какой кровожадный злодей так изранил тебя? Он не побоялся даже главного идола!

Через десять дней благодаря целебному соку, шербету и лекарствам, которыми меня поили, я смог открыть глаза. И тут я увидел столько красавиц, что мне показалось, будто я во дворце Индры, а у изголовья стояла сама царевна. Я вздохнул и хотел было шевельнуться, но сил не хватило.

— О перс! — ласково сказала царевна. — Будь покоен, лежи и не двигайся. Хотя какой-то злодей и привел тебя в такой вид, но великий идол повелел мне сжалиться над тобой, и теперь ты поправишься.

Клянусь богом, который един и не имеет подобных, что при виде ее я снова лишился чувств. Госпожа сама осмотрела меня и собственноручно опрыскала розовой водой. Через двадцать дней раны мои закрылись и затянулись коркой. По ночам, когда все засыпали, госпожа приходила ко мне, кормила меня и поила. И вот через сорок дней было совершено омовение, означавшее, что я совершенно здоров. Царевна очень обрадовалась, щедро наградила лекаря и велела меня хорошенько одеть.

Милостью божьей да заботами и попечением госпожи я вновь обрел прежние силы и мое тело окрепло. Собака тоже поправилась. Царевна каждый день угощала меня вином, вела со мною беседы, и это доставляло ей удовольствие, я же развлекал ее рассказами о необыкновенных приключениях.

— Расскажи-ка мне о себе, — попросила она однажды. — Кто ты, и как страдаль с тобой такая беда?

Я поведал ей о своих похождениях с начала и до конца. Она слушала меня вся в слезах.

— Теперь я буду так обходиться с тобой, что ты забудешь все свои несчастья, — сказала она.

— Да хранит вас господь! — отвечал я. — Вы вернули мне жизнь, теперь я весь ваш. Ради бога, и впредь будьте так же благосклонны ко мне.

Так она просиживала у меня целые ночи, и мы вели разговоры. Иногда с ней была нянька; она тоже слушала мои истории и рассказывала свои. Когда же госпожа удалялась и я оставался один, то совершал омовение и, забившись в уголок, творил намаз.

Случилось однажды, что госпожа отправилась к своему отцу, а я, по обыкновению умывшись, спокойно молился, как вдруг царевна неожиданно вернулась.

— Посмотрим, что сейчас делает перс: спит или бодрствует, — сказала она няньке.

Не найдя меня на обычном месте, они удивились и не могли понять, куда я делся, уж не ушел ли с кем-нибудь? Стали заглядывать во все углы, разыскивать меня по укромным местам и наконец попали туда, где я предавался молитве. Молодая царевна никогда не видала намаза. Когда, кончая молитву, я воздел руки и согнулся в земном поклоне, она, будучи не в силах сдержаться, вдруг рассмеялась.

— Что, этот человек лишился рассудка? — спросила она. — Какие странные движения он делает.

При звуках смеха сердце мое затрепетало от волнения.

— Эй, перс! — окликнула меня госпожа. — Что это ты делал?

Я не знал что ответить.

— Да приму я на себя все несчастья и буду я твоей жертвой! — вмешалась нянька. — Мне кажется, этот человек — мусульманин и враг Лат и Манат. Он поклоняется невидимому богу.

— Откуда мне было знать, что он турок и отвергает наших богов? — всплеснув руками, вскричала в расстройстве царевна. — Из-за этого я навлекла на себя гнев нашего великого идола. Напрасно я ходила за этим человеком и взяла его к себе в дом.

С такими словами она удалилась, а я, лишь только это услышал, совсем растерялся — только подумать, что теперь она со мной сделает! Ужас прогнал сон с моих глаз, и до утра я безутешно рыдал, орошая лицо потоками слез. Трое суток провел я в слезах, колеблясь между надеждой и страхом, и ни на миг не сомкнул очей.

На третью ночь госпожа, отуманенная винными парами, пришла ко мне вместе с нянькой. Полная гнева, держа в руках лук и стрелы, она села перед домом на краю цветника и потребовала у няньки чашу вина.

— Няня, — сказала она, выпив вино, — тот перс, что прогневал нашего великого идола, уже умер или до сих пор жив?

— Да приму я на себя все несчастья! В нем еще держится жизнь, — ответила та.

— Он упал в моих глазах, но все же скажи, чтобы он вышел ко мне.

Нянька позвала меня, и я сразу же выбежал. Вижу, лицо госпожи покраснелось от гнева. Сердце у меня ушло в пятки, но я поклонился и встал, сложив руки.

— Простит мне великий идол мое прегрешение, если я пущу стрелу в этого врага нашей веры и уничтожу его? — обратилась она к няньке, глядя на меня яростным взором. — Я сильно провинилась, взяв его к себе и оказав ему теплый прием.

— В чем же вина царевны? — возразила ей нянька. — Вы ведь взяли его, не догадываясь, что это враг веры. Вы просто сжалились над ним, и за доброту вам воздастся добром, а его накажет за грехи великий идол.

— Няня, скажи, чтобы он сел, — попросила царевна.

Нянька подала мне знак сесть, и я опустился на землю. Госпожа выпила еще чашу.

— Дай-ка вина и этому злосчастному человеку, — сказала она няньке, — ему легче будет расстаться с жизнью.

Нянька протянула мне чашу, я осушил ее без отговорок и поклонился. Госпожа даже не повернула головы, но я заметил, что украдкой она наблюдала за мной. Ви-

но подбодрило меня, и я принялся читать стихи; между прочим, там были такие слова:

Если душа, отдаваясь тебе, задрожала, что из того?
Если кто-то вздохнул под ударом кинжала, что из того?

Услышав их, царевна улыбнулась и обратилась к няньке:

— Что, тебе хочется спать?

— Да, сон меня одолевает, — отвечала нянька, которая догадалась о желании своей госпожи. Получив разрешение уйти, она убралась вон.

Немного спустя царевна велела подать вина. Я мигом наполнил чашу и поднес ей. Она грациозно приняла ее из моих рук и осушила. Тут я упал к ее ногам.

— Ах, глупый! — она похлопала меня по плечу. — Что плохого нашел ты в нашем великом идоле, коль стал служить невидимому богу?

— Будьте справедливы и посудите сами, — ответил я. — Ведь поклонения заслуживает тот бог, который из одной капли воды создал красавицу, подобную вам, и наделил вас такой прелестью и изяществом, что вы способны вмиг заставить тысячи людей лишиться рассудка? А что такое идол, чтобы ему поклоняться? Каменотесы обтесали глыбу в виде фигуры и расставили сеть для глупцов. Те, кого соблазняет шайтан, принимают создание за создателя — они гнут шею перед тем, что делают своими же руками. А мы — мусульмане, мы почитаем того, кто нас создал; он сотворил ад для неверных, а нам дал рай. Если царевна проникнется верою в бога, она вкусит сладость небес, познает сущность истинного и сокровенного и поймет ложность своей нынешней веры.

После долгих увещаний каменное сердце царевны смягчилось. Благодаря милости божьей она со слезами обратилась ко мне:

— Ладно, научи и меня своей вере.

Я преподал ей символ веры, который она повторила с искренним сердцем. Принеся покаяние и помолившись о прощении, она обратилась в мусульманство. Тогда я снова упал к ее ногам. До самого утра читала она символ веры и твердила покаянные молитвы, потом спросила меня:

— Хорошо, я-то приняла твою веру, но родители мои остались неверными; их как спасти?

— Что вам за дело до этого, — отвечал я. — Каждый получает, что он сам заслужил.

— Меня прочили за сына дяди, а он идолопоклонник, — объяснила царевна. — Не дай бог, придется завтра идти замуж, а жить с неверным было бы страшным грехом. Нужно сейчас же придумать, как избежать этой беды.

— Вы судите справедливо. Поступайте по своему разумению, — предложил я.

— Я больше здесь не останусь, лучше уеду куда-нибудь, — сказала она.

— Как же думаете вы убежать и куда хотите направиться?

— Прежде всего уходи отсюда ты, — велела она. — Поселись в караван-сарай вместе с мусульманами, чтобы весь народ прослышал об этом и никто бы ни в чем тебя не подозревал. Посвяти свое время поискам корабля, который бы направлялся в Аджам, и дай мне о нем знать — для этого я стану часто посылать к тебе няньку. Когда ты сообщишь мне о корабле, я приду и, уехав на нем, освобожусь от этих жалких безбожников.

— Я готов умереть за вашу жизнь и безопасность, — отвечал я. — Но как вы разделаетесь со своей нянькой?

— С ней дело просто. Я дам ей чашу смертельного яда.

На том мы и порешили.

Наутро я отправился в караван-сарай, снял комнату и поселился в ней. В разлуке с царевной я жил лишь ожиданием встречи. Через два месяца собралось много купцов из Рума, Шама и Исфагана. Они решили отправиться водным путем и принялись грузить свои товары на корабль. Житье в одном месте сближает людей — стали и меня звать с собой.

— Ну как, почтенный? Поедемте с нами! — говорили купцы. — До каких пор вам жить тут, у неверных? Собирайтесь.

— Мне нечего особенно собираться, — отвечал я. — Все мое имущество — рабыня, собака да сундук. Если вы отведете мне немного места и назначите за него плату, я буду доволен и тоже поеду.

Купцы дали мне место на корабле. Я за него заплатил все, что требовалось, и, успокоившись, под каким-то предлогом отправился к няньке.

— Эй, матушка! — обратился я к ней. — Я пришел по-

прощаться с тобой. Уезжаю на родину. Если ты согласишься помочь мне в последний раз взглянуть на царевну, я буду тебе очень благодарен.

После долгих уговоров нянька в конце концов согласилась.

— Ночью я приду в такое-то место, — сказал я, — и буду там ждать.

— Хорошо, — отвечала она.

Я вернулся в караван-сарай, взял сундук и постель, отнес их на судно и вручил капитану.

— Завтра утром я приду вместе с рабыней, — сказал я ему.

— Поскорей возвращайтесь, — велел капитан. — Утром мы снимемся с якоря.

— Превосходно, — ответил я, а сам с наступлением ночи отправился на то место, о котором договорился с нянькой, и стал дожидаться. Вскоре после полуночи дверь дворца отворилась, и в грязной старой одежде вышла царевна, неся в руках ларчик с драгоценностями. Она передала его мне, и мы тронулись в путь. Под утро мы вышли к берегу моря и на лодке добрались до корабля. Эта верная собака тоже была с нами. Когда совсем рассвело, подняли якорь, и мы со спокойной душой вышли в море. Вдруг с пристани раздался пушечный залп. Все заволновались, не зная, что бы это могло значить. Снова бросили якорь. На судне пошли разговоры о том, что начальник порта, верно, что-то замышляет, зачем бы ему иначе палить из пушек.

Между тем оказалось, что все купцы взяли с собой красивых рабынь. Боясь, как бы начальник порта их не отобрал, купцы попрятали девушек в сундуки. Я поступил точно так же: усадил царевну в сундук и запер на ключ. Тем временем показалась большая лодка, в которой сидел портовый начальник со свитой. Вскоре лодка подошла к кораблю. А явился начальник порта вот почему. Когда до царя дошла весть о смерти няньки и бегстве царевны, то он, храня свою честь, не стал называть ее имени, а просто отдал начальнику порта приказ: «Дошло до меня, что у персидских купцов есть красивые рабыни. Я хочу забрать их для царевны. Задержи корабль и доставь мне всех девушек, каких только найдешь на нем. Я выберу и куплю тех, которые мне понравятся, а остальных отпущу». Поэтому-то и приплыл на судно сам портовый начальник.

У купца, что разместился рядом со мной, тоже была спрятана в сундуке красивая невольница. Начальник порта, велев выводить рабынь, уселся прямо на этот сундук. Я возблагодарил бога, что о царевне и не помянули. Но когда люди начальника порта стали сводить на свое судно всех рабынь, каких находили, он сам в шутку спросил у хозяина сундука, на котором сидел:

— Что, ведь и у тебя тоже была невольница?

— Клянусь вашими стопами,— ответил этот дурак,— я к этому не причастен. Это другие в страхе перед вами попрятали своих рабынь в сундуки.

Услышав в чем дело, начальник порта принялся осматривать один сундук за другим. Открыли и мой; царевну вытащили и увели. Мною овладело неопишное уныние. «Случилось такое, что жизнь моя пропала ни за грош,— подумал я.— А что теперь сделают с госпожой?»

При мысли о ней я забыл собственный страх. Весь день и всю ночь молился я богу. На следующее утро невольниц доставили назад на корабль. Купцы обрадовались.

— Моя рабыня не вернулась. В чем дело? — спросил я.

— Нам неизвестно,— ответили мне.— Может быть, она приглянулась царю.

Купцы принялись ободрять и утешать меня.

— Ладно, что случилось, того не поправишь,— говорили они.— Не печалься. Мы сложимся и возместим тебе, что она стоит.

Я готов был лишиться чувств.

— Теперь незачем мне ехать в Аджам,— ответил я им и обратился к лодочникам, которые привезли назад девушек.

— Возьмите меня с собой на берег.

Они согласились. Я сошел с корабля, и собака следом за мной тоже спрыгнула в лодку. Когда мы подплыли к пристани, я роздал все свои вещи людям начальника порта, оставив лишь ларчик с драгоценностями, который взяла с собой госпожа, и отправился разведывать всюду, не услышу ли что-нибудь о царевне, но нигде и следа ее не нашел. Раз ночью хитростью пробрался даже в царский дворец и искал ее там, но тщетно. Около месяца топтал я пыль по городским улицам и кварталам и тоской своей довел себя почти что до гибели. Я слонялся везде, как безумный, и, наконец, решил, что вернее всего

моя царевна спрятана у начальника порта — больше негде ей быть. Тут стал я кружить около его дома, ища путь, как бы пробраться внутрь. Попалась мне на глаза сточная труба, через которую мог бы пролезть человек, но отверстие ее было забрано железной решеткой. Я решил все-таки ею воспользоваться; снял с себя одежду, влез в вонючую жижу и, выломав с тысячью усилий решетку, через отхожее место пробрался в покои для наложниц. Одевшись там женщиной, я стал осматриваться по сторонам. Из одной комнаты до моих ушей донеслись какие-то звуки, словно кто-то твердил молитвы. Я подошел ближе и вижу: это моя госпожа; она безутешно плачет, кладет земные поклоны и молит бога, чтобы ради своего посланника и его чистого рода он вызволил ее из этой страны неверных и даровал ей благополучную встречу с тем человеком, который наставил ее на путь ислама. Лишь только я увидел ее, сразу же подбежал и бросился в ноги; она обняла меня, и на миг мы забыли обо всем, что нас окружало. Как только мы снова пришли в себя, я спросил у госпожи, что с ней было.

— Когда начальник порта доставил всех невольниц на берег, — рассказала она, — я молила бога, чтобы тайна моя как-нибудь не открылась, чтобы меня не узнали и твоя жизнь не подверглась опасности. Благодаря всевышнему никто и не заподозрил во мне царевну. Начальник порта стал нас осматривать — думал, какую бы взять для себя. Выбор его пал на меня, и он тайком отправил меня к себе в дом, а остальных повел во дворец. Отец не нашел меня среди них и всех отпустил — ведь весь переполох поднялся только из-за меня. Нынче же объявлено, что царевна очень больна, и, если я не найдусь, то в один прекрасный день всю страну облетит известие о моей смерти: таким способом царь сможет избежать бесчестья. Но сейчас я попала в другую беду. У начальника порта дурные намерения — он все время склоняет меня к сожительству с ним. Я не согласна, а он меня искренне любит и до сих пор ждет, что я сама уступлю, поэтому пока ведет себя сдержанно. Боюсь, что долго так продолжаться не сможет. Про себя я уже твердо решила, что лишу себя жизни, если он попытается действовать силой; но встреча с тобой породила в душе у меня новые планы. Даст бог, из этого что-нибудь выйдет — другого пути к освобождению я не вижу.

— Расскажи, что это за план, — попросил я.

— Если ты постарайся и не побоишься труда, его можно выполнить, — заявила она.

— Я целиком покорен тебе: если велишь, пойду в огонь, а дали б мне лестницу, то ради тебя забрался бы на самое небо. Я сделаю все, что ты прикажешь.

— Тогда отправляйся в храм великого идола, — сказала царевна. — В том месте, где снимают туфли, лежит черная дерюга. У нас есть обычай: когда одолеет человека нужда, он идет туда и садится, накрывшись этой дерюгой, а все, кто приходит в храм на молитву, подают ему, кто сколько может. Когда через несколько дней он соберет немалую сумму, жрецы дарят ему халат от имени великого идола и отпускают. Разбогатеет, он уходит, и никто не знает, кто это был. Пойди и ты, сядь под эту холстину, спрячь хорошенько лицо и руки и ни с кем не разговаривай. Через три дня брахман и идолопоклонники вынесут халат и предложат тебе удалиться. Но ты ни за что не двигайся с места, как бы они ни настаивали. Когда же начнут очень упрашивать, скажи им: «Мне не нужны эти деньги, я не жажду богатств. Меня притесняют, и я пришел просить помощи. Если мать брахманов проявит ко мне справедливость — будет прекрасно, а не то я обращусь за судом к самому великому идолу и принесу ему жалобу на своего притеснителя». Пока мать брахманов не выйдет к тебе, ты никого не слушай, как бы тебя ни уговаривали; тогда поневоле ей придется принять тебя. Она очень стара — ей двести сорок лет, и тридцать шесть ее сыновей вершат службу в храме. Ее слушает сам великий идол, поэтому она пользуется столь большой властью, что все великие и малые нашей страны почитают за счастье слышать ее приказания: все, что она говорит, тут же покорно исполняется. Схвати ее за подол и проси: «О матушка! Если ты не защитишь меня, несчастного путника, от моего притеснителя, я стану бить лбом землю перед великим идолом; в конце концов он-то сжалится и вступится за меня перед тобой». Когда после этого мать брахманов станет расспрашивать тебя о твоих делах, скажи так: «Я — житель Аджамы. Я приехал сюда за много верст, чтобы поклониться великому идолу, да еще потому, что прослышал о вашей справедливости. Несколько дней я прожил спокойно; но со мною была жена, молодая, привлекающая взор тонкими чертами лица. Невесть каким образом увидал ее начальник порта; он насильно отнял ее у меня и забрал

к себе в дом. А у нас, мусульман, такой обычай: если чужой человек посмотрит на какую-нибудь из наших жен или похитит ее, муж должен во что бы то ни стало убить обидчика и вернуть обратно жену, а до тех пор он не станет ни есть, ни пить от тоски, ибо, пока оскорбитель жив, такая жена запретна для супруга. И теперь мне по неволе пришлось прийти к вам, чтобы просить вашего заступничества».

Когда госпожа дала мне свои наставления и отпустила меня, я вылез через ту же трубу и вставил обратно решетку. Наутро я пришел к храму и сел, набросив на себя черную холстину. За три дня вокруг меня набрались горы денег и всякого платья.

На четвертый вышли ко мне с молитвами и песнопениями жрецы, вынесли халат и стали просить удалиться. Я не соглашался и взывал к великому идолу, говоря, что я пришел не за милостыней, а явился к нему и к матери брахманов за справедливостью и, пока не добьюсь правосудия, не покину этого места. Услышав это, жрецы удалились к старухе и рассказали ей обо мне. Затем вышел знающий четыре Веды брахман и позвал меня, сообщив, что матушка ждет. Тотчас же, с головы до пят завернувшись в дерюгу, я вступил в храм. Вижу, на драгоценном троне, усыпанном рубинами, алмазами, жемчугом и кораллами, сидит великий идол. Рядом, на золотом возвышении, где разостлан прекрасный ковер, окруженная подушками, величаво восседает старуха, одетая в черное, а справа и слева от нее стоят два мальчика десяти — двенадцати лет. Она подозвала меня. Я почтительно приблизился и поцеловал подножие трона, потом припал к ее подолу. Тогда она спросила, что со мной, и я рассказал все так, как учила царевна.

— Что, мусульмане держат своих жен в затворничестве? — спросила она, когда я кончил.

— Да! Да будет счастье вашим детям! Это наш древний обычай, — отвечал я.

— У тебя хорошая вера, — сказала она. — Я тотчас же прикажу, чтобы начальник порта явился сюда вместе с твоей женой, и так проучу этого дурака, что другой раз он подобного не сделает, да и остальные будут держать ухо востро и поостерегутся. Кто такой этот начальник порта? — обратилась она к своим людям. — Как смеет он хватать чужих женщин?

— Это такой-то, — ответили ей.

— Возьмите с собой этого человека, — указав на меня, велела старуха своим юным прислужникам. — Вместе с ним идите скорее к царю и скажите ему: «Мать говорит, что веление великого идола таково: начальник порта притесняет людей, он отнял жену у этого бедняка; вина начальника порта велика, а потому заберите его имущество и вручите пострадавшему — вот этому турку; не то сегодня же ночью все будет разрушено и на вас падет наша немилость».

Мальчики поклонились, вышли из храма и направились к царю, а остальные брахманы, трубя в раковины и распевая хвалебные гимны, составили их свиту. По дороге все местные жители, от мала и до велика, бросались собирать прах от следов мальчиков и, как святыню, прикладывали его к своим глазам. Так дошли мы до царских дворцов, и лишь только царю доложили о приходе мальчиков, он босой вышел навстречу, принял посланцев с большим почетом и расположением, усадил их рядом с собою на трон и спросил:

— Зачем вы сегодня пожаловали?

Эти брахманские дети передали ему, что наказала им мать, да еще пригрозили гневом великого идола.

— Прекрасно, — сказал царь, выслушав их, и приказал своим слугам, чтобы они привели начальника порта и женщину. — Я расследую, в чем он провинился, и вынесу наказание, — заключил он.

При этих словах меня охватило волнение. «Будет еще хуже, — подумал я, — если с начальником порта приведут и царевну. Тайна раскроется, и что тогда станет со мной?» Страх овладел моим сердцем, и я воззвал к богу. Мальчики заметили, что я задрожал и переменялся в лице. Они, видимо, поняли, что этот приказ мне не понравился, в гневе встали и с упреком обратились к царю:

— Ничтожный человек! Что, ты ума лишился? Ты, видно, вышел из покорности великому идолу и считаешь слова наши неправдой, раз намерен призвать их обоих и вести розыски истины? Берегись! Великий идол разгневан тобою. Мы доставили тебе повеление, теперь думай сам, а великий идол посмотрит.

Удивительно, как повлияли на царя эти слова: он смиренно сложил руки и дрожь пронизала его с головы до самых пят. С извинениями он стал успокаивать их, но они не желали садиться и по-прежнему стояли. Тем временем все придворные принялись в один голос поносить

начальника порта: он, мол, подлец, развратник и грешник; делает то-то и то-то, так что не знаешь, как и доложить об этом царю; все, что велела сказать матушка брахманов, сущая правда — ведь если это приказ великого идола, как он может быть ложью?

Услыхав из всех уст одно и то же, царь был очень смущен и расстроен своим приказанием. Он тут же даровал мне новый халат, собственноручно начертал повеление и, скрепив личной печатью, вручил его мне. Потом он написал матери брахманов письмо, преподнес мальчикам блюдо с самоцветными камнями и золотом и отпустил нас. Не помня себя от радости, я вернулся в храм и предстал перед старой женщиной. В письме царя, которое мы ей доставили, после величаний и изъявлений почтения и покорности было написано: *«Согласно Вашему приказанию, должность начальника порта препоручена этому мусульманину, в знак чего ему пожалован халат. Теперь он волен казнить своего обидчика и забрать себе все его имущество. Пусть делает что захочет. Надеюсь, что вину мою мне простят».*

Мать брахманов была довольна. Она велела музыкантам при храме бить в литавры и послала со мной пятьсот стрелков, которые способны были попасть из мушкета в монетку, подвешенную на волоске.

— Подите на пристань, — приказала она, — задержите начальника порта и передайте его этому мусульманину; пусть он подвергнет его любым мукам, каким только захочет. И берегитесь! Никто, кроме мусульманина, не должен заходить на женскую половину; а казну и имущество вручите ему в полной сохранности. Когда он вас отпустит, возьмите у него записку о том, что вы сделали все как следует.

На прощанье она пожаловала мне почетный халат от жрецов великого идола и велела посадить меня на коня.

Прежде чем я сам добрался до гавани, один из моих людей сообщил обо всем начальнику порта. Тот сидел ни жив ни мертв, когда я прибыл туда. Сердце мое было переполнено гневом; лишь только увидел я этого негодяя, тотчас же выхватил саблю и напроочь отсек ему голову. Потом я созвал всех делоправителей, казначеев, надзирателей и досмотрщиков портового ведомства, забрал книги отчетов и удалился в дом, чтобы встретиться с госпожой. Обняв друг друга, мы пролили слезы радости и воздали благодарение богу. Я вытер слезы ей,

а она мне, и мы вышли наружу. Воссев там на маснаде, мы роздали служащим нарядные халаты и оставили всех их на прежних местах, а слуг и рабов одарили подарками. Тех людей, что были приставлены ко мне матерью брахманов, я отпустил с дарами, а начальникам пожаловал богатое платье. Я взял драгоценные камни, целые штуки тканей, шали и вышивки, набрал товаров и диковинок со всех концов света и много золотых монет — все это в подношение царю, в дар вельможам, каждому по его чину, и для раздачи жрецам и их женам. Через неделю я, забрав все с собой, отправился в храм идола и сложил дары у ног матушки брахманов. Она вновь наградила меня почетным халатом и званием. Потом я явился с подношениями ко двору и доложил, как думаю загладить все то зло, какое совершил прежний начальник порта. Царь, вельможи и купцы согласились со мною; владыка обласкал меня, подарил мне халат и коня, пожаловал поместье и должность и отпустил с честью. Выйдя из дворца, я столько роздал чиновникам и слугам, что всех их ублагодворил и заставил за себя молиться. Одним словом, я достиг наивысшего процветания и в полном довольстве и покое стал жить в этой стране, вступив в брак с царевной. Досуг свой я посвящал служению богу, и весь народ радовался моей справедливости. Раз в месяц я посещал храм идола и царский двор.

День ото дня царь осыпал меня все большими почестями. В конце концов он ввел меня в круг своих приближенных и ничего не предпринимал без моего совета. Моя жизнь потекла несказанно легко, но, бог свидетель, нередко приходила мне на ум мысль о моих братьях. «Где они могут быть, — думал я, — и что с ними?» По прошествии двух лет к нам в порт пришел караван купцов из Зербада. Все они направлялись в Аджам и хотели ехать туда морем. А у нас было правило: каждый раз, когда приходил караван, ко мне являлся его начальник с подношеньем иноземных товаров и всяких диковинок. На другой день я шел к нему, забирал в виде податей десятую долю с имущества и выдавал разрешение на выезд. Так пришел встретиться со мной и купец из Зербада и принес бесценный подарок. На следующий день я направился к нему в шатер. Гляжу, два человека в старой рваной одежде подносят на голове тюки, а после досмотра несут их обратно, изнураясь этим тяжким трудом.

Когда я в них хорошенько всмотрелся, вижу — это мои братья. Гордость и стыд не позволили мне сразу признать их, занятых черной работой. Вернувшись домой, я приказал людям: «Приведите тех двух человек»: Их привели. Опять я одел их в новое платье и усадил рядом с собой, и опять эти бессовестные сговорились убить меня. Раз среди ночи, когда все беззаботно спали, они пришли к моему изголовью. Я же в страхе за свою жизнь выставлял у дверей часовых, и мой верный пес спал у меня под кроватью. Лишь только вынули они из ножен мечи, собака проснулась и напала на них, а от ее лая пробудился весь дом. Я тоже поспешно вскочил. Их схватили, и тут стало ясно, кто это. Все стали их проклинать за то, что они решились ответить таким делом на мое доброе отношение к ним.

Благополучие падишаху! Тут и меня взял страх. Известна пословица: «Раз ошибешься, два ошибешься, но третья ошибка — мать всяких бед». И я решил про себя, что надо наконец лишить их свободы. Но если я отправлю их в тюрьму, кто присмотрит за ними? Они погибнут от голода и жажды, а не то сотворят еще какое-нибудь зло. Поэтому я посадил их в клетки, чтобы они всегда находились у меня на глазах и я мог быть спокоен, что они не замыслият новое коварство. А честь и почет, которыми я окружил собаку, — награда за ее верность и преданность. Великий Аллах! Вероломный человек хуже, чем преданное животное.

Вот моя история; я всю ее поведал падишаху. Теперь, хотите — казните, хотите — милуйте; на то воля падишаха, — кончил ходжа.

— Выслушав рассказ, — продолжал Азадбахт, — я похвалил этого честного человека. «Твое благородство не вызывает упрека, — сказал я ему, — а бесстыдство и подлость этих двоих не имеют границ. Поистине верно говорят: горбатого могила исправит».

Потом я попросил ходжу рассказать, откуда взялись двенадцать рубинов, которые украшали ошейник собаки.

— Да продлится век падишаха сто двадцать лет! — отвечал тот. — Однажды, три-четыре года спустя после того, как я был назначен начальником гавани, я сидел на

крыше своего дома и любовался видом на море и берег. Я посматривал во все стороны и вдруг на опушке леса, где не было проезжей дороги, заметил путников. Взяв подозрную трубу, я различил двух людей странной наружности и послал стражников, чтобы их привели.

Когда их доставили, выяснилось, что это мужчина и женщина. Ее я отослал на половину к жене, а мужчину потребовал к себе. Смотрю, это молодой человек лет двадцати — двадцати двух, у которого только лишь начинают пробиваться борода и усы, но лицо его от загара черно, словно сковорода, а волосы на голове и ногти на пальцах отросли, как у лесного дикаря. На плече у него сидел мальчик лет трех-четырёх, через шею мужчины была перекинута куртка, и рукава ее, чем-то наполненные, как мешки, свисали ему на грудь наподобие ожерелья. Вид молодого человека поверг меня в изумление.

— Эй, дорогой! Кто ты такой, откуда родом и что с тобою случилось? — спросил я удивленно.

— Еды! Еды! Ради бога, дайте чего-нибудь съесть! — вскричал он, заливаясь слезами и положив передо мной свои мешки. — Много дней я иду, питаюсь только травой и листьями деревьев; у меня совсем не осталось сил.

Тотчас потребовал я хлеб, вино и жаркое, и он принялся есть. Тем временем евнух принес из гарема еще мешки от его супруги. Я развязал их и увидел всевозможные самоцветы, да такие, что каждый камешек мог служить данью с целого султаната, и все — один лучше другого по форме, величине и чистоте. От их блеска весь дом засверкал, переливаясь разными красками. Когда гость мой немного утолил голод, выпил чашу вина и передохнул, он пришел в себя, и я принялся за расспросы.

— Откуда попали к тебе эти камни? — начал я.

— Родина моя — страна Азербайджан, — отвечал он. — Оторвавшись с детских лет от дома и родителей, я вынес много тягот и долгое время был заживо похоронен в могиле. Не раз ускользал я из рук ангела смерти.

— Добрый человек, расскажи поподробнее, чтобы все было ясно, — попросил я.

— Мой отец был купцом и постоянно ездил в Хиндустан, Рум, Чин, Кхата и Фаранг, — приступил молодой человек к своей истории. — Когда мне исполнилось де-

сать лет, отец, отправляясь в Хиндустан, захотел взять меня с собой. Хотя мать и все тетки говорили ему, что я еще ребенок и не гожусь для такой поездки, родитель мой не послушался.

— Я уже состарился, — ответил он им. — Если сейчас не научу его торговать, то печаль об этом унесу с собой в могилу. Он сын мужчины. Нынче не научится делу, так когда же еще?

Так он сказал, и мне волей-неволей пришлось ехать с ним. Мы благополучно прибыли в Хиндустан, продали там часть товаров и, накупив местных диковинок, двинулись дальше, в Зербад. И эта поездка оказалась благоприятной. Мы поторговали и здесь, а затем сели на корабль, чтобы быстрее вернуться на родину. Через месяц пути разразилась буря, вокруг нас огромными столбами крутились смерчи, весь мир скрылся во мраке, в довершение всего у корабля раскололся руль. Лоцман и капитан рвали на себе волосы. Десять дней носились мы по воле волн и ветра, на одиннадцатый наскочили на риф, и корабль разлетелся в куски. Отец, слуги, имущество — все кануло в неизвестность.

Опомнившись, я увидел себя на доске. Трое суток носила она меня по морю, на четвертый день ее прибило к берегу. Во мне еще теплилась жизнь; я слез с доски и ползком кое-как выбрался на сушу. Невдалеке я увидел поля и на них много народу, но все были темнокожие и голые, в чем мать родила. Некоторые что-то мне говорили, но я не понимал их языка. На полях росли бобы. Люди разводили костры, поджаривали стручки и ели. Поблизости виднелось несколько хижин. Вероятно, эти бобы составляли главную пищу темнокожих, и сами они жили тут же. Они стали делать мне знаки: поешь, мол, и ты. Я взял пригоршню бобов, поджарил их и съел прямо с ладони. Потом я выпил воды, лег в сторонке и заснул.

Когда спустя много времени я проснулся, один из этих людей подошел ко мне и стал показывать дорогу. Я сорвал немного бобов и пошел по указанному пути. Вокруг расстилалась плоская, как ладонь, равнина, такая же обширная, какой должна бы быть та, где соберутся в день Страшного суда наши души. Я жевал бобы и шел вперед. Через четыре дня показалась какая-то крепость; подойдя ближе, я увидел очень высокую стену из камня, простиравшуюся на несколько верст; вход в крепость за-

крывался вытесанной из цельной глыбы каменной плитой, запертой на огромный замок; но нигде не было следов человека. Я пошел дальше и вскоре увидел холм черной, словно сурьма, земли. Когда я поднялся на него, передо мной открылся большой город, окруженный стеной, кое-где над ней возвышались башни; рядом с городом протекала широкая река. Дойдя до городских ворот, я со словами «Во имя Аллаха» вступил в них. За ними сидел на стуле человек, одетый в платье фарангов, так что я принял его за путешественника-чужеземца. Услышав из моих уст «Во имя Аллаха», он подозвал меня. Я приблизился и поклонился. Он очень любезно ответил на мой поклон, пригласил в дом и, поставив на стол хлеб, масло, жаркое и вино, предложил есть, сколько душа пожелает. Я немного поел и попил, потом беззаботно заснул. Вечером я проснулся, вымыл лицо и руки, и хозяин снова стал меня угощать.

— Расскажи-ка о себе, сын мой! — попросил он.

Я поведал ему все, что со мною случилось.

— А сюда-то зачем ты пришел? — спросил он тогда.

— Ты, наверно, в уме повредился, — сказал я ему сердито. — После долгих бедствий я, наконец, увидел жилье. Сам Аллах направил меня сюда, а ты спрашиваешь, зачем я пришел.

— Сейчас пока отдохни, — ответил он мне на это. — Завтра я скажу тебе все, что будет нужно.

Наутро он обратился ко мне:

— В чулане есть мешок, решето и лопата. Вынеси их наружу.

«Бог знает, какой только работы не навалит он на меня, накормив своим хлебом», — подумал я, но поневоле должен был достать эти вещи и принести их ему.

— Пойди на тот холм, который ты видел вчера, — велел он, — выкопай яму глубиной в два локтя; землю, которую вынешь оттуда, просей через сито, а то, что не будет просеиваться, сыпь в мешок и принеси мне.

Забрав все необходимое для работы, я отправился на холм; копал, просеивал и сыпал в мешок. Смотрю: это всевозможные драгоценные камни, блеск которых ослепляет глаза. Набив ими мешок до краев, я притащил его к хозяину.

Тот взглянул на него и сказал:

— Возьми все, что в нем есть, и уходи отсюда. Нехорошо тебе жить в этом городе.

— Господин оказал мне великую милость, подарив столько драгоценных камней,— отвечал я,— но на что они мне? Если захочется есть, я не смогу их ни разжевать, ни проглотить. Даже если дадите еще, что мне с ними делать?

— Мне жаль тебя,— сказал он с улыбкой,— потому что ты, как и я, уроженец Аджамы. Из-за этого я и не советую тебе оставаться. Но поступай как знаешь. Если ты все же решил войти в этот город, возьми с собою мой перстень. Когда придешь на базарную площадь, обязательно разыщи там седобородого человека, очень похожего на меня. Это мой старший брат. Отдай ему кольцо, и он позаботится о тебе, а ты делай все так, как он скажет, не то пропадешь ни за что. Моя же власть кончается здесь — в город я войти не могу.

Я взял у него перстень и с поклоном простился. Войдя в город, я был поражен его красотой: улицы и базар сверкали чистотой, мужчины и женщины свободно занимались торговлей, и все были богато одеты. Я шел, озираясь вокруг. Выйдя на середину базара, я увидел такую толпу, что брось сверху тарелку, она не упала б на землю, а поскакала бы по головам. Люди стояли так плотно друг к другу, что трудно было пройти. Когда толпа понемногу начала расходиться, я стал проталкиваться вперед. Наконец, я увидел того человека, к которому направлялся; он сидел на скамеечке, а перед ним стоял осыпанный самоцветами жезл. Я подошел, поклонился и вручил ему перстень.

— Зачем ты пришел сюда? — спросил он, гневно взглянув на меня. — Захотел попасть в большую беду? Разве мой неразумный брат не запретил тебе это?

— Он-то говорил, но я не послушался,— отвечал я и рассказал о себе все с начала до конца.

Этот человек встал и повел меня за собой. Дом его выглядел словно шахский дворец, и повсюду было множество слуг.

— Сын мой! — обратился он ко мне, усадив в своей комнате. — Что за глупость ты сделал, ступив собственными ногами в могилу! Разве кто-нибудь по своей воле приходит в этот злосчастный заколдованный город?

— Я уже рассказал о себе,— возразил я. — Сама судьба толкнула меня сюда. Но будьте милостивы и поведайте мне о здешних обычаях. Дайте понять, почему вам и вашему брату не по душе, что я здесь очутился.

— Царь и вся знать этого города не следуют истинной вере; их обычаи и религия удивительны, — сказал мне почтенный муж. — Здесь в храме есть один идол, в чреве которого сидит шайтан, распознающий имя, род и веру всякого человека. О любом бедном путнике, кто приходит сюда, сразу узнает царь, и пришельца ведут прямо в храм на поклонение идолу. Если он падет ниц перед божеством — хорошо. А не то несчастного бросают в реку. Пусть даже он выплывет — ему не убежать, потому что члены его распухают и мешают движениям. Вот какое волшебство владеет этим городом. Мне жаль твоей юности, и потому я придумал, как сохранить тебе жизнь хоть на некоторое время и спасти от этой беды.

— Что же это за способ? — спросил я. — Соизвольте сказать.

— Я женю тебя, — сказал он, — и возьму тебе в жены дочку везира.

— Как отдаст везир за меня, нищего, свою дочь? — изумился я. — Разве что я приму его веру? Но сделать этого я не могу.

— В этом городе такой обычай, — объяснил он. — Всякий, кто придет на поклонение к идолу, должен получить, что он попросит. Если он — будь то хоть нищий — потребует царскую дочь, то надо вручить ее ему и ублажить его этим; нельзя оставить его во власти печали. А я пользуюсь доверием у царя, он меня любит, поэтому меня почитает вся здешняя знать и вельможи. Два дня среди недели они посвящают богослужению в храме идола, и как раз завтра все там соберутся. Я возьму тебя с собой.

Потом он меня накормил, напоил и уложил спать. Наутро вместе с ним я отправился в храм. Там я увидел, что со всех сторон сходятся люди и поклоняются идолу. Впереди рядом с жрецами сидели, почтительно обнажив головы и скрестив ноги, царь и вся знать, а вокруг них стояли рядами незамужние девушки и красивые мальчики, словно райские девы и юноши.

— Теперь делай, что я скажу, — обратился ко мне мой покровитель.

— Все, что изволите приказать, я исполню, — сказал я.

— Прежде всего поцелуй у царя руки и ноги, — велел он, — потом ухватись за полу везира.

Так я и сделал.

— Кто это? — спросил тогда царь. — Что он говорит?

— Этот юноша — мой родственник, — ответил мой покровитель. — Он пришел издалека, чтобы поцеловать царские стопы. Он надеется, что везир возвысит его, допустив служить у себя, если будет на то повеление великого идола и согласие вашего величества.

— Примет он нашу веру и наши законы, — сказал царь, — тогда превосходно.

В этот миг в храме зазвучали литавры; на меня надели почетный халат и, обвязав шею черной веревкой, повлекли к трону идола и заставили пасть перед ним ниц.

— Эй, сын ходжи! — раздался голос из идола. — Хорошо, что ты пришел служить мне. Теперь уповай на мою благосклонность и милости.

При этих словах все простерлись на земле и стали кричать:

— Будь благословен! Пусть будет так! Таков наш бог!

С наступлением вечера царь и его приближенные сели на коней и отправились во дворец к везиру. Там они вручили мне его дочь, совершив обряд по своим обычаям, дали богатое приданое и благословили, говоря, что по велению великого идола девушка принадлежит мне. Нас вместе оставили в одном доме, и тут я увидел, что моя новобрачная красотой своей, безупречной до кончиков волос и ногтей, действительно может сравниться с пери. Она обладала всеми совершенствами падмини, о каких только можно мечтать, и очень понравилась мне. Поутру, совершив омовение, я явился к царю на поклон. Он пожаловал мне по случаю женитьбы халат и повелел, чтобы я всегда присутствовал у него на приемах. И наконец, через несколько дней я попал в число царских приближенных.

Властитель был очень доволен моим обществом и часто жаловал мне халаты и другие награды, хотя я и без того был богат всяким имуществом, потому что жена принесла мне без счета денег, вещей и драгоценностей. Два года протекли в полном довольстве и покое, и вот моя жена понесла. Когда отошли седьмой и восьмой месяцы и наступили сроки родов, начались боли. Пришли няньки и повивальные бабки и извлекли мертвого младенца. Яд от него передался роженице, она умерла тоже, а я обезумел от горя. Что за несчастье разразилось надо мной! Я сидел в слезах у ее изголовья. Вдруг плач раз-

дался по всему дому, и со всех сторон начали сбегаться женщины. Каждая в знак горя раз или два хлопала меня руками по голове и принималась рыдать еще громче. Собралось столько женщин, что среди них я совсем потерялся, и мне казалось, что душа моя расстается с телом.

Тут кто-то схватил меня сзади за воротник и потянул. Смотрю, это тот самый перс, который женил меня.

— Эй, глупец! — произнес он. — Над кем ты плачешь?

— Жестокий! — возопил я. — Что ты сказал? Мое царство похищено, пропал мой душевный покой, а ты спрашиваешь, почему я в тоске!

— Оплакивай собственную жизнь, — сказал он с печальной улыбкой. — Я давно говорил тебе, что в этот город ты пришел на свою погибель. Так и случилось. Теперь тебе не остается ничего, кроме смерти.

Потом меня схватили и повели в храм. Вижу, там уже собрались царь с приближенными и простой народ. Туда же принесли все имущество моей покойной жены. Всякий брал что хотел и выкладывал плату.

Одним словом, все имущество обратили в наличные деньги, на них накупили драгоценных камней и сложили в шкатулку. Наполнили один сундук хлебом, сладостями, жареным мясом, сухими и свежими фруктами и прочей снедью; в другой положили тело моей жены и оба сундука погрузили на верблюда. Меня посадили сверху и дали мне в руки шкатулку с драгоценностями. Впереди двинулись брахманы, распевая гимны и трубя в раковины, а сзади, вознося благословения, шел народ. Так мы вышли из города, через те же ворота, в которые я вошел два года назад. Лишь только взгляд привратника упал на меня, он залился слезами.

— Несчастный смертник! — произнес он. — Ты не слушал меня, вошел в этот город и понапрасну отдал свою жизнь. Я не виноват — ведь я предостерегал тебя.

Он говорил, а я словно оцепенел: язык не подчинялся мне, чтобы ответить, и не хватало присутствия духа, чтобы взглянуть в лицо грядущему. Наконец привели меня к той самой крепости, мимо которой я проходил когда-то. Целая толпа людей с трудом открыла тяжелую дверь; гроб и сундук втащили внутрь. Ко мне подошел пандит и стал наставлять.

— Человек однажды родится, — говорил он, — однажды он и умирает — таков ход дел мирских. Вот твоя жена, сын и богатство; вот и пропитание на сорок дней,

возьми его и оставайся здесь, пока не смилуется над тобой великий идол.

В ярости хотел я проклясть и этого идола, и здешних жителей, и этот обычай, а на брахмана готов был наброситься с кулаками, но все тот же перс меня остановил.

— Берегись! — предостерег он. — Ни слова! Стоит тебе открыть рот, и тебя тут же сожгут. Ладно уж, что было тебе суждено, то и случилось. Теперь уповай на милость божью. Быть может, Аллах даст тебе случай выбраться отсюда живым.

Потом, оставив меня совсем одного, все вышли из крепости и снова заперли вход. От сознания своего одиночества и беспомощности я невольно разрыдался и принялся осыпать труп ударами. «Эй, злодейка! — кричал я. — Если тебе суждено было умереть во время родов, зачем пошла замуж, зачем понесла?» Избив бездыханное тело, я снова сел. Тем временем солнце поднялось высоко и стало палить. Голову мне припекало, и я задыхался от зловония. Куда ни взгляну, всюду валяются человеческие кости и стоят сундуки, полные драгоценных камней. Я собрал несколько поломанных сундуков, сложил их так, чтобы можно было укрыться днем от жары, а ночью спастись от росы, и принялся искать воду. В стороне я увидел отверстие, высеченное в стене наподобие горла кувшина; оттуда вытекала вода. Сколько-то дней прожил я на воде и оставленной пище.

Но вот пропитание кончилось. Я всполошился и возопил к господину богу. Он был так милосерден, что вновь открылись ворота и в крепость внесли мертвеца, а вместе с ним привели старика. Когда все ушли, мне пришлось в голову убить старца и забрать его сундук с едой. Взяв в руку ножку от сундука, я подошел к старику. Несчастный сидел в отчаянии, опустив голову на колени. Я подкрался к нему сзади и так ударил по голове, что череп его раскололся, мозг брызнул наружу, и он в тот же миг вручил душу богу. Забрав его припасы, я стал ими кормиться. Долгое время занимался я тем, что убивал всех живых, которых приводили с покойниками, и благополучно поддерживал свою жизнь их пропитанием.

Однажды, уже немало времени спустя, пришла вместе с гробом очень красивая девушка. Мне не хотелось ее убивать. Она же при виде меня от страха лишилась сознания. Я забрал ее пищу и утащил к себе, но не стал

есть один: когда чувствовал голод, я шел к ней, и мы ели вместе. Между тем молодая женщина увидела, что я не хочу ей вреда, и день ото дня меньше дичилась и становилась послушной. Потом она сама начала приходить в мое логово, и как-то раз я спросил, кто она.

— Я дочь первого советника царя, — отвечала она, — и была предназначена в жены сыну моего дяди. К ночи в день свадьбы у него начались колики, и он мгновенно умер, а меня вместе с его гробом оставили здесь.

Потом она попросила меня рассказать о себе, и я поведал ей все с начала и до конца.

— Аллах послал тебя сюда для меня, — сказал я ей в заключение. Она улыбнулась и промолчала.

Вскоре между нами родилось взаимное чувство. Я обучил ее основам мусульманской религии, заставил прочитать символ веры и сделал своею женой. Вскоре она зачала и родила сына. Почти три года прожили мы так и вот однажды, когда мальчик был уже отлучен от груди, я обратился к жене с такими словами:

— До каких пор будем мы здесь оставаться? Как бы нам выбраться отсюда?

— Поможет бог выйти — выйдем, а нет — так здесь и померем, — отвечала она.

Ее ответ и мысли о нашей доле очень расстроили меня, и я заснул весь в слезах. Во сне увидел я человека, который сказал: «Можно выйти через водосток. Выходи!»

— Жена! — закричал я, восторженно радуясь. — Собери и принеси железные гвозди и скрепы от старых сундуков — я расширю ими водосток.

И вот я до изнеможения стал долбить гвоздем камни подземной трубы, и через год тяжких трудов проход расширился настолько, что в него мог пролезть человек. Потом мы наполнили рукава снятых с мертвецов курток лучшими самоцветами и, взяв их с собой, все трое выбрались наружу. Там я воздал хвалу богу, посадил сына на плечи, и вот уже месяц, как мы пробираемся через леса и горы, боясь появляться на дорогах и утоляя голод травой и листьями. Вот моя история, ты слышал ее всю. Больше нет сил говорить.

— Благополучие падишаху! — продолжал ходжа. — Я проникся состраданием к несчастному, послал его в баню, одел в новое платье и назначил своим помощни-

ком. Между тем у нас с царевной рождались дети, но все они умирали младенцами. Один сын дожил до пяти лет, и, когда он скончался, в тоске по нему жена сама оставила мир. Я совсем закручинился; жизнь без нее в той стране стала мне тягостна, и душа была объята печалью. Тогда я решил вернуться в Аджам. Доложил об этом царю, передал должность начальника порта своему молодому помощнику, а тем временем и сам царь скончался. Я забрал этого верного пса и вместе со всем своим богатством прибыл в Нишапур. Там никто не знал моей истории и потому прозвали меня ходжой-собакопоклонником. За этот позор я до сих пор плачу двойную подать двору падишаха Ирана. Случайно приехал в Нишапур этот купеческий сын, и благодаря ему я удостоился чести целовать ваши стопы, — закончил ходжа.

— Разве это не твой сын? — спросил я его.

— О тот, кому поклоняется мир! — ответил ходжа. — Он не сын мне. Это ваш подданный, но отныне он мой господин и наследник; как он соизволит сказать, так и будет.

— Кто же твой отец? — спросил я тогда «купеческого сына». — Где живут твои родители?

Мнимый юноша поцеловал землю и попросил даровать ему жизнь.

— Я, ничтожная, — дочь вашего везира, — произнес он. — Мой отец впал в немилость у вашего величества из-за рубинов этого купца, и ваш приказ гласил: если в течение года слова его не найдут себе подтверждения, ему придется расстаться с жизнью. Услыхав это, я изменила свой облик и отправилась в Нишапур. Господь помог мне доставить к вам этого ходжу вместе с собакой, и вы выслушали всю его историю. Надеюсь, что мой старый отец будет освобожден.

Услышав слова дочери везира, ходжа испустил тяжкий вздох и свалился без чувств.

Когда его окропили розовой водой, он пришел в себя и воскликнул:

— О несчастье! С таким трудом я добрался сюда, уповая на то, что усыновлю этого юношу, сделаю его своим наследником, написав ему дарственную на все имущество, и тогда имя мое сохранится и весь народ будет звать его сыном ходжи. Но мои надежды разбиты,

и вышло иначе. Он оказался женщиной и обманул чаяния старика. Я попал в сети женских плутней. Теперь станут обо мне говорить: «Собирался к святым местам, а остался дома: только осрамился, зря выбрив голову, словно паломник».

— Одним словом, — продолжал Азадбахт, — его отчаяние и плач вызвали у меня жалость. Я подозвал к себе ходжу и шепнул ему на ухо приятную весть:

— Не грусти. Я выдам ее за тебя. Даст бог, у тебя еще будут дети, и они станут твоими наследниками.

Эти слова его успокоили.

— Отведите дочку везира во дворец, — велел тогда я, — а отца ее освободите из темницы, вымойте в бане, оденьте в почетное платье и скорей доставьте ко мне.

Когда везир вошел, я выступил навстречу ему к самому краю ковра, обнял его, признавая его превосходство, и вновь пожаловал ему должность везира, вручив ему каламдан. Ходжу я наградил поместьем и должностью и, дождавшись счастливого часа, сочетал его браком с дочерью везира. За несколько лет у них родились два сына и дочь, так что старший теперь старейшина купцов, а младший — управитель у меня при дворе.

О дервиши! Я рассказал вам эту историю потому, что вчера ночью выслушал похождения двух факиров. Теперь и вы, двое оставшихся, представьте, что вы сидите на том же месте, сочтите меня своим слугой, а этот дом своею обителью, поведайте нам свои приключения и погостите здесь несколько дней.

— Хорошо, — отвечали факиры, видя приветливость падишаха. — Раз вы проявили столько любезности к нам, нищим, мы тоже оба расскажем, что с нами случилось. Слушайте.

Похождения третьего дервиша

Третий дервиш подтянул пояс, уселся и начал свой рассказ такими словами:

Повесть о жизни факира, друзья, слушайте,
Жил в постоянных страданиях я, слушайте,
Сам шах любви надо мной так зло тешился,
Что истомил и меня и себя, слушайте.

Ничтожный, который сидит перед вами, — персидский царевич. Благословенный отец мой был падишахом Аджамы, а я его единственный сын. Юность моя прошла беззаботно: дни напролет я играл с приближенными в кости и карты, в шахматы и нарды или развлекался прогулками и охотой. Однажды я велел оседлать коней, взял с собой друзей и приятелей и отправился в поле. Мы пускали соколов и других ловчих птиц в погоню за утками и куропатками и заехали далеко. И тут нашему взору открылась изумительная долина: во все стороны, куда ни взглянешь, простирался бескрайний зеленый луг с красным узором цветов. Пораженные этим видом, мы бросили поводья и пустили коней тихим шагом, будто на прогулке. Вдруг глядим, в этой долине, куда ни человек не заходит, ни птица не залетает, спокойно пасется черная антилопа. На ней парчовая попона, уздечка вся в драгоценных камнях, золотые колокольчики на вышитой ленте позвякивают на шее. Услышав стук копыт наших коней, она насторожилась, подняла голову, посмотрела на нас и стала тихонько удаляться.

Вид ее возбудил во мне такой пыл, что я сказал своим спутникам:

— Стойте здесь. Я поймаю ее живьем. И смотрите не трогайтесь с места, ни шагу за мной!

А конь подо мной был так быстр, словно летел на крыльях. Не раз я пускал его за антилопами и, хоть они мчались стремительными прыжками, ловил их руками одну за другой. Вот и тут я погнался следом за черной антилопой. Заметив меня, она бросилась вскачь и вихрем понеслась прочь. Мой конь, который мог поспорить с ветром, даже пыли от ее копыт не настиг. Наконец скакун мой весь покрылся потом, а у меня язык стал трескаться от жажды, но все напрасно.

Приближался вечер, а я заехал неведомо куда. Видя, что мне не догнать антилопу, я вынул из чехла лук, достал из колчана стрелу, наложил ее, натянул тетиву до самого уха и, нацелившись, со словами «Аллах велик» выстрелил. Первая же стрела пронзила ей ногу. Тогда, хромя, она свернула к подножью горы. Я сошел с коня и пешком направился следом за ней. Она стремилась укрыться в горах, но я не отставал ни на шаг. Одолев несколько подъемов и спусков, я заметил купол какой-то башни, а подойдя поближе, увидел садик и родничок. Антилопа тем временем скрылась из глаз.

Я очень устал и присел у ручья, чтобы обмыть руки и ноги. Вдруг из башни до моих ушей донесся плач.

— О дитя! — слышалась мне чья-то речь. — Пусть стрелы вздохов моих пронзят сердце того, кто ранил тебя этой стрелой. Да не вкусит он плода своей юности, и да пошлет ему бог такие же страдания, как мне.

Я вошел в сад и вижу: почтенный старец с седой бородой и в богатых одеждах сидит на маснаде, а перед ним лежит антилопа. Он извлекает у нее из ноги стрелу и посылает проклятья.

— Мир господину, — обратился я, поклонившись и сложив приветственно руки. — Это я, ваш покорнейший раб, нечаянно провинился. Но я сделал это по незнанию. Простите меня, ради бога.

— Ты причинил мучения бессловесному существу, — ответил он мне. — Но раз это сделано по неведению, Аллахом простит тебя.

Я присел рядом с ним и стал помогать вытаскивать стрелу. Лишь с большим трудом нам удалось это сделать. Заполнив рану целебными мазями, старик отпустил антилопу. Потом, вымыв как следует руки, он угостил меня всем, что у него тогда было. Насытившись, я растянулся на ложе.

От усталости я после сытной еды сразу же задремал. Вдруг сквозь сон услышал я стенания и плач. Протер глаза, гляжу: ни старика, ни кого другого не видно, я один лежу на кровати, а зал пуст. В испуге стал я оглядываться вокруг и в углу приметил занавес. Я подошел и поднял его. Вижу: трон, и на нем сидит красавица лет четырнадцати — пятнадцати, обликом подобная луне. На ней платье фарангов, по обеим сторонам смеющегося лица выются локоны, и взгляд ее полон очарования, а почтенный старик, что приветил меня, склонил к ее ногам голову и безудержно рыдает, готовый лишиться чувств и рассудка.

Слезы старика и неопишуемая красота женщины так потрясли меня, что я, как безжизненный труп, упал без сознания. Заметив, что со мной случилось, старик взял флакон розовой воды и принялся опрыскивать меня. Когда же я вновь пришел в чувство и, поднявшись, приблизился к красавице с приветствием, она даже пальцем в ответ не шевельнула и губ не раскрыла.

— О красавица с телом розы! — обратился я к ней. — Какая вера позволяет вести себя столь высокомерно и не отвечать на приветствия?

Немногословье — достоинство, это бесспорно,
но обернуться во зло может молчанье ее,
Ведь если даже сомкнутся любимого очи,
розовых уст разомкнуть не захочет она.

Именем бога, который тебя сотворил, скажи мне хоть слово. Ведь я забрел сюда случайно, а гостю следует угождать.

Много слов я потратил, но все они пропали даром: по-прежнему она только слушала и не проронила ни слова, сидя будто безмолвное изваяние. Тогда я бросился на колени и припал к ее стопам, но, коснувшись их, почувствовал, что они тверды и холодны как лед. Только тут понял я, что это сокровище высечено из камня, видно, Азар сотворил этого идола.

— Стрелой из своего лука я ранил в ногу твою антилопу, — сказал тогда я старому идолопоклоннику, — а ты стрелой страсти насквозь пронзил мое сердце. Проклятие твое свершилось. Теперь расскажи, зачем и как сотворено это чудо и почему ты, покинув людей, поселился среди гор и лесов. Поведай мне все, что с тобой произошло.

— Зачем тебе знать, что меня погубило? — ответил он после моих настойчивых просьб. — Неужели и ты хочешь пропасть, услышав эту историю?

— Довольно! — вскричал я. — Хватит уловок и хитростей! Говори мне о деле, не то убью!

Видя, что я упорно стою на своем, он сказал:

— О юноша, пусть всевышний охранит человека от пыла страсти! Взгляни, каких только бедствий не вызывала любовь: ведь из-за любви вдова сжигает себя с телом мужа, жертвуя собственной жизнью; а истории Фархада и Маджнуна известны всякому. Что ты обретешь, услышав мой рассказ? Разве что уйдешь от людей, понапрасну покинув семью, имущество, мир.

— Хватит! — заявил я ему. — Оставь пока свои дружеские чувства, лучше считай меня врагом. Если жизнь тебе дорога, рассказывай начистоту!

Не видя выхода, он залился слезами и поневоле стал говорить.

— Я пропащий человек, а история моя такова, — начал он. — Зовут меня Ниман Сайях. Раньше я был знатным купцом; в те времена я объездил по торговым делам все страны света и был допущен ко всем падишахам. Однажды пришла мне в голову мысль, что хоть я и путешествовал по всему миру, но не побывал на острове Фаранг, не видел, что там за царь, каковы народ и войско, и совсем незнаком с обычаями жителей этой страны, — надо бы когда-нибудь и туда съездить. Посоветовавшись с друзьями и близкими, я утвердился в этом решении, набрал всяких диковинок, которые годилось бы везти в эту страну, собрал караван купцов, сел на корабль и отправился. Ветер был нам попутный, и, добравшись туда в несколько месяцев, мы раскинули лагерь у самой столицы. Удивительный это был город — ни один не сравнится с ним красотой. На всех базарах и в переулках устроены хорошие мостовые, и их поливают водой; чистота такая, что соломинки нигде на земле не увидишь, о грязи же и речи быть не может; дома самые разнообразные, а ночью на улицах горят два непрерывных ряда огней. Вокруг города — сады, и в них растут удивительные цветы, плоды и деревья, каких, наверно, больше нигде, кроме как разве в раю, не бывает. Короче говоря, красота этого города была выше всяких похвал.

Вскоре в городе пошли толки о прибытии заморских гостей. В сопровождении нескольких слуг к нашей стоянке явился верхом на коне почтенный придворный.

— Кто ваш начальник? — спросил он у купцов.

Все указали ему на меня. Придворный вошел ко мне, я встретил его с почетом, и мы приветствовали друг друга. Я усадил его на ковер, пригласил опереться на подушки, а потом обратился с вопросом:

— С какой целью пожаловал к нам господин? Соизвольте сказать.

— Царевна прослышала, что приехали купцы и привезли много товаров, — отвечал он. — Она приказала мне пойти и привести вас к себе. Поэтому возьмите с собой все, что есть среди ваших товаров подходящего для царственных особ, и идите. Вы обретете счастье облобызать царский порог.

— Сегодня я очень устал и не могу сделать этого, — сказал я, — но завтра же предстану перед царевной с жизнью своей и имуществом. Все, чем я, ничтожный,

владею, я принесу в дар, и пусть то, что понравится, принадлежит госпоже.

С таким обещанием я отпустил придворного, одарив его бетелем и благовониями, а сам созвал купцов, собрал у них все диковинки, какие у кого были; взял также и те, что имелись у меня самого, и поутру отправился к царскому дворцу. Привратник доложил обо мне. Последовал приказ: «Впустите!» Вышел тот же самый придворный, взял меня за руку и повел, беседа дружеским образом. Пройдя через помещение для слуг, я попал в роскошные покои.

О друг! Ты не поверишь! Я увидел таких красавиц, словно здесь были собраны пери, которым обрезали крылья. Куда ни взгляну, глаз не отвести! Я не чуял ног под собой. Сдерживая себя всеми силами, я приблизился к царевне. Но когда мой взор упал на ее лицо, я почувствовал, что сознание оставляет меня; даже руки и ноги у меня онемели. Едва-едва я отдал поклон. А по бокам, справа и слева, рядами стояли, скрестив руки, красавицы с обликом пери.

Тут на нескольких подносах внесли драгоценности, парчовые ткани для одежд и всяческие диковинки, которые я отобрал для царевны. Все они были достойны внимания госпожи, и она, обрадовавшись, передала их придворному и соизволила молвить, что цена их, какая указана в списке, будет выплачена мне завтра. Я почтительно раскланялся, очень довольный, что завтра опять должен буду прийти сюда. Когда меня отпустили и я вышел оттуда, я был похож на безумца: говорить пытался одно, а получалось другое. В смятенных чувствах явился я в караван-сарай. Друзья приняли меня спрашивать:

— Что это с вами?

— От этих хождений в голове помутилось, — сказал я.

Одним словом, всю ночь я провел в беспокойстве. Утром снова явился во дворец, и тот же придворный провел меня в царские покои. Глазам моим предстала та же ослепительная картина, что и вчера. Царевна заметила меня и отпустила приближенных по своим делам. Когда все разошлись и мы остались одни, она подозвала меня. Я подошел — она велела сесть, потом изволила спросить:

— Какую ты хочешь награду за то, что пришел сюда и принес это богатство?

— Мною владело сильное желание узреть стопы ваши, — осмелился я доложить, — но господь исполнил его. Теперь я получил все, к чему стремился, и обрел счастье обоих миров. А что до цены, указанной в списке, то я уступлю вам за половину — другая половина составила бы мою прибыль.

— Нет, сколько ты написал, столько и получишь, — возразила царевна. — А кроме того, тебе будет пожалован еще и подарок, если ты сможешь выполнить дело, на которое последует мое повеление.

— Если моя жизнь и имущество смогут быть полезны моей госпоже, я сочту это даром счастливой судьбы и тотчас же сделаю все, — отвечал я.

Услыхав мой ответ, она потребовала принадлежности для письма, начертала записку, вложила ее в вышитый жемчугом кошелек и, обернув сверху платком из тончайшего муслина, дала мне. Потом сняла с пальца перстень с печаткой и сказала:

— В той стороне есть большой сад. Его называют Дилькуша. Пойди туда и найди там надсмотрщика, которого зовут Кайхусру. Вручи ему этот перстень, передай приветствия от нас и попроси ответа на записку. Но поскорей возвращайся. Как говорят: «Если поешь там, то воды напейся уж здесь». Увидишь, как я награжу тебя за это.

Я поклонился и пошел, расспрашивая встречных. Пройдя несколько верст, увидел сад. Лишь только я приблизился к нему, какой-то человек в доспехах схватил меня и ввел в ворота. Вижу: окруженный пышностью и блеском, восседает на золотом сиденье юноша с обликом льва; на нем кольчуга и латы, голова его покрыта стальным шлемом. А рядом пятьсот молодых воинов, сомкнув ряды, стоят наготове: в руках щиты и мечи, колчаны и луки за плечами.

Я отвесил поклон, и юноша подозвал меня. Я отдал ему перстень, повел любезные речи и, показав платок, рассказал про записку.

При этом известии он выразил огорчение и сказал, покачав головой:

— Наверно, злая судьба привела тебя сюда. Ладно, иди в сад. На кипарисовом дереве висит железная клетка, в ней томится юноша. Отдай ему это письмо и, получив ответ, поскорей возвращайся.

Я поспешно углубился в сад. Да разве это был сад!

Казалось, я живым попал в рай: каждая лужайка пестрела всевозможными цветами, били фонтаны, щебетали птицы. Я шел все прямо и на одном дереве увидел железную клетку. В ней сидел красивый юноша. Почтительно склонив голову, я поздоровался и через прутья клетки подал ему запечатанный кошелек. Он вынул письмо, прочитал и принялся с жаром расспрашивать меня о царевне.

Но не успела закончиться наша беседа, как показалось целое войско эфиопов с копьями и саблями. Они налетели на меня со всех сторон и стали наносить мне удары. Чем может защитить себя безоружный?! Мигом всего меня изрубили, изранили, и я свалился без чувств. Когда же ко мне вернулось сознание, я увидел себя на носилках. Их несли два человека и разговаривали между собой.

— Бросим этого мертвеца в поле, — сказал один. — Пусть он станет добычей собак и ворон.

— А если царь вздумает осведомиться и узнает об этом, — ответил другой, — он нас с тобой велит закопать живьем в землю, а наших детей раздавят под колодой, которой жмут масло. Что, нам жизнь надоела, чтобы поступать так неразумно?

Слыша разговор этих ужасных людей, я взмолился:

— Ради бога, смилуйтесь надо мной. В моем теле осталось еще последнее дыхание жизни. Вот когда я умру, тогда делайте что захотите. Ведь мертвец во власти у живого. Но скажите, что случилось со мной, почему меня так изранили и кто вы? Поведайте мне хоть это.

Им стало жалко меня, и они рассказали:

— Юноша, который заперт в клетке, — племянник нынешнего царя. А прежде страной правил его отец. Перед смертью он завещал своему брату: «Пока мой сын, законный наследник этого царства, еще несмышленное дитя, поручаю тебе вести государственные дела самому, заботливо и осмотрительно. Когда же он достигнет совершеннолетия, жени его на своей дочери и передай ему власть надо всей страной и казной». С этими словами он скончался, и правление перешло к младшему брату. Но тот не исполнил заветы покойного. Напротив, он объявил племянника опасным безумцем, бросил его в эту клетку и поставил вокруг сада надежную стражу, так что и птица не может туда пролететь. Несколько раз он подсылал юноше смертельный яд, но жизнь в нем сильна, и яд не

подействовал. Наша царица и этот царевич любят друг друга: она не находит себе места дома, он же трепещет в клетке. Через тебя она отправила любовное письмо, о котором как-то проведали соглядатаи и донесли царю. Тот послал отряд эфиопов, и они нанесли тебе эти раны. А советнику царь приказал придумать, как уничтожить царевича-пленника. Вероломный советник неведомым способом ухитрился уговорить царицу, чтобы она сама своими руками на глазах у царя убила невинного юношу.

— Пойдемте, мне хочется перед смертью увидеть, что из этого выйдет, — попросил я.

Они согласились не сразу, но наконец вместе со мною, израненным, тайком подошли к тому месту и встали в сторонке. Смотрю: на троне сидит сам царь, а царевича вывели из клетки и поставили напротив. Царица же, обратившись в палача, с обнаженным мечом в руках идет казнить своего возлюбленного. Но приблизившись к царевичу, она отбросила меч и кинулась к нему на шею.

— Так умереть я согласен, — произнес влюбленный царевич. — Ведь я жажду тебя в этой жизни и за гробом буду стремиться к тебе же.

— Нет! — сказала она. — Это был только повод повидать тебя.

Видя, как обернулось дело, царь разгневался и стал грозить советнику:

— Ты что же, привел меня сюда любоваться таким зрелищем?

Слуги оторвали царицу от юноши и повлекли ее во дворец, а советник в приступе злобы выхватил меч и бросился к царевичу, намереваясь одним ударом покончить с несчастным. Но только он занес меч, как вдруг стрела, явившаяся из-за завесы таинственного, вошла ему прямо в лоб, и он упал замертво.

Увидев это, царь убежал во дворец. Юношу снова посадили в клетку и унесли в сад. Я тоже поспешил скрыться. По пути какой-то человек подозвал меня и отвел к царице. Узнав, что я ранен, она велела позвать лекаря и с величайшей заботливостью соизволила ему приказать:

— Вылечи этого человека, чтобы скорей совершить омовение исцеления, — вот твоя забота. Сколько ты приложишь стараний, столько получишь наград и отличий.

Словом, лекарь принялся хлопотать, исполняя пове-

ление госпожи, и через сорок дней, совершив омовение, привел меня к ней.

— Ну, как теперь себя чувствуешь? — спросила она.

— Благодаря вашей милости я совершенно здоров, — отвечал я.

Тогда она наградила меня подарками и деньгами вдвойне против обещанного и отпустила. И я вместе со всеми своими спутниками и слугами уехал из страны, где осталось мое сердце. Когда мы прибыли к этому месту, я сказал им:

— Отправляйтесь на родину. Я решил построить на этой горе обитель, поставить в ней изображение царевны и остаться тут навсегда.

Одарив по достоинствам слуг и невольников, я отпустил их со словами: «Пока я жив, на вас ложится забота о моем пропитании, а в остальном будьте свободны». Теперь они преданно заботятся, чтобы мне не пришлось голодать, и я со свободной душой предаюсь поклонению своему кумиру. Такова цель оставшихся дней моих. Вот и вся моя история, которую ты хотел услышать, — кончил старик.

О факиры! Едва дослушав этот рассказ, я накинул на плечи кафни и, одевшись факиром, отправился в путь, стремясь увидеть страну Фаранг. Пробродив долгое время по лесам и горам, я стал похож на Маджнуна или Фархада.

Наконец, страсть моя привела меня в тот самый город. Словно безумный, слонялся я по улицам и переулкам, подолгу простаивал около дворца царевны, но не видел никакого способа проникнуть туда. Мысль, что то, ради чего я пришел, претерпев столько мук, не дается мне в руки, повергала меня в неопишное уныние.

Однажды я стоял на базаре, как вдруг весь народ начал разбегаться, даже лавочники попрятались, закрыв свои лавки. Только что здесь была толчея — и вдруг стало безлюдно. Вскоре показался юноша, подобный Рустаму. Он размахивал мечом и рычал, как лев. На плечах у него была кольчуга, на голове — стальной шлем, за поясом — пара пистолетов. Он что-то бормотал и шатался, как пьяный, а за ним два невольника в шерстяных одеждах несли на головах гроб, обтянутый кашанским бархатом.

Пораженный этим зрелищем, я решил пойти следом за ним. Всякий, кто встречался мне на пути, пытался остановить меня. Но где уж мне было слушать чьи-то советы! Пройдя немного, молодой человек вошел в великолепный дворец, и я последовал за ним. Обернувшись, он хотел одним ударом меча рассечь меня надвое. Я бросился перед ним на колени и стал клятвенно уверять, что как раз этого и ищу.

— Я прощаю тебе свою кровь, — говорил я. — Освободи меня от горестей жизни — я вконец ими измучен. Я нарочно пришел к тебе. Не медли!

Видя, что я твердо решил умереть, господь смягчил сердце юноши, и гнев его остыл.

— Кто ты такой и почему недоволен своей жизнью? — спросил юноша милостиво и снисходительно.

— Пожалуйста, сядьте, — попросил я, — я все объясню. Моя история длинна и начинается издалека. Я жертва в когтях любви — вот почему я безутешен.

Выслушав это, он снял доспехи, умыл лицо и руки и принялся за еду, пригласив меня разделить его трапезу.

— Рассказывай, что с тобой произошло, — сказал он, когда мы кончили есть.

Я поведал ему о старике, о царевне и о том, зачем я явился в их город. Услыхав это, он сначала заплакал, потом произнес:

— Чьих только домов не разрушила несчастная царевна. Но ничего, в моих силах тебя исцелить. Скорей всего ты с моей помощью достигнешь желаемого, а потому не тревожься и храни душевный покой.

Он приказал цирюльнику обрить и искупать меня, дал мне надеть принесенную невольником пару своего платья и тогда продолжал:

— В этом гробу, что ты видел, — царевич, который был заключен в клетке. В конце концов его обманом убил другой царский советник. Он, конечно, обрел спасение, потому что был жертвой гонений. А я его молочный брат. Я зарубил мечом убийцу-советника и готов был прикончить царя. Царь взмолился и стал клясться, что он невиновен; тогда я пощадил этого труса. С тех пор я занят тем, что каждый месяц в первый четверг новой луны ношу этот гроб по всему городу и оплакиваю царевича.

Его слова меня немного утешили. «Если он захочет, — подумал я, — то желание мое исполнится. Господь оказал великую милость, расположив ко мне этого безумца. Поистине: когда господь милует — милуют все».

Лишь только наступил вечер и солнце село, юноша велел вынести гроб, приставил к нему меня вместо одного из носильщиков и отправился с нами. По дороге он сказал мне:

— Я иду к царевне. Если удастся, я ей представлю тебя. Только ты ни в коем случае не произноси ни слова, сиди все время тихо и слушай.

— Все, что господин изволит приказывать, я выполняю в точности, — отвечал я. — Да хранит вас господь за то, что вы сочувствуете моему положению.

Юноша направился к царскому саду. Войдя туда, я увидел на лужайке восьмиугольную мраморную беседку. В ней стоял на алмазных опорах балдахин из белой парчи, отороченной жемчужной бахромой. Под ним находился златотканый маснад и были разложены парчовые подушки. Юноша велел поставить гроб и приказал нам обоим:

— Пойдите к тому дереву, сядьте.

Спустя какое-то время показался свет фонарей — пожаловала царевна, окруженная прислужницами. На лице ее отражались грусть и тоска. Подойдя, она села на маснад. Молочный брат царевича сперва стоял, скрестив руки, потом с почтением, как требует вежливость, присел в стороне с краю ковра. Прочитав заупокойную молитву, он начал что-то говорить царевне. Я прислушался со вниманием. Наконец, разобрал.

— Приветствую вас, госпожа мира, — говорил он. — Царевич страны Аджам, услышав о вашей красоте и очаровании, покинул свое государство, сделался факиром, и, изнурившись, как Ибрагим Адхам, вынеся страшные тяготы, прибыл сюда. Ради вас оставил он родной Балх и в течение многих дней бродит по нашему городу в расстройстве и смущении. В конце концов, вознамерившись умереть, он пошел следом за мной. Я пригрозил ему мечом, а он подставил мне шею и поклялся, что этого-то он и хочет. Одним словом, он любит вас без памяти. Я его хорошо испытал и вполне в нем уверен, только поэтому и осмелился упомянуть вам о нем. Если вы соизволите оказать ему благосклонность как страннику, то это будет и добродетельно и справедливо.

— Где он? — изволила спросить царевна, выслушав его донесение. — Если он царского рода, то в чем затруднение? Пусть предстанет передо мной.

Тут молочный брат царевича встал и подвел меня к ней. Увидев царевну вблизи, я так обрадовался, что лишился ума и рассудка и онемел — не было смелости произнести даже слово. Через мгновение царевна удалилась, а юноша повел меня обратно.

— Я поведал госпоже о тебе все с начала до конца и представил тебя ей. Теперь ты можешь ходить к ней каждую ночь и вкушать наслаждения и радости, — сказал он, вернувшись домой.

Я упал к его ногам, а он обнял меня.

Целый день я провел, считая часы, — ждал, когда, наконец, станет темнеть, чтобы пойти туда. Едва наступила ночь, я распростился с хозяином, отправился в царский сад и уселся в беседке царевны, опершись на подушку.

Через час госпожа без свиты, с одной лишь служанкой, тихо-тихо пришла и села на маснад. От счастья, что наступил этот миг, я бросился лобызать ее ноги. Она подняла мою голову, прижала к своей груди и сказала:

— Сочти этот час благоприятным и слушай меня: увези меня куда-нибудь подальше отсюда.

— Идемте, — ответил я, и с этими словами мы вышли из сада. И тут от восторга и изумления я позабыл все на свете. Куда-то мы шли и шли, но пристанища себе нигде не находили. Царевна встревожилась и взмолилась:

— Я уже устала. Где же твой дом? Идем скорее туда, а то что мы будем делать? Я изранила себе ноги и готова сесть прямо среди улицы.

— Дом моего слуги близко, сейчас мы придем. Будьте покойны, пройдите еще лишь немного, — солгал я в ответ, а в душе был крайне смущен: куда же я ее поведу? Тут попалась мне на глаза закрытая дверь. Быстро сбил я замок, и мы вошли внутрь. Вижу — прекрасные покои, повсюду разостланы ковры, на полках в порядке расставлены полные вина сосуды, а в кухне приготовлены лепешки и жаркое. Нас одолела усталость; мы выпили по чаше португальского вина и, закусив сладостями, всю ночь провели в блаженстве.

Когда наступил рассвет, в городе поднялся шум: «Царевна исчезла!» Во все кварталы и закоулки пошли глашатаи, возвещая об этом. Разослали сводниц и соглядатаев, чтобы задержать царевну, где бы ее ни отыскивали.

У всех городских ворот были выставлены караульные посты из царских слуг. Стража на дорогах получила приказ следить, чтобы даже муравей не выполз из города без разрешения. Всякому, кто принесет известие о царевне, была обещана награда в тысячу золотых и халат. Сводни забегали по городу и стали врывать во все дома подряд.

На свое несчастье, я забыл запереть дверь. Какая-то старуха, чертова тетка (да сделает Аллах лицо ее черным!), закутанная в покрывало и с четками в руках, увидела, что дверь открыта, и смело вошла. Представ перед царевной, она воздела руки и взмолилась:

— Да сохранит Аллах твое счастье! Да не поколеблется тюрбан супруга твоего! Я бедная нищая женщина. Моя дочь беременна и изнемогает в родовых муках. А у меня нет и капли масла, чтобы сжечь в лампе, еды же и питья взять совсем неоткуда. Если она умрет, на какие деньги я закажу ей саван и могилу? А родится ребенок — что дам повитухе и чем накормлю роженицу? Вот уже два дня, как она ни крошки в рот не брала. О благородная госпожа! Удели нам хоть что-нибудь от своей доброты.

Проникнувшись состраданием, царевна подозвала ее к себе и дала ей четыре лепешки и кусок жареного мяса.

Потом сняла с мизинца кольцо и сказала:

— Продай его, купи все, что тебе нужно, и живи спокойно, а если понадобится еще что-нибудь, приходи как в свой дом.

Вполне преуспев в тайной цели, ради которой она и явилась, старуха, принося благодарности, радостно покинула дом. За порогом она бросила хлеб и мясо, а кольцо зажала в кулак, думая про себя: «Теперь госпожа у меня в руках». Но видно, бог захотел избавить нас от этой беды, потому что вдруг верхом на арабском коне подъехал сам хозяин дома — молодой воин с копьем в руках и антилопой, переброшенной через седло. Когда он увидел, что замок сбит, а дверь его дома открыта, и заметил выходящую сводню, он в гневе схватил ее за волосы и втащил обратно во двор. Связав ей ноги веревкой, он повесил ее на суку вниз головой. Несколько мгновений она трепетала, а потом умерла. При виде этого человека я пришел в такой ужас, что у меня затряслись поджилки. Хозяин же, заметив наше смущение успокоил нас.

— Вы поступили очень опрометчиво, — сказал он. Сделали такое дело и оставили дверь открытой.

— Царевич сказал, что это дом его слуги, и ввел меня в заблуждение, — молвила с улыбкой царица.

— Царевич не ошибся, — почтительно ответил он на это. — Все люди Аллаха суть слуги царей, от великодушия и щедрости которых зависят жизнь и благоденствие подданных. Я ваш покорнейший раб, но сейчас благоразумней всего хранить ваше происхождение в тайне. О царевич! То, что вы с царицей оказали внимание моему жалкому дому и изволили его посетить, принесло мне счастье обоих миров. Этим вы возвысили меня сверх всякой меры. Ради вас я готов пожертвовать всем и не пожалю ни жизни своей, ни имущества. Располагайтесь со всеми удобствами. Здесь вам не грозит никакая опасность. Если бы та сводня ушла целой, она принесла бы страшное несчастье. Но теперь оставайтесь, пока будет угодно вашей благородной душе, а обо всем, что понадобится, извольте говорить мне — я все доставлю. Что царь! О вас здесь даже ангел не узнает.

Он долго говорил такие утешительные речи, и мы несколько успокоились.

— Превосходно! — сказал я ему. — Вы благородный человек. При первой возможности мы наградим вас за ваше великодушие. Как вас зовут?

— Имя вашего слуги — Бихзад-хан, — ответил он.

Одним словом, шесть месяцев он преданно служил нам, как обещал. В довольстве и полном покое мы провели это время. Но однажды вспомнилась мне отчизна и родители, и я сидел, погруженный в глубокие думы. Заметив печаль на моем лице, Бихзад-хан предстал передо мной, почтительно сложив руки.

— Если ваш покорный слуга позволил себе какое-нибудь упущение в услужении вам, извольте лишь указать, — обратился он ко мне.

— Ради бога! — воскликнул я. — Что это вы говорите? Вы с нами обходитесь так, что мы живем в этом городе столь же спокойно, как в утробе у матери. А давно ли каждая былинка здесь казалась нам врагом? Кто проявил бы к нам столько дружелюбия, чтобы дать хоть немного отдохнуть? Да окружит вас господь довольством! Вы редкостный человек.

— А если сердце у вас не лежит к этому месту, — ска-

зал он тогда, — то я благополучно доставлю вас куда только прикажете.

— Я хотел бы попасть на родину и увидеть отца и мать, — отвечал я. — Ведь чего только со мной не стряслось! А что могло с ними случиться за это время, знает один только бог. Цель, ради которой я покинул родную страну, мною достигнута. Пора бы мне теперь припасть к стопам моих родителей. Им ведь ничего обо мне не известно, они не знают жив я или мертв. Какое беспокойство должно владеть их сердцами!

— Превосходно! Едемте! — вскричал Бихзад-хан.

Он тотчас же привел турецкого коня, способного пробежать зараз сотни косов, и кобылицу для госпожи, смирную, но быструю, как птица. Усадил нас обоих верхом, потом надел броню и кольчугу, вооружился и сам вскочил на коня.

— Я поеду вперед, — сказал он. — Вы же следуйте за мной, подгоняя коней.

Подскакав к городским воротам, он испустил громкий клич, сбил стрелою замок и угрожающе закричал страже:

— Эй, трусы! Подите к своему владыке и скажите ему: «Бихзад-хан открыто увозит царевну Михрнигар и царевича Камгара, вашего зятя. Если у вас найдется хоть капля мужества, выходите в поле и отнимите царевну, да не говорите потом, что я увез ее тайно; а нет, так сидите в крепости и наслаждайтесь покоем».

Эта весть быстро дошла до царя.

— Свяжите и приведите сюда всех трех подлых бунтовщиков, — повелел царь советнику и военачальнику, — или отрубите им головы и доставьте ко мне.

В мгновение ока явилось несчетное войско, от которого земля и небо окутались пылью. Бихзад-хан укрыл нас с царевной под аркой большого моста, равного по величине Джаунпурскому мосту, а сам, подстегнув коня, помчался назад и, рыча словно лев, ворвался в самую середину врагов. Бихзад-хан расколочил их ряды, как брошенный камень пробивает ряску на стоячей воде, и, подскакав к предводителям, снес головы им обоим. Лишь только войско увидело, что начальники убиты, оно миглом рассеялось. Есть ведь пословица: без пастуха овцы — не стадо. Тут явился на помощь сам царь с целой армией латников. Храбрый юноша снова один смело принял бой и одержал полную победу. Царь обратился

в бегство. Конечно, победа — дар божий, и все же Бихзад-хан проявил такую отвагу, какой вряд ли мог обладать даже Рустам.

Когда Бихзад-хан увидел, что поле битвы опустело, и убедился, что не осталось никого, кто бы стал нас преследовать, он, успокоившись, подъехал туда, где мы стояли с царевной, и отправился с нами дальше. Время в дороге летит быстро. Вскоре достигли мы границ моей страны. Написав отцу своему, падишаху, о нашем благополучном прибытии, я отправил вперед гонца.

Получив мое письмо, прибежище мира преисполнилось радостью — словно иссохшие уста окропились водою. Горячо возблагодарил он Аллаха и, взяв с собой всех амиров, отправился мне навстречу. Достигнув реки, все остановились, и начальнику флота был дан приказ подготовить суда для переправы. Когда я увидел шахскую свиту, стоящую на другом берегу, меня охватило такое нетерпение упасть поскорее в ноги отцу, что я погнал коня в воду и, переплыв реку, предстал перед ним. Отец с любовью заключил меня в свои объятия.

Тут-то и случилось нежданное несчастье. Видно, мой конь был жеребенком от той кобылицы, на которой сидела царевна, — поэтому, или просто слушаясь зова природы, та лошадь, глядя на моего скакуна, поспешно бросилась в реку следом за нами и поплыла, унося с собой госпожу. Царевна в страхе натянула поводья, а у кобылицы были нежные губы, и она перевернулась. Вместе с ней ушла под воду и царевна. Больше они не показывались. Бихзад-хан кинулся на коне в реку, желая помочь царевне, но сам тоже попал в водоворот и не смог из него выбраться; сильно бил он по воде руками и ногами, но все напрасно — утонул и он.

Увидев такую беду, прибежище мира велел принести и закинуть огромную сеть. Лодочникам и ныряльщикам было приказано обыскать всю реку. Поднимали землю со дна, но тех двоих и следа не нашли.

О факиры! Это происшествие было так ужасно, что я почти лишился рассудка и, обратившись в факира, бродил как безумный, непрестанно твердя: «Таков уж, глаза, ваш удел: видели радости, посмотрите и горести». Если бы царевна просто исчезла или умерла, то сердце могло бы на чем-нибудь успокоиться: надо было бы или искать, или терпеть. Но раз она ушла под воду у меня на глазах и там бесследно пропала, мне ничего не остава-

лось делать. Наконец я решил: утоплюсь и я — может быть, найду любимую после смерти.

Однажды ночью пришел я к той же реке и, собираясь исполнить намерение, зашел в воду по горло. Только хотел ступить еще дальше и погрузиться уже с головой, как вдруг появился всадник в плаще, тот самый, который принес вам добрые вести. Он схватил меня за руку и произнес слова утешения:

— Не отчаивайся. Госпожа и Бихзад-хан живы. Зачем тебе несправедливо губить свою душу? В мире может стрястись и такое, но не сегодня, так завтра встретишься с ними обоими. Теперь отправляйся в Рум. Три других дервиша, как и ты раненные в сердце, уже на пути туда. Когда ты встретишься с ними, ты достигнешь желанного.

О факиры! Явившись сюда по приказу того, кто освещает нам путь, я предстал перед вашим благородным собранием. Надеюсь, теперь каждый из нас обретет то, что ищет.

Вот моя история. Я поведал ее вам полностью и целиком.

Похождения четвертого дервиша

Четвертый дервиш, весь в слезах, начал историю своих походов такими словами:

Путь мой печальный окончится вскоре, слушайте,
Был я с рожденья с удачею в споре, слушайте,
Я расскажу, почему одинок и несчастен я,
Все расскажу о страданиях и горе, слушайте.

О вы, наставники в вере! Соизвольте уделить мне немного внимания. Факир, который, как вы видите, попал в столь печальное положение, — сын падишаха Чина. Я был взлелеян в ласке и неге, получил хорошее воспитание и совсем не был знаком с превратностями судьбы — мне казалось, что всегда будет так продолжаться. Как раз в эту беззаботную пору случилось несчастье — покинул сей мир покровитель людей, мой родитель. В смертный час он позвал к себе младшего брата — моего дядю.

— Я намерен отправиться в дальний путь и оставить

власть и богатство, а ты исполни мое завещание и соверши дело старшего. Пока царевич — владыка трона и венца — повзрослеет, наберется ума и осмотрится в своем доме, возьми его под свою опеку и не допускай до упадка войско и державу. Когда же он станет взрослым, тебе надлежит, наставив его хорошенько, передать ему трон и, женив его на Рошан Ахтар — твоей дочери, самому устраниться от власти. Так царство укрепится за моим родом и не потерпит ущерба.

С этими словами он вручил свою душу богу. Дядя стал падишахом и принялся править страной. Мне он приказал жить на женской половине и не выходить оттуда, пока не вырасту. До четырнадцати лет я воспитывался среди шахских жен и служанок, там я играл и резвился. Весть о предстоящей женитьбе на дядиной дочери обрадовала меня; в надежде на это я жил беззаботно и говорил про себя: «Теперь уж скоро мне достанется и царство и невеста». Мир ведь держится на надежде.

У покойного отца был слуга-эфиоп по имени Мубарак, умный и преданный человек, которому отец доверял всей душой. Я нередко приходил к нему; он тоже любил меня и, видя мою радость, ликовал вместе со мной.

— Хвала Аллаху, царевич! — говорил он. — Вы теперь стали юношей. Если соизволит всевышний, ваш дядя скоро последует завету покойного падишаха, тени всевышнего, и вручит вам свою дочь и трон вашего отца.

Однажды какая-то подлая служанка ни за что ни про что так шлепнула меня по щеке, что на ней отпечатались все пять ее пальцев. С плачем я побежал к Мубараку. Он обнял меня, утер рукавом мои слезы и сказал:

— Пойдемте, сегодня я сведу вас к падишаху. Может быть, увидев вас, он смилуется, сочтет вас достойным и вручит вам ваши права.

И он повел меня к дяде в собрание придворных. Дядя встретил нас приветливо.

— Чем вы озабочены и почему сегодня пришли сюда? — спросил он.

— Мы пришли доложить об одном деле, — ответил ему Мубарак.

На это дядя сам вдруг сказал:

— Пора бы уж женить молодого царевича.

— Прекрасно, — только и вымолвил Мубарак.

Тотчас же дядя велел позвать звездочетов и предсказателей.

— Какой месяц, день и час в этом году благоприятны для совершения свадьбы? — спросил он у них с тайным умыслом.

Догадавшись о его настоящем желании, они подсчитали и доложили:

— О покровитель мира! Весь этот год несчастливый. Ни один день ни одного месяца не годится для свадьбы. Если же нынешний год пройдет благополучно, то следующий окажется лучше для доброго дела.

— Отведи царевича во дворец, — обратился падишах к Мубараку. — Даст бог, по прошествии этого года я вручу ему то, что принадлежит ему по праву. Пусть будет покоен и постигает науки.

Мубарак поклонился и увел меня с собой во дворец. Дня два-три спустя я пришел к нему. При виде меня он расплакался.

— Что случилось, дядюшка? — спросил я в беспокойстве. — Почему ты плачешь?

— Зачем я тогда свел тебя к этому жестокому человеку? — ответил мой доброжелатель, любивший меня душою и сердцем. — Знал бы я, так ни за что б не повел.

— Что же было плохого в том, что мы сходили к нему? — взволновался я. — Скажи мне всю правду!

— Все амиры, везиры и столпы государства от мала и до велика, оставшиеся еще со времен отца вашего, — сказал он, — очень обрадовались, когда увидели вас, и принялись благодарить бога. «Наконец-то наследник нашего владыки вырос и стал достоин власти, — говорили они меж собой. — Близок день, когда она достанется тому, кому принадлежит по праву. Тогда он признает наши заслуги и оценит нашу долгую службу». Известие об этих толках достигло ушей вашего бесчестного дяди — и словно змея заползла ему в грудь. Он позвал меня к себе в покои и повелел: «Мубарак! Придумай, как известить царевича; сними с моего сердца страх перед ним и успокой мою душу». С тех пор я в постоянной тревоге — ведь ваш дядя стал вам смертельным врагом.

Лишь только услышал я эту горькую весть, смертный холод сковал мою душу. В страхе за жизнь бросился я к ногам Мубарака.

— Я откажусь от царства, только спаси меня как-нибудь, ради бога!

— Не бойтесь, опасность вам не грозит, — ответил верный слуга, прижав к груди мою голову. — Есть у меня

один план; если он удастся, то беспокоиться не о чем. Пока вы живы, ничто не потеряно. Думаю, что нам удастся и спасти вашу жизнь, и преуспеть в достижении цели.

Обнадежив меня таким образом, он пошел со мной в покои, где сиживал и почивал мой усопший родитель. Там стоял шахский трон. Мубарак взял его с одной стороны, а мне велел взяться с другой; общими силами мы сдвинули его с места. Потом он поднял ковер и принялся копать землю. Вдруг показалась дверца, запертая цепью с замком. Мубарак подозвал меня. Я было решил про себя, что он выкопал эту яму, чтобы убить меня и зарыть в ней. Смерть встала перед очами; но я все же подошел, шепча потихоньку молитву. Гляжу, а за дверцей покои из четырех комнат; в каждой из них раскачиваются на золотых цепях по десять больших кувшинов; горлышки их покрыты золотыми слитками, а на слитках — изваяния обезьянок, усыпанные самоцветами. Во всех четырех залах я насчитал тридцать девять таких сосудов и еще один, набитый до самого горла золотыми монетами, только на нем не было ни обезьянки, ни слитка. Увидел я и целый бассейн, полный драгоценных камней.

— Дядюшка! — обратился я к Мубараку. — Что это за чудо? Чей это дом и зачем все это?

— История обезьянок, которых вы видите, — отвечал он, — такова. Ваш отец с молодых лет свел дружбу с Маликом Садыком — падишахом джиннов — и раз в год неизменно встречался с ним. Он отвозил ему в подарок благовония и разные диковинки из нашей страны и проводил у него в гостях около месяца. На прощание Малик Садык давал ему изумрудную обезьянку, и падишах прятал ее в этот погреб. Никто, кроме меня, об этом не знал. Однажды я осмелился спросить: «Защитник мира! Какая польза в том, что вы приносите дары на сотни тысяч рупий, а взамен получаете безжизненную обезьянку из камня?» Он улыбнулся и изволил ответить: «Смотри не проговорись никому. Каждой из этих обезьянок, которых ты видишь, подчинены и послушны по тысяче дэвов. Но пока у меня не соберутся сорок таких обезьян, воспользоваться ими нельзя — они ни к чему не пригодны». И не хватало уже только одной обезьянки, как падишах скончался. Такие труды не принесли пользы! Плоды их пожать не удалось! О царевич! При виде вашей беспомощности все это пришло мне на память, и

я решил во что бы то ни стало доставить вас к Малику Садыку и рассказать ему о злодействе вашего дяди. Может быть, он, помня о своей дружбе с вашим отцом, подарит вам еще одну обезьянку, и тогда вы с помощью всех сорока вернете себе государство и спокойно станете править страной. Так или иначе, это спасет вашу жизнь, если даже не даст ничего больше. Иного способа вырваться из рук нашего притеснителя я не вижу.

-- Дядюшка! — сказал я ему тогда. — Ты теперь волен в моей жизни и смерти; что сочтешь за лучшее, то и делай.

И Мубарак, успокоив меня, отправился на базар покупать духи, благовония и все, что уместно было бы взять с собой в подарок. На следующий день он пришел к моему жестокому дяде — этому нынешнему Абу-Джахлю.

— Хранитель мира! Я придумал способ, как избавиться от царевича. Если прикажете, я вам доложу.

— Как же? — обрадовался тот негодяй.

— Если умертвить его во дворце, то это может покрыть вас позором. Лучше я отведу его куда-нибудь в лес, там прикончу, зарюю труп и вернусь. Никто никогда не узнает, что произошло.

— Превосходно! — воскликнул дядя, выслушав план Мубарака. — Я хочу одного: чтобы его не было в живых. Мысль о нем тревожит мою душу. Если ты избавишь меня от источника моих опасений, я щедро награжу тебя за твою службу. Веди его, убей где угодно, только скорей принеси мне эту радостную весть.

Усыпив таким путем подозрения падишаха, Мубарак взял меня, забрал все подарки, и среди ночи мы вышли из города и направились к северу. Шли мы целый месяц. Раз ночью в пути Мубарак обратился ко мне:

— Благодарение богу, теперь мы достигли желанного места.

— Дядюшка! Что ты говоришь? — удивился я.

— Разве вы не видите войска джиннов?

— Здесь не видно никого, кроме тебя, — отвечал я.

Мубарак достал коробочку с сурьмой Соломона и тонкой палочкой нанес мне сурьму на глаза. Тотчас же взору моему стали доступны войсковые шатры и палатки и сами джинны. Все они были красивы лицом и превосходно одеты. Каждый узнавал Мубарака; по старой дружбе они с ним обнимались и шутили.

Вскоре мы дошли до места, где обитал шах, и вступили во дворец. Гляжу: повсюду сияют огни; в два ряда сидят ученые мудрецы, дервиши, амиры, везиры, придворные и советники. Телохранители, стража и разные слуги стоят, сложив руки, а посередине высится усыпанный самоцветами трон. На нем, облокотясь на подушки, величественно восседает Малик Садык в жемчужном венце и в мантии.

Я подошел и поклонился. Он милостиво велел мне садиться, потом пригласил к трапезе. Когда покончили с едой и убрали дастархан, Малик Садык обратился к Мубараку и стал расспрашивать обо мне.

— Теперь вместо его отца правит дядя, который стал его смертельным врагом, — сказал Мубарак. — Поэтому я бежал с ним оттуда и привел его к вам. Он сирота, и царство принадлежит ему по праву, но без покровителя он ничего не может добиться. Я пришел искать у вас защиты для этого обиженного. вспомните заслуги его отца и помогите: пожалуйста ему последнюю обезьянку, чтобы были все сорок и чтобы он, вернув свои права, мог вечно молиться за вас. Ему не на что больше надеяться, кроме как на вашу защиту.

— Поистине, заслуги покойного падишаха и в службе и в дружбе немалы, — ответил Малик Садык поразмыслив. — И раз этот несчастный с опустошенной душой оставил наследственное царство и для спасения собственной жизни прибег к нашей помощи и защите, я сделаю для него все, что в моей власти, и не остановлюсь ни перед чем. Но и у меня тоже есть одно дело. Если он сможет выполнить его до конца, не позволив себе вероломства, и полностью выдержит испытание, то я обещаю обойтись с ним еще лучше, чем с его отцом, и дам ему все, что он пожелает.

— Я ваш покорный слуга, — почтительно ответил я, сложив руки. — Я с радостью выполню все, чем смогу служить падишаху, сделаю все хорошо, честно и добросовестно и сочту это для себя за счастье в земной и будущей жизни.

— Ты еще мальчик, поэтому снова тебе повторяю: смотри не соверши вероломства и не подвергнись несчастьям!

— Благодаря вашей счастливой судьбе всевышний облегчит мне это дело, — сказал я. — Я приложу все усилия и исполню поручение, которое вы мне доверите

Тогда Малик Садык подозвал меня, вынул из памятной книжки листок и показал его мне.

— Ищи где хочешь ту, чье лицо изображено здесь; найди и приведи ее ко мне, — велел он. — И когда ты найдешь ее след и увидишь ее, вырази ей мою бескрайнюю любовь. Если ты сослужишь мне эту службу, ты получишь больше, чем можешь пожелать. Но если нет, тогда — что посеешь, то и пожнешь.

Взглянув на листок, я увидел такое прекрасное лицо, что в голове у меня помутилось, но из страха я сдержал себя, хоть и с трудом.

— Прекрасно. Я отправлюсь. Если бог мне поможет, я исполню все, как велит господин. — С этими словами я вместе с Мубараком направился в лес.

Долго скитались мы из деревни в деревню, из села в село, из города в город, из страны в страну и всех встречных расспрашивали о той, чей портрет дал нам падишах. Но никто не сказал нам, что знает ее или где-нибудь слышал о ней.

Проведя семь лет в странствиях, претерпев всяческие лишения и беспокойства, мы прибыли в один город. В нем были красивые и удобные дома, но все его жители повторяли величайшее имя Аллаха и твердили молитвы, стремясь оградить себя от злых сил. На глаза мне попался слепой нищий из Хиндустана. Он просил милостыню, но никто не давал ему ни гроша, ни даже крошки хлеба. Я удивился, и мне стало жаль его. Вынув из кармана золотую монету, я положил ее ему в руку.

— О податель! — молвил он, взяв монету. — Пошли бог тебе счастье. Видно, ты здесь проезжий, а не житель этого города.

— Верно! Уже семь лет, как я пустился странствовать и погубил свою жизнь. До сих пор мне никак не найти даже следа того, ради чего я отправился в путь. В этот город я пришел лишь сегодня.

Старик благословил меня и пошел прочь, а я двинулся следом за ним. За городом показался красивый дворец. Он вошел в него, и я тоже. Смотрю, стены кое-где уже поосыпались, но оставлены без починки. «Этот дворец достоин царей, — подумал я. — Если бы только привести его в порядок, какой это был бы замечательный дом! А во что он теперь превратился! Кто знает, отчего он пришел в запустение и почему живет здесь этот слепец!»

Старик между тем, опираясь на палку, пробирался все дальше, как вдруг послышался голос.

— Батюшка! — произнес кто-то. — Все ли благополучно? Почему ты сегодня вернулся так рано?

— Дочка! — ответил старик. — Господь послал нам доброго путника, который сжалился надо мной. Он дал мне золотой. Много дней не было у нас хорошей еды, поэтому я купил мяса, пряностей, масла, муки и соли да еще прихватил материи для тебя. Разрежь ее, сшей, оденься и иди готовить обед. Мы поедем и помолимся за этого щедрого человека. Хоть мы и не знаем, к чему он стремится, но всевышний ведает все и все видит, он примет молитву от нас, обездоленных.

Когда я услышал исповедь его нищеты, то решил дать ему еще двадцать золотых. Но только повернулся туда, откуда слышался голос, как увидел женщину — точь-в-точь тот портрет. Вынув рисунок, я взглянул на него еще раз и не заметил разницы ни на волос. Тяжкий вздох вырвался у меня из самого сердца, и я упал без сознания. Мубарак подхватил меня, усадил и стал обмахивать веером. Придя в себя, я снова уставился на нее, так что Мубарак даже спросил:

— Что с вами случилось?

Но я был не в силах вымолвить ни единого слова.

— Юноша! — сказала тут красавица. — Побойся бога и не гляди на незнакомую женщину. Всем надлежит помянуть стыд.

Она промолвила это с таким достоинством, что ее речь покорила меня не меньше, чем красота лица. Мубарак всячески хлопотал вокруг меня, но откуда ему было знать состояние моего сердца.

— О слуги божьи, жители этого дома! — вскричал я, не помня себя. — Я бедный путник. Если бы вы пустили меня к себе и дали место для отдыха, это было бы великое дело.

Слепой подозвал меня. Узнав мой голос, он обнял меня и подвел туда, где сидела красавица, подобная розе. Сама же она спряталась в угол.

— Расскажи о себе, — попросил он. — Почему бросил ты дом и бродишь один? Чего ты ищешь?

Я не стал поминать имени Малика Садыка и не сказал ничего о его деле.

— Я, бездомный, — царевич Чина и Мачина, — так принялся я рассказывать. — Отец мой — падишах этих

стран. У одного купца я купил за сотни тысяч рупий этот портрет. Глядя на него, я лишился покоя и, приняв облик факира, пустился странствовать по всему свету. Здесь я нашел то, что искал. Теперь ваша воля.

— Друг мой! — ответил слепой со вздохом. — Моей дочерью владеет тяжкий рок. Ни один смертный не может жениться на ней и обрести плоды брачной жизни.

— Надеюсь, вы объясните мне поподробнее, — попросил я.

— Слушай, царевич! — начал старик историю своих злоключений. — Я один из благородных вельмож этого злосчастливого города. Мои предки были славны и знатны. Всевышний ниспослал мне дочь — вот она. Когда она выросла, пошла молва о ее красоте, изяществе и благовоспитанности и по всей стране стало известно, что у такого-то в доме есть девушка, прелестью своей посрамившая самих гурий и пери; что и говорить о человеческом лице, которое могло бы с нею сравниться! Хвалу ей услышал наш царевич и, еще не видя ее, страстно влюбился: он совсем перестал есть и пить и от слабости не стоял на ногах.

Толки об этом дошли до самого падишаха. Однажды ночью он вызвал меня к себе в покои, все рассказал с глазу на глаз и уговаривал до тех пор, пока я не согласился на брак. Я сам понимал, раз в доме есть дочь, надо ведь выдать ее за кого-то. «Так что же может быть лучше, как отдать ее за царевича? — думал я. — Этим и падишаху окажу услугу». Я согласился и ушел. С того же дня с обеих сторон начались приготовления к свадьбе. Наконец, в счастливый час собрались все кази, писцы, ученые мужи и знатные люди, был совершен брачный обряд, назначена доля жены и невесту торжественно увели. Когда окончились все церемонии, новобрачные остались одни и молодой муж вознамерился возлечь с женою на ложе, в их покоях поднялся такой страшный шум, что люди, стоявшие снаружи на страже, переполошились. Хотели открыть двери комнат и посмотреть в чем дело, но двери оказались так крепко заперты, что никаким усилиям не поддались. Тем временем шум утих. Дверь сняли с петель и, войдя в комнату, увидели страшное зрелище: обезглавленное тело жениха еще трепещет, а невеста лежит на земле без сознания с пеной на губах, вся в пыли и крови. При виде этой ужасной картины все

оцепенели, общая радость сменилась печалью. Донесли падишаху, собрались все столпы власти, но никто не был в силах понять, что произошло. Тогда падишах, вне себя от горя, велел: «Отрубите голову злополучной невесте». Лишь только эти слова слетели с его уст, вновь поднялся тот же страшный шум. Падишах испугался и убежал, спасая свою жизнь; напоследок он приказал выгнать мою дочь из дворца. Служанки доставили девушку ко мне. Слух об этом несчастье пошел по всему миру, и всякий, кто узнавал о нем, содрогался. А из-за смерти царевича сам падишах и все жители города стали моими врагами.

Когда окончились сорок дней всеобщего траура, падишах обратился к столпам государства за советом, что делать дальше. «Дела уже не поправишь, — отвечали они, — но, чтобы хоть как-то облегчить свое сердце, вам надо казнить девушку вместе с отцом и забрать все их имущество». Исполнить приговор было приказано начальнику городской стражи. Но едва он окружил мой дом со всех сторон своими людьми и затрубил у ворот, намереваясь ворваться внутрь, чтобы покончить с нами, как невеста откуда полетел такой дождь камней, что его войско не устояло. Прикрывая головы, стражники разбежались куда глаза глядят, а в это время падишах у себя во дворце собственными ушами услышал страшный голос: «Что за дурь нашла на тебя? Какой бес тобой овладел? Если хочешь добра, не мешайся в судьбу этой красавицы! А то за вражду к ней ты сам увидишь то же, что видел твой сын в день своей свадьбы. Если ты станешь ее преследовать, будешь наказан».

От ужаса падишах задрожал. Он тотчас велел, чтобы нас больше не трогали, не говорили с нами, а оставили жить в этом доме и не притесняли. С того дня чародеи стараются рассеять это колдовство молитвами, амулетами и заклинаниями и все жители города без усталости твердят величайшее имя Аллаха и читают священный Коран. Тянется это уже долгое время, но до сих пор все по-прежнему окутано тайной, и я сам ничего понять не могу. Как-то раз я все-таки спросил у дочери, что она видела. «Я ничего не знаю, — отвечала она. — Мне показалось, что в тот миг, когда муж мой ложился в постель, потолок разверзся и в комнату сверху спустился усыпанный самоцветами трон. На нем сидел прекрасный юноша в шахской одежде, окруженный толпой прислуж-

ников. Они бросились на моего мужа, а сам их глава подошел ко мне со словами: «Ну что, любимая? Куда ты теперь убежишь от меня?..» У пришельцев был облик людей, но я видела их козлиные ноги... Сердце мое затрепетало, я от страха лишилась чувств и ничего больше не помню».

С тех пор нам пришлось жить одним в этом разрушенном доме. Все друзья покинули нас, опасаясь шахского гнева, и, когда я выхожу просить милостыню, никто не дает мне ни гроша, запрещая даже стоять около лавок. Бедной девочке нечем прикрыть тело и нечего накинуть на голову; и давно уже мы не ели досыта. Я молю бога о том, чтобы он послал нам смерть. Пусть бы нас поглотила земля, только бы кончились эти мучения. Чем жить так, лучше умереть. Верно, всевышний привел тебя нам на помощь, раз ты, сжалившись, подал мне золотой; я вкусно поел, купил платье для дочери, вознес хвалу богу и помолился за тебя. Если бы дочкой моей не владели злые чары джиннов и пери, я отдал бы ее тебе вместо рабыни и счел бы это за счастье. Вот вся моя история. Не думай о моей дочери и откажись от своих намерений.

Выслушав этот рассказ, я стал умолять слепца, чтобы он взял меня себе в зятя, — пусть свершится со мной, что мне суждено. Старик никак не хотел согласиться. С наступлением вечера я распрощался и ушел в караван-сарай.

— Чудесно, царевич! Все превосходно, — сказал мне там Мубарак. — Аллах сделал все как надлежит. Наконец-то наш труд не пропал даром.

— Сколько я его сегодня ни уговаривал, бессовестный слепой не соглашается, — отвечал я огорченно. — Бог знает, отдаст он ее или нет.

Я был в таком волнении, что с трудом протянул ночь: все ждал, когда же наступит утро и я снова пойду к ним. Между тем мне приходило на ум, что если отец ее сжалится и согласится, то Мубарак отвезет ее к Садыку. «Пусть только попадет она ко мне в руки, — думал я, — а там я уговорю Мубарака и сам буду с ней наслаждаться». Потом страх охватил душу: что, если Мубарак сдастся на мои уговоры? Не постигнет ли и меня та же участь, какая досталась царевичу? А если нет — как посмотрит здешний падишах на то, что сын его был убит, а счастье досталось другому?

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз; мысли о красавице не оставляли меня. Лишь только засиял день, я поднялся, накупил на базаре самых лучших тканей на платье, тесьмы для отделки и фруктов, сушеных и свежих, и отправился к старику. Он радостно приветствовал меня.

— Всякому дороже всего своя жизнь, — сказал он. — Но если бы сама моя жизнь могла быть полезна тебе, я не пожалел бы ее. Я бы сейчас же вручил тебе свою дочь, но боюсь, как бы не подвергнуть тебя смертельной опасности — это легло бы проклятием на мою душу до самого Судного дня.

— Я оказался здесь без поддержки. Вы — мой отец и наставник в вере и в жизни, — отвечал я. — Подумайте, сколько времени горю я желанием, сколько тягот и расстройств я перенес, каких только не претерпел несчастий, пока добрался сюда. Наконец-то я нашел след желанной, да и вас умилостивил всевышний, раз вы готовы отдать ее замуж; только страх за меня заставляет вас колебаться. Посудите же сами вполне беспристрастно, есть ли такая вера на свете, что велела бы прятать голову от меча любви и хранить жизнь от опасностей страсти? Будь что будет! Так или иначе, я уже погубил себя. Соединение с любимой я почту за спасение, а буду ли жив или погибну — мне все равно. Больше того, если желание мое не исполнится, то в тоске я умру раньше смертного часа и в Судный день призову вас к ответу.

В таких спорах и пререканиях со стариком я провел почти целый месяц, бросаясь от надежды к отчаянию. Каждый день я являлся к слепому и любезными речами старался сломить его упрямство. Вдруг он занемог, и я неотрывно ухаживал за ним: бегал показывать мочу лекарям, составлял по рецептам лекарства и поил его ими, собственными руками готовил ему отвары и легкую пищу и сам же его и кормил.

— Юноша! — сказал он однажды растроганно. — Ты очень настойчив. Хоть я и поведал тебе о грозящих несчастьях, хоть и велел отказаться от мысли о моей дочери, — ведь пока есть у нас жизнь, мы все имеем, — ты против моей воли сам толкаешь себя в яму. Хорошо, сегодня я поговорю о тебе с дочкой; посмотрим, что она скажет.

О факиры Аллаха! Я так расцвел от этой радостной вести, что не чувствовал под собой ног.

— Наконец-то подумали вы о моей жизни, — сказал я с почтительным поклоном и удалился.

Придя домой, я всю ночь напролет проговорил с Мубарак. Куда девались и сон и голод! Утром с первыми лучами солнца я снова предстал перед стариком. Поздоровался.

— Вот, — произнес он, — я отдаю тебе свою дочь. Благослови вас всевышний. Отдаю вас обоих ему под защиту. Пока во мне еще теплится жизнь, оставайтесь при мне; когда же очи мои закроются, делайте что захотите — воля ваша.

Через несколько дней этот почтенный человек вручил свою душу богу. В горе исцарапав себе все лицо, я совершил погребальный обряд. После похорон Мубарак на носилках доставил красавицу в караван-сарай.

— Ее доверил нам Малик Садык, — сказал он, обращаясь ко мне. — Смотрите! Не позволяйте себе вероломства, чтобы не пустить на ветер все наши труды и усилия.

— Друг мой! — ответил я. — Где тут Малик Садык? Сердце не слушается меня. Как мне терпеть? Будь что будет, сохраню жизнь или погибну, но сейчас уж вкушу наслажденья.

— Не ребячьтесь! — пригрозил Мубарак рассердившись. — Все может вмиг измениться. Думаете, что Малик Садык далеко, так можно его и не слушаться? Ведь, когда мы отправлялись, он сразу предупредил о лучшем и худшем исходе. Если послушаетесь его слов и доставите ее в неприкосновенности, то он, может быть, оценит ваши старания и дарует ее вам. Это будет действительно хорошо: вы обретете любовь, но сохраните и дружбу.

Внимая его угрозам и наставлениям, я в волнении умолк.

Мы купили двух верховых верблюдов и, взобравшись на них, направились в государство Малика Садыка. Ехали долго, и вот как-то в поле послышались шум и голоса.

— Благодарение богу, — произнес Мубарак. — Труды наши кончились благополучно — это прибыло войско джиннов.

И, вмешавшись в их толпу, он спросил:

— Куда вы направляетесь?

— Падишах выслал нас вам навстречу, — отвечали они. — Теперь мы подчиняемся вам; если прикажете, мы вмиг вас доставим.

— Посмотрите, — сказал Мубарак, — как отличил нас господь перед лицом падишаха после стольких усилий. К чему теперь торопиться? Если, не дай бог, что случится, все наши труды пойдут прахом и мы подвергнемся гневу хранителя мира.

— Ваша воля, — согласились все в один голос. — Поезжайте, как вам угодно.

И хотя мы были окружены всеми удобствами, но ехали и днем и ночью. Когда мы были уже совсем близко к цели, я, видя, что Мубарак заснул, пал головой в ноги красавице и со слезами и плачем поведал ей о своей сердечной тоске и о том, как я беспомощен перед Маликом Садыком.

— С того дня как я увидел ваш портрет, я запретил себе сон, еду и покой. Наконец Аллах дал мне встретиться с вами, но и то я остаюсь вам чужим.

— Мое сердце тоже питает к вам склонность, — отвечала она. — Чего только не сделали вы для нас, сколько перенесли трудностей! Помните бога и не забывайте меня; посмотрим, что покажется нам из-за завесы таинственного.

При этом она зарыдала. Вот какие чувства владели нами обоими! Тут проснулся Мубарак и, увидев нас, разлученных, в слезах, принялся и сам плакать.

— Утешьтесь, — сказал он немного погодя. — У меня есть одна мазь; я намажу ею тело этой прекрасной розы, и от этого запаха Малику Садыку станет противно. Скорей всего, тогда он отдаст девушку вам.

План Мубарака наполнил мое сердце бодростью.

— Дядюшка! — принялся я обнимать его и ласкать. — Ты мне вместо отца. Ты раз уже спас мою жизнь; погони ее мне опять, не то я умру от тоски.

Он долго меня утешал. Когда же воссиял день, снова раздались голоса джиннов. Гляжу, приближаются прислужники Малика Садыка и несут нам два почетных халата до пят и паланкин с жемчужным шитьем. Мубарак намазал красавицу своей мазью, одел ее, убрал и отправил к Малику Садыку. Тот встретил нас очень приветливо и усадил с превеликим почетом.

— Я обойдусь с тобой так, как не поступал ни с кем до сих пор, — милостиво изрек он. — Царство отца открыто тебе. Кроме того, ты отныне будешь мне сыном.

Меж тем как он говорил мне эти любезные речи, перед ним предстала наша красавица. От запаха мази

у него в голове помутилось, и расположение духа сразу переменялось. Не в силах вынести это зловоние, он поднялся, вышел и потребовал привести нас обоих к себе.

— Что, почтенный! — обратился он к Мубараку. — Хорошо же ты исполнил условие! Я ведь предупреждал: не пытайтесь обманывать — попадете в немилость. Что это за вонь? Увидите, что я теперь с вами сделаю!

Он был вне себя от гнева. Мубарак в страхе распустил пояс на штанах и сказал:

— Благополучие падишаху! Смотрите сами. Когда я, ваш раб, взялся по повелению вашей милости за это дело, я отсек себе ту часть тела, с помощью которой производят на свет детей, положил ее в ларец, запечатал его и вручил вашему казначею, а на рану наложил целебную мазь царя Соломона и отправился в путь.

Услыхав такой ответ Мубарака, он грозно обернулся ко мне.

— Так это твоих рук дело! — закричал он и в ярости принялся сыпать бранью. Из его слов можно было понять, что он хочет тотчас лишиться меня жизни. Когда выражение его лица подтвердило мои опасения, я совершенно отчаялся; не заботясь больше о себе, я сорвал меч с пояса у Мубарака и вонзил его в брюхо Малику Садыку. Лишь только металл коснулся его тела, он наклонился и зашатался. Я удивился, не умер ли он, но сразу решил, что рана не может быть столь опасной; так что же случилось? В изумлении я стоял и смотрел, как он, покачавшись по земле, превратился в шар и полетел к небесам. Он поднялся так высоко, что совсем исчез из виду; через миг он обрушился вниз с грохотом грома и, крича в гневе что-то бессмысленное, нанес мне такой удар, что я плашмя упал без сознания и погрузился в небытие. Бог знает, сколько времени пролежал я без чувств. Когда же, наконец, глаза мои открылись, я увидел себя в диком лесу, где не было ничего, кроме колючих кустов и деревьев. Ум отказался служить мне, и я не знал, куда идти, что предпринять! В отчаянии, вздохнув, пустился куда глаза глядят. Когда попадался мне навстречу человек, я спрашивал про Малика Садыка, но все глядели на меня как на безумного и отвечали, что даже имени такого они не слышали.

Однажды поднялся я на гору и тоже хотел покончить с собой, бросившись вниз. Только я решился шагнуть

в пустоту, как явился тот же всадник в плаще с мечом Зульфикар.

— Зачем губишь ты свою жизнь? — сказал он. — С человеком случаются всякие беды. Твои тяжкие дни миновали, наступают дни светлые. Скорей иди в страну Рум. Три человека, таких же как ты, уже пошли туда. Встреться с ними и найди падишаха, который там правит. Все впятером вы обретете свое счастье в одном месте.

Вот история моих походов. Наконец-то по совету устранителя наших тягот я попал в ваше общество и предстал перед очами падишаха, тени всевышнего. Теперь все мы должны получить утешение.

Окончание истории

Так шла беседа между четырьмя дервишами и падишахом, как вдруг из шахского гарема прибежал евнух, бросился к падишаху с почтительными приветствиями и доложил, что родился царевич, красотой которого поразмлены и солнце и луна.

— Не видно было, чтобы какая-нибудь из моих жен ожидала ребенка, — сказал падишах в изумлении и, желая узнать, чье чрево подарило ему наследника, спросил:

— Из какого же созвездия явилось это прекрасное солнце?

— Есть одна луноликая наложница, которая уже много дней как чем-то прогневала падишаха, — смиренно доложил евнух. — Она с тех пор ютилась в стороне от всех по углам, и, боясь шахского гнева, никто к ней не приближался и не расспрашивал. На нее-то и снизошла милость Аллаха: из ее чрева явился мальчик, прекрасный словно луна.

Падишаха охватила такая радость, что он чуть не умер от счастья.

— Превосходно, о покровитель! — принялись благословлять его все четыре факира. — Да не пресечется процветание твоего дома! Да снизойдет благополучие на твоего сына, и пусть вырастет и состарится он под твоею опекой!

— Это случилось благодаря вашему появлению здесь — ведь я уже не мечтал о таком счастье. Если позволите, я пойду поглядеть на него, — отвечал падишах.

— Во имя Аллаха, идите, — ответили дервиши.

Падишах сам пожаловал на женскую половину, взял царевича на руки и принес благодарность творцу. Тоска оставила его сердце. Он прижал ребенка к груди, вынес его и положил к стопам дервишей. Они благословили дитя и отвратили от него злые силы. Затем падишах велел готовиться к празднеству: заиграла музыка, отверзлись двери казны, бедняки, искавшие грош, стали владельцами тысяч, все столпы государства получили новые поместья и должности, войску выдали пятилетнее жалование, ученым шейхам пожаловали пенсии и земли, миски и чашки бедняков и нищих наполнились кашей из золота и серебра, а народу простили налоги и подати на три года вперед — каждый мог растить или сеять что ему вздумается и оставлять себе весь урожай целиком, а не половину.

По всему городу, в домах у служивых и торговых людей, начались веселые пляски; на радостях и малые и великие чувствовали себя падишахами. Внезапно в разгар торжества в гареме раздались причитанье и плач. Осыпая волосы прахом, выбежали из гарема служанки, няньки и евнухи и бросились к падишаху.

— В тот час, когда царевича вымыли и вручили кормилице, — доложили они, — налетело облако и закрыло их. Через миг мы увидели няньку без чувств, а царевич исчез. Что за несчастье!

Падишах, услышав об этом таинственном событии, впал в расстройство. По всей стране пошел плач. Два дня нигде ничего не варили — люди вкушали тоску по царевичу, пили кровь собственных сердец и были готовы отказаться от жизни. Но на третий день вернулось опять то же облако и, разорвавшись, открыло осыпанную жемчугом люльку. Оно оставило ее во дворце, а само испарилось. В люльке нашли царевича, который мирно сосал пальчик. Мать-царица приняла на себя все его несчастья, взяла ребенка на руки и прижала к груди. Глядит, на нем распашонка из тончайшего муслина с жемчужной оторочкой, а поверх нее надет златотканый передничек, на руках и ногах — браслеты с самоцветами, на шее — ожерелье из девяти драгоценных камней, а рядом лежат украшенные погремушки и соска.

Все, кто был там, пришли в восторг, принялись молиться о благополучии царевича и говорили:

— Пусть сердце твоей матери будет покойно, ты станешь достойным человеком.

Падишах велел построить большой новый дворец и, украсив его коврами, поселил там дервишей. Когда он освобождался от государственных дел, то приходил к ним и окружал их всяческим вниманием. Но каждый месяц в первый четверг новой луны являлось облако и уносило царевича, а через два дня возвращало его с подарками, игрушками и диковинками всякого рода из самых разных земель, от одного вида которых ум человека приходил в замешательство. Так продолжалось, пока царевич не достиг в полном здравии семи лет. В самый день его рождения падишах Азадбахт обратился к дервишам.

— Святые люди! — сказал он. — Уму непостижимо, кто это уносит и вновь возвращает царевича. Удивительнейшее дело. Что же это такое?

— Сделайте одну вещь, — посоветовали ему дервиши. — Напишите любезное письмо и положите его в кроватку к царевичу; что-нибудь в таком роде: *«Видя Вашу благосклонность и добрые чувства к моему сыну, я возымел сердечное стремление встретиться с Вами. Если Вы дружески сообщите мне о себе, то душа моя успокоится и волнения оставят ее»*.

Падишах написал письмо так, как ему советовали друзья, на лучшей бумаге с золотыми узорами, и положил его в золотую кроватку. Царевич исчез, как и прежде. С наступлением вечера падишах пришел к дервишам и сидел, беседуя с ними, как вдруг рядом с ним упала сложенная бумажка. Он развернул ее и прочел — то был ответ на его письмо. В нем содержалось всего несколько строк: *«Знайте, что и мы рады Вас видеть. Чтобы доставить Вас к нам, за Вами послан трон. Если Вы тотчас же пожелаете, будет прекрасно, ибо мы сможем встретиться. Все готово для веселья и радости, лишь Ваше место остается свободным»*.

Падишах вместе с дервишами уселся на прибывший трон. А трон этот, подобно престолу великого Соломона, был способен летать по воздуху. Вскоре они опустились в таком месте, где стояли роскошные дворцы и видны были следы приготовлений к торжественной встрече, но не было ясно, есть ли там кто или нет. Тем

временем кто-то провел палочкой с сурьмой Соломона по глазам всех пятерых, и, уронив по две слезинки, они увидели собрание пери, которые в разноцветных праздничных одеждах с кувшинчиками розовой воды в руках вышли им навстречу.

Азадбахт проследовал меж двух рядов почтительно выстроившихся пери и джиннов и на возвышении увидел изумрудный трон, где, облокотясь на подушки, величественно восседал Малик Шахпал, сын Шахруха. Перед ним прелестная девочка играла с царевичем Бахтияром, сыном Азадбахта. По обе стороны трона были расположены по порядку сиденья, и их занимали знатнейшие пери. Лишь только Малик Шахпал заметил падишаха, он поднялся с места, спустился с трона и обнял его; потом, взяв его за руку, усадил рядом с собой и повел дружеский разговор. Весь день они провели в развлечениях, вкушая легкую пищу и слушая музыку. На другой день, когда оба правителя встретились снова, Шахпал спросил Азадбахта, почему тот взял с собой четверых дервишей.

Падишах подробно рассказал историю четырех неудачников, как сам ее слышал; он представил их Шахпалу и попросил его помочь им.

— Они вынесли много тягот и лишений. Если вы теперь осчастливите их своей милостью и поможете каждому обрести его заветную цель, господь щедро вознаградит вас за это и я вечно буду вам благодарен. Ваш благословенный взгляд поможет им преуспеть в их делах.

— С полной готовностью! — ответил Малик Шахпал. — Я сделаю все, что вы просите.

При этих словах он строго взглянул на окружавших его дэвов и пери и написал повеление самым главным джиннам, которые правили разными землями, чтобы они, как только получают этот приказ, явились пред его светлейшие очи; а если кто-нибудь захочет уклониться, то будет за это наказан и все равно приведен силой. И пусть возьмут с собой всех плененных ими людей — и женщин и мужчин, которых держат они при себе, а если кто-нибудь попытается спрятать пленника и это потом обнаружится, то всю семью ослушника раздавят под колодой для выжимания масла, а от него самого даже имени не останется.

С такими приказами дэвы разлетелись во все концы света, а между обоими падишахами продолжалась дружеская беседа.

— Мною тоже владело страстное желание иметь ребенка, — сказал Малик Шахпал, обращаясь к шаху и дerviшам, — и я дал обет, если господь пошлет мне сына или дочку, сочетать дитя браком с отпрыском, который родится у падишаха рода людского. Вскоре после этого решения пришло известие, что супруга моя ждет потомства. Миновали часы, дни и месяцы, и настал срок, когда родилась эта девочка. Помня свое обещание, я повелел всему роду джиннов отправиться на поиски, обшарить весь мир земной, найти где угодно новорожденного сына падишаха или шахиншаха и как можно быстрее, но бережно доставить ко мне. Тотчас же, подчиняясь приказу, все пери разлетелись в разные стороны, и спустя некоторое время мне принесли вашего сына. Я воздал хвалу богу, взял ребенка на руки, и в сердце у меня вспыхнула любовь к нему сильнее, чем к дочери. Не хотелось ни на миг отпускать его с глаз своих, но все же я отослал его обратно, потому что подумал, каково должно быть его отцу и матери, если они его не увидят. Поэтому я каждый месяц требую доставить его и, продержав несколько дней у себя, отправляю назад. Если будет угодно Аллаху, раз уж мы с вами встретились, давайте устроим их сговор. Все живое подвержено смерти, так лучше еще при жизни увидеть их свадьбу.

— Сначала таинственные исчезновения сына внушали нам неопиcуемый страх, но речи вашей милости меня совсем успокоили, — сказал Азадбахт, целиком покоренный словами Малика Шахпала и его добротой. — Пусть отныне станет он вашим сыном; поступайте с ним, как вам будет приятно.

Так текла беседа двух падишахов, сладостная, как молоко с сахаром, и они проводили время в полном довольстве. Дней через пять или десять собрались величайшие правители райских цветущих равнин, гор и островов, за которыми посылались гонцы, и все предстали перед Шахпалом. Прежде всего он обратился к Малику Садыку:

— Представь сюда всех рожденных Адамом, которых ты держишь

Поддав свое недовольство, тот поневоле мигом доставил красавицу с ланитами розы — дочку слепца.

У властителя Омана Малик Шахпал потребовал дочь падишаха джиннов, по которой сходил с ума оседлавший

быка царевич Нимроза. И этот отдал ее с превеликими извинениями.

Когда дошел черед до дочери царя Фаранга и Бихзад-хана, все начисто отреклось от участия в их похищении и клялись в этом клятвою Соломона. Шахпал начал расспрашивать владыку моря Кулзум. Он молчал, опустив низко голову, Малик Шахпал принялся его уговаривать, обещал возвысить и стал даже грозить. Тогда тот, сложив почтительно руки, доложил:

— Благополучие падишаху! Дело в том, что в тот час, когда падишах Аджама выехал к реке встречать сына и царевич в нетерпении пустил коня в реку, я случайно вышел в те же места прогуляться и поохотиться. Путь мой пролегал мимо, и я, остановив свою свиту, стал наблюдать за ними. Тем временем кобыла понесла царевну в реку. Лишь только я увидел ее, сердце мое не смогло устоять, и я приказал своим пери захватить ее вместе с лошадыю. Следом за ней бросился на коне Бихзад-хан. Когда он пустился вплавь, я, покоренный его мужеством и отвагой, решил забрать и его. Вместе с ними я вернулся к себе. Сейчас они в полном здравии.

И с этими словами он вывел обоих.

Начались розыски дочери султана Шама. Допрашивали всех и ласково и настойчиво, но никто не признавался в том, что держит ее у себя, и никто не видел даже ее следов.

— Все ли правители и наместники собрались здесь или кто-нибудь отказался явиться? — спросил тогда Малик Шахпал.

— Покровитель мира! — доложили джинны. — Пришли все, кроме Мусалсала Джаду — чародея, который волшебством воздвиг себе крепость под сенью горы Каф. Он возгордился и не хочет идти, а мы, ваши слуги, не можем притащить его силой: там неприступное место, и сам он большой шайтан.

Выслушав это, Малик Шахпал разъярился. Тут же он отрядил на войну целую армию джинов, великанов-ифритов и пери и повелел:

— Если он сам придет по доброй воле вместе с царевной, то ладно; а нет — притащите его, связав по рукам и ногам, а царство его и крепость сотрите до основания и проведите борозду плугом, запряженным ослом.

Тотчас же двинулось в поход такое войско, что через день непокорный мятежник был схвачен; его притащили

с петлей на шее и поставили на колени перед шахом. Малик Шахпал, считая это достаточным наказанием, сразу спросил его о царевне, но гордец твердил одно только слово: «нет». В страшном гневе Шахпал велел изрубить тело его на куски, перед тем содрав с него кожу и набив ее мякиной. Он снова отправил отряд пери на гору Каф с приказанием во что бы то ни стало отыскать и привезти царевну. Наконец, ее нашли и доставили.

Все пленники и четыре факира на радостях принялись молиться за Малика Шахпала. Падишах Азадбахт тоже был очень доволен. Тогда Малик Шахпал повелел отвести мужчин к нему в приемные комнаты, женщин — в шахский сераль, а город празднично украсить и сделать приготовления к свадьбе, чтобы все ждало только приказа.

Однажды, дождавшись доброго часа, Малик Шахпал скрепил брачные узы между царевичем Бахтияром и своей дочерью. Купеческого сына из Ямана он женил на дамасской царевне; царевича страны Фарс — на царевне из Басры; царевну с острова Фаранг отдал за царевича из Аджамы; дочку падишаха Нимроза — за Бихзадхана; царевичу Нимроза вручил дочь шаха джиннов, а царевича Чина сочетал браком с дочерью старика, которая была захвачена Маликом Садыком. Так благодаря Малику Шахпалу все обездоленные достигли желанной цели. После этого был устроен пир на сорок дней, где веселье и наслаждения не прекращались ни днем, ни ночью.

Наконец, Малик Шахпал одарил царевичей всякими диковинками и драгоценностями и отпустил их в родные земли. Все благополучно отправились в путь, счастливо прибыли на место и стали властвовать. Только Бихзадхан и купеческий сын из Ямана остались по доброй воле у падишаха Азадбахта. В конце концов яманский купец стал править дворцовыми делами, а Бихзадхан был назначен главнокомандующим над войском у владыки счастья — царевича Бахтияра, и жили они до конца своих дней в полном довольстве.

О Аллах! Подобно тому как достигли желанной цели своей четверо дервишей и пятый — падишах Азадбахт, даруй своим милосердием и добротой исполнение сердечных желаний всем обездоленным через посредство пяти чистых телом, двенадцати имамов и четырнадцати невинных — да пребудет мир и покой над ними! Аминь, о владыка обоих миров!

З а к л ю ч е н и е

Когда, милостью божьей, я довел до конца эту книгу, мне пришло в голову дать ей такое название, из которого виден был бы год сочинения. Когда подсчитал, оказалось, что начал я складывать свою повесть в конце 1215 года хиджры и из-за недостатка досуга удалось ее кончить только в начале 1217 года. Сердце подсказало мне хорошее имя — «Сад и весна»: здесь и название есть и видно число. На нем я и остановился. Всякий, кто прочтет эту книжку, словно бы совершит прогулку по саду, но простой сад подвержен увяданию осени, а мой вечно в весеннем цвету.

Книга с названием «Сад и весна»
Мною торжественно завершена.
Тысяча двести семнадцать — число,
В чтенье звучащее: «сад и весна».
Этою цифрой означен сей год,
Осень для книги моей не страшна;
Кровью души я свой сад поливал,
Соком гранатовым стала она,
Сердце свое я в плоды обратил,
Жертва великая принесена,
Но после смерти меня позабыть
Вам не позволит она лишь одна.
Каждый читающий «Сад и весну»
Вспомнит меня и мои времена,
Пусть он ошибки мои извинит —
Часто колючка в цветах не видна,
И ошибиться способен — увы! —
Каждый, с рассвета трудясь дотемна.
Ныне Аллаху вознес я мольбу,
Просьба моя несложна и скромна —
Не позволяй мне тебя забывать,
Как бы ни пенилась жизни волна.
Но разреши позабыть хоть на миг
То, что к могиле тропа не длинна,
Милость во имя пророка пошли,
В жизни и в смерти она мне нужна.

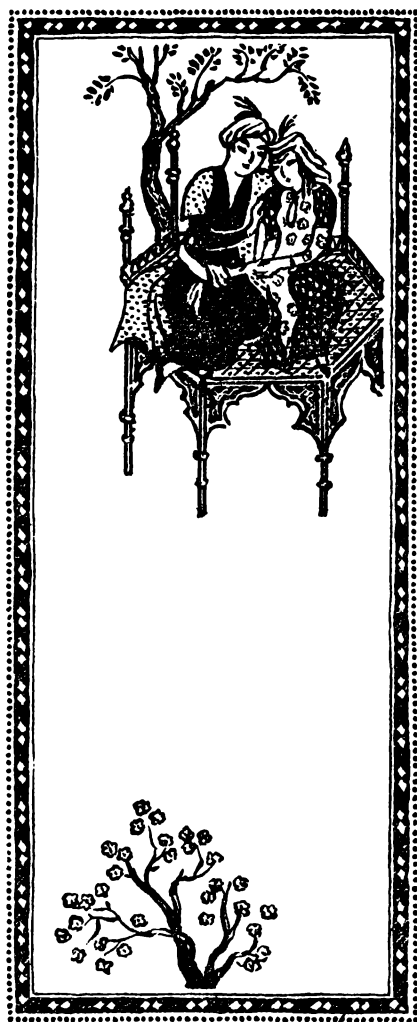

Нихалчанд Лахори

РОЗА БАКАВАЛИ

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Сделай розой, о всевышний, речь мою,
Чтоб цвела навстречу сердцу-соловью.

Хвала создателю! Весна — вот Истинный Садовник, достойный Гулистана. Ибо из цветника изящества черпает сияние и свежесть сад земной, свет же его дарит теплом невест прекрасных и цветы весной. Где силы взять холодному уму, чтобы хвалу ему воздать? Лишь тот, кто правом обладает, сумеет написать:

Все пахнут розою у розы лепестки.
Рыдает соловей от боли и тоски.

Печатями скрепил бутон тугой уста.
Хвалюю имени Его открой уста!

Им и составлена и переплетена
Та книга, что хранит влюбленных имена.

Лейлы прекрасный облик в розе просиял,
А локон Кейса гиацинтом нежным стал.

Туч всепрощающих, пролитых над землей,
Довольно, чтоб грехов смыть заскорузлый слой.

Вспоен водою дождевой посев надежд,
Взошел зеленою травой посев надежд.

Коль разгорится даже гнев в душе Его,
Нас милосердья не лишит Он своего¹.

Во славу досточтимого избранника Мухаммада, да благословит его Аллах!

¹ Стихи в повести «Роза Бакавали» даны в переводе А. Наймана.

Тысяча приветствий высочайшему и благороднейшему, ради кого сотворена вселенная и создано все живое. След копыта его кобылицы лежит на челе солнца и лице луны. Его усилиями возникла Книга, из Книги — все живое. На страницу бренности он обратил взгляд свой и на небеса остаться не захотел. Светоч поэзии, которому подвластны матла и макта, на сей раз избрал форму двустишия:

Путь трудный впереди, покоя не проси —
Скорей хвалу Шах-и Мардану вознеси.

Во хвалу святому Али Избранному!

Когда утром солнце сияющим пером поставило знак света на странице мира и осветило лист вселенной, я решил, погрузившись в море словесности, добыть сверкающий жемчуг, слывающий главной драгоценностью речи. Так я искал со всем тщанием, пока не увидел целые россыпи его. Тогда я задумался, кому принести его в дар. И пребывал я в сомнении и беспокойстве, пока вдруг не достигла моего слуха радостная весть: «О погруженный в океан размышлений, эти сверкающие драгоценности могут быть подношением лишь к стопам святого Али и никого другого. Так отверзни же уста во хвалу его».

Он — Шахиншах, чей светлый лик зажег луну и даровал сиянье солнцу. Когда промчит коня он по седьмому небу, в войске звездном ссора разгорится. О Шахиншах, покорнейше молю тебя: в тяжкий день воскресения из мертвых дай мне приют в своем дворце и прими в ряды избранных слуг твоих. Чего же мне еще желать? Ведь раб, донимающий своего господина просьбами, непочтителен.

Причины написания книги

Да будет известно читателям, что шейх Иззатулла Бангали некогда сочинил эту книгу на фарси. А причиной тому, как он писал, было следующее: «Во времена

ученичества меня, ничтожного, столь увлекало искусство изящной словесности, что я лишь удовольствия ради списывал один лист бумаги за другим. Однажды ко мне, ступая изящно, подобно чакоре, вошел мой добрый друг Назр Мухаммад, чье сердце, безумное от любви, вот уже девять лет, подобно мотыльку, было жертвой свечи красоты и страдало, словно пылинка, в луче солнца прелести.

С газели золотом очей он взял оброк,
Они же получить хотят со льва налог.

Сиянью глаз его, игре их нет конца.
Прищурится — и мир нисходит на сердца.

Когда он опьянен вином и возбужден,
Страницу сердца вверх ногами держит он.

Чернеющим пушком щека оттенена,
Как оттеняют блеск Корана письмена.

Когда бы я нашел рубиновый калам,
Письмо алело бы под стать его губам.

Дружеские чувства наши были взаимны. Я с любовью взял его руку в свою и вместе с ним вступил на путь привязанности. Набрав в чашу губ вина речи, я согрел наше свидание жаром беседы. Страстный влюбленный, исполненный неземных достоинств, также поддерживал разговор. Затем, уронив голову на мое колено, он произнес:

— Меня клонит ко сну. Я подремлю, а ты Расскажи мне какую-нибудь историю.

Я было сам хотел уснуть рядом с ним, но затем решил исполнить его просьбу. И посему сначала не принял всерьез свою повесть. И так, собравшись с мыслями, я стал рассказывать эту историю, полную любви. Позже славный друг мой пожелал, чтобы я, неумелый, одел эту повесть в платье языка фарси и, украсив ее драгоценностями из стихов и прозы, представил тем, кто любит изящный слог.

Был день новолуния последнего месяца 1124 года хиджры. Ураган смерти расплескал молодое вино из сада любви — друг мой скончался. От этого известия несчастный ум мой и чувства помутились, и я решил разорвать на куски черновик этой книги. Однако некоторые

друзья, уважая желание покойного, пришли ко мне и сказали:

Разбить недолго бадахшанский лал,
Но где тот клей, чтоб вновь он целым стал?

Волею судьбы я записал половину повести на фарси, а половину оставил как и было».

Причины же перевода этой книги таковы. Несчастный неудачник Нихалчанд Лахори, рожденный в Шахджаханабаде, прибыл в Калькутту, славнейший из городов, который, воистину, обитель мира во всем Хиндустане, где и обрел себе пропитание. Этот ничтожный издавна почитал храброго капитана Уилворта. Благодаря его покровительству он и попал под сень величия почтенного господина Гилкрита — Хатима нашего времени, покровителя нуждающихся, фонтана щедрости и красоты, источника добра и благодеяний, моря милосердия и благородства, океана изящества и смелости.

Пою его, хотя я мал, а он велик,
И пусть напишутся о нем десятки книг.

Волшебной розою поэзии расцвел
Куст красноречия, познания цветник.

Жемчужины, ему подобной, не хранит
Ни море щедрости, ни милостей рудник.

Был высшим разумом зажжен стремленья свет,
Он — факел солнца днем, ночами — лунный лик.

Все взвесит, вымерит и за добро воздаст
Господь, хвала ему. Он — щедрости родник.

Служа всевышнему, мы благо обретем,
Душою нищ, увы, богатый ростовщик.

Где вдохновенья взять смиреннейшему мне,
Чтобы воспеть его мог бедный мой язык?

Покуда солнце освещает небеса,
Не прерывай молитв Аллаху ни на миг

«Так сделай, чтоб ему сопутствовал успех
И рок безжалостный врагов его настиг!»

Благодеяниями сахиба жизнь несчастного улучшилась, и у него появились надежды на будущее, ибо если судьба тебе благоприятствует и ты ухватишь рукой полу

благополучия, то в конце концов обретешь процветание. Однажды почтенный господин Гилкрест выразил желание, чтобы повесть о Тадж ул-Мулуке и Бакавали была переведена с фарси на язык хинди рехта и послужила моей славе и его удовольствию.

Таким образом, я, ничтожнейший, повинуюсь воле этого столпа щедрости и согласно своему желанию, в правление господина генерал-губернатора маркиза Уэлзли, равного блеском мудрости Ифлатуну и величием подобного небесам, — да процветает он! — перевел на хинди эту книгу и дал ей название «Религия любви». Я надеюсь, что если ценитель слова и прозорливый критик где-либо увидит шероховатости в этом сочинении, то сгладит их пером улучшения и своей любезностью весьма обяжет меня, неграмотного.

Р а с с к а з   п е р в ы й

о начале истории

Рассказывают, что в одном восточном городе правил некогда падишах по имени Зейн ул-Мулук. Лицом он был подобен сияющей луне, и не было ему равных в справедливости, доблести и щедрости. Было у падишаха четверо сыновей, ученейших из ученых и храбрых, как Рустам. По воле всевышнего родился у падишаха еще один сын, подобный солнцу, освещающему мир, и полной луне, разгоняющей темноту вселенной.

Был луны светлее блеск его чела.
Бровь его укором месяцу была.

Взор его волшебный душу жег огнем.
Кубок глаз наполнен розовым вином.

Видел локоны над розою лица
Гиацинт, и нет тоске его конца.

Мир мечами глаз его повержен ниц
Ранят душу острия его ресниц.

Как над кладом красоты, свилась в кольцо
Змейка-родинка, украсивши лицо.

Славен стройным кипарисом пышный сад,
Он прекрасен, словом, с головы до пят.

От великой радости устроил падишах богатый пир и, позвав астрологов, приказал составить гороскоп царевича. Начертав круги, астрологи дали ему имя Тадж ул-Мулук и, сделав вычисления, сказали так:

— Он будет юной розой в саду вселенной, и выпадет ему на долю богатств без числа. Не рождалось до сих пор и впредь не родится равного ему по храбрости. Без сомнения, станет он властелином, которому покорится даже царство джиннов. Но уготовано вам и горе. Как только шах увидит сына, свет его очей померкнет.

И опечаленный и радостный, падишах отпустил астрологов и приказал своему везиру поселить царевича с матерью подальше от дворца. Везир все исполнил, как было приказано. Через несколько лет царевич — этот росток из царского сада, взлелеянный в роскоши и холле, расцвел среди наук и искусств. Однажды ему захотелось поохотиться, и, оседлав коня, он отправился в лес, где напал на след зверя. Правду говорят — чему быть, того не миновать. Написанного судьбой не стереть.

Случилось так, что и падишах в тот день выехал на охоту и преследовал оленя в той же стороне. Известно, что где тонко, там и рвется — от кого скрываешься, с тем и встретишься. Как только взгляд падишаха упал на царевича, зрение покинуло его глаза. Придворные, увидя юношу, поняли причину внезапной слепоты их повелителя. Тогда падишах воскликнул:

— Положено, чтобы при виде сыновей глаза отца наполнялись светом. Увы, с нами все вышло наоборот. Изгоните же царевича из наших владений, а мать его определите в метельщицы.

Сказав так, падишах вернулся во дворец, а царевича изгнали из родного города.

Рассказ второй

*о том, как четыре брата отправились
на поиски розы Бакавали*

Рассказывают, что, когда падишах пригласил лучших лекарей, подобных Мессии и Бу Али, они в один голос отвечали ему так:

— Нет на свете лекарства, которое могло бы исцелить господина, кроме розы Бакавали. Если отыскать эту розу, тогда не только вы, повелитель, но и слепорожденный прозреет.

Услышав это, падишах велел объявить по всей стране, что он щедро одарит всякого, кто добудет розу Бакавали или скажет, где ее найти. А пока он плакал в ожидании, глаза его от слез затянулись бельмами, как у пророка Якуба, а сам он иссох от горя, как пророк Айюб. Но сколько ни искали, нигде не могли найти и следа розы.

Однажды четверо сыновей пришли к падишаху и, почтительно сложив руки, обратились к нему с такой речью:

— Хорош тот сын, кто стремится служить своим родителям. Если он отдаст жизнь ради этого стремления, его ждет благословение в обоих мирах. Посему мы надеемся, что вы попроситесь с нами и отпустите на поиски розы Бакавали.

Падишах отвечал:

— Сначала я лишился зрения и оплакал свет очей моих. Эта рана еще кровоточит. Как же мне теперь потерять еще и вас, возлюбленных сыновей? Как могу я своей рукой нанести сердцу такой удар?

Но сыновья повторяли свою просьбу вновь и вновь. Тогда волей-неволей падишах согласился и наказал везирам дать им в дорогу все необходимое. И их снабдили деньгами, товарами, скотом, шатрами и войском, сколько было нужно. Затем, простившись с падишахом, царевичи отправились в путь.

Понемногу продвигались они вперед, и случилось так, что встретился им на пути Тадж ул-Мулук, который по-

сле изгнания в печали скитался по пустыне. Увидев царевичей, Тадж ул-Мулук захотел узнать, кто они и куда идут. Ему рассказали, что цель их путешествия — роза Бакавали, а причина — внезапная слепота падишаха. Тогда он сказал себе: «Вставай и испытай свою судьбу. Разумно будет, если и я отправлюсь за братьями на поиски розы Бакавали и испытаю золото судьбы на пробирном камне. Если желанная роза попадет в мои руки, то мечта моя исполнится. Если же нет, я хотя бы покину страну моего отца».

Размышляя об этом, он пришел к дому одного сардара по имени Саид и по всем правилам приветствовал хозяина. Взглянув на царевича, сардар увидел, что сияние его лица спорит с солнечным светом, а лоб сверкает, подобно полной луне, сквозь черные, как ночь, локоны.

— Кто ты и откуда идешь? — спросил сардар.

Тадж ул-Мулук отвечал:

— Я — несчастный путник, бедный неудачник. Нет у меня ни утешителя, чтобы посочувствовать, ни друга, чтобы соблюсти законы дружбы, ни помощника, чтобы оказать помощь.

Насладившись изысканной речью этого второго Юсуфа, Саид пожелал оставить его у себя, и с каждым днем его благосклонность к царевичу росла.

Рассказывают, что в ту пору четверо братьев добрались до города Фирдаоса, где правил Ризван-шах, и вечером разбили на берегу реки лагерь, намереваясь провести в нем несколько дней. И вот пришел час, когда странник-солнце спешит направить свой путь в страну запада, а всадник-луна, оседлав черного коня ночи, мчится на восток. Четверо царевичей на гнедых конях, быстрых как ветер, поскакали в город. Проезжая по улицам, они увидели богатый дом, двери которого были украшены златоткаными занавесями. Они спросили у одного из местных жителей, кому принадлежит этот великолепный дворец.

— Его хозяйка, — отвечал горожанин, — богатая танцовщица Дильбар.

— Аллах велик! — воскликнули братья. — Это прямо-таки шахский дворец. Откуда у нее такой?

— Она несравненная среди танцовщиц, — продолжал горожанин, — удивительная красавица. Всему свету известно, что в искусстве обольщения нет ей равных. Она прекрасна как луна, и лик ее сулит блаженство. Солнце,

словно мотылек, обезумело от любви к свече ее красоты,
а луна приносит себя в жертву ее прелестному лицу.

Тем смельчакам, кто к ней приблизиться рискнет,
Страницу разума она перечеркнет.

Кто всех своих побед в любви не в силах счесть,
Тот, с нею встретившись, теряет стыд и честь.

Тот, кто ищет ее благосклонности, бьет в барабан, стоящий у ее дверей. И эта хитрейшая из хитрых приглашает его в дом и выманивает целый лакх рупий.

Тут царевичи, гордые своим богатством и опьяненные вином высокомерия, подняли флаг решимости на площади страсти и пошли к дверям дворца. Подойдя, они безрассудно ударили в барабан. Услышав это, плутовка сказала себе: «Слава Аллаху, после долгого перерыва удача вновь избрала мой дом. Нужно осветить мое убогое жилище и завлечь в силок хорошую добычу. Попав в сеть, она побьется, побьется да и погибнет».

Известно, что эти танцовщицы всегда ищут тех, кто победнее умом да побогаче кошельком. Ну, вот бог и послал ей таких. Быстро одевшись и убрав себя драгоценными украшениями из рубинов, жемчуга, бриллиантов и изумрудов, она уселась с надменным видом. Когда вошли царевичи, она, сделав несколько шагов им навстречу, усадила каждого на золоченый стул. Вскоре стемнело, появились розовощекие кравчие с бутылками вина и обнесли всех золотыми чашами. Так наступила полночь, и эта мошенница сказала:

— Не соизволите ли сыграть в нарды, чтобы скоротать остаток ночи в ожидании утра?

— Сыграем, — отвечали царевичи. — Что может быть лучше?

Тогда плутовка, поставив светильник на голову кошки, сделала ставку в лакх. Далее писец повествует, что братья за полночи проиграли пятьдесят лакхов. И когда солнце появилось на изумрудной доске мира, а сребролика луна скрылась в своем доме, мошенница сложила игральную доску и царевичи поплелись домой.

На другой день, как только солнце, подобно путнику, достигло запада и месяц, окруженный армией звезд, воссел, как падишах, на бирюзовом троне, царевичи пришли к Дильбар и вновь расположились на золоченых стульях. Служанки с лицами гурий внесли на золотых

и серебряных подносах всевозможные яства и расстелили дастархан. Отведав угощения, царевичи вновь потребовали игральную доску и, поставив на кон десять лакхов, начали игру. Короче говоря, в эту ночь они проиграли все свое имущество — деньги, товары, слонов, коней, верблюдов и остальное. Тогда, прекратив игру, плутовка воскликнула:

— Эй, юноши! Богатству вашему пришел конец. Поворачивайтесь-ка и ступайте домой. —

Братья отвечали:

— Позволь нам еще раз взвесить золото нашей судьбы. Если мост удачи прогнется под нами, мы погибли. Или мы вернем все деньги и товары, что ты выиграла, или мы, четверо братьев, станем твоими покорными рабами.

Дав согласие, танцовщица в мгновение ока выиграла и эту игру, и все товары и деньги царевичей остались в ее руках. Их же самих она отослала к рабам, которых у нее было несколько сотен, а воины и спутники сыновей падишаха сникли, как лепестки розы, узревшей осень.

Узнав о происшедшем, Тадж ул-Мулук сердцем принял разумное решение: «Теперь надо обдумать, как найти путь к их освобождению. Ведь совершив этот подвиг, я прослаблю свое имя или хотя бы буду щедро вознагражден».

С этой мыслью он вошел в город и, подойдя к дому одного амира, обратился к привратникам:

— Я бездомный странник и ищу себе богатого покровителя. Услышав, как превозносят достоинства вашего хозяина и воздают хвалу его добродетелям, я прибыл сюда. Если он возьмет раба под свою защиту и позаботится о нем, я буду служить ему душой и телом.

Один из привратников отправился к амиру, чтобы доложить о нем, и тот приказал впустить царевича. Взглянув на его лицо, амир воскликнул:

— О Аллах, что это? Солнце ли в человеческом облике спустилось с четвертого неба, или это один из райских отроков? Ведь на его прекрасном лбу сияет яркая звезда.

Короче говоря, амир сделал его главным среди своих приближенных.

Рассказ третий

о том, как Тадж ул-Мулук играл в нарды с танцовщицей Дильбар и выиграл все ее имущество

Прослужив у амира несколько месяцев и накопив денег, Тадж ул-Мулук обратился однажды к хозяину с просьбой:

— С недавних пор в этом городе живет один из родственников вашего покорного слуги. Позвольте мне каждый день на четыре часа уходить к нему, чтобы отвести душу.

— Хорошо, — сказал амир. И тогда царевич что ни день стал ходить к игрокам в нарды и играть с ними. Когда он, овладев их искусством, начал обыгрывать всех подряд, то принял решение сыграть теперь с той плутовкой и, бросив на доску испытания жребий судьбы, веритья воле всевышнего, — ибо что можно увидеть под покровом неведомого?

И вот однажды царевич подошел к дому Дильбар и увидел, что из него выходит старая женщина. Он спросил, кто это. Ему рассказали, что она — управительница этого дома и что Дильбар ничего не делает без ее совета. «Теперь следует пустить в ход хитрость, — сказал себе Тадж ул-Мулук, — и опутать ее сетями расположения к себе. Если я смогу извлечь из этого выгоду, что может быть лучше?»

В этот день царевич возвратился домой ни с чем, зато в следующий раз, встретив старуху, он приветствовал ее и, поклонившись до земли, горько заплакал.

— Кто ты и куда идешь? — спросила старуха. — Безумный ты или обижен людьми, что так горько рыдаешь?

Царевич отвечал:

Кто впал в отчаянье, как я, не встанет вновь.
Мне равного ища, изранишь ноги в кровь.

Словно клеймо огнем мне выжгли на груди.
Удел безрадостный я вижу впереди.

Страшусь я тьмы ночной, не рад приходу дня.
Нет ни наставников, ни близких у меня.

— О матушка, я — несчастный бродяга. В этом чужом городе нет у меня ни друга, ни родственника и, кроме имени всевышнего, нет помощника. Родина моя на востоке. Была у меня бабушка, которая вот уже несколько лет как скончалась, из мира бренности ушла в страну вечности. Черты ваши напоминают ее. Оттого и воспылал я желанием поклониться вам. Если вы бросите сострадательный взгляд на мое бедственное положение и снизойдете к нищете и одиночеству несчастного, то я породнюсь с вами и буду считать вас своей бабушкой.

Твой взгляд вдыхает жизнь в того, кто духом слаб.
Взгляни же на меня одним глазком хотя б!

От лстивых речей царевича сердце старухи смягчилось, а от жарких его слов и вовсе растаяло, как воск.

— О юноша, — воскликнула она, — ведь и у меня тоже никого не осталось на этом свете. Отныне я — твоя бабушка, а ты — мой внук.

— Госпожа, — сказал тогда Тадж ул-Мулук, — вот уже несколько дней, как я служу в одном доме. Я предан своему хозяину, как подобает слуге. И потому смогу отлучаться, чтобы лицезреть вас, лишь изредка.

— Сынок, это не беда, — отвечала старуха.

Хотя царевич и просил извинения за то, что не сможет бывать каждый день, однако ж неизменно навещался в дом этой сердобольной женщины и всячески угождал ей. Вскоре она стала ему словно родная. Как-то царевич принес ей немного денег и сказал:

— Возьми эти деньги, бабушка, и трать их так, как тебе будет угодно.

— Сынок, на что мне твои деньги? — возразила старуха. — По милости Аллаха в моем доме ни в чем нет недостатка. Если есть у тебя нужда, все, чем я владею, — твое. Распоряжайся им без стеснения.

Приятней слушать звон монет, о свет очей,
Чем скрежет заперших сокровище ключей.

Таким она прониклась расположением к царевичу, что один раз, когда они беседовали о том и о сем, он осмелел и спросил ее:

— О бабушка, известно ли тебе, почему всякий, кто садится играть в нарды с твоей хитрой хозяйкой, непременно проигрывает?

— Сынок, это большая тайна, — отвечала она. — Смо-

три, никогда ни с кем об этом не говори. Иначе слух дойдет до ушей танцовщицы, и это станет причиной моего несчастья.

— Да простит меня Аллах, — воскликнул царевич. Что же это за тайна?

Тут старуха рассказала следующее:

— Дильбар научила кошку держать на голове светильник, а крысу — сидеть в его тени. Если кости брошены неблагоприятно, кошка раскачивает светильник и игральная доска оказывается во мраке. Тут-то крыса и перемешивает кости, как ей заблагорассудится. Вот почему всякий, кто садится играть с Дильбар, терпит, бедняга, поражение. Но до сих пор ни один игрок не раскрыл ее тайну, а тот, кто попытался это сделать, горько раскаялся.

Узнав все это, Тадж ул-Мулук отправился на базар, купил хорька и стал учить его быстро, как пантера, выскакивать из рукава (где царевич прятал его), едва слышав шелканье пальцев. Когда же хорек преуспел в учении, царевич пришел к старухе с новой хитростью:

— Устал я от своей службы. Если ты дашь мне тысячу рупий, я открою торговлю.

Старуха привела его в кладовую и сказала:

— Смотри, сынок, вот все деньги. Бери сколько душе угодно.

Царевич взял тысячу рупий, пошел к своему хозяину амиру и попросил его:

— У моего родственника сегодня свадьба. Если вы пожелаете вашему покорному слуге халат, то в этом высоком собрании я заслужу уважение равных себе.

Амир даровал царевичу свою праздничную одежду и разрешил выбрать скакуна, какой понравится. Тогда, оседлав хозяйского коня, Тадж ул-Мулук прискакал к дому танцовщицы и, спешившись, смело вошел. Увидев его, Дильбар побледнела и, смешавшись, выбежала навстречу. Царевич сказал:

— Говорят, ты благосклонна ко всем, кто приезжает в этот город, и отвечаешь на страсть влюбленных. Я — один из приближенных здешнего правителя. Если же нет у тебя ко мне влечения, все равно возьми эти подарки — просто так, как если бы я был твоим другом.

Тут она со всеми почестями усадила царевича на украшенный самоцветами стул, а сама села в отдалении. В это время небесный игрок, плутуя, спрятал золотую

фишку — солнце — на западе, а серебряные — две звезды Малой Медведицы — поставил на востоке.

— Слышал я, что ты большая любительница играть в нарды, — сказал Дильбар царевич. — Не сыграть ли нам партию?

Мошенница сначала было отказывалась, но все же в конце концов приказала принести доску для игры и, как обычно, поставила на голову кошке светильник. Затем, сделав ставку в лакх, она бросила кости. Первую партию царевич проиграл с умыслом, во второй же раз, когда счет вышел не в пользу танцовщицы, кошка повела головой и крыса приготовилась перемешать кости. Тут Тадж ул-Мулук щелкнул пальцами, и хорек быстро, как пантера, выскочил из рукава. Завидев его, крыса исчезла, а кошка от страха выронила светильник.

— Эй, плутовка, это что еще за фокусы? — недовольно вскричал царевич. — Твой дом усыпан бриллиантами, как небо звездами, а не нашлось ни одной хорошей лампы?

Его слова смутили Дильбар, и от стыда на ее лице выступили капельки пота. Тут же был принесен светильник, украшенный драгоценностями, и они вновь сели играть.

Как повествуют рассказчики, за эту ночь царевич выиграл семь кроров рупий, а когда наступило утро, сказал:

— Близится время утренней трапезы Прибежища мира. Если я сейчас же не предстану перед своим господином, мне грозит беда.

Сказав так, он встал и, оставив ей все выигранные деньги, отправился к своему хозяину.

Кое-как скоротал он день в ожидании вечера, а когда солнце село, оседлал богато убранного коня, такого быстро, что жаркий дневной ветер холодел, завидуя его скорости, и прискакал к ее дому. Узнав об этом, она волей-неволей вышла встретить его, принесла стул и усадила как подобает. После трапезы они снова сели за нарды, поставив на кон целый крор.

Рассказывают, что изумление и растерянность овладели Дильбар, когда она за полночи проиграла из своей сокровищницы сто кроров. Затем наступил черед домашней утвари, и так они играли, пока все имущество Дильбар не перешло в руки Тадж ул-Мулука. Тогда он сказал:

— Теперь у тебя ничего не осталось. Что же мы будем делать остаток ночи? Слышал я, что ты заточила у себя в темнице царевичей не то с востока, не то с запада. Давай сыграем на них. Выиграешь, получишь лакх рупий, а нет — я заберу их и поступлю с ними по своему усмотрению.

Дильбар согласилась. Однако в мгновение ока царевич выиграл и эту партию.

— О удачливый юноша, — воскликнула она. — Я хочу в последний раз испытать судьбу. Если мне повезет, я верну все свое имущество, в противном случае сама стану твоей невольницей.

Счастливая звезда царевича продолжала сиять на небосклоне удачи, и он снова победил. Тогда, поднявшись со своего места и покорно сложив руки, Дильбар произнесла такие слова:

— О юноша, с помощью всевышнего ты получил меня в рабыни. Добычу, которая на земле достается лишь высокорожденным, ты поймал своими руками. Возьми же меня в жены и живи остаток дней в богатстве и роскоши.

— Увы, это невозможно, — сказал Тадж ул-Мулук. — Мне предстоит великое дело. Если по милости Аллаха я совершу его, то и ты обретешь желаемое. В ожидании же моего приезда тебе следует бросить свое занятие и, облачившись в платье добропорядочности, двенадцать лет провести в молитвах всемогущему.

— О деревце из сада всевышнего! — воскликнула она. — До сих пор не распустился бутон в цветнике твоей молодости и ураган старости не коснулся весенних клумб твоей юности. Если же ты желаешь бросить себя на жертвенник любви и разжечь огонь любопытства во дворце наслаждений, расскажи мне свою историю, дабы, пока теплится в моем теле жизнь, а дело твое еще не завершено, я могла бы помочь тебе. Ведь отныне без тебя этот дом — тюрьма.

На стенах и дверях я напишу сама,
Что дом в отсутствие любимого — тюрьма.

Когда эта сметливая женщина оказалась во власти царевича, он сказал следующее:

— Слушай, имя мое Тадж ул-Мулук. Я сын Зейн ул-Мулука, падишаха восточной земли. Волею судьбы отец мой лишился зрения. Лекарки же все как один прописали

ему одно лекарство — розу Бакавали. И тогда четверо моих братьев, которых ты столько дней держишь в неволе, отправились на поиски этой розы. Я тайно последовал за ними. Затем они попали в силоч твоё хитрости, а я, прибегнув к сотням уловок, пробрался в твой дом и обыграл тебя. Теперь наконец я могу идти на поиски розы. Хорошо, если я найду её. А нет — так нет, ибо на жизнь свою я уже давно махнул рукой.

— О царевич, — отвечала она. — Что за безрассудные помыслы овладели твоим сердцем и что за никчемные заботы наполнили твою душу? Разве есть в пылинке сила, чтобы достичь солнца, а в птице быстрота, чтобы угнаться за ветром? Слушай же! Бакавали — дочь падишаха пери, и роза, которую ты ищешь, растёт в её саду. Даже солнце не видит эту розу, скрытую за четырьмя высокими стенами. Тысячи дэвов не смыкая глаз стерегут её. Ни один смертный не в силах проскользнуть в этот сад незамеченным. Бесчисленное множество пери кружат над ним, чтобы птица туда не залетела. Мириады змей и скорпионов все восемь страж несут службу, чтобы ни один человек не пробрался по земле. А глубоко под землей падишах крыс с тысячами своих воинов днём и ночью следит, чтобы никто не прорыл туда хода. И правда, будь ты даже муравей, тебе не удастся проникнуть в этот сад. Берегись, о царевич, не угоди в беду. Поклянись Кораном, что не протянешь рук к смерти. Ибо изрек шейх Саади из Шираза:

Тому, в ком жить желанье есть,
Не стоит в пасть дракону лезть.

— Это верно, — согласился царевич, — но некогда всевышний своей милостью превратил огонь жертвенника Халилуллы в цветник. И если я непреклонен в любви, а чувства мои чисты, то, несомненно, я обрету свою возлюбленную.

Кто к другу доброту в душе хранит,
Тому злой враг вреда не причинит.

Не смотри, что в сравнении с дэвом я мал. Ибо уступая дэву в силе, человек превосходит его умом и хитростью. Потому-то и изволил сказать всевышний: «Зеркало своего величия даровал я человеку».

Сказка о Брахмане и Тигре

Слышала ты или нет, шел однажды по лесу Брахман. Вдруг видит, сидит в клетке Тигр, связанный толстой веревкой. Заметил Тигр Брахмана и стал его слезно молить.

— О почтеннейший! Смилуйся надо мной и освободи из клетки. Когда-нибудь я отплачу тебе за милосердие.

Простодушный Брахман поверил слезам Тигра — ведь слепой разум не видит врага, чьим речам нельзя верить. И Брахман открыл дверцу клетки и развязал Тигра. Освободившись от пут, хищник тут же схватил простака за горло, закинул себе на спину и побежал подальше от этого места.

Добро помочь дурному не могло,
Как доброму помочь не может зло.

— О Тигр, — взмолился Брахман, — я был к тебе великодушен в надежде на благодарность. А ты хочешь отплатить мне злом. Но ведь недаром говорят: не твори зло тому, кто пришел с добром.

— По нашей вере за добро надо платить злом, — отвечал Тигр. — Если ты не веришь мне, спроси у кого-нибудь еще. Как он скажет, так я и сделаю.

Глупый Брахман согласился. А в том лесу рос старый Баньян. Тигр с Брахманом подошли к нему, и, когда Тигр попросил рассудить их, Баньян сказал:

— Тигр говорит, на добро следует отвечать лишь злом. Слушай же, Брахман! Я стою на дороге и дарую тень путникам, молодым и старым. Умирая от жары, они спешат укрыться под моей кроной, а потом, когда, отдохнув, уходят, одни обрывают мои ветки, чтобы уберечь голову от солнца, а другие делают из моих сучьев посохи. Теперь ответь мне, разве несправедливость — не плата за благодеяние?

— Ну, что скажешь, почтеннейший? — обрадовался Тигр.

— Давай спросим еще кого-нибудь, — предложил Брахман.

Пройдя несколько шагов, Тигр задал тот же вопрос Дороге.

— Конечно, прав Тигр, — ответила она. — Послушайте, уважаемые! Разве путники, торопясь по своим делам, когда-нибудь поминают меня добрым словом? Кто как

не я облегчает им путь к назначенной цели, а они в благодарность поливают мою грудь нечистотами. Вот и вы сейчас будете топтать меня ногами.

— Поищем третьего, — сказал Брахман. — Если и он скажет то же самое, пусть будет по-твоему.

И они отправились дальше. Видят, на холме сидит Шакал.

— Эй, Шакал! — крикнул ему Тигр. — Не бойся нас, мы хотим только кое-что спросить у тебя.

— Не соизволит ли господин сказать все, что он пожелает, издали, — ответил Шакал, — не то у меня, немощного, последний ум вылетит.

— Этот Брахман был великодушен ко мне, — объяснил Тигр, — а я намерен отплатить ему неблагодарностью. Что ты об этом скажешь?

— Дело, о котором вы изволили доложить, недоступно моему слабому разумению, — почтительно ответил Шакал. — Человек самого могучего сложения все равно что комар перед шахиншахом зверей. Как же он сумел оказать вам милость? Я никогда в это не поверю, пока не увижу все своими глазами.

— Иди с нами, покажем, — согласился Тигр. Посадив Брахмана на спину, он отправился вперед, а Шакал полпелся сзади. Вскоре все трое пришли к клетке.

— О Шакал! — воскликнул Брахман. — Тигр был заперт в этой клетке, а я освободил его. Скажи нам, что ты об этом думаешь?

Шакал рассмеялся:

— Как же такой огромный Тигр мог поместиться в столь маленькой клетке? Пусть он при мне войдет в нее, ты свяжешь его по-старому, а потом освободишь. Тогда я рассужу вас.

И Тигр вошел в клетку, а Брахман начал связывать его.

— Клянусь Аллахом, — произнес Шакал, — мне никогда не решить ваше дело, если ты не свяжешь его точно так, как прежде.

Брахман крепко затянул веревку и, закрыв дверь клетки, сказал:

— Гляди, вот так она была заперта.

— Видно, у тебя отшибло камнем ум, глупец, — воскликнул Шакал, — если ты был великодушен к такому злодею. Ноги и руки тебе надо отрубить за то, что ты освободил его. Иди же теперь своей дорогой. Враг твой побежден.

О дорогая, воистину смилуешься над тем, кто кричит о своей горе, как тигр, запертый в клетке; снимешь пути терпения и надежды с его рук и ног, а он возьмет и съест тебя. Но да поможет нам Хизр-проводник! О Дильбар, я рассказал тебе эту притчу, чтобы ты знала: телесной силе не одолеть силу духа. А теперь отпусти царевичей, которых ты заманила в ловушку своею хитростью. Всевышний же избавит тебя от ада. Но до тех пор, пока бог вновь не приведет меня сюда, — добавил он предсудомнительно, ибо беспокоился о братьях, — как следует заботиться о них.

Сказав это, царевич стал собираться в дорогу. Тогда танцовщица, с глазами полными слез, прочла такие стихи:

Сгинуть в пламени жестоком, безрассудный, не спеши.
Расставаться с жизнью вольной, с долей чудной не спеши.

Вешним облаком задевший раковину ждущих губ,
О злодей, в пустыню злую, в край безлюдный не спеши.

Ветер странствий, злой и резкий, дует в спину и в лицо.
Покидать мой дом печали беспробудной не спеши.

О свеча, хоть пламя жжется, освещая тьму, гори,
Обрывать же мотыльковый век минутный не спеши.

— О дорогой, вот смысл твоих речей: возвышенное сердце твое стремится к богатому падишахскому трону, оно удручено слепотой отца и одиночеством. Должно быть, взгляд повелителя упал на нечистое существо, и свет в его очах померк.

Иди же на поиски сурьмы, возвращающей зрение, — стремись найти желанную розу. Но бойся людских хитростей, как нардов коварства. А не то какая-нибудь распутница сперва соблазнит тебя, а затем с помощью кошки-хитрости и крысы-обмана бросит удачно кости, и миг надежды твой рухнет, а сам ты навеки сделаешься рабом. Но если благодаря хорьку-терпению ты спутаешь игру этой плутовке, она, бывшая подругой падишахов и разбойников, станет твоей послушной служанкой и захочет пленить тебя лишь своей красотой. И если ты и затем не бросишь на нее взгляд благосклонности, то уже вряд ли что-нибудь помешает тебе найти розу Бакавали.

Рассказ четвертый

*о том, как Тадж ул-Мулук с помощью дэва
прибыл во владения Бакавали*

Как повествует сладкоречивый рассказчик, Тадж ул-Мулук, переодевшись каландаром и посыпав голову пеплом, с именем господина на устах отправился в путь. Он шел несколько дней и забрел в дикий лес без конца и края. И так темен был этот лес, что день там казался ночью, а белое — черным. Скрепя сердце царевич сказал себе:

«О дорогой, ведь это лишь первая волна в море испытаний, а тебе предстоит переплыть все море. Если затянуть потуже пояс смелости и, не раздумывая, броситься в водоворот, посмотрим, что сделает всевышний.

Из тех ловцов, которым страшен крокодил,
Никто жемчужины еще не находил».

Подумав так, он вошел в глубь дикой чащи. Что ни шаг, то шипы и колючки, что ни шаг, то горе горькое. В этом лесу, более черном, чем сердца неверных, даже хищникам в норах грозила опасность. Если бы солнце проникло туда хоть на мгновение, свет бы его померк. Вокруг удавы разевали голодные пасти, ибо не было у них иной пищи, кроме дверей заброшенных жилищ, и иного питья, кроме гнилой воды.

Некоторое время царевич шел куда глаза глядят. Из тела, исцарапанного колючками, текла кровь, а ноги, нежные как цветы, были изранены шипами акаций. Рассказывают, что, выдержав все эти испытания, он миновал страшный лес и, отбив сотни тысяч благодарственных поклонов Аллаху, отправился дальше.

Вдруг впереди себя он увидел дэва ростом с гору и решил, что это и есть гора. Когда царевич подошел поближе, этот злодей поднял голову и достал ею до небес.

— Да буду я, — проревел обрадованный дэв, — жертвой моему кормильцу-создателю, который посылает мне, недостойному, столь лакомую пищу.

И воскликнув так, обратился к царевичу:

— Кто в столь юные годы обручил тебя со смертью

и отравил наслаждение жизнью, что ты оставил город живых и по своей воле пришел в пустыню гибели?

Царевич задрожал от страха, румянец змеей сполз с его щек, а губы побелели.

— О дэв, зачем спрашивать меня об этом? — промолвил он. — Жизнь в этом брэнном мире тяготит меня. Если бы были у меня родные и близкие, никогда бы тебе не заманить меня в объятия смерти и не поймать в кровавый силоч. Теперь же освободи меня от тягот существования и без колебаний кончай со мной, ибо час моей жизни равен ста годам тяжкого труда.

Жизнь Хизра вечная — счастливым коротка,
А для несчастных миг растянут на века.

Услышав эти печальные речи, дэв проникся к царевичу жалостью и, поклявшись именем пророка Сулеймана, — мир ему! — сказал так:

— О сын человека, я никогда не заставлю тебя страдать и не причиню тебе боли. Мало того, я возьму тебя под свою защиту и помогу в том, ради чего ты сюда пожаловал.

И с тех пор он заботился о царевиче и часто утешал его. А Тадж ул-Мулук ублажал его речами, сладкими словно молоко с сахаром. Лестью и похвалой он так пленил дэва, что тот однажды спросил:

— Чем ты питаешься? Скажи, и я принесу тебе еду.

— Человеческая пища — сахар, масло, молоко и мясо, — ответил Тадж ул-Мулук.

Выслушав его, дэв улетел и опустился перед караваном верблюдов, навьюченных сахаром, маслом и мукой. Подняв караван в воздух, он принес его царевичу и сказал:

— Возьми и съешь что-нибудь.

Тадж ул-Мулук снял с верблюдов ношу, а их самих оставил в лесу. И с тех пор он стал каждый день готовить себе сырое тесто. Так прошло немного времени. Однажды царевич взял несколько манов муки, смешал ее с сахаром и маслом и, положив тесто на огромную каменную глыбу, хорошенько замесил его руками и ногами. Затем, набрав сучьев и разведя огонь, он испек масляные лепешки; зажарил кебаб из верблюжьего мяса и добавил приправы. Увидев это, дэв спросил:

— Что это ты сегодня так хлопчешь и чего ради решился на такие излишества?

— Все это для тебя, — отвечал Тадж ул-Мулук. — Дабы, попробовав человеческой пищи, ты узнал ее вкус.

В мгновение ока дэв сгреб приготовленные царевичем лакомства и разом отправил их себе в рот. И поскольку он никогда не пробовал ничего подобного, то ел, приплясывая от удовольствия. Не переставая восторгаться, он отдал всему должное, а затем сказал:

— О сын человека, ты накормил меня пищей, которой не пробовал ни дед мой, ни отец. Верно, ни один дэв не едал еще такого. Я от всего сердца благодарен тебе и отныне буду твоим должником.

Зная слабость дэва, царевич стал каждый день потчевать его новым сортом хлеба и другим видом кебаба. Дэв был до того счастлив, что однажды воскликнул:

— О сын человека! Ты ежедневно доставляешь мне столько удовольствия вкусной пищей, что если бы на месте каждого волоска у меня на теле вырос язык, то и все вместе не смогли бы они воздать тебе хвалу. Но до сих пор я для тебя ничего не сделал. Если есть у тебя какое-нибудь желание, поведай мне его.

— Я слышал, что дэвы склонны к обману и не держат своего слова, — отвечал Тадж ул-Мулук. — Если ты поклянешься именем пророка Сулеймана, то я раскрою свою тайну.

— Боюсь я этой страшной клятвы, — сказал дэв. — Бог знает, как поступить. Ведь если я не сдержу ее, то погибну.

Но в конце концов он поклялся и спросил, чего же царевич хочет.

— Я давно ищущ царство пери Бакавали, — рассказал Тадж ул-Мулук. — Отнеси меня туда — вот и все мое желание.

Когда дэв услышал эти речи, у него подкосились ноги. Он стал бить себя кулаками по голове, словно безумный. Только ночью он успокоился, начал тяжело дышать, а затем с печальным лицом произнес следующее:

— О сын человека, всевышний не дал в мои руки поводья твоей смерти, а, наоборот, даровал тебе вожжи моей жизни. Слушай же! Бакавали — дочь падишаха пери. Восемнадцать тысяч дэвов, а может быть, и более того служат ее отцу. Со всех сторон охраняют они его город. А он так велик, что даже дозорные, что стоят у каждой стены, не видели всех его четырех сторон. Где же взять силы смертному, если даже ураган бессилен

проникнуть туда, минуя дэвов, стоящих на страже? Бесчисленное множество пери охраняют сад, чтобы даже птица не залетела в его пределы. Падишах крыс со своей огромной армией — под землей, а полчища змей и скорпионов — на земле следят, чтобы никто не вырыл подземный ход. Как же я тебя туда отнесу? Да что теперь поделаешь: не отнесу — лишусь жизни, нарушив клятву. Сделай пока вот что. Приготовь, как обычно, еду, а там посмотрим, что появится за покровом тайного и что выйдет из моих усилий.

Тадж ул-Мулук так и поступил. Увидев, что у него все готово, дэв крикнул, и с севера прилетел другой дэв, величиной с гору. Поздоровавшись, оба сели. Тут взгляд второго дэва упал на Тадж ул-Мулука. Царевич низко поклонился. Удивленный дэв обратился к хозяину:

— Эй, братец, воистину, это дом чудес. До сих пор никто не видел и не слышал, чтобы человек и дэв жили вместе и в согласии. Зачем ты держишь его у себя?

— О почтенный, — отвечал дэв-хозяин, — я очень обязан этому сыну человека и дал слово не чинить ему вреда. А позвал я тебя затем, чтобы и ты узнал, сколь он искусен.

Сказав так, хозяин поставил перед гостем угощение. Дэв попробовал, остался весьма доволен и даже заплакал от радости. Насытившись, он спросил:

— Скажи-ка, братец, а оплатил ли ты чем-нибудь этому человеку?

— Он просит об услуге, которая выше моих сил и выходит за пределы моих возможностей, — отвечал хозяин. — Может, тебе удастся исполнить его желание?

— Друг, что же это за дело, которое тебе не под силу? — удивился гость.

— Он хочет попасть в страну Бакавали, — был ответ. Тут гость воскликнул:

И любитель обдумывать каждый пустяк
Все равно иногда попадает впросак.

— Я поклялся именем Сулеймана. Если ты сумеешь исполнить его желание, то, без сомнения, возвратишь мне жизнь, — продолжал хозяин.

А у дэва-гостя была сестра по имени Хамала, главная над восемнадцатью тысячами дэвов, охранявших страну Бакавали. И он написал ей такое письмо:

«О драгоценная! Мне вскоре предстоит путешествие, которого я не в силах избежать. С некоторых пор я воспитываю как сына одного человека. С моим отъездом дом останется без присмотра и моего сына будут подстерегать страх и опасность. Посему я вверяю его тебе, свет очей моих. Удостой этого смертного покровительственным взглядом и, если это не слишком тебя обеспокоит, передай свой ответ через моего посланца-дэва».

Затем, повернувшись к Тадж ул-Мулуку, он подозвал его к себе:

— Возьми это и отправляйся. Я бросил аркан попытки на поле цели. Если чауган судьбы тебе поможет, ты обретешь желаемое.

Сказав так, он посадил царевича на левую руку посланца-дэва, а тот прикрыл его правой и отправился в путь. Благополучно прибыв в назначенное место, дэв поклонился Хамале и передал ей царевича вместе с письмом. Увидев юношу, она от радости расцвела, как бутон:

Одежда душная мне тяжела.
Душа от счастья в теле расцвела.

И обратившись к дэву, сказала:

— Если бы братец прислал мне рудник красной серы или перстень Сулеймана, я не была бы так счастлива, как от прибытия этого юноши.

Затем, сломав печать и прочитав послание, она написала ответ:

«О брат, однажды я прогуливалась возле некоего селения, и в руки мне попала дочь падишаха, несравненная красавица. Я назвала ее Махмудой и воспитала как родную дочь. Теперь ей четырнадцать лет, и она подобна луне в ночь полнолуния. Вот творец и послал ей достойную пару. Милостив Аллах, что исполнил желаемое. Жду встречи с тобой и шлю поклон».

И вручив дэву письмо, она отпустила его, а затем устроила свадьбу Тадж ул-Мулука с Махмудой.

О дорогой, взгляд видящих явное проникает через семь покровов, а глаза обретших святость зрят сияние всевышнего сквозь семьдесят тысяч завес. Если у тебя есть намерение пробиться через все эти завесы, то сначала откинь покров с души этого огромного дэва-стража

и плени его, дабы, отбросив свое коварство, он отнес тебя к Махмуде. Помни одно: коль сумеешь обвести дэва вокруг пальца — достигнешь назначенной цели.

Р а с с к а з   п я т ы й

о том, как Тадж ул-Мулук пробрался в сад Бакавали, сорвал розу и влюбился

Короче говоря, через некоторое время Тадж ул-Мулук остался наедине с Махмудой. Но бутон его страсти не распустился от ее речей, и не воссел он радостно подле этой розы. И сказала царевичу Махмуда:

— О источник наслаждения! Наверное, у людей в обычае, чтобы ночью супруги спали не в объятиях друг друга, а порознь. И не ласкались бы, и не целовались, а утром — плохо ли, хорошо ли — поднимались со своего ложа.

— Радости жизни человеческой куда богаче, — отвечал Тадж ул-Мулук. — Но я не хочу мешать сладкое с кислым — ведь и сладостная жизнь горька, — ибо мне предстоит великое дело. Дал я клятву, что, пока не выполню его, запрещу себе все удовольствия и не соединюсь ни с одной женщиной.

— Что же это за дело? Расскажи, — попросила Махмуда.

— Я горю желанием увидеть владения Бакавали, — отвечал он.

— Наберись терпения, — сказала Махмуда. — Если пожелает всевышний, я ногтями усилий распутаю узел надежды и покажу тебе эту страну.

И вот, наконец, ночь миновала. Когда луна скрылась и взошло солнце, Хамала вывела их обоих из опочивальни и, посадив к себе на колени, стала по-матерински обнимать и ласкать. Но Махмуда остановила ее и, почтиительно поклонившись, сказала:

— О матушка, я хочу обратиться к тебе с просьбой, да не решаюсь сказать.

— Говори не стесняясь, — отвечала Хамала, облобызав лицо ее и глаза.

— Мой господин желает взглянуть на страну Бакавали. Каким-нибудь способом доставь его туда.

Хамала долго отнекивалась, пока не поняла, что дочь ни в какую не отступится от задуманного. Нехотя она согласилась и, кликнув падишаха крыс, приказала ему:

— Сейчас же вырой подземный ход в сад Бакавали и отвези туда этого царевича, который мне дороже жизни. Но берегись! Смотри, чтобы и волос не упал с его головы, и не смей спускать его со спины.

Тот все исполнил, как было приказано. Добравшись до сада, царевич вознамерился тайком проскользнуть внутрь. Но падишах крыс не отпускал его, стремясь вернуться назад. Тогда Тадж ул-Мулук сказал:

— Если ты позволишь мне прогуляться по саду, хорошо. А нет — я сейчас же лишу себя жизни.

Крысиный падишах испугался: «Если он погибнет, мне не уйти от Хамалы», — и волей-неволей дал согласие.

Что же увидел в том саду Тадж ул-Мулук?

На золотой земле воздвиглись стены золотые. Их сердолики Йемена и лалы Бадахшана украшают. Вдоль изумрудных цветников каналы пролегли из бирюзы, наполненные розовой водою. Их вид божественное зрелище является. Великолепен этот дивный сад. Тот, кто гуляет среди ярких клумб, как будто видит зарево заката, и роза солнца рядом с пурпуром цветов покрылась каплями завистливого пота. В саду том виноградная лоза поспорит с гроздьё изумрудов, а гиацинта завитки — что кудри своевольные красавиц. Коль капелька росы достигнет океана, то розы аромат почуют рыбы. Вбирает небо пенье здешних птиц, земле не возвращая эха. Зухра, заслышав это пенье, спешит взойти на небосводе и вместе с пляшущей луной танцует в звездном хороводе. Плоды уннаба ярче здесь, чем хной окрашенные ногти, светильников дворцовых совершенней изысканная форма абрикосов. Когда летит по небу золотая птица, от красоты ее теряет разум месяц. Еще чудеснее, что на рубиновых деревьях сияют жемчуга, как гроздьё звезд на солнечном кусте. Волшебных изумрудов ветви склонились к драгоценным водоемам, где плещутся алмазные утята.

Царевич, поглядывая по сторонам, шел вперед. И вдруг видит между гранатовым и хризолитовым покоем бассейн из чистого золота, наполненный розовой водой. По четырем сторонам его стоят вазы, сверкающие горами драгоценных камней, а в воде плавает цве-

ток удивительной нежности, изящества и аромата. Тадж ул-Мулук спросил себя, уж не роза ли это Бакавали, и, быстро сняв одежду, прыгнул в бассейн и сорвал ее. Потом он оделся, спрятал розу за пояс и решил прогуляться по украшенному йеменскими сердоликами дворцу, который виднелся впереди.

Ворота дворца, величиной с гору Синай, поднимались до небес. Покои же его распространяли сияние далеко вокруг и серебрились в лунном свете. Они горели, как крылья влюбленного мотылька. Царевич смело вошел внутрь.

Со вкусом убран каждый зал, и сердолики совершенны. Дворец сооружен по лучшим образцам. Сиденье каждое расшито золотом и выткана звездами кайма из кружев. Царевич замер вдруг. На ложе самоцветном он видит перри красоты небесной, сном опьяненную бесстыдно. Раскинула она сеть разметававшихся волос, лиф распустился, растянулось платье. Шальвары задралась, и пояс развязался. Рука кокетливо лежит на лбу. Глубокий сон ей смежил веки, и сладостно она уснула. Сияние ее ланит свет мира отражает, луну и солнце вечно удивляет, влюблен в ее лицо, нарцисс всегда страдает. Тюльпан налился кровью, ревнуя к алым губкам. Слаб и беспомощен кинжал перед ее бровями. Весна-учитель не извлечет ни звука из ее бутона-рта и не сумеет дать урок цветенья ученикам-побегам. Коль темнокожий вечер не сокроет ее кудрей душистых, лучом красы меч солнца будет побежден.

Пьянит амброй ланит ее цветник,
Рот сладостный, луноподобный лик.

Округлости сквозь ткань одежд видны.
Сиянье меркнет солнца и луны.

Когда зубов ее сверкает ряд,
Не видно в небе блещущих Плеяд.

Не тронет розу слабый лепет уст,
Трель соловья разбудит сонный куст.

От этого зрелища Тадж ул-Мулук упал без памяти. Часом позже он пришел в себя, поднялся и, приблизившись к изголовью ложа, на котором спала красавица, с болью в сердце тут же прочел такие стихи:

Края покрывала под пальцами вздрогнут.
И месяц от зависти станет изогнут.

Любовь среди локонов блещет прелестных
Полночной звездой в чернеющих безднах.

Кто жаждал — вином красоты ее пьян.
Ты, месяц, напрасно в ней ищешь изьян.

Тут царевич решил про себя оставить для Бакавали какой-нибудь знак о том, что он побывал у нее во дворце. И он осторожно и нежно снял кольцо с руки этой пери и надел ей на палец свое. Затем отвел глаза в сторону и прочел такие стихи:

Несу из сада, как тюльпан, я боль разлуки,
Скорбя, что удержать тебя не могут руки.

Нет в мировом саду мне равного в несчастье,
И злей и горестней для смертного нет муки.

В конце концов, в мыслях своих попрощавшись с Бакавали, он покинул ее сад, оседлал падишаха крыс и подземным ходом вернулся домой.

Махмуда сидела в ожидании с заплаканным лицом и глазами, красными от слез. С его прибытием бутон ее желаний расцвел. День прошел в веселье и радостях.

Между тем невеста дня прикрыла лицо накидкой сумерек, а возлюбленная вечера показала свой черный локон. И Тадж ул-Мулук с великой охотой вступил во дворец наслаждения, и всю ночь вел с Махмудой беседы и держал ее в объятиях. Так в удовольствиях миновало несколько дней.

Р а с с к а з ш е с т о й

о том, как Тадж ул-Мулук и Махмуда простились с Хамалой и направились к Дильбар

Рассказывают, что однажды ночью Тадж ул-Мулук, беседуя о том и о сем наедине с Махмудой, сказал:

— О источник радости и наслаждения! Хотя здесь есть все развлечения, нет печалей и, лишь стоит захотеть, найдется повод для веселья, однако же сколько можно жить вдали от родины и соплеменников и страдать

в разлуке с друзьями? Давно пора избавиться от недостойного общества и вырваться из окружения врагов.

Жизнь весела, когда друзья в твоём доме.
Печально жить, как Хизр бессмертный, одному.

— Потерпи, — сказала Махмуда. — Завтра я отпущу тебя.

Когда небесный торговец благовониями, налив в склянку луны чёрный мускус вечера, поставил её в нишу запада, а золотой поднос солнца наполнил камфорой утра из лавки востока, Хамала, приготовив два роскошных халата и несколько подносов с фруктами, вывела Махмуду и царевича из опочивальни. Затем, надев на них халаты и накормив фруктами, она посадила обоих к себе на колени и расцеловала. Но и от этой ласки не раскрылись бутоны их душ. Тогда она сказала:

— О почтительная дочь и возлюбленный зять! Если есть какое-либо желание в ваших сердцах, скажите. Просите хоть звезду с неба, и ту достану.

— Вашими заботами и милостями не осталось у нас неисполненных желаний, — встав, промолвила Махмуда. — Несмотря на то что огонь расставания с вами сожжёт цветник удовольствия, а лишится вашего общества все равно что расстаться с жизнью, однако ни на мгновение не затухает в моей груди пламя разлуки с соплеменниками. Дотла сжигает оно душу мою и сердце. Позвольте, я на несколько дней отправлюсь погостить у своих, чтобы влагой встречи залить этот костер.

Где б ни жила я, буду вам слугою.

Выслушав это, Хамала горько вздохнула и сказала:

— Я воспитала тебя, чтобы всегда — утром и вечером — вид твой, как сурьма, просветлял бы мои глаза. Но ты вольна делать что хочешь. Я прекрасно понимаю, что не кто иной, как царевич, разбудил дремавшую дотеле беду. Если бы я знала это заранее, то не выдала бы тебя за него замуж.

Моя в том вина, нет ошибки твоей.

Одним словом, увидела Хамала, что не лежат их сердца к здешним местам, и, кликнув дэва, приказала:

— Куда велит царевич, туда и доставь его с Махму-

дой в целости и сохранности, а затем принеси мне от них расписку. Исполнишь — отпущу тебя на свободу.

Затем Хамала вырвала два волоска на своей голове и, дав один Тадж ул-Мулуку, а другой — Махмуде, сказала ему:

— Как только тебе понадобится моя помощь, брось волосок в огонь, и в тот же миг я явлюсь перед тобой во главе восемнадцати тысяч дэвов.

И соединив руки Тадж ул-Мулука и Махмуды, прочла такие стихи:

Мою казну забрав, меня ты разоришь.
Изволь же сосчитать убыток и барыш.

Как повествуют рассказчики, тут же перед ними как из-под земли вырос дэв ростом с гору и сказал:

— Приказывай, куда везти.

— В город Фирдаос, — отвечал царевич, — в сад танцовщицы Дильбар.

Выслушав приказ, дэв посадил их обоих на плечо, и в мгновение ока они опустились в нужном месте. Тут дэв потребовал у царевича расписки.

— Подожди немного, — сказал Тадж ул-Мулук, — сейчас напишу.

Как только голос царевича достиг слуха танцовщицы, она выбежала из дома и упала к его ногам. Затем, склонившись в глубоком поклоне, вознесла благодарность Аллаху и сказала:

Когда бы мог звучать на теле каждый волос,
Все ж был бы тих, чтоб прославлять Тебя, мой голос.

Написав расписку, царевич вручил ее дэву и отпустил его. А затем рассказал Дильбар о том, как страдал в суровой пустыне и как снискал милость жестокого дэва. Как завоевал любовь Хамалы и стал мужем Махмуды и как в конце концов сорвал желанную розу. После этого Дильбар, приблизившись к Махмуде, сердечно и гостеприимно приветствовала ее.

Несколько дней провел у нее царевич, а затем собрался ехать к себе домой, чтобы очи томящегося в нетерпении соловья просветлели при виде розы.

Он приказал готовить все в дорогу и грузить корабли, и слуги бросились выполнять его повеление. В это время вошел начальник тюрьмы и спросил:

— Как прикажете поступить с теми царевичами, что прибыли сюда с востока?

Обратившись к хозяйке дома, Тадж ул-Мулук сказал:

— Хоть я и буду просить за братьев, не уступай до тех пор, пока не заклеишь их своей печатью.

Тут тюремщик привел царевичей, и Тадж ул-Мулук горячо вступился за них:

— Ты много погубила царевичей. Отпусти же этих несчастных, чтобы снискать славу среди людей и милость создателя.

— Не вмешивайтесь в это дело, — отвечала Дильбар. — Я ни за что не отпущу царевичей, пока им не поставят клейма ниже спины.

Увидев, что иначе им свободы не получить, братья волей-неволей согласились. Так и ушли они восвояси клейменные.

Тадж ул-Мулук распорядился выдать каждому из них по халату и по лакху рупий на дорогу. Благополучно добрались они до следующего города, откуда путь их лежал на родину. А сам Тадж ул-Мулук простился с Дильбар и Махмудой и, погрузив все свое имущество на корабль, отправился морем, повелев:

— В таком-то городе сделаем остановку. Там я сойду на берег и продолжу путешествие сушей, как братья.

Р а с с к а з с е д ь м о й

*о том, как Тадж ул-Мулук встретил братьев
и как они отняли у него розу Бакавали*

Рассказывают, что Тадж ул-Мулук в одежде факира отправился следом за братьями, ибо посчитал их путь верным. Вскоре он добрался до того места, где они сделали привал, и, сев в стороне, стал слушать их хвастливые рассказы. Наконец не выдержав, он вышел вперед и сказал им в лицо:

— Полюбуйтесь на то, о чем вы между собой болтаете. Ведь роза Бакавали у меня.

И в ту же минуту, развязав пояс, показал ее этим обманщикам.

— Ладно, испытаем ее, — сказали братья, затаив гнев. — Но если ты говоришь неправду, то мы накажем тебя, как захотим.

— Что ж, очень хорошо. Разве правде страшен огонь? — отвечал Тадж ул-Мулук.

И найдя какого-то слепого, он коснулся цветком его глаз, и в мгновение ока сей незрячий прозрел. Увидев это, братья изумились. А потом, отбросив всякий стыд, силой отняли у царевича розу. Они били его по лицу, пока оно не стало пунцовым, и, прогнав прочь, радостно поспешили домой.

Через несколько дней они достигли пределов своей страны и выслали вперед гонца, дабы возвестить о своем прибытии.

Когда Зейн ул-Мулук услышал эту счастливую весть, он, безмерно возрадовавшись, прочел такие стихи:

Весть принесли гонцы любви из дальних стран,
Что прибыл лекарь, исцеляющий от ран.

Цветут все розы в Ханаане, ибо полон
Благоуханием Юсуфа Ханаан.

Падишах сам вышел навстречу сыновьям. Представ перед ним, царевичи облобызали его ноги, а падишах оказал им милость, прижав каждого к груди и поцеловав в лоб. Затем братья поднесли ему розу Бакавали.

Как только падишах приложил цветок к своим глазам, они засияли словно звезды. И он воскликнул: — Слава Аллаху! Этот цветок зажег свет в моих очах, и при виде сыновей скрытое стало явным.

После этого падишах устроил великое пиршество и объявил по городу: пусть целый год будут для всех — от факира до амира — открыты ворота радости и веселья, а двери тоски и печали заперты на замок.

Р а с с к а з в о с ь м о й

*о том, как Бакавали проснулась и, не найдя
розы в Розовом пруду, отправилась на поиски
похитителя*

В кабачке красноречия виночерпий наполняет новую чашу старым вином. Когда пленительная Бакавали от-

крыла глаза и очнулась от безмятежного сна, она застегнула лиф, изящно оправивла шальвары, расчесала гребнем волосы и закуталась в покрывало. Затем, покачивая бедрами, направилась к пруду.

Где эта, подобная розе, оставит свой след, там сад расцветает, а пыль из-под ног ее, словно сурьма, глаза соловья исцеляет.

Придя на берег водоема, она стала руками плескать себе на щеки розовой водой, и пыль с ее лица превратилась в амбру. Умывшись, она обвела пруд чарующим взглядом, исполненным кокетства. Внезапно взор ее, упав на место, где была роза, не нашел цветка. Тогда чело этой сребролицкой пожелтело, как золото, и завяло, словно бутон от урагана печали.

При виде чужого кольца на своем пальце она удивилась без меры. В волнении оглядела обе руки и сказала про себя:

— О Аллах! Или мне снится сон, или мир околдован. Но во сне не увидишь все так ясно. Без сомнения, этого не мог совершить человек, но кто же тогда, миновав восемнадцать тысяч дэвов, бесшумно пробрался сюда и незлышно унес розу?

Затем, вспомнив свой вид во время пробуждения, она погрузилась в море стыда и прочла по этому случаю такие стихи:

Тайну имени открой мне своего.
Расскажи, зачем пошел на воровство.

Столь искусная затея, знаешь сам,
Не под силу человеческим рукам.

Каждый палец твой изящный сердцу люб.
Обласкать бы их касаньем глаз и губ.

И на этом, и на том — на всем, о вор,
Здесь на каждой из вещей лежал твой взор.

Не замеченный никем, ты вырыл ров,
Выкрал сердце из груди, и был таков.

Похозьяничал как следует в казне
И пустые сундуки оставил мне.

Наконец, опечаленная, ушла она с берега пруда в яхонтовые покои и, кликнув пери, наказала каждую за беспечность. Откуда ей было знать: если стрела судьбы

летит в цель, ее не остановит щит разума. Ведь недаром говорят: рассудок судьбу не обгоняет.

— Если вам дорога жизнь, — гневно сказала она пери, — во что бы то ни стало приведите мне вора.

Выслушав ее, семьсот пери шумными веселыми стаями разлетелись во все четыре стороны. Но никто из них не обнаружил следов неизвестного. Воистину, чтоб отыскать следы невидимки, нужно самому стать невидимым.

Пропавшее отыщется лишь там,
Где ищущий его исчезнет сам.

Тут Бакавали, сердце которой пронзила стрела любви, зарыдала от острой боли, и голос ее задрожал словно натянутая тетива. Наконец в нетерпении, покинув свой приют, порвав нить стыда и скромности и затянув потуже пояс решимости, пошла она по лесам и пустыням. Где бы она ни проходила, ее никто не видел, а она, видя всех и каждого, приглядывалась и присматривалась.

Так шла она и шла, пока не достигла восточных земель. Рассказывают, что прибыла она в город Зейн ул-Мулука, глядит: его улицы и площади богато убраны, у каждых ворот радостно бьют барабаны. При виде такой пышности Бакавали удивилась и, приняв облик юности пятнадцати — шестнадцати лет, спросила:

— Почему веселятся старые и малые и отчего радуются знатные и простолюдины в этом городе? Разве это дозволено законом?

— Некоторое время назад здешний падишах по воле Аллаха ослеп, — ответили ей. — И вот его сыновья после долгих странствований и тяжелых испытаний принесли ему розу Бакавали, и глаза падишаха прозрели. Тогда-то он и распорядился, чтобы весь год бедные и богатые били у ворот в барабаны и веселились.

Бакавали, выслушав эту радостную весть, сказала себе:

«Аллах милостив! Стопа ищущего нашла желанный путь. Нет труда без воздаяния. Эта страна не знает закона, и весьма вероятно, что вор тут и обретается. А раз так, он не избежит наказания».

Затем, придя на берег реки, она искупалась, чтобы смыть дорожную пыль, и, надев мужское платье, направилась к шахскому дворцу.

Вот красавица, изячно ступая, медленно идет по базарной площади. И на кого бросает взгляд, сурьме подобный, того стирает, словно пыль ногой. Коль меч бровей или кинжал ресниц подымет, то в сей же миг у зрячих жизнь отнимет, а локон лишь кольцом завьет — сердца людей тоской сожмет. Кто встретит ее на пути, с места не может сойти.

Слух о ее красоте разнесся по всему городу и вскоре достиг ушей падишаха. Тогда владыка изволил приказать:

— Приведите к нам этого прекрасного юношу.

Одним словом, ее представили великому повелителю.

— Скажи, откуда ты, как твое имя и зачем ты сюда пришел? — спросил повелитель.

— Родина вашего раба на западе. Имя мое Фаррух, и пришел я в поисках службы, — отвечал юноша. — Ныне я уповаю на милость Прибежища мира, дабы он оказал мне честь и принял к себе в услужение. Тогда я стану горячо молиться о его процветании.

— Очень хорошо! Оставайся, — сказал Зейн ул-Мурук и, с должными почестями приняв юношу в круг своих приближенных, назначил его начальником тюремной стражи.

Прошло немного времени с тех пор, и однажды четверо царевичей явились ко двору падишаха. В радости падишах прижал каждого из них к груди, облобызал их лица и глаза, а затем дал разрешение сесть. Поклонившись, они сели.

— Кто это? — спросила Бакавали.

Ей отвечали:

— Ты не узнаешь сыновей падишаха?

Тут она испытала золото их натур на пробирном камне, но увидела там одну лишь ложь. Тогда она спросила:

— Нет ли у падишаха еще сына, который ходил на поиски розы Бакавали?

— Больше нет, — был ответ.

Когда она убедилась, что у падишаха нет других сыновей, то пришла в смятение и, сетуя на судьбу, прочла такие стихи:

Зачем являешь ты, судьба, жестокий нрав,
Неразрешимую загадку загадав?

Не снился никому еще столь темный сон,
Чтоб толкователем он не был объяснен.

Не в силах мне прийти на помощь ум ничей,
К виденью тайному не подобрать ключей.

Ко сну моей судьбы разгадка не дана:
Сон не истолковать — вот толкованье сна.

Кто же тот хитрец, что унес розу из сада? Его плутни разбили зеркало моей чести, а невидимые стрелы любви пронзили сердце. Где только я не искала его, сколько прошла дорог, сколько перестрадала! Наконец объявился след розы, и бутон сердца приоткрылся.

Нет у меня сомнений с этих пор,
Я знаю — здесь скрывается мой вор.

Но обманщица-судьба разбила мою игру и, явив в мечтах селение, тут же его разорила.

Найдется ль тот, кого я так ищу?
Я поисков своих не прекращу.

Короче говоря, Бакавали про себя решила, что у падишаха непременно есть еще сын, поскольку по лицам тех глупцов не верилось, будто они могли совершить столь трудное дело. «Во всяком случае, подождем и поглядим, что появится из-за завесы тайного. Милостив Аллах! Все перевернулось. Любимая ищет Любящего, а он стал целью поисков. Но воистину, до тех пор пока Любимая не обладает страстью Любящего, ее любовь не достигнет цели, а поиски не увенчаются успехом. Лишь охваченная огнем желаний, что горит в груди у Любящего, становится она Любимой.

Не разожги любви Любимая сама,
Не свел бы мотылька огонь свечи с ума».

Повествование продолжалось. Калам сказал: «О человек, остановись! Я долго трудился». А руки утверждали, что это все их заслуга. «Что такого сделал калам? Мы писали». Плечо хвасталось: «Какой прок от руки и калама? Все, что сделано, сделано мной». Так они спорили, и каждый доказывал свое превосходство над другими.

Итак, о дорогой, если ты скажешь, чьи заслуги в писании истинны, а чьи — только кажущиеся, я тоже отвечу на вопрос о Любимой и Любящем.

Рассказ девятый

о том, как Хамала с дэвами появилась перед Тадж ул-Мулуком, и о том, как был построен такой же дворец и сад, как во владениях Бакавали

Когда глупые братья отняли у Тадж ул-Мулука розу, он, несчастный, остался в лесу, страдая всем сердцем. Есть поговорка: несчастья дервиша — от сердца дервиша. Затем, последовав за глупцами-братьями, он через несколько дней добрался до леса, что стоял во владениях его отца и был прибежищем диких зверей.

Здесь он высек кремнем огонь и бросил в него волосок, подаренный Хамалой. Не успело и четверти волоска сгореть, как Хамала предстала перед царевичем вместе с восемнадцатью тысячами дэвов и, увидев Тадж ул-Мулука в одежде факира, пришла в ярость:

— Эй, царевич, что с моей дочерью и как объяснить твой вид?

— Вашими заботами все благополучно, — отвечал Тадж ул-Мулук. — Однако необходимо совершить одно дело, а оно мне не по силам. Для этого я и побеспокоил вас.

— Эй, хитрец, не болтай попусту, — сказала Хамала. — Говори, что это за дело, да поскорей.

— Я хочу, чтобы в этом лесу был построен такой же точно дворец и сад, как у Бакавали, — ответил Тадж ул-Мулук. — Сделай это как можно быстрее.

— Эй, сынок, разве это трудное дело? — сказала она. — Но я не видела ни сада ее, ни дворца. Как же я буду строить?

— Я подскажу, — отвечал Тадж ул-Мулук.

И Хамала послала во все четыре стороны несколько сот дэвов за бадахшанскими лалами, йеменскими сердоликами, серебром, золотом и драгоценными камнями. Не прошло и трех дней, как дэвы вернулись и принесли самоцветы и все остальное. А затем начали строить. Они вырыли яму глубиной в два копья, заполнили ее до краев золотом и на этом месте возвели роскошные покои.

Через несколько дней сад и дворец были готовы. Как

и во владениях Бакавали, здесь были украшенные самоцветами каналы, вдоль которых росли деревья, и два прекрасных зала — топазовый и яхонтовый — один против другого. Между ними вырыли водоем, сплошь усыпанный узорчатым камнем, и наполнили его розовой водой. В каждом покое расстелили ковер должного цвета. Итак, половина драгоценных камней, золота и серебра, что принесли дэвы, была потрачена на постройку дворца, четверть — на его убранство, а остальное пошло в казну.

Когда дворец был готов и Тадж ул-Мулук остался им доволен, Хамала сказала:

— Ты знаешь, сколько я из-за тебя страдала и терпела горя. А ведь люди с дэвами враги. Но я полюбила тебя, нежно лелеяла и холила. Более того, я помогла тебе проникнуть в страну Бакавали, где доньше не бывал ни один смертный. Сколько тревог и страданий выпало на мою долю из-за тебя! И пошла я на это только ради Махмуды. Иначе ветер судьбы запорошил бы пылью несчастья ее подол.

Сказав так, она исчезла. А царевич с великой пышностью направился туда, где оставил Махмуду и Дильбар. Они сели в изукрашенные самоцветами паланкины, за которыми следовали носилки придворных, занавешенные златоткаными покрывалами. Впереди гарцевали богато одетые невольники с золотыми и серебряными жезлами в руках. Наконец обе женщины вступили со всей торжественностью в тот великолепный дворец и стали жить в роскоши и довольстве.

Р а с с к а з   д е с я т ы й

о том, как Зейн ул-Мулук узнал о постройке дворца Тадж ул-Мулук

Строитель дворца этого повествования, описывая здание рассказа, говорил так. Один из слуг Тадж ул-Мулука по имени Саид ехал по дремучему лесу. Вдруг он увидел дровосеков, что пришли туда за дровами.

— Кто вы и куда несете дрова? — спросил он.

— Мы дровосеки из восточного города, — ответили они. — Это наше ремесло, и оно кормит и поит наших детей.

— Сегодня отнесите эти вязанки на кухню моего господина, — приказал он. — Его дворец неподалеку. Здесь, в этой глуши, он основал город. Получите хорошую цену, а сверх того такие подарки, что никому другому не станете продавать своих дров.

— Мы всю жизнь занимаемся этим ремеслом и собираем здесь дрова, — отвечали они, — но никогда не видели в этом лесу и признаков жилья.

— Пройдите немного вперед и гляньте сами, — сказал Саид. — Если вам понравится то, о чем я говорил, — хорошо. А нет, так никто не запретит вам вернуться.

И дровосеки, позарившись на подарки, пошли за Саидом. Пройдя немного, все они разом воскликнули:

— Да спасет нас Аллах от проклятого шайтана! Эй, хозяин, уж не ведешь ли ты нас, чтобы вместо награды бросить в огонь, а вместо подарка сжечь дотла? Отпусти нас, мы получили сполна.

— Это не зарево пожара, а блеск драгоценностей, украшающих дворец, — отвечал Саид. — Не тревожьтесь и ступайте за мной.

Послушавшись его, они прошли еще немного и, увидев землю сплошь из золота, поняли, что он говорил правду, и перестали бояться. Когда он привел их во дворец, Тадж ул-Мулук наградил каждого дорогими одеждами и отпустил, сказав на прощанье:

— Если будете приходить сюда каждый день, станете получать вдвое больше этого.

Дровосеки, в первый же день получив такие подарки и обретя надежду на будущее, оставили свою родину и перебрались во владения Тадж ул-Мулука. Эта весть дошла до их соседей, а потом разошлась повсюду. И в конце концов, всякий, кто приходил посмотреть на новый город, больше не возвращался домой.

И вот однажды котвалю восточного города донесли, что за одну ночь опустела тысяча домов ремесленников, а сами они исчезли. Узнав о бегстве своих подданных, котваль бросился к везиру и все ему рассказал.

— Ты не знаешь даже, куда они уходят, — в гневе воскликнул везир.

— Ваш слуга слышал, — отвечал котваль, — что некто покрыл золотом десять косов земли в дремучем лесу и основал там город, а еще построил прекрасные, как драгоценные камни, дворец и сад, равных которым нет на всей земле. Кто видел его, произносил такое двустипие:

Коль где-то существует рай земной,
Он здесь как раз и именно такой.

Волна моря щедрости этого человека на своем гребне вот-вот унесет имя Хатима Тая из источника времени, а воды океана его справедливости скоро смоят со страницы мира след сердца Нуширвана.

Везир, не поверив этим речам, спросил:

— Как может смертный совершить нечто выходящее за пределы человеческих возможностей?

— Я рассказал то, что слышал сам, — ответил котваль. — Почему бы этому не быть? Милостивый и всемогущий может сделать женщину мужчиной, а мужчину женщиной. Разве можно удивляться его промыслу?

Пойми, что небеса пекутся о рабе
По тысяче причин, неведомых тебе.

Разве вы не слышали историю о дочери падишаха, которая, с помощью дэва став женщиной, женилась на красавице?

— Как это? — удивился везир.

Сказка

— Жил в прежние времена один падишах, — начал котваль. — В его гареме было сто наложниц несравненной красоты, но ни одна из них не подарила ему наследника. Наконец некая красивая и молодая по воле всевышнего понесла. Через девять месяцев у нее родилась дочь. Так случилось еще дважды, но мальчик все не рождался. Когда она забеременела в четвертый раз, падишах поклялся, что если опять родится девочка, он лишит ее жизни вместе с матерью. По прихоти судьбы у наложницы вновь родилась дочка, но на этот раз красотой подобная пери. Мать, страшась смерти, объявила, что родила наследника, и умолила астрологов сказать падишаху, что ему целых десять лет нельзя видеть сына. Как прорицатели изрекли, так падишах и сделал.

Короче говоря, когда девочка выросла и до истечения запретного срока оставалось несколько дней, мать объяснила ей, почему выдала ее за сына, и сказала:

— О дочка, чтобы спасти жизнь себе и мне, ты должна войти в падишахский дворец женщиной.

И вот девушка стала появляться перед падишахом, но, воздав ему почести, немедленно удалялась.

Прошло время, и эту дочь в облике сына решили женить. Когда день свадьбы приблизился, падишах облачился в роскошные одежды и, сев в золотой паланкин, с великой торжественностью отправился в страну невесты. Девушка была в отчаянии — она то смеялась, то плакала. Наконец однажды ночью она решила уйти из дому и пошла в лес, надеясь, что какой-нибудь зверь растерзает ее и положит конец ее страданиям. Шла она, шла и пришла к дереву, под которым жил дэв. Ее красота поразила дэва. Он принял человеческий облик и, представ перед девушкой, заговорил с ней. Она, не таясь, рассказала все как было. Услышав ее историю, дэв сжалился над ней и сказал:

— Если ты клянешься, что не обманула меня, я с помощью волшебства передам тебе свое мужское естество, а себе возьму твое — женское.

Девушка поклялась, что говорила чистую правду, и дэв выполнил свое обещание. Затем, довольная и счастливая, она отправилась вслед за отцом.

Через несколько дней свадебное посольство прибыло в назначенное место. Отпраздновали свадьбу, и падишах вернулся в свою страну, а мнимый царевич остался с молодой женой. Когда же у него родился сын, он собрался на родину. Проезжая тем же самым лесом, он подошел к знакомому дереву и увидел дэва в облике старой женщины, который сидел под ним и плакал.

— О дэв, — воскликнул царевич, — твоей милостью я спасен, и все мои мечты сбылись. Теперь же возьми свое, а мне отдай мое.

— Сейчас мне это уже ни к чему, — отвечал дэв. — Так, верно, предназначено судьбой.

— Почему ты так говоришь? — спросил царевич. — Расскажи, что с тобой случилось?

— Я сидел здесь, — отвечал тот, — в твоём облике, ожидая с нетерпением, когда ты вернешься, как вдруг явился дэв ростом с гору. При виде его меня охватило желание, и я был не в силах смирить свою страсть. Он

же, приблизившись, прижал меня к груди и напоил шербетом соединения. Вновь превращаться в мужчину для меня все равно что заживо расстаться с жизнью. Ведь я только теперь узнал, как прекрасно быть любящей и любимой. Поэтому иди своей дорогой. Я дарую тебе свое мужское естество.

*

— Всевышний справедлив и всемогущ, — сказал везир, — и я не смею усомниться в этом. Но сотворение дворцов и парков смертным, словно по мановению руки, не укладывается в моем уме. Ни один человек, умудренный жизнью, не поверит в это. Ты, наверное, не слышал историю про факира и птицу.

— Прошу вас, расскажите, — попросил котваль.

Сказка

— Однажды во времена пророка Сулеймана, — начал везир, — две птицы — самец с самкой — клевали на дороге корм. Вдруг видят: вдалеке идет факир, одетый в джуббе. Самка говорит самцу:

— Осторожно, это идет враг. Как бы не заманил он нас в силоч несчастья.

— Не бойся этого божьего человека, — отвечал самец. — Он следует путем всевышнего и не позволит себе причинить кому-нибудь вред.

Пока они так спорили, факир подошел поближе и, выхватив из-за спины дубинку, с такой силой швырнул ею в самца, что перебил ему крыло. Тот едва спасся от злодея и, явившись к пророку Сулейману, призвал на него благословение Аллаха, а потом сказал:

— Один факир по злему умыслу перебил мне крыло палкой.

— Приведите его, — повелел падишах.

Что ж, факира привели во дворец. Тогда разгневанный пророк изволил спросить его:

— Зачем ты ударил птицу?

— Если я и сделал это, то какое в том преступление? — отвечал он. — Ведь птица служит человеку пищей.

Выслушав это, птица сказала:

— Хотя я и бедное маленькое создание, но понимаю,

что друзьям надо радоваться, как молоку с сахаром, а от врагов бежать, как от стрелы, пущенной из крепкого лука. Увидев твою ветхую одежду, я решил, что ты идешь праведным путем и никому не причиняешь вреда. Но оказалось, что твой поводырь шайтан, а рубище твое — не более, чем хитрость. Сними его сейчас же, дабы никто, подобно мне, не обманулся и не попался в силки твоего коварства.

Речи птицы весьма понравились пророку, и, осудив факира, он прогнал его прочь. Через несколько дней эта птица вновь клевала где-то корм, как вдруг некий дервиш схватил ее и посадил в клетку. Птица поняла, что жизнь ее в опасности.

— О божий человек, — сказала она поразмыслив, — ты немного выгадаешь, если продашь меня или съешь. Лучше отпусти меня, и я скажу тебе несколько изречений, каждое из которых подобно бесценной жемчужине.

Услышав это, дервиш обрадовался, достал птицу из клетки, посадил на ладонь и приказал:

— Ну, говори.

— Как изрек один мудрец, — отвечала птица, — если бог захочет, то караван верблюдов пройдет через игольное ушко. Что верно, то верно, всевышний всемогущ. Человеку же не следует полагаться на свои силы. Это — первое. Второе: не печалься о том, что упустил. Эй, дервиш, отпусти меня, и я скажу третье.

Дервишу пришлось ее освободить. Птица взлетела на ветку дерева и сказала:

— Ты глупец, дервиш. Видно, у тебя ум отшибло, если ты упустил из рук такую добычу! У меня в желудке хранится бесценный рубин. Если бы ты убил меня и съел, тебе достался бы еще и камень.

— О прекрасная птица, я потерял все что имел, но скажи еще хоть что-нибудь, — вскричал дервиш, ломая руки.

— Твое сердце словно сальный котел, — сказала птица. — Мои речи не оставят на нем следа. Зачем попусту тратить силы? Ведь недаром говорят: перед слепым плакать — зря глаза губить. Эй, глупец, я только что предупредил тебя: не сожалей об утраченном. А ты тут же все забыл и даже не подумал, к чему мне глотать рубины.

Сказав так, птица улетела, а дервиш ни с чем поплелся домой. Смысл же этой сказки вот в чем: сила и могу-

щество всевышнего так велики, что человеку надо во всем положиться на него и понапрасну не докучать падишахам просьбами. Посему тебе следует сначала увидеть все своими глазами, а затем уже обращаться с докладом к повелителю.

Р а с с к а з   о д и н н а д ц а т ы й

о том, как Зейн ул-Мулук с войском и придворными прибыл во дворец Тадж ул-Мулука

В конце концов котваль, простившись с везиром, отправился в Прекрасную страну. Когда часть пути была пройдена, шедшие впереди дозорные громко закричали. В лесу полыхало зарево. Оно было такое огромное, что, казалось, пламя достигало небес.

Тем временем всадники проехали дальше и увидели землю, покрытую золотом, и покои, изукрашенные самоцветами. Тогда стало ясно, что их блеск, а вовсе не пожар, и есть причина зарева. Тадж ул-Мулуку доложили о прибытии котваля, и он приказал слугам: «Наполните водоемы, пустите фонтаны и проводите гостя в яхонтовый зал». Слуги исполнили повеление и стали вносить во дворец подарки. Куда бы ни бросил котваль свой взгляд, глаза его ослепляло сияние драгоценных камней.

Через час и Тадж ул-Мулук украсил собою трон величия. Котваль призвал на него благословение Аллаха, а затем сказал:

— Когда весть о том, что в лесу построен дворец и основано царство, достигла падишаха восточного города, он послал меня, своего раба, узнать о ваших намерениях. Так простите же мою неучтивость. Но если в вашем сердце нашли пристанище властолюбие и воинственность, то вас немедля препроводят ко двору моего повелителя с ошейником рабства на горле, ибо как двум мечам нет места в одних ножнах, так двум падишахам не править одним царством.

— В этой обители хищников я выстроил храм, — отвечал Тадж ул-Мулук, — и посвятил себя служению все-

вышнему. В моем сердце нет жажды власти, а еще меньше — притязаний на царство.

Выслушав эту благородную речь, котваль удалился радостный и подробно рассказал везиру обо всем, что увидел и узнал. Тот на миг погрузился в море размышления, а затем отправился во дворец падишаха и доложил об услышанном. Одни это сочли правдой, другие приняли за ложь.

Бакавали, состоявшая на службе у Зейн ул-Мулука, услышав эту молву, сказала себе:

«По милости Аллаха после долгого ожидания запутанный узел развязался, и после ночи отчаяния показался рассвет надежды.

Известием о друге сердце живо.
Возрадуйся, о глаз, молва не лжива».

Падишах, узнав от везира эту новость, целый час размышлял, упрятав голову в воротник раздумий, после чего изволил сказать:

— Если все это действительно так, то не сегодня-завтра стране грозит гибель.

— Мудрецы говорили, — ответил поклонившись везир, — что врагом, которого нельзя победить в бою, надо жить в согласии.

В успехе дела только тот уверен,
Кто не гневлив и не высокомерен.

Сейчас Кибле мира следует подружиться с этим чародеем и накинуть на его шею аркан любви.

— Кроме тебя, я не вижу никого, — сказал падишах, — кто бы подошел для такого дела. Отправляйся туда и вступи с ним в переговоры. Но сделай это так, чтобы и змею убить, и дубинку сохранить. Иными словами, не допусти ущерба моему величию и укрепи мир.

Везир, обрадовавшись, с пышной свитой отправился выполнять приказание. Когда Тадж ул-Мулук узнал о его прибытии, то повелел слугам:

— Перестелите ковры в покоях, смените розовую воду в водоемах, пустите фонтаны и проведите гостя в зал из бадахшанских лалов.

Слуги сделали все, как он сказал, а затем и сам царевич украсил зал своим присутствием и воссел на усыпанном драгоценностями троне. Везир, поднявшись и при-

звав на него благословение Аллаха, обратился к нему с такой речью:

— До меня этот дворец посетил слуга нашего повелителя. Он и доставил ваше послание с изъявлением признания к его величеству, а также передал ему на словах лестные похвалы. Пламя гнева падишаха остыло. Более того, Кибла мира пожелал встречи двух властителей. Что может быть лучше, когда два источника щедрости и милости или две реки благодати, сливаясь, текут вместе.

— Приглашение, которое следовало сделать мне, — сказал Тадж ул-Мулук, — исходит от Прибежища мира. Я принимаю его всей душой, ибо лелею такое же желание.

— Если будет на то воля Аллаха, — вновь обратился к нему везир, — через неделю мой господин соизволит прибыть сюда.

Затем Тадж ул-Мулук велел позвать своих приближенных. Главный повар, наполнив всевозможными изысканными яствами блюда, изукрашенные драгоценными камнями, внес их на золотых и серебряных подносах в зал. Слуги расстелили златотканый дастархан, и царевич пригласил везира отведать угощенья. Затем он повелел накормить спутников везира, а потом отдать им всю серебряную и золотую посуду, на которой они ели.

Поблагодарив за угощенье, везир попрощался и отправился в восточную страну. Вечером он прибыл к его величеству и подробно доложил обо всем увиденном.

Рассказывают, что вскоре после этого Тадж ул-Мулук однажды ночью достал волосок Хамалы и бросил его в огонь. В тот же миг она появилась перед ним с восемнадцатью тысячами дэвов. Тадж ул-Мулук и Махмуда встали и поклонились ей. Она, приняв их приветствия, прижала обоих к груди, поцеловала и справилась об их здоровье и благополучии.

— По вашей милости мы живем в довольстве и покое, — сказал Тадж ул-Мулук. — Нет у нас огорчений, не знаем мы ни в чем недостатка. Но завтра должен прибыть к нам падишах Востока, милостиво изволивший одарить нас своим посещением. Я желаю, чтобы из этого города до его страны протянулся мягкий ковер из красного и зеленого бархата, а на много косов вдоль него стояли бы шатры из меха горносталя со шнурами из беличьих шкур и ткаными пологамы из парчи и атласа да

с серебряными и золотыми шестами. Расставьте шатры почаще, чтобы каждый из свиты падишаха мог отдохнуть отдельно от других и чувствовал бы себя легко и свободно.

Хамала отдала приказания дэвам. За ночь они сделали все, что было велено, и отправились к себе домой. Утром же падишах Востока, помня о данном им обещании, приказал своим везирам и военачальникам, надев дорогие блестящие халаты, ехать справа и слева от него в сопровождении всадников, облаченных в разноцветные одежды и украшенных всевозможным оружием. А еще он повелел, чтобы впереди шествовали слоны с позолоченными хоботами, а за ними — красавцы юноши со сверкающими знаменами в руках. Убранство же каравана должно было приличествовать случаю.

И вот как он приказал, так все и сделали. Прибежище мира поднялся в драгоценный паланкин, а Бакавали в мужской одежде, надев украшения и затянув потуже пояс желания, заняла положенное ей в свите место. Четверо царевичей, облаченные в шахские одежды, взобрались на своих слонов, и процессия направилась в страну Тадж ул-Мулука. Едва Зейн ул-Мулук отъехал от города на один кос, как вдруг увидел блеск золотых шатров, подобный сиянию солнца.

— Наверное, — сказал он, — это и есть те чертоги, при виде которых всякий опускает взгляд и шурит глаза.

— Это расцвела другая роза, — отвечал везир. — Повелитель, за одну ночь здесь все переменялось. Вчера тут стоял лишь дремучий лес и, кроме кустарников и колючек, ваш раб ничего не видел. У меня нет слов, чтобы описать мое изумление. Милостивый и всемогущий даровал какому-то созданию такую власть, что тайны его деяний не в силах постичь даже мудрость владык. Их разум приходит в замешательство. Прекрасная страна еще очень далеко. Чей-то удивительный труд явил нам это зрелище. Соблаговолите отнестись к нему со вниманием.

Пока падишах и везир беседовали, подошел один из приближенных Тадж ул-Мулука и сказал:

— Наш повелитель приказал, чтобы там, где движется караван Прибежища мира, жители отдавали бы гостям все свое имущество, а гости и спутники его величества располагались бы на отдых в шатрах, какие им понравятся.

И вот где бы ни проезжал падишах, ему преподносили подарки и угощения, каких не получал еще никто из земных властителей.

Одним словом, по мере продвижения каравана вперед подарков у свиты падишаха становилось все больше, а расположение духа — все веселей. Наконец они встретили Тадж ул-Мулука, который приветствовал их, как подобает. Затем, радостный и счастливый, он вступил вместе с падишахом в свой благословенный дворец. Прибежище мира с почтительностью проводили в изумрудные покои. Они были устланы коврами и сверкали от украшений, в бассейнах с розовой водой били фонтаны.

Уже дорогою падишах дивился чудесам, увидев же сам дворец и сад, едва не лишился рассудка. А Бакавали, плененная красотой и благородством царевича, почувствовала, что теряет последние силы, ибо разум оставил ее. Действительно:

Стрелой ресниц, что лук бровей пускает в путь,
Лишь у влюбленного всегда пробита грудь.

Через мгновение она пришла в себя и осмотрелась. Куда бы она ни глянула, все вокруг было как в ее собственном дворце. Потрясенная, она сказала про себя: «Верно, это какой-то великий чародей, если он перенес сюда мои владения и превратил глухую чащобу в мир чудес».

И она подозвала пери, которая прислуживала ей, переодевшись в мужское платье, и спросила, не знает ли она, в чем тут дело.

Та, подумав, сказала:

— Ваши чертоги остались на прежнем месте. Поэтому не тревожьтесь, это другой дворец. Но он построен точно так же, как ваш: между ними не отыщешь ни малейшей разницы. Хвала искусству и мудрости его создателя!

Выслушав это, Бакавали очень обрадовалась: «Вора я поймала и свое добро нашла».

Ей не терпелось в ту же минуту раскрыть секрет и поднять завесу таинственного, но помешал стыд. Волей-неволей побрела она шагом осторожности и надежды.

Но вот уже расстелен дастархан и принесены на золотых и серебряных блюдах всевозможные яства. К чему

восхвалять их вкус, когда язык калама скован, а сам он лишь царапает этот белоснежный поднос — бумагу. Повелитель мира, увидев отменную выучку слуг и безупречные манеры приближенных, остался весьма доволен. Вместе с сыновьями и свитой он с радостью отведал угощения. Между тем появились музыканты. Веселое застолье продолжалось допоздна.

Высокие запели голоса,
И танец луноликих начался.

Они уже не слышат, что поют.
В большие бубны иступленно бьют.

Тем временем падишах и Тадж ул-Мулук почувствовали друг к другу расположение и предались беседе.
— Есть ли у вас дети? — спросил царевич.

Повелитель указал на четырех сыновей и промолвил:
— Кроме них, у меня теперь никого нет. Был еще один сын, но из-за него меня постигло неожиданное несчастье. По воле Аллаха благополучие вернулось ко мне, а он тогда же исчез, неизвестно куда.

— Но по какой причине оставил он столь пышный двор и отвернул лицо от богатства и почестей? — спросил Тадж ул-Мулук. — Знает ли его кто-нибудь в этом высоком собрании?

Тогда Зейн ул-Мулук поведал ему историю рождения сына и своей слепоты. А потом подозвал к себе амира, который был наставником царевича и лишь один знал его в лицо.

— Взгляните, есть ли в этом собрании кто-нибудь похожий на того беглеца лицом? — спросил амира царевич. И этот выдавший мир, внимательно всмотревшись в лицо царевича и прислушавшись к его речи, ответил:

— До сих пор я не видел никого обликом схожего с царевичем. Но в вашем благословенном челе мне видятся его черты, а ваша речь напоминает его.

Выслушав это, Тадж ул-Мулук упал к ногам отца и сказал:

— Я — тот недостойный, что до сих пор был причиной дней вашего несчастья и нежданной беды и жил, скитаясь, вдалеке от вас. Хвала всевышнему, что мне довелось увидеть благословенный лик того, кого я стремился лицезреть всей душой, и что желание мое коснуться ваших ног исполнилось.

При этих словах Зейн ул-Мулук в радости прижал царевича к груди, поцеловал его в лоб и глаза и вознес Аллаху благодарственную молитву, а затем сказал сыну:

— О богатстве и процветании, что даровал тебе высочайший, мы знали давно из гороскопа, составленного в день твоего рождения. По милости Аллаха и по волею сердца я узрел желанный лик в зеркале видимого. Сразу стало вдвое светлее в моих очах. Скажи, где ты был до сих пор, свободен ли ты или соединился с какой-нибудь красавицей?

— У вашего раба две жены, — сказал царевич. — Если прикажете, они предстанут перед вами и облобызают ваши ноги.

— Да будет так, — разрешил повелитель.

Царевич вышел из зала и приказал позвать Дильбар и Махмуду. Но приблизившись к покоям падишаха, прекрасные пери застыли на месте.

— Почему бы им не войти сюда? — спросил Зейн ул-Мулук. — При виде их мои глаза засияли бы от радости, а сердце исполнилось бы веселья.

— Эти женщины не смеют войти, — объяснил Тадж ул-Мулук, — потому что четверо царевичей — их рабы, отпущенные на волю. А свидетельством тому — клеймо, выжженное у них ниже спины. Пусть повелитель сам убедится в этом.

Когда тайна их раскрылась, четверо братьев поблели и с позором удалились. Тогда обе женщины вошли и склонились перед падишахом. И Зейн ул-Мулук поведал им обо всем, что приключилось с ним за дни разлуки с сыном, и расспросил Дильбар и Махмуду об их жизни.

Царевич также рассказал отцу о том, что пришлось ему испытать в скитаниях, о том, как он узнал о позоре братьев, как снискал милость и дружбу Хамалы и стал мужем Махмуды, как сорвал желанную розу и увидел спящую в саду пери; как оказался жертвой братьев-злодеев и основал в лесу прекрасный город.

Тем временем падишах вспомнил о матери Тадж ул-Мулука и сказал:

— С помощью розы Бакавали ты вернул моим глазам зрение, а радостью встречи распахнул врата веселья перед опечаленным сердцем. Теперь я должен обрадовать твою мать, столь долго страдавшую, известием

о прощении и напоить ее, охваченную печалью разлуки и жаждающую свидания, шербетом благих вестей.

С такими словами падишах встал и, лишив своего присутствия эту благословенную обитель, отправился к матери Тадж ул-Мулука и признался ей в том, что горько сожалеет о гонениях, которым подверг ее в прошлом. И велев всем вновь оказывать этой женщине положенные почести, он известил ее о возвращении сына:

— О дорогая, отныне ты займешь при дворе достойное тебя положение. Следует и тебе, подобно царевичу, посвятить себя благородному занятию. Тогда твое усердие тронет сердце шаха, и он пришлет тебе весть о свидании. Ведь сегодня он сам посетил тебя и даже прижал твою голову к своей груди. Сначала ты была недостойна его взгляда, но в конце концов он вернулся к тебе, ибо никто не в силах занять твое место. Смотри же не допусти, чтобы тебя всенародно заклеями позором, как царевичей.

Р а с с к а з д в е н а д ц а т ы й

о том, как Бакавали, покинув падишаха, написала письмо Тадж ул-Мулуку

Когда Зейн ул-Мулук возвратился в свою столицу, Бакавали, распрощавшись с ним, перенеслась к себе в сад. Здесь она написала любовное письмо Тадж ул-Мулуку и, вручив его вместе с кольцом царевича лилейноликовой пери, тайно сопровождавшей ее во время странствий, сказала:

— Торопись. Найди царевича, когда он в уединении отдыхает от земных дел, и передай ему то и другое из рук в руки.

Та, оседлав дракона, тотчас улетела и, в мгновение ока очутившись во дворце Тадж ул-Мулука, спряталась в укромном месте. Когда же Тадж ул-Мулук, размышляя о Бакавали, направился в уединенный покой, она предстала перед ним и, приветствовав, вручила послание своей госпожи. Царевич узнал свое кольцо и, распечатав письмо, прочел его. Вот оно:

«Бог будет мною с первых слов воспет.
На все вопросы знает он ответ.

Он звездами усыпал небосклон,
И различил людей и джиннов он.

Красу и прелесть дал он пери в дар.
В сердцах людей раздул любовный жар.

Но человеку дав над пери власть,
Помог стрелой любви в нее попасть.

Пролей на Лейлу свет свой золотой.
Сам Кейсом стань, плененным красотой.

Что, если пред тобой Ширин сама?
Вгляни — и, как Фархад, сойди с ума.

Свет солнца — робкий луч в его лучах,
И мечется в тревоге жалкий прах.

Свечу любви во мраке он зажег,
И разум вспыхнул, словно мотылек.

Лишь после этих слов, прекрасный шах,
Привет мой прозвучит в твоих ушах.

Бровей и глаз движеньем ты сумел
Пронзить мне сердце сотней тысяч стрел.

Дрожит как роза локон над лицом,
Сковав меня, как горлинку кольцом.

Душа любовью сражена во мне.
Жжет изнутри любовь, палит извне.

Кто сыпать поговорками горазд,
Внушает: сердце сердцу весть подаст.

Пылаю я — тебе что за беда!
В груди сгорело сердце без следа.

Горюет по тебе печальный дом.
Коль не придешь, ад воцарится в нем.

Вином свиданья губы мне омой.
В них сердце бьется, о мучитель мой.

Так сердце изболелось от тоски,
Что, бедное, разбилось на куски.

Нетронутой жемчужиной лежу,
Тебя, алмаз, нигде не нахожу.

Я — жаждущее сердце, ты — река.
Жду влаги животворной хоть глотка.

Тоскуя о тебе, погибну я,
Умру — и будет в том вина твоя.

Но в день расплаты свидимся мы вновь.
Рубином губ заплатишь ты за кровь.

«Зачем убил меня в расцвете лет?» —
Спрошу тогда — и дашь ты мне ответ.

Молчи, язык калама! Онемей!
Тем больше сердцу мук, чем речь длинней».

Одним словом, когда Тадж ул-Мулук прочел письмо, каждая строчка которого была полна любовью, а каждая буква — восторгом, огонь страсти, таившийся у него в груди, разгорелся и царевич затрепетал, заметавшись как ртуть. В конце концов он совладал с волнением сердца, поневоле набравшись терпения. Затем, взяв калам — знак разлуки — и лист бумаги, сочинил ответное послание. Вот оно:

«Влюбленного сжигаешь ты в огне.
Жестокий образ твой сияет мне.

Род среброликих любишь посрамлять.
Ты на путях любви — полночный тать.

Дугой изогнута над глазом бровь,
Как лук в руках того, чья цель — любовь.

Меня волшебным взором сокруши,
Как молнией ударив в стог души.

Уста твои узрев, бутон завял,
И побледнел рубин — так рот твой ал.

Надежды светоч ты в моих глазах,
Ты — солнце в небе, я — ничтожный прах.

О красавица с челом Зухры! О та, к кому ревнуют китайские идолы! Пламенный зов твоего страстного письма обратил мое сердце в пепел, подобно тому как свеча сжигает влюбленного мотылька. От моих воплей и стонов все пришло в смятение, а из вздохов сгустился туман. О свеча, зажигающая вечер! Знай, ожоги от пламени твоей любви навсегда останутся в моей груди. Они будут гореть до тех пор, пока на луне есть пятна. Неведомо тебе, что твой облик никогда не покидает моего взора, а па-

мать о тебе ни на миг не оставляет сердца. Нет и часа, чтобы я не искал тебя и не желал встречи с тобой. Услышав твое имя, я потерял рассудок и ушел куда глаза глядят. Но я не рисковал напрасно жизнью, а так или этак сговорился с дэвами и накинул на их шеи аркан любви. Однажды узрев твою красоту, пленяющую мир, я растравил рану сердца солью. Знай же, в моей пылающей груди горит огонь, искра которого попала в твое сердце, а может, то была молния любви, угодившая и в твой хирман.

Благословен огонь любви: искра одна —
Зато в двух сразу зеркалах отражена.

Что мне сказать? Что будет со мной, зависит от тебя.

Коль у красавицы в душе влеченья нет,
На речь влюбленного она кладет запрет.

Хватит, не следует доверять перу слишком много тайн. Сказано ведь: «Когда это калам был другом и наперсником влюбленных?»

Мир тебе».

Затем, запечатывая письмо, он капнул на него вместо сургуча слезой из глаз, подведенных сурьмой. И вручив письмо лилейноликой пери, велел передать на словах много страстных признаний. В конце концов она, простившись с ним, явилась к Бакавали и рассказала ей все как было.

Рассказ тринадцатый

*о том, как Тадж ул-Мулук пришел к Бакавали,
а ее лишили свободы*

Короче говоря, когда Бакавали узнала, что страсть Тадж ул-Мулука вдвое больше ее собственной и на бесконечной дороге терпения и ожидания показался дворец встречи, она приказала лилейноликой пери:

— Скорее приведи сюда Хамалу.

Та, выслушав, умчалась и через мгновение оказалась в назначенном месте. Хамала, увидев ее, встревожилась:

— Эй, сестрица, что случилось? Отчего ты так взволнована?

— Мир тебе! — отвечала пери. — Царевна зовет тебя. Не медли.

Хамала в волнении поднялась и поспешила на зов, дрожа как ивовый прут. Что же она видит? Бакавали больна своим нарциссоликим другом, и каждая ресница, как фонтан, роняет влагу. Она сидит с печальным ликом в покое радостей.

Приветствовав ее и склонившись до земли, Хамала спросила:

— О жасмин радости и цветник счастья, чем огорчен бутон твоего сердца, что ты так побледнела? Отчего роняешь слезы, как росу? Зачем обливаешь лицо, подобное цветку, горячими слезами? Пусть на меня падет твоя беда, а ты будь вечно счастлива. Ради бога, скажи хоть слово, раскрой передо мной свою тайну.

— Бесстыдная сводница, — сказала Бакавали в ответ, — к чему все эти речи? Ты нарочно притворяешься несведущей. Это ты разожгла пожар и принесла несчастье, приложив руку к нечистой игре и посеяв раздор. Разве это преступление совершил не твой зять, а кто-нибудь другой, и разве не ты привела его сюда, а кто-нибудь еще? Словом, его рука осквернила покрывало моей чести, и он увидел меня обнаженной. Если ты хочешь загладить свою вину, немедленно отправляйся в путь и приведи его ко мне.

Хамала, выслушав ее, засмеялась и сказала:

— И ради такого дела ты, рыдая, портила свою красоту и терзала себя? Вставай, умой руки и лицо, смейся и шути. Что за труд привести его? Я в сей же миг найду его и, надрвав ему уши, тотчас представлю тебе.

Наконец она умчалась на восток и, отыскав Тадж ул-Мулука, сказала, улыбаясь:

— Поднимайся, лети, мотылек. Тебя зовет твоя свеча.

При этих словах царевич без сил опустился на землю. Хамала подняла его и обняла. Затем, посадив на плечо, направилась в страну Бакавали.

Тем временем до ушей матери этой красавицы, Джамили-хатун, дошли слухи, что, мол, дочь ваша ведет себя

словно разлученная с любимым. Не иначе эта рожденная от пери страдает по какому-нибудь человеку. Чтобы проверить, правда ли это, Джамиля-хатун пришла к Бакавали и, увидев, что так оно и есть, сильно рассердилась и с гневным видом произнесла:

— Сгинь, нечистая сила! Пропади! О ком это ты то-скуешь и ради кого совершаешь эту йогу? Ты позоришь честь пери и срамишь имя Розы.

Тут Бакавали, приложив руки к ушам, стала отпираться. Клянясь самыми страшными клятвами, она упала к ногам матери и сказала:

— Я слова «любовь» никогда не слышала, а человека не видела даже во сне. Кто-то оклеветал меня и возвел напраслину. Откройте мне его имя, не то я убью себя и расстанусь с жизнью.

Увидев ее отчаянье, мать смягчилась, но с притворной строгостью сказала:

— Замолчи и не проливай лживых слез.

Тут появилась Хамала с возлюбленным Бакавали. Лилейноликая пери, наперсница царевны, подала знак, что путешественник прибыл. Царевна взглядом ответила: «Спрячьте его в надежном месте».

Наступил вечер, а Бакавали все пребывала с матерью. Наконец та прилегла на ложе и крепко заснула. Тогда Бакавали встала и потихоньку вышла из опочивальни. Сердце ее дрожало от страха, а душа трепетала от любви.

Вот какие чувства владели ею, когда она явилась к царевичу. Едва взгляд Тадж ул-Мулука упал на эту пери, что была само изящество, сознание оставило его и он рухнул на землю. Тогда в волнении она подбежала к нему, положила его голову к себе на колени и стала растирать уста устами, а щеку щекой. Вдохнув аромат ее бутона-рта, что душистей розовой воды, царевич вновь обрел силы. Он открыл глаза и увидел, что лежит на коленях у той, что подобна Зухре. Звезда его счастья достигла зенита. Грациозно поднявшись, он сел, а затем, устремив на нее взгляд, полный любви, не сводил с нее глаз. Наконец испили они из чаши с вином любви, и хмель страсти охватил обоих. Тогда откинули они завесу скромности, что разделяла их. Оживилась торговля на базаре любовной науки. Оставили они смущение и стыд и вином соединения охладили жар разлуки.

О тысяча скорбей! Всесильный небосклон
Велит, чтоб был с Луной Муштари разлучен.

Туда, где, встретившись, они вдвоем сидят,
Обрушивается разлуки камнепад.

Кому любовь несла сиянье и тепло,
Того стократ сильней разлукой обожгло.

Все клятвы в верности любви — одно вранье,
Коль стрелами разлук ощерен лук ее.

Случилось так, что в полночь Джамиля-хатун проснулась. В лунном сиянии ночной сад был подобен саду света. Она встала и, ничего не подозревая, отправилась прогуляться. Вдруг она увидела влюбленных, которые спали, упоенные счастьем. Вспыхнув от гнева, она в ярости швырнула Тадж ул-Мулука, как камень из пращи, в волшебное пространство, а Бакавали так отхлестала по щекам, что на них расцвели пурпурные розы. Потом она увезла ее в Гулистан-и Ирам, столицу царства ее отца, и рассказала Фироз-шаху все, чему была свидетельницей. Выслушав ее, Фироз-шах повелел приставить к этой лучезарной множество пери, дабы складными речами и сладкими словами они уговорили ее позабыть царевича и стерли с доски ее сердца образ любимого.

Но сколько прислужницы ни старались, от их речей тайный огонь любви Бакавали лишь окреп, а пламя страсти разгорелось вдвое сильнее. Дни она коротала с какой-нибудь из наперсниц, а ночами не смыкала глаз, мечтая о друге, и читала такую газель:

Ни разу в жизни не чинив препон разлуке,
Судьбою в жертву я был обречен разлуке.

По свету, как факир, брожу, влюбленный бедный,
Несчастный падишах, всхожу на трон разлуки.

В разлуку окунись, с тобою разлученный,
Чтоб тек ручей кровавых слез вдогон разлуке.

За что разлука мне, несчастному? О небо!
Пусть будет самый след искоренен разлуки.

Где помощи искать? Судья где справедливый?
Пусть казнь разлукою присудит он разлуке.

Врасплох застигнутый разлукой, я погибну.
Дань кровью заплачу — таков закон разлуки.

Слова Хафиза из Шираза повторю я:
«Как крик петуший, рвет мне сердце стон разлуки».

Когда пери поняли, что с каждым днем ее страсть растет, и узнали, что любви удалось свить гнездо в ее сердце, пришлось им сказать Фироз-шаху так:

— Мы выбились из сил, но все напрасно. Она ничего не хочет знать. Воистину, к камню не прикладывают пиявки. Как было велено, так мы и поступали. Что прикажете делать дальше?

Фироз-шах, выслушав их слова, понял, что дочь не подчиняется более его власти. И он заколдовал Бакавали и велел сковать ноги этой сребротелой золотыми цепями.

Рассказ четырнадцатый

*о том, как Тадж ул-Мулук очутился в океане,
а затем нашел прибежище в диком лесу, где
изменил свой облик*

Рассказывают, что, когда Джамиля-хатун выбросила царевича из сада Бакавали, он упал в океан. Волны швыряли его то вверх, то вниз, и он, словно жемчуг, опускался на дно и вновь морской пеной всплывал на поверхность. Через несколько дней его прибило к берегу. Верно говорят, что руке гибели непросто похитить драгоценную жизнь влюбленных, а повару смерти нелегко скрутить шею птице их духа. И вот царевич все же остался жив и выбрался из воды на сушу. Он обсушился и обогрелся на солнце и, набравшись сил, встал на ноги и двинулся вперед. Это был остров, сплошь заросший деревьями. Блуждая по нему, он очутился в саду, где на деревьях вместо плодов росли человеческие головы. Это зрелище очень насмешило его. Но тут все головы попадали на землю, а через час на этих же ветвях выросли новые. Такое проявление божественной силы не только изумило царевича, но и напугало, и потому он ушел отсюда. На сей раз он забрел в гранатовый сад, где каждый гранат был величиной с кувшин. Тадж ул-Мулук сорвал

один плод, и из него вдруг появились крохотные красивые зверьки, которые вспорхнули и улетели словно птицы. И опять царевич подивился промыслу творца. Несколько дней подряд созерцал он подобные чудеса и диковины. Куда бы он ни шел, повсюду встречал новое чудо и никак не мог выбраться из колдовских пределов.

Наконец чаша его терпения переполнилась и, набрав побольше сучьев, он связал плот. Затем, вознеся молитву создателю, бросил плот в океан и поплыл. Вскоре он приплыл к берегу и, сойдя, пошел дальше, пока не вступил в страшный лес.

Вечером, чтобы уберечься от диких зверей, царевич залез на дерево. Наступила ночь. Вдруг с южной стороны послышался страшный шум. Царевич долго вглядывался в темноту, но так никого и не увидел. Наконец появился удав величиной с гору и лег под дерево, на котором сидел царевич. При виде его Тадж ул-Мулук едва не лишился чувств и, вцепившись в сук, застыл от ужаса. Через час из пасти удава выползла черная змея и, изрыгнув драгоценный камень, сияющий как солнце, улеглась рядом. Сияние, исходившее от камня, осветило все — лес, пустыни и горы — на четыре коса вокруг; отовсюду сбежались звери и птицы и стали, как безумные, плясать возле него. Наконец, они упали в изнеможении, а удав принялся пожирать их, пока не наелся досыта. Тогда змея проглотила камень и исчезла так же, как появилась.

Тут царевич преисполнился желания завладеть прекрасным камнем и стал думать, как бы это сделать. Он думал до самого рассвета, а когда рассвело, пошел на берег моря и взял там большой ком глины. Вечером он снова забрался на дерево и уселся на прежнем месте. В назначенное время появился удав и, как и в прошлый раз, выпустил изо рта змею, а она изрыгнула камень. Тут царевич, затаившись в засаде, ловко бросил на камень ком глины. Стало так темно, что не отличить одну руку от другой.

Удав со змеей забились в судорогах и сдохли. Утром царевич слез с дерева и, очистив камень от глины, засунул его за пояс и пошел дальше в надежде отыскать жилье человека. Днем он шел, меряя шагами путь, а когда наступала ночь, взбирался на дерево.

И вот однажды влез он на дерево, где жила говорящая майна. А была она мастерица рассказывать сказки

и каждую ночь рассказывала их своим детям, чтоб набрались они ума-разума. В тот вечер птенцы попросили:

— Мамочка, расскажи нам сегодня про лес, в котором мы живем.

— В нашем лесу, — начала майна, — зарыто сокровищ без числа. Есть в южной его стороне озеро. На берегу его растет большое дерево, которое зовется «лампой волшебницы». Тот, кто наденет на себя шапку из его коры, станет невидимкой. Да только не может никто этого сделать, потому что дерево охраняет огромная змея, которую не берут ни меч, ни стрела.

— Как же все-таки добыть это сокровище? — спросили птенцы.

— Если найдется смельчак, — отвечала майна, — который не побоится пойти на берег озера, змея уползет, едва завидев его. Тогда пусть нырнет он в озеро и, обратившись в ворону, взлетит на ветку, что растет с западной стороны дерева. На ней он увидит зеленые и алые плоды. Стоит ему съесть алый плод, и вернет он себе прежний облик. Если же положит на голову зеленый плод, станет неуязвим для любого оружия. Засунет его за пояс — и полетит как птица. А если приложит листья этого дерева к ране, она сейчас же затянется. Стоит же его веткой прикоснуться к железному замку, хотя бы в тысячу манов весом, он в тот же миг откroется.

Слушая удивительные рассказы майны, Тадж ул-Мулук захотел во что бы то ни стало увидеть это дерево. И когда наступило утро, отправился искать его. Вскоре достиг он озера. Змея, как и предсказывала птица, тут же скрылась. Царевич смело нырнул в воду и, став вороной, взлетел на ветвь, усыпанную плодами. Он съел алый плод и вновь принял свой настоящий облик. Затем, сорвав зеленый плод, засунул его за пояс, а из ветки сделал себе палку. Потом содрал со ствола немного коры, чтобы смастерить из нее шапку, сорвал несколько листьев и улетел прочь.

Через несколько дней царевич вышел из леса и увидел следы жилья. Подобрал с земли ветку, он острым концом распорол себе бедро, спрятал в него бриллиант змеи и приложил к ране листья. В тот же миг рана затянулась. Затем он направился к селению.

Р а с с к а з   п я т н а д ц а т ы й

*о том, как Тадж ул-Мулук пришел к водоему
и, искупавшись в нем, изменил свой вид*

Далее говорится, что по дороге Тадж ул-Мулуку встретился мраморный водоем, вокруг которого росло множество цветов. Царевич прилег в этом прекрасном месте и тотчас заснул в прохладной тени. Проснувшись, он заглянул в водоем и, увидев, что вода в нем чистая, положил под дерево шапку и палку и нырнул в воду. Когда же он вышел на берег, оказалось, что цветник и водоем исчезли, а сам он очутился в незнакомом городе. И это еще не все. Мужской облик покинул его, и он превратился в женщину. Розовые щеки, что из-за нежного пушка напоминали луга в цвету, стали гладкими, как жасмин, и появились груди, прекрасные, как сандал. Тадж ул-Мулука очень огорчило это внезапное превращение. Но что мог он поделать — ему оставалось только терпеть. Поневоле избрал он путь смирения и, стыдясь, присел в укромном месте.

В то время мимо проходил некий юноша. Видит — сидит на земле красавица с непорочным лицом. Нареки ее гурией — и не ошибешься, назови пери — и вновь будешь прав. Короче, сердце юноши не устояло перед ней, и он спросил:

— О несравненная, какая беда с тобой приключилась, что ты забрела в столь глухое место?

— Мой отец был купцом, — отвечал Тадж ул-Мулук. — Куда бы он ни отправлялся торговать, всегда брал меня с собой. Вчера наш караван остановился в этом лесу на ночлег. В полночь на нас напала шайка грабителей и похитила все товары. Отец с товарищами погибли в схватке. Разбойники скрылись, а наши слуги разбежались, спасая свою жизнь. Так я и оказалась одна в этом безлюдье. Теперь негде мне приклонить голову и нет сил, чтобы идти дальше.

— О красавица, — воскликнул юноша, — если ты согласна, я возьму тебя в свой дом и сделаю в нем хозяйкой.

Царевич, заметив в юноше огонь желания, также

воспылал к нему страстью и, согласившись, пошел за ним следом. Ему ничего не оставалось, как стать женой юноши. Приключения царевича были столь удивительны, что он то смеялся, то плакал. Шло время, и вот он забеременел и через девять месяцев родил ребенка. На сороковой день царевич отправился к водоему возле своего дома и нырнул в него. Выйдя на берег, он не увидел уже этой страны, а сам на сей раз по воле божьей превратился в эфиопа.

— Милостив Аллах! — воскликнул он. — Хоть красота и не вернулась ко мне, зато я вновь стал мужчиной.

Пока он размышлял об этом, к нему вдруг подскочила чернокожая эфиопка. Верхняя губа ее доставала до кончика носа, а нижняя висела под подбородком. Уши были до плеч, груди — по бедра, а язык не умещался во рту. Схватив царевича за пояс, она закричала:

— Ах ты, бесстыдник! Наши сыновья умирают от голода и жажды, а он третий день дома не показывается. Где ты пропадал, негодяй? Ну, ладно — что было, то прошло. Теперь придется тебе каждый день ходить в лес за дровами, чтобы купить детям еды.

Тадж ул-Мулук, устремив взор к небу, возопил:

— Господи, до каких же пор будешь ты терзать меня? Ведь я и вздохнуть не успел, вырвавшись из рук дэва, как вновь попал в ловушку несчастья.

Одним словом, эта неверная насильно втащила царевича в свой дом. Дети бросились к нему, крича:

— Папа, что ты нам принес?

Тадж ул-Мулук в ответ лишь разглядывал их лица. Тем временем эта ведьма сунула ему в руки топор и велела пойти нарубить дров. Царевич с радостью согласился. По дороге в лес, не переставая дивиться своим чудесным превращениям, он подумал: «Всякий раз, ныряя в водоем, я менял свой облик. Попробую-ка еще и погляжу, что из этого выйдет», — и, подойдя к какому-то пруду, бросился в воду. Вынырнув, он очутился в своем настоящем облике на берегу того самого водоема, где оставил шапку и палку.

Склонившись в благодарственном поклоне дому Аллаха, он твердо решил больше никогда не купаться в водоемах и даже близко не подходить ни к одному из них. Затем он взял палку, надел на голову шапку и пустился в путь.

О друзья вечности! Так и всевышний надел на голову

смертных шапку достоинства и вручив им посох чести, послал их в волшебную обитель вселенной, которая есть нива будущего мира, дабы они приготовились к загробной жизни. Вот почему человеку следует отличать розы от шипов и воду от вина, не нюхать без разбора все цветы в саду и не наполнять кувшин из всякого ручья, так как колючки в этом мире зачастую ярче роз, а вино порой схоже с водой.

О дорогой, если ты нырнешь в источник вселенной за жемчужиной мира, то несомненно потеряешь и шапку и посох.

Ведь известно, что женщины взыскуют земных радостей, а мужчины — небесных. И если случится достойному мужчине принять облик недостойной женщины, то не следует искать иного средства, кроме терпения, дабы молча погрузиться в море восхваления Аллаха. А когда человек этот выплывет, то в руках у него вновь будет посох, а на голове шапка.

Р а с с к а з ш е с т н а д ц а т ы й

о том, как Тадж ул-Мулук пришел в дом чернолицего дэва и встретил там двоюродную сестру Бакавали Рухафзу

Художник речи так рисует на странице повествования картину рассказа. Когда Тадж ул-Мулук вернул себе свой истинный облик, он решил не ходить более по земле и взлетел в воздух. Так продолжал он свой путь и вскоре увидел гору, в сравнении с которой даже гора Каф показалась бы не больше комара. На ней стоял огромный каменный дворец. Царевич опустил на землю, чтобы осмотреть его, и вошел внутрь. Он долго бродил по дворцу, но не нашел и следов его обитателей. Тогда он стал осматривать один зал за другим и в каком-то из них услышал плач. Он вошел туда и увидел красавицу, у которой кожа была такой гладкой, что взгляд скользил по ней, а ноги у глядевшего подкашивались. Она лежала на роскошном ложе и рыдала.

Царевич, сняв шапку с головы, воскликнул:

— О утешение души! Разлука с тобой — мучение для сердца тоскующего влюбленного, а отдаление от противоядия-близости — яд. Почему же ты рассталась с ним и зачем выжгла на его бедном сердце клеймо разлуки?

От столь смелых слов красавица смутилась, а от дерзких речей застеснялась. Прикрыв лицо краем покрывала, она сказала:

— Горе мне! Уж не ищешь ли ты ангела смерти? Беги скорей отсюда, иначе сейчас же погибнешь.

— Если рядом со мной друг, — отвечал Тадж ул-Мулук, — то пусть будет так, как ты пожелаешь. А врага, которым ты меня пугаешь, я не страшусь.

Зря смертью ты меня пугаешь, мне не страшно.
Отчаясь, ринд рискует жизнью бесшабашно.

Однако расскажи мне свою историю.

И эта равная красотой Зухре начала так:

— Я — пери, и зовут меня Рухафза. Музаффар-шах — властитель острова Фирдаос — мой отец. Однажды я пошла в Гулистан-и Ирам проведать дочь своего дяди, имя которой Бакавали. По дороге меня похитил чернолицый дэв и принес сюда. Теперь он добивается моей благосклонности и всякий раз терзает своими домогательствами, так что каждый новый день сулит мне новые мучения.

— А что случилось с дочерью твоего дяди? — спросил Тадж ул-Мулук.

— Она влюбилась в человека, — отвечала Рухафза, — и вскоре претерпела тысячу несчастий. А потом пришла самая большая беда — их разлучили. И теперь эта равная гурии сходит с ума, словно Маджнун, и терзает себе душу, как Ширин, страдая по своему Фархаду. Ничто не может ей заменить его. Поэтому мой дядя заточил ее в темницу, и от этого мучения ее умножились.

Это известие так взволновало царевича, что глаза его наполнились слезами, с губ слетел тяжкий вздох, сердце и разум пришли в расстройство, щеки побледнели. Рухафза, увидев, что случилось с ним, спросила:

— Что вдруг остудило твои пылкие чувства?

— Я — тот самый пленник, — промолвил в ответ царевич, — о котором тоскует дочь твоего дяди. Там ее сердце страдает от горя, здесь же мое — блуждает в скитаньях.

Короче, царевич во всем открылся Рухафзе, и она, потрясенная, тысячу раз воздала хвалу их любви, а затем сказала:

— Если я выберусь из плена, то исцелю твою сердечную рану.

— Но кто посмеет тебя задержать? — воскликнул царевич. — Ты можешь идти, куда душе угодно, прямо сейчас. А если в твоём сердце затаился страх перед дэвом, увидишь, что я с ним сделаю в одной-единственной схватке. Вот только нет у меня никакого оружия.

Тут Рухафза провела его в оружейную палату дэва, и он выбрал себе самый острый меч. Потом он дотронулся посохом из «лампы волшебницы» до цепей на нежных ногах этой несравненной, и они вмиг рассыпались. Тогда Рухафза и Тадж ул-Мулук двинулись в путь. Но не успели они далеко уйти, как позади себя услышали страшный рев.

— Берегись, — сказала Рухафза, — это кровожадный дэв.

В то же мгновение Тадж ул-Мулук, вынув из-за пазухи шапку-невидимку, надел ее на голову Рухафзы, а сам обратился лицом к врагу. Дэв же выступил ему навстречу.

— Эй, проклятый дэв! — крикнул царевич. — Стой, не то изрублю в куски!

При этих словах дэв вспыхнул как молния и, оскалив клыки, захохотал:

— Вот так чудо! Муравей вздумал сражаться со слонем, а пташка с петухом. Мне стыдно пятнать руки мушиной кровью и обрушивать кулак, способный перевернуть гору Каф, на пригоршню праха. Ладно, верни мне мою возлюбленную, а сам иди подобра-поздорову, ибо сердце мое трепещет, как мотылек, над свечой ее красоты и с каждым мгновением тает от пламени любви.

— Эй ты, слабый умом и нечистый языком! — вскричал царевич. — Не смей называть Рухафзу своей возлюбленной. Покорись воле Аллаха, иначе я отрежу тебе язык.

Дэв, услышав угрозы и бахвальство царевича, вскипел, как котел на костре ярости, и, подняв камень весом в сто манов, бросил им в Тадж ул-Мулука. Царевич взлетел высоко в воздух и так в ответ ударил дэва посохом из «лампы волшебницы», что тот задрожал всем телом. Тогда царевич в гневе крикнул:

— Пошел прочь, проклятый! На этот раз я пожалел тебя. Но если ты посмеешь снова поднять кулак, поте-ряешь руку.

Тут дэв понял, как силен его противник, кликнул клич, и со всех сторон сбежались тысячи дэвов с бычьими головами и слоновьими телами и окружили цареви-ча. Тадж ул-Мулук честно сражался и в конце концов одержал победу.

Меч победителя над миром поднялся,
Земля качнулась. Содрогнулись небеса.

Нашли все воины в сраженье смерть свою.
Пощады никому он не давал в бою.

Нечистых тысячами тысяч он косил,
Но алчный меч его: «Еще добавь!» — просил.

Схватившись с дэвами, вселил он ужас в них.
«Хвала бесстрашному!» — воскликнул сам Миррих.

Во прах поверг он их, дрожащих, без числа.
Всю землю судорога боли сотрясла.

Лилась обильно кровь из их пронзенных тел,
Словно поток кровавый с горных круч летел.

Царевич беглецам проклятья слал вдогон.
На поле бранное взирал победно он.

Однако наступая и обороняясь, Тадж ул-Мулук так устал, что без чувств упал на землю. Рухафза подбежала к нему и, приподняв его голову, положила к себе на колени, а руками, нежными как лепестки цветов, стала гладить ему грудь. Ароматом своего рта, благоуханию которого завидует бутон розы, она вдохнула в него жизнь и, сняв с себя шапку-невидимку, положила ее перед цареви-чем. Затем она тысячу раз воздала хвалу его храбро-сти, и они продолжили свой путь к городу Фирдаос.

Когда они достигли его, Рухафза провела Тадж ул-Мулука в сад, который звался, как и она, «Ободряющий дух», и пошла повидаться со своими родителями. Увидев ее, они ожили вновь. Покрыв поцелуями ее лоб и глаза, они спросили, где она была все это время. Рухафза поведала о притеснениях жестокого дэва и о храбрости, сме-лости и благородстве царевича, умолчав лишь о том, что он — возлюбленный Бакавали. Музаффар-шах, заслу-шав ее, поднялся и пошел в сад, где удостоил царевича

благодарности и вступил с ним в беседу. Затем, усадив его на новый и чистый маснад и определив к нему в услужение целую свиту пери, он вернулся во дворец.

Р а с с к а з с е м н а д ц а т ы й

о том, как Музаффар-шах написал письмо Фироз-шаху о возвращении Рухафзы и как Бакавали с матерью приехали повидать ее

Сладкоречивый рассказчик повествует следующее. Музаффар-шах послал Фироз-шаху письмо о возвращении Рухафзы. Тот очень обрадовался и приказал Джамиле-хатун немедленно отправиться к Рухафзе, чтобы поглядеть на нее своими глазами. Бакавали, узнав об отъезде матери, попросила разрешения повидаться с сестрой. Джамиле-хатун сочла это возможным. Надеюсь, что от этой поездки бутон сердца ее дочери раскроется и от путешествия по новым местам черная скорбь покинет зеркало ее души, она разбила цепи на ее ногах и вместе с ней отбыла на остров Фирдаос.

Когда Музаффар-шах услышал о прибытии Джамиле-хатун и Бакавали, то послал Рухафзу им навстречу. Рухафза поклонилась тетке и упала ей в ноги. Та прижала ее к своей груди, поцеловала в глаза и приняла на себя все ее несчастья. Затем обнялись и сестры. Отовсюду слышались благословения и приветствия. Улучив момент, Рухафза с улыбкой шепнула на ухо Бакавали: — Возблагодари Аллаха, ибо он вместе со мной послал тебе и любимого лекаря. Дозволь ему пощупать твой пульс, и он напоит тебя шербетом соединения.

Но та, страшась матери, побоялась о чем-нибудь расспрашивать. Сердце ее то радовалось, то печалилось. Затем Рухафза с почетом ввела обеих во дворец. Здесь Джамиле-хатун милостиво приветствовали Музаффар-шах и его жена Хуснара. Когда все собрались вместе, ворота беседы открылись. Наконец речь зашла об освобождении Рухафзы, и она превознесла до небес подвиг царевича.

Короче говоря, Джамиля-хатун, переночевав во дворце Музаффар-шаха, собралась на другой день домой. И тут Рухафза обратилась к ней с просьбой:

— Пусть Бакавали останется со мной на несколько дней. Может быть, чернота тоски сойдет с зеркала ее души и вместо мрака страсти в нем появится свет разума.

— Прекрасно. Какие могут быть возражения? — сказала Джамиля-хатун.

Итак, она разрешила дочери погостить неделю у сестры, а сама отправилась в Гулистан-и Ирам. Рухафза и Бакавали остались с глазу на глаз и повели речь о любви. Беседа их затянулась допоздна. Наконец Рухафза намекнула, что Тадж ул-Мулук-де сгорает от любви. Бакавали застыдилась и от смущения покрылась капельками пота. Затем, гневно нахмурившись, сказала:

— Ой, сестрица, не веселят меня такие шутки и не привлекают подобные речи. Расскажи-ка мне по секрету все, что с тобой случилось. Мне кажется, что в глубине души ты чувствуешь влечение к тому дэву. Тут кстати будет такая поговорка: не заставляй других по-своему красить руки хной. — И она продолжала: — Хватит, сестра, не болтай вздор. Клянусь пророком Сулейманом, я сейчас же покину тебя и никогда больше не войду в твой дом. К чему уподобляться мотыльку, что кружит над свечой, или соловью, приникшему к закрытому бутону? Одно дело пери, другое — человек. Все это твои выдумки.

Рухафза, видя, что сестра никак не дается в руки и ни за что не берет приманку, сказала:

— Сестрица, я ведь не говорила, что ты мечтаешь о друге или, боже упаси, тоскуешь о ком-то. Напротив, ты — свеча, влекущая к себе мотылька, и если он сгорит около тебя, что тебе до того? Если тысячи лотосов утонут в океане любви, какое дело солнцу?

Одним словом, представив все по-иному, она смирила гнев Бакавали и ввела ее в заблуждение. Затем пошла вместе с ней во дворец, где жил Тадж ул-Мулук. Тут до ушей Бакавали донесся горестный плач этого больного любовью, и она в волнении спросила:

— Что это за звуки?

— Это плачет еще одна жертва неволи, — отвечала Рухафза. — Хочешь, взгляни на нее и послушай ее голос.

Короче, обманом она ввела ее к царевичу. При виде его Бакавали выронила из рук поводья воли и растеряла сокровища терпения и сдержанности. Он также вспыхнул любовью, и, не сдержавшись, прильнул к этому источнику красоты, а Бакавали, распахнув полу стыда, обвила руками его шею. Затем оба сгоревших в огне расстаивания разрыдались и слезами свидания смыли письма печали со свитка разлуки. Рухафза же, глядя на них, с приторным изумлением воскликнула:

— Ах, сестрица, ведь ты до сих пор не знала радостей жизни и никогда не видала посторонних мужчин. Тогда отчего же так горько плачешь, прижавшись к щеке этого незнакомого юноши, и зачем губишь свою юную жизнь в печали по нем? Выходит, ты опозорила имя моего дяди и обесчестила всю семью.

— О Рухафза, — сказала Бакавали, — если уж ты приложила бальзам к ране на моей страждущей груди, то не царапай ее ногтем упрёка, и раз напоила меня шербетом свиданья, не потчуй ядом осуждения. Теперь ты до конца знаешь мою тайну, и завеса, скрывавшая ее, упала. Делай же со мной что хочешь.

Одним словом, влюбленный соловей и прекрасная роза счастливо ворковали в цветнике наслаждения и перелистывали новые страницы в книге страсти. День и ночь проводили они в объятиях и поцелуях, и каждый утолял жажду своей души кубком соединения. Но вот дни свидания подошли к концу, и час отъезда Бакавали наступил. Тадж ул-Мулук рухнул на ложе отчаяния и затрепетал, как рыба, вынутая из воды. Тогда Бакавали решила было, подняв покрывало стыда, остаться с ним, но тут Рухафза сказала:

— Берегись, о сестра, не поступай опрометчиво, не то сыщешь позор и насмешки. Потерпи еще несколько дней. Захочет Аллах, и в скором времени ты вновь встретишь своего желанного и с утра до ночи будешь поить его шербетом близости. Недолго осталось страдать в разлуке, скоро наступят дни свидания. Скрепи свое сердце, подчинись родителям, обратись с молитвой к господину нашему Аллаху, и посмотрим, что появится из-за покрова тайного и чем увенчаются мои усилия и старания.

И Бакавали волей-неволей отправилась в Гулистан-и Ирам и принялась угождать родителям.

Рассказ восемнадцатый

о том, как Рухафза рассказала своей матери о любви Тадж ул-Мулука и Бакавали и та отправилась к Джамиле-хатун с просьбой поженить тех двоих

Рассказывают, что, когда Бакавали, простившись с сестрой, уехала домой, Рухафза открыла своей матери историю этой любви. Выслушав ее рассказ, Хуснара надолго спрятала голову в воротник раздумья, а затем промолвила:

— Хотя нельзя связать пери узами брака с человеком, но он спас мою дочь от тяжелого плена, и я тоже должна освободить его из темницы горя и скорби и помочь добиться своей цели.

Сказав так, она тут же позвала художника, искусного в писании портретов, и велела ему нарисовать царевича. А затем, взяв портрет, отправилась в гости к Фироз-шаху и Джамиле-хатун. Однажды, беседуя с Джамилей-хатун, она повела разговор о том, ради чего приехала, и сказала так:

— О сестра, если готовый раскрыться прекрасный бутон прислонится к какой-нибудь ветке, ни тот, ни другая не заметят, сидит на ней соловей или нет. Разумно ли это — вынуть из ожерелья одну сверкающую жемчужину и хранить ее отдельно от всех других? До каких пор будешь ты держать Бакавали в девушках? Не лучше ли соединить эту прекрасную, как Зухра, с каким-нибудь луноликим и дать бутону друга?

— О Хуснара, — сказала Джамиле-хатун, — ты, верно, слышала, что она отдала свое сердце человеку и душа ее полна страсти к нему. Она не желает слышать о своих соплеменниках и день и ночь горюет по чужаку. Я не знаю, что мне делать. Как можно презреть обычаи предков и нарушить древние установления в угоду этой бесстыднице? Разве кто-либо из нашего племени избирал чужого, как должна избрать я, и разве приходилось ему соединять человека с пери, как вынуждена сделать я?

— Ты права, — сказала Хуснара. — Бесспорно, мы по справедливости отделены от недостойного нас общества.

Но если бы ты знала о совершенствах человека, то никогда бы не таила в сердце дурных мыслей о нем. Слушай, о неразумная!

Человек — преемник бога, нет конца его деяньям. Из всех божьих созданий он — благороднейшее и умнейшее, беспредельны его достоинства и разнообразны качества. Он — и крокодил, плывущий по реке, и капля, воплотившая в себе всю реку. Волею Аллаха в нем соединяется все: и брэнная оболочка, и небесный дух. Он и царь и раб.

Он противоречив, в чертах его лица
Тень бога залегла и образ жив творца.

Известно, что суфии полагают всякое существо, в котором обитает душа, проявлением какого-нибудь имени или свойства божества, а видимый мир, воспринимаемый чувствами и внутренним чутьем, лишь тенью того мира. Каждая одинокая пылинка, говорят они, всего лишь воплощение сияния вселенной, и каждая капля воды — отражение вечности.

Для глаз внимательных зеленый лист древесный —
Страница книжная премудрости небесной.

В этом мире, где все и вся живет в согласии и расприях, только человек хранит в себе имена и свойства бога, и именно ему достался безбрежный океан его величия.

О Джамиле-хатун, он — корень всего, мы же существуем благодаря ему. Он — господин, а мы — слуги. Он — потомок славы, более достойный, чем мы. Прими же решение соединиться с ним и постарайся свести слугу с хозяином.

Одним словом, она так высоко восславила человека и превознесла его достоинства, что пламя гнева Джамиле-хатун угасло, и она сказала:

— Хорошо. Но только и не заикайся о том негодном и неверном, ибо сама никогда не отдашь за него свою дочь и ни за что не возьмешь себе в зятя такого обманщика.

Тогда Хуснара показала Джамиле-хатун портрет Тадж ул-Мулука и промолвила:

— Это портрет царевича из восточной страны. Смотри, калам судьбы еще не рисовал подобных черт на

странице мира и не создавал такого прекрасного облика на листе вселенной. Соедини этот жасмин из сада любви с той розой красоты и отдай Зухру с небес очарованья в объятия звезды в созвездии добродетели.

Видя, что ничего уже не поделаешь, Джамиля-хатун согласилась и спросила:

— Сестра, где же его найти и как привести сюда?

— Наберись терпения, — сказала Хуснара, — и готовься к свадьбе. Я приведу его в назначенный день, окруженного свадебной свитой.

Тут она простилась с Джамилей-хатун и в мгновение ока вернулась на остров Фирдаос, где рассказала царевичу все как было и вселила в него надежду на скорую встречу.

Р а с с к а з   д е в я т н а д ц а т ы й

о свадьбе Тадж ул-Мулука и Бакавали

Садовник так повествует о соединении розы Гулистана и соловья. Джамиля-хатун рассказала Фироз-шаху о своем разговоре с Хуснарой и показала портрет царевича. Он же повелел лилейноликой пери отнести его Бакавали и передать ей такие слова:

«Это портрет царевича из восточной страны. Поистине, нигде в наше время не найдешь такого красивого юноши. Ты, обезумев от страсти к человеку и погубив свою чистую душу из-за нечистого смертного, желаешь, чтобы я поженил тебя с ним. По моему разумению, этот человек и среди людей хуже других, но ведь и между пери есть слабые умом».

Взяв портрет, обрадованная пери поспешила к царевне и сказала, что было велено. Эта блистающая изяществом внимательным взором взгляделась в портрет и увидела, что он в точности сходится с обликом, запечатленным на странице ее сердца, — ни в единой черточке нет и на волосок разницы. Тогда она догадалась: «Это чудо, исполнившее мое желание, — дело рук сестры Рухафзы. Поистине, плутовка верна своему слову». И улыбувшись, Бакавали сказала лилейноликой пери:

— Смотри-ка, клянусь головой, это портрет того самого человека, в тоске-осени по которому завяла моя нераспустившаяся роза и поблек едва появившийся бутон.

Та, взглядевшись в портрет, даже подпрыгнула от радости и ответила:

— Да, царевна. Это без сомнения портрет Тадж ул-Мулука. Возьмите его и теперь можете радоваться и веселиться. Аллах услышал вашу молитву.

Потом она вернулась к падишаху и обратилась к нему с такой речью:

— О господин! Дети, послушные отцу и матери, видят свой долг в том, чтобы не перечить воле родителей и всегда предпочитать их удовольствие своему. Даже если им понравится дэв, дочь будет считать его райским отроком, и если они предложат ей чернокожего, он станет для нее месяцем Ханаана.

Фироз-шах остался весьма доволен ее словами и повелел готовиться к свадьбе. Все лавки острова Ирам украсили новыми узорами, и в домах разостлали новые ковры. Все от мала до велика пели и танцевали. Повсюду говорили только о свадьбе. Во все стороны были разосланы приглашения, и толпы пери наводнили город. Наконец начался пир. Полилось вино, подали изысканное угощение.

Сам падишах исполнял долг гостеприимства и каждого удостоил милостями согласно его положению. Он не давал лениться слугам, назначенным для угождения гостям. Итак, начало было положено хорошее.

В это время падишах Фирдаоса Музаффар-шах тоже готовился к свадьбе Тадж ул-Мулука. Он раздал угощение народу, а затем в назначенный день повелел, чтобы все везиры и амиры надели новые дорогие одежды и приказали сардарам и простым воинам нарядиться. А во дворце Хуснара одела как подобает своих приближенных и служанок и сама облачилась в новое платье и драгоценные украшения.

Затем, дождавшись благоприятного часа, царевича усадили на усыпанный самоцветами трон и стали обрядить. Конец тюрдана выпустили наружу и венец, спереди жемчужный, а сзади златотканый, соединили с гирляндой из цветов. Потом украсили тюрдан бархатом и скрепили золотыми застежками, убрали золотом, серебром

и узорчатым камнем и, наконец, увенчали султаном из перьев.

Шею царевичу обвили жемчужным ожерельем, на пальцы нанизали девять драгоценных перстней и посадили на прекрасного коня в богатой сбруе.

Затем Музаффар-шах и другие падишахи отвели царевичу место в середине процессии. Справа и слева шли амиры и сардары, впереди двигались слоны, шахский панланкин, верховые верблюды, отряды пеших воинов, музыканты, оруженосцы, копейщики, лучники и всадники. В небо взлетали потешные огни и бумажные цветы. И в довершение, в самом конце несли носилки для женщин. Весь этот свадебный поезд держал путь на остров Ирам, где тем временем прислужницы одевали Бакавали.

Так убрана она была стараньем слуг,
Что райской гурией казалась всем вокруг.

А форма гребня столь изысканна была,
Что удержать душа восторга не могла.

В цепь локоны ее сплелись над головой.
В них мускус с камфарой смешали запах свой.

Как финиковых пальм смола — чиста коса.
Смертельна для людей, увы, ее краса.

Жемчужины ее осыпали пробор —
И побледнел на небе Млечный Путь с тех пор.

Украсил блещущий узор ее чело —
И лунный лик сверканьем звездным обожгло.

Искусно тика ей на лоб нанесена —
И в сердце, как клеймом, ужалена луна.

Как солнце лик ее над празднеством взошел.
А диадема вокруг него — как ореол.

Изогнут грозно острый меч ее бровей.
Скажи: «Судьбу она смирит рукой своей».

Так серьги хрупкие в ушах ее дрожат,
Что дрожь пронзила ожерелие Плеяд.

А зубы черным порошком натерты так,
Что блещут звездами сквозь непроглядный мрак.

Сквозь мисси рдеет пан, окрасивший уста,—
Так пламени сквозь дым мерцает краснота.

На подбородке мушку сажай навела
И зависть в цветнике тотчас же разожгла.

Из-за обвивших шею ей жемчужных бус
Большой Медведицей потерян к жизни вкус.

Алмазы чистые горят в ее перстнях.
Сияют золотом браслеты на ногах.

Тех драгоценностей она на торжество
Надела множество — не перечсть всего.

Разбойник — выкрасившая ладони хна.
Ворует сердце у влюбленного она.

Красив на диво ослепительный дворец.
Он стал обителью украденных сердец.

В глазу — прожилок сеть, но сеть любви прочней.
Вино очей ее — напитков всех пьяней.

Нетронутая плоть, как серебро, светла,
А кожа тонкая прозрачна и бела.

Все скажут, что она сравнится белизной
С плывущей в сумерки по небесам луной.

О дивной прелести ее и красоте
Я б рассказал, но где слова найдутся те?

Чаруя красотой, она лишала сил,
Взглянувший на нее, как изваянье, стыл.

Короче говоря, когда свадебная процессия подошла к Ираму, Фироз-шах выслал навстречу самых именитых вельмож. Те с великим почетом и уважением ввели прибывших в собрание радости и удовольствия и усадили с должной учтивостью и гостеприимством. Затем стали пускать потешные огни и разбрасывать бумажные цветы. Джамиля-хатун сердечно приняла Хуснару и оказала сватье всяческое внимание. Словом, веселье затянулось до исхода ночи. А утром прекрасную жемчужину обручили с бесценным лалом и отовсюду понеслись благословения и приветствия. Затем новобрачных напоили шербетом и надели на них гирлянды из цветов и золотых нитей. Раздали кардамон и масляные орехи для бетеля и склянки с благовониями. После этого жениха пригласили войти во дворец, а невесту привели и посадили рядом с ним на шахский маснад.

Наконец, разбросав сладости и пропев заклинания,

позволили жениху и невесте взглянуть друг на друга и вывели жениха из дворца. Потом на руках вынесли к нему невесту и стали показывать приданое. Тем временем Фироз-шах повелел убрать со всей пышностью роскошные покои недалеко от дворца, чтобы дочь и зять могли провести в них ночь.

Когда жених получил приданое, свадебный поезд двинулся в путь. Жених на руках донес невесту до паланкина, а сам воссел на прекрасного коня. Все — и малые и великие — заняли положенные им в свите места, и вот, как и прежде, впереди — шахский паланкин, за ним верховые верблюды, пехота и конница без числа, барабанщики, музыканты и распорядители, осыпаящие золотыми и серебряными цветами паланкин невесты, — проследовали до тех покоев. Потом свита разошлась, и носильщики опустили паланкин невесты на землю. Жених взял невесту на руки, усадил ее на маснад и накормил сладким рисом.

Благословение богу, день прошел, и вот наступила ночь. Стало тихо, и занавеси опустились. Жених и невеста зашли за полог и вкусили наслаждение.

Туда, где предстоит друг к другу им припасть,
Они идут, храня любовный пыл и страсть.

Не в силах мотылек на свечку лишь взглянуть
И к пламени ее тотчас же не прильнуть.

Не станет розы опасаться соловей.
Он к ней приникнет, как к возлюбленной своей.

Едва лишь в зеркало заглянет попугай,
Тотчас попросит: «Не безмолвствуй! Отвечай!»

Та роза, что к себе царевича влекла,
И без шипов, и без садовника была.

Он целовал ее, в объятья заключив,
Но, страсть смиряя, был, как прежде, терпелив.

Дрожанье листьев-губ в нем возбудило пыл,
И нежный персик подбородка сладок был.

Прильнув к щеке прозрачно-розовой ее,
Он это сладостное пригубил питье.

Так молодая грудь упруга и крепка,
Что словно двух мячей касается рука.

Но только что рукой дотронулся до них,
Всю сдержанность свою отбросил в тот же миг.

Алмаз жемчужины коснулся наконец,
И наслаждение проникло в глубь сердец.

Когда они насытились друг другом и обессилели, каждый положил белую, как серебро, руку под голову другого и, прильнув щека к щеке, они отдались сну.

Настало утро, и прокричал петух. Царевич, поднявшись, направился в баню, а Рухафза вошла в этот дом наслаждений и увидела Бакавали. Та, утомленная ночным бдением, беспечно спала. Волосы разметались, гирлянды порвались. На губах не осталось и следа румян. Краска под глазами размазалась. На щеках следы зубов, а на груди — пальцев. Узрев сестру в таком виде, Рухафза, не удержавшись, разбудила ее и сказала со смехом:

— Эй, сестрица, однажды ты пеняла мне, что я-де изучила науку наложниц в медресе объятий неверного дэва. Глядя на тебя, я поняла, что этой ночью в школе объятий друга ты прилежно прочла книгу желаний и стала великим ученым. Ты долго склоняла существительное притворства и сопрягала глаголы наслаждения с алифом соединения. Хорошо усвоив значение субъекта и подчинение ему объекта, ты нарушила свое затворничество. Мало того, в вашем уединении ты правильно расставила слова в предложении близости и, прояснив все темные места, добилась желаемого. Ты преуспела в правилах сложения и разъединения и узнала, как провести перпендикуляр к основанию треугольника.

Бакавали улыбнулась этим словам и ответила так:

— Дорогая сестра, у тебя, видно, потекли слюнки? Своими намеками ты, несомненно, хотела сказать следующее: «Я всецело разделяю твои желания. Положи-ка свой картон для письма перед этим влюбленным, чтобы проверить скорость и твердость его калама и узнать, каким образом он подбирает слова и превращает розы в цветочный узор».

И обе весело рассмеялись. А вскоре Рухафза вместе со своими родителями отправилась домой, а Тадж ул-Мулук переселился во дворец Фироз-шаха.

Р а с с к а з   д в а д ц а т ы й

о том, как Тадж ул-Мулук и Бакавали простились с Фироз-шахом и Джамилей-хатун

В один прекрасный день Тадж ул-Мулук, посоветовавшись с Бакавали, попросил у Фироз-шаха и Джамилей-хатун разрешения уехать домой. Они сказали: «Очень хорошо», — и одарили их тысячами луноликих невольников и сотнями прекрасных невольниц. А кроме приданого невесты, дали еще столько денег, товаров и всего необходимого на дорогу, что не хватило бы и книги описать все это, и посему я умерил скорость калама.

Короче, царевич и Бакавали с великой пышностью и торжественностью прибыли в свою страну. Дильбар и Махмуда воспряли духом. Почва их надежд, страдавшая от засухи, покрылась всходами. Они обрадовались появлению Тадж ул-Мулука, как радуется большой приезде врача, подобного Мессии. Но, увидев Бакавали, ее красоту и богатство, они застыли в изумлении и окаменели от горя. Тогда пери дотронулась до них розой и ласково сказала:

— Не тревожьтесь, вам нечего бояться. Я не стану препятствовать вашему счастью, более того — предпочту ваши удовольствия своей радости.

Таким образом, всегда и во всем жили они согласно, словно молоко с сахаром, и не ведали ревности, обычной среди жен. И в этом цветнике царевич благоденствовал, наслаждаясь всеми радостями жизни.

Р а с с к а з   д в а д ц а т ь   п е р в ы й

о том, как Бакавали, явившись ко двору раджи Индры, пела и танцевала перед ним и как постигла Тадж ул-Мулука и ее разлука

Книги индусов гласят, что есть город по имени Амарнагар. Жители его бессмертны, и правит ими раджа Ин-

дра. Одно у него занятие — день и ночь предаваться удовольствиям в обществе пери, и одна пища — танец и песня. Ему подвластен мир джиннов. Все пери собираются у него при дворе и ночь напролет поют и пляшут. И вот однажды ночью раджа Индра спросил:

— Давно не появлялась в нашем собрании Бакавали, дочь Фироз-шаха. В чем причина этого и что мешает ей приходить сюда?

— Она попала в сети любви к одному человеку, — ответили ему, — опьяненная этой страстью, она сетует и рыдает, словно влюбленный соловей. И к своим, и к чужим она питает отвращение; и проводит все время в его обществе, пьет с ним шербет близости и живет его дыханием.

Узнав эту новость, раджа разгневался, пламя ярости вспыхнуло в нем. Он подозвал к себе нескольких пери и повелел, чтобы они немедленно доставили к нему Бакавали. На летающем троне пери в тот же миг оказались в саду Тадж ул-Мулука и, разбудив Бакавали, поведали ей о недовольстве раджи. Пришлось той отправиться в Амарнагар. Там, трепеща, предстала она перед раджей, отвесила ему низкий поклон и, покорно сложив руки, застыла в отдалении. Махараджа пронзил ее гневным взором и обрушил на нее поток брани. Наконец он приказал:

— Бросьте ее в огонь, чтоб не осталось в ней человеческого духа и была бы она достойна нашего общества.

Пери схватили эту белую розу из сада изящества и жасмин из цветника нежности и бросили в очаг. И она сгорела дотла.

О том, что милого дотла огонь спалил,
Не плачь: его в саду увидишь, как Халил.

Затем, прочтя мантру, пери полили пепел водой, и в тот же миг она воскресла и, вновь обретя жизнь, стала танцевать перед гостями. Сделала шаг — и растоптала их сердца, повела рукой — и лишила сил. Одним словом, показала свое умение танцевать и очаровала все собрание. Отовсюду слышались слова восхищения и восторженные крики, а Бакавали поклонилась и покинула дворец раджи.

Сев на летающий трон, она перенеслась в свой сад и,

искупавшись в бассейне с розовой водой, уснула в объятиях царевича. А утром как ни в чем не бывало встала и нарядилась. Слуги и прислужницы, как всегда, хлопотали по дому, всяк занимаясь своим делом.

Короче, каждую ночь эта соперница луны отправлялась в Амарнагар. Там, очистившись огнем, она пела и танцевала перед раджей. Когда же ночь подходила к концу, она возвращалась домой и, омывшись в розовом пруду, сливалась в объятиях с этим океаном красоты и охлаждала жар своей души.

Огня палящего не так ужасна мука
Для слабой пери, как с возлюбленным разлука.

И сколько бы костров ей ни терзали тело,
Ни разу жалобы с губ нежных не слетело.

Ночь каждую в огне была готова сгинуть,
Чтобы влюбленного навеки не покинуть.

Кто сердце сжечь решил, чтоб получить свободу,
Держать не станет рядом с жертвенником воду.

Из всякого огня мы выйдем невредимы,
Лишь пламя злобное разлук невыносимо.

Так светлоликая вкушала наслажденье.
Спросите у нее, сколь сладостно горенье.

Но царевич ничего не знал обо всем этом. Однажды Бакавали, как обычно, отправилась в Амарнагар. Царевич же, проснувшись среди ночи, не увидел ее на постели. Он обыскал каждый уголок дворца и сада, но не нашел и следа своей пери. Утомившись, он вернулся в покои и до тех пор всматривался в даль, надеясь отыскать взглядом эту более прекрасную, чем китайский кумир, что глаза его едва не окаменели. Наконец он заснул. Бакавали же, вернувшись на рассвете, легла рядом с ним. Утром Тадж ул-Мулук увидел, что она спит на своем месте, и очень удивился. Но не проронил ни слова и ничем не обнаружил своей тайны. Однако чтобы выяснить все до конца, он на следующую ночь разрезал себе палец и посыпал рану солью, чтобы, не дай бог, не заснуть и не оставить загадку нераскрытой. Короче, пробило полночь, и в покои спустился трон. Бакавали поднялась с ложа и стала наряжаться. Царевич тем временем примостился на ступеньке трона. Наконец Бакавали села, и трон поднялся в воздух. Тадж ул-Мулук

висел, уцепившись за ступеньку, и летел так высоко над землей, что внизу ничего не было видно. Вскоре трон опустился у дворца раджи Индры. Бакавали ступила на землю, а царевич, оказавшись в одиночестве, положился всецело на милость всевышнего.

Куда бы ни обратил он свой взгляд, повсюду толпились пери, и со всех сторон лились звуки мелодий и песен, подобных которым он не слышал никогда в жизни. Одним словом, Тадж ул-Мулук повидал и услышал такое, чего нигде прежде не видел и не слышал, и от изумления был не в силах пошевелиться. Тем временем к Бакавали подбежали несколько пери, подхватили ее и, бросив в очаг, сожгли дотла. При виде этого несчастья царевич забыл обо всем и, колотя себя кулаками по голове, сказал себе так:

«Увы, я бессилён. Что могу сделать я, пылавший подобно мотыльку возле этой светлоликой и сгоревшей без остатка, дабы соединиться с ней? Нет сил и мужества, чтоб звать на помощь, и не у кого искать правды».

Так он терзал себе душу упреками, как вдруг одна из пери принесла воды и, прочитав мантру, полила ею пепел Бакавали. В тот же миг та ожила и вошла во дворец раджи. Царевич последовал за ней. Кругом царила тьма, никто никого не узнавал и не спрашивал, кто он и как здесь очутился.

Случилось так, что барабанщик Бакавали вдруг занемог и стал играть невпопад. Во время танца она то и дело останавливалась и недовольно хмурила брови. Тогда царевич не сдержался и, наклонившись к музыканту, сказал:

— Если желаешь, я мог бы немного поиграть вместо тебя — ведь я искусен в этом деле.

Тот с радостью согласился и передал ему барабан. Царевич, зная толк в игре и к тому же будучи пленником в сетях любви, заиграл так, что Бакавали смогла показать все свое искусство. Отовсюду послышались возгласы восхищения, а раджа был так доволен, что, сняв с шеи ожерелье ценой в девять лакхов, подарил его Бакавали. Когда же она, танцуя, отступила назад, он передал точь-в-точь такой же дар барабанщику. После этого музыка смолкла и веселье окончилось.

Царевич вернулся в свой сад прежним путем и, пока Бакавали купалась в водоеме с розовой водой, прошел

в опочивальню и лег спать. Однако утром, проснувшись, он рассмеялся. Пери спросила, чему это он смеется без причины.

— Ночью я видел такой удивительный сон, — отвечал он, — что до сих пор меня разбирает смех.

— Бог все делает к лучшему, — сказала она. — Но поведай мне, что же тебе приснилось.

— Я видел во сне, будто в полночь ты встала и, не сказавшись, куда-то ушла, — ответил царевич.

Услышав это, Бакавали испугалась: «Неужто он открыл мою тайну и каким-то образом побывал во дворце Индры вместе со мной?»

Решив это разузнать, она спросила:

— Что же еще ты видел?

— Будто этой ночью пошел я за тобой следом, — продолжал царевич, — тут прилетели пери и принесли трон дивной красоты, ты села на него, а я ухватился за ступеньку. Вот и все. Дальше и рассказывать не стану, потому что в снах нет никакого смысла — снам да мечтам верить нельзя.

— Клянусь головой, ты скажешь все что видел, — воскликнула Бакавали.

Одним словом, понуждая царевича клятвами, она пыталась его до тех пор, пока с отговорками и заминками он не поведал ей все до конца и не вынул из-под подушки ожерелье, подарок раджи Индры. Тогда пери поникла головой и окаменела от горя, а затем промолвила:

— О царевич, что ты наделал? Ты сам себе стал врагом. Сколько натерпелась я из-за тебя от родителей и от кого только не слушала упреков?! И поныне каждую ночь я горю в огне, но не оставляю тебя и не отступлюсь от любви к тебе. Ты своими глазами видел это, и нет нужды тебе об этом рассказывать. Если бы волей Аллаха ты не последовал за мной во дворец, а томился бы дома в разлуке, было бы куда лучше, ибо отныне ждет нас дурной конец. Теперь же я пребываю в растерянности. Не взять тебя с собой я уже не могу, а если возьму, то где спрячу? Ладно, что судьбой суждено, того не избежать. Попробую же попытаться счастья. Идем со мной, и пусть будет так, как пожелает всевышний.

Словом, в положенное время она явилась вместе с Тадж ул-Мулуком в Амарнагар и, воздав радже должные почести, обратилась к нему с просьбой:

— Сегодня я привела с собой искуснейшего барабанщика. Сблаговолите приказать ему войти сюда и сыграть.

— Очень хорошо. Мы весьма довольны, — сказал раджа.

Итак, царевич стал играть, а эта красавица — танцевать. В конце концов гости едва не лишились рассудка от восторга, а раджа, не помня себя от упоения, возгласил:

— Проси чего хочешь. Тебе не будет отказа.

Услышав это, Бакавали пала ниц и промолвила:

— По милости махараджи у его рабыни ни в чем нет недостатка, а в сердце не осталось желаний. Подарите мне этого барабанщика — вот и вся моя просьба.

При этих словах раджа пришел в ярость и, метнув гневный взгляд на царевича, закричал:

— Эй, сын человека, ты жаждешь эту красавицу, а она — тебя. Очень хорошо. Ты уже отведал ее и успел насладиться. Но теперь ты возжелал и вовсе отобрать у нас несравненную среди пери, дабы вкушать блаженство в ее объятиях. Но это тебе не удастся.

Затем, обратившись к Бакавали, он сказал:

— Эй, бессовестная, что мне сделать с тобой? Теперь я знаю о тебе все. Что ж, я дарю его тебе. Но на двенадцать лет половина твоего тела станет каменной.

И как только с уст жестокосердного раджи слетела эта речь, суровая кара постигла среброликую пери, и она исчезла.

Увы, в этом мире по воле творца
Страданье и счастье суть два близнеца.

В наш сад только гостьей приходит весна,
К концу в нем господствует осень одна.

Пусть голову шахский украсил убор,
А ноги попрали несчастья ковер.

Но видишь, как сердце палимо огнем
И кровь запеклась, как на розе, на нем.

Едва только радости призрак исчез,
Уже мы наказаны гневом небес.

Рассказ двадцать второй

о том, как Тадж ул-Мулук попал на Сарандип и встретился с Бакавали, и о том, как в него влюбилась Читрават, дочь раджи

Рассказывают, что Бакавали, заклятым раджи Индры став каменной, исчезла, а царевич в отчаянии заметался как ртуть. Тут пери подняли его в воздух, а затем бросили вниз, и он упал в дикий лес. Три дня он лежал без чувств, а когда на четвертый день пришел в себя, то вместо возлюбленной руки его обнимали колючий кустарник. И он побрел по лесу, не разбирая дороги, и горестными криками призывал на помощь, и каждое дерево вопрошал о Бакавали.

И вот однажды пришел он к мраморному водоему. Со всех четырех сторон его в воду спускались прекрасные белоснежные лестницы, и вокруг росли деревья, усыпанные плодами. Царевич выкупался, а затем прилег под тенистым деревом и вскоре уснул с мечтами о любимой. Тем временем к водоему прилетели несколько пери, которые знали о беде Тадж ул-Мулука. Они искупались и стали расчесывать волосы. Тут взгляд одной из них упал на царевича, и она сказала подругам:

— Это барабанщик Бакавали.

Как только ее голос достиг ушей Тадж ул-Мулука, он открыл глаза, источавшие кровавые слезы, и спросил:

— Знаете ли вы, где теперь Бакавали?

При виде его горя их сердца наполнились жалостью.

— Сами мы ее не видели, — отвечали пери, — но слышали, что она томится в храме идола на острове Сарандип, а тело ее ниже пупа превратилось в камень. Днем дверь этого храма заперта, а с первой ночной стражи и до утра — открыта.

— В какой это стороне и как долго туда идти? — спросил царевич.

— Путь на Сарандип очень труден, — ответили они. — Человек может идти туда всю жизнь и не дойти.

Тадж ул-Мулук, услышав это, пришел в отчаяние и, не дорожа больше жизнью, стал биться головой о камни. Пери, сжалившись над ним, решили между собой: «Надо

доставить туда этого несчастного. Вперед! Что суждено ему судьбой, то и будет».

И в тот же миг они взлетели вместе с ним и сразу оказались на Сарандипе. Здесь этот отчаявшийся пришел в чувство. Что же он увидел? Стоит на земле дивный город, прекрасный как рай, и даже предместья его изобилуют невиданными чудесами. В нем нет некрасивых мужчин или женщин. Более того, даже деревья там так стройны, что, глядя на них, человек теряется от изумления. Прохаживаясь по городу, царевич подошел к базарной площади. Здесь ему встретился один брахман.

— Святой человек, в каком храме ты служишь? — спросил царевич.

— Я — жрец в храме Читрасена, повелителя этой страны, — отвечал брахман.

— А много ли в городе знаменитых капищ? — спросил тогда Тадж ул-Мулук.

Брахман рассказал о них, а потом прибавил:

— Недавно к югу от города, на берегу реки появился новый храм. Целый день его ворота заперты, и никто не знает, что в нем.

Услышав эти слова, царевич обрадовался и, придя на то место, сел у ворот. Когда миновала первая ночная стража, ворота вдруг открылись. Тадж ул-Мулук вошел в храм и увидел Бакавали, которая, окаменев наполовину, сидела возле стены. При виде его она в удивлении спросила:

— Как ты сюда попал?

Он стал рассказывать ей обо всем, и так они беседовали ночь напролет. Но вот приблизилось утро, и Бакавали сказала царевичу:

— Теперь уходи отсюда. Не то, едва рассветет, ты станешь таким же, как я.

Затем она вытащила из уха жемчужную серьгу и дала ее царевичу, чтобы он, продав ее, поправил бы свое состояние и приобрел средства на жизнь. Тадж ул-Мулук пошел в город и продал жемчужину за несколько тысяч рупий, купил каменный дом, а также всю необходимую утварь и нанял несколько прислужников. Когда наступала ночь, он шел к Бакавали, а утром возвращался домой.

Так прошло некоторое время. Многие горожане по соседству стали приятелями царевича. Они часто водили его смотреть город. Однажды во время такой прогулки

Тадж ул-Мулук увидел толпу обнаженных людей, лица которых были изнурены страданиями.

— Эти люди, хотя и не носят одежд, подобно факирам, всем своим видом походят на амиров. В чем же тут дело? — спросил царевич.

— Одни из них — сыновья шахов, — отвечали ему, — а другие — дети амиров. Но все, сгорев в пламени любви и страсти, стали мишенью для стрел разлуки. История же их такова. У раджи Читрасена есть красавица дочь, сверкающая звезда на небосводе красоты. Равной ей нет в нашей стране.

Походка гордая изящества полна.
Глаза — вместилища пьянящего вина.

Сто тысяч глаз ее бровями пронзено.
Силками локонов не меньше пленено.

Чернеют кудри так на белой коже лба,
Что околдована их тьмой сама судьба.

В глубинах глаз ее с амритой смешан яд.
Они приносят смерть и пламенем палат.

Короче говоря, эта несравненная разит и огнепоклонников, и мусульман. Но есть и еще две красавицы, столь же безжалостные и жестокосердные: одна — дочь продавца бетеля, зовущаяся Нирмалой, а другая — дочь садовника, нареченная Чапалой. Они неразлучны — не отходят друг от друга ни на шаг: вместе просыпаются и засыпают, вместе едят и пьют, и каждая свободна избрать себе мужа. Кто им понравится, того и одарят милостью. Сама же красавица своевольна и своенравна, и доньше никто не удостоился ее приветливого взгляда, и ни на ком не остановила она глаз.

Царевич все это выслушал и не проронил ни слова. Но однажды сей странник в пустыне любви оказался у дворца той, что была подобна гурии. Люди вокруг любовались ее нежными ланитами, словно соловей — розой, и, будто зачарованные, шепотом переговаривались между собой, а красавица сидела и смотрела на них из окна. Но вот она увидела царевича, и стрела любви пронзила ее сердце. Поводья сдержанности и терпения выпали из рук, вор похитил разум и чувства, и она упала без памяти. Прибежали Нирмала с Чапалой, подняли ее, плеснули в лицо розовой водой и дали понюхать муску-

са. Только тогда она пришла в себя. Но сколько они ни расспрашивали ее о причине внезапного недуга, она ничего не отвечала, а лицо по-прежнему хранило выражение изумления. Тогда Нирмала, украдкой выглянув в окно, увидела царевича-и сказала так:

— О рани, твоя тревога свела нас с ума, а печаль вырвала из рук полу терпения. Почему ты так взволнована и из-за чего страдаешь? Ведь отец разрешил тебе самой выбрать жениха. Кого ты полюбишь, тот и станет твоим мужем. Наберись терпения, и я сведу тебя с юношей на черно-белом коне, при виде которого ты трепещешь. Даже если он ангел, ему не вырваться из твоих тенет и никому не освободить его. Я поставлю на него такой силок, что он не сможет и пошевелиться.

Чапала тут же послала сваху разузнать о юноше поподробнее. Та явилась к царевичу с шутками и прибаутками, схватила его коня за поводья и повела такую речь:

— Ты, верно, не знаешь, что в этом городе чужеземцам грозит гибель, а влюбленных принято отправлять на виселицу. Здешние красавицы шутя ловят самых осторожных павлинов в силки своих локонов и одним кокетливым взглядом повергают их в прах. Однако ты смело и бесстрашно ходишь повсюду и даже имеешь дерзость смотреть на царский дворец. Откуда ж залетела сюда эта искра огня, что растапливает сердца светлоликих и превращает в воск души жестокосердных, и где она обитает? Поведай же мне о своих родных и о своей родине.

Выслушав это, Тадж ул-Мулук догадался, что ее к нему подослали, и ответил так:

— Эй, распутница, не бреди долгими речами рану моего сердца. Иди и немедля приложи бальзам к ожогам своей болящей. Слушай же! Моя родина светлее, чем восход солнца, а имя мое — Корона царей. Открой мне, чья ты посланница. А затем пойди к ней и скажи, что я не стремлюсь отведать любовных страданий и не хочу обезуметь от страсти.

Того не трогай, в чьей душе живет покой,
А тех, кто мечется, лишь помани рукой.

Сваху поняла, что его родина — восточная страна, а имя — Тадж ул-Мулук, что он высокого происхождения и уважаемого рода. Короче, выяснив все, она пошла и рассказала об этом Читрават. Царевич же, каждый

день меняя наряд, стал появляться у царевны под окном. От разлуки с ним Читрават таяла, как луна после полнолуния. Несколько дней скрывала царевна эту тайну. Но наконец открылась родителям. Тогда раджа призвал сваху, весьма умелую и опытную, и послал ее к царевичу, дабы сообщить ему родословную девушки и всеми способами склонить его сердце к женитьбе.

Короче говоря, та передала царевичу послание Читрасена и рассказала о красоте розоволикой. Он выслушал все до конца и ответил:

— Передай радже вслед за приветствиями и поклонами, что рассчитывать на постоянство того, кто, покинув своих и чужих, променял одеяние шаха и корону шахиншаха на горечь странствий в рубище нищеты, все равно что писать по воде или завязывать воздух узлом.

Сказав так, он отпустил ее. Сваха отправилась прямо к радже и доложила ему об отказе Тадж ул-Мулука. Читрасен, удивленный таким высокомерием, обратился за советом к своему везиру. Тот сказал:

— Если повелитель хочет, чтобы какой-то бездомный нищий покорился ему, разве это трудное дело? Вот увидите, как я с ним расправлюсь.

Одним словом, этот злодей похвастался, что он ложно обвинит царевича в краже и как преступника задержит его в городе, чем и исполнит желание раджи.

Несомненно, что тот, кто хочет быть истинно мудрым, не станет добиваться желаемого кознями да плутнями. О дорогой, всевышний отделил душу от тела, поэтому поступок, якобы совершенный телом, на самом деле принадлежит душе. Одним словом, дух чинит козни в этом мире согласия и распрей. Но не считай, что, скрытые под покровом таинственного, эти козни перестали быть злом, ибо там-де нет места для подлости.

Короче, скоро Тадж ул-Мулук истратил все деньги, что он выручил за жемчужину Бакавали. Тут он вспомнил о драгоценном камне змеи, спрятанном у него в бедре. Он призвал костоправа, тот разрезал ему бедро и, вынув камень, приложил к ране бальзам. Оправившись от болезни, царевич отнес камень на базар. Ювелир при виде бриллианта пришел в изумление и поспешил донести тому советнику:

— Один человек принес продавать такой камень, какого мы никогда в жизни не видели, и никто, кроме падишаха, не сможет дать за него должную цену.

Советник послал вместе с ювелиром несколько стражников и велел им, противно закону, схватить чужеземца. Привели его, глядь — а это тот самый человек. И без промедления обвинив царевича в краже, советник бросил его в темницу, а радже сообщил радостную весть:

— В первый раз птичка порвала сеть и улетела. Сегодня же я хитростью вновь поймал ее. Теперь он исполнит все что пожелаете.

Рассказ двадцать третий

*о свадьбе Тадж ул-Мулука с Читрават и
о том, как разрушили храм, где обитала
Бакавали*

Итак, раджа Читрасен заключил Тадж ул-Мулука в тюрьму, чтобы заставить его жениться на Читрават. Но и в темнице царевич день и ночь горевал о Бакавали и в тоске бился головой о стены. Наконец начальник тюрьмы явился к радже и сказал так:

— Этот новый заключенный мечется, словно недорезанный петух, и в отчаянии катается по земле. Если вы не освободите его сейчас же, на вашу голову падет невинная кровь. Еще несколько дней он побьется, побьется, да и умрет.

Махараджа ничего ему на это не ответил, но повелел передать дочери следующее: «Иди и освети его сиянием своей красоты-свечи. Даст бог, он сгорит словно мотылек и сокровищница его гордости опустеет».

Услышав это, Читрават очень обрадовалась. Она поспешно украсила себя драгоценностями, и от этого ее природное очарование умножилось. Потом вместе с Нирмалой и Чапалой, словно луна среди звезд, вошла к царевичу.

Она прошептала в мрачную тюрьму,
Словно Зулеха шла к Юсуфу самому.

И то, что узнику предназначалось в дар,
Пред ним все выложила разом, весь товар.

Белеют зубы как жемчужины во рту,
Уста рубиновые ярче роз в цвету.

Лучится золотом румянец нежных щек,
От их сиянья загорается восток.

Ни с чем душистый запах кожи не сравним,
Хотанский мускус еле слышен рядом с ним.

Миндалевидных¹ глаз лучист и ласков взгляд.
Лишь с амброй — локонов сравнится аромат.

Гранаты спелые грудей дрожат в тени,
Рабы стыдливости и скромности они.

Однако ни на одну из них царевич не бросил взгляда признания и не польстился ни на одно подношение. Но ведь и в самом деле, если сердечный огонь Читрават не зажег его, то все дары ее красоты напрасны, а труд — бесполезен. Слушай, о дорогой! Избранный посланник, да благословит и защитит его Аллах, не считал молитвы подношением, достойным истинных властителей. Он говорил: «Мне не нужны твои славословия, ибо потом любые уста станут хвастать своим служением Аллаху. Куда лучше расплавить душу в тигле любви к нему, пока не превратишься в прах, подобный философскому камню, и перед глазами алхимиков не появится золото».

Короче, когда Читрават увидела, что ни чары глаз, ни меч бровей не смогли ничего сделать, она упала без чувств и забилась в судорогах. Тогда сердце царевича смягчилось. Он поднялся и, сжав ее в объятиях, сказал, что готов жениться, — ведь иным способом он не мог обрести свободу. Нирмала поспешила передать радже радостную весть, что Читрават вернулась домой, сорвав желанную розу. Читрасен сразу велел освободить царевича из темницы, препроводил его в баню и пожаловал ему царскую одежду, а потом отвел для него прекрасные покои. После чего, выбрав благоприятный час, он соединил эту нетронутую жемчужину с драгоценным лалом, согласно обычаю своего рода.

Итак, Тадж ул-Мулук вошел в опочивальню Читрават. Нирмала и Чапала усердно прислуживали ему и выказали немалое участие, дабы развеять его тоску. Но царевич ни на кого не поднимал глаз и сидел понуриив голову. Когда ночь подошла к концу, он встал и отправился к храму Бакавали. Уже несколько дней не лицезрея того пленника в сетях несчастья, она трепетала от волне-

ния и без усталости вглядывалась в темноту. Когда царевич пришел, она обрадовалась, но при виде свадебной хны на его руках и ногах лицо ее заалело от гнева. Сердце наполнилось скорбью, и, не сдержавшись, она стала его упрекать:

— Вах-вах, вот и пришел наконец царевич после столь долгого отсутствия. Прекрасный, однако, у тебя вид! Изменник! Ты опозорил звание влюбленного и ложью запятнал клятву верности. Никогда не следует доверять страстным признаниям и открывать свои чувства.

«Жестокосердный, что с любовью сделал ты?
Осталась ли в тебе хоть капля доброты?

Была я розой — стала камнем цвета хны,
Следы которой на руках твоих видны.

Окаменевшая, гляжу на мир с тоской,
А ты вкушаешь наслаждение с другой.

Несчастье грудь твоей возлюбленной прожгло.
Ее преследует и днем и ночью зло.

Был в радостные дни любимый рядом с ней.
Затеял свадьбу он, дождавшись скорбных дней.

Не виноват никто, как ты, в моей судьбе.
Я стала каменной из-за любви к тебе.

Печаль мне сердце тяготит, томит недуг.
Гордись жестокостью своей, Тадж ул-Мулук!»

От этой речи, от ее разящих жал,
Как ветка тонкая, царевич задрожал.

«Бессмысленную речь с тоскою слышу я.
Из сердца выброси безумье, жизнь моя!

Хоть я прославленного рода царский сын,
Но я — лишь раб навеки твой, не господин.

Вся плоть, вся кровь моя принадлежит тебе.
Давно твое — все то, что есть в твоём рабе.

Душой моей ты завладела в тот же миг,
Когда я взглядом первый раз к тебе приник.

И в этом мире все немило мне с тех пор.
Не хочет ни на чем задерживаться взор.

О, кем, любимая, скажи, кроме тебя,
Могу увлечься я, одну тебя любя?

На край земли пойду, подай намек мне лишь.
Исполню в точности я все, что ты велишь.

Я власти над собой ничьей не признаю,
Тебе одной вручив и жизнь и смерть мою.

Спасись мне было не по силам самому,
Когда, беспомощный, я брошен был в тюрьму.

Я свадьбы не желал, но лишь такой ценой
Дверь из темницы открывалась предо мной.

Когда бы избежать женитьбы удалось,
То предстояло бы нам жить друг с другом врозь.

Я б, обессиленный темницей, умер там,
Твоей бы стал тюрьмой нечистый этот храм.

Мне жизнь не дорога, я дни в тоске влачу,
Но причинять тебе страданий не хочу.

И дух мой укреплен сознанием правоты:
Ведь если б умер я, погибла бы и ты.

Не оправданий я ищу своей вине.
Что было делать, как не дать согласие мне?»

Сказала, гневаясь, она ему в ответ:
«Молчи! Довольно лжи, и фальши, и клевет!

Жениться силой не принудишь никого.
Вся речь твоя — для утешенья моего.

Любовь твоя ничто, душа твоя пуста,
И верностью твоей по горло я сыта.

В роскошной праздности ты будешь утопать,
В унынье горестном я буду прозябать».

Упреки выслушав ее, в их вникнув суть,
В отчаянье рукой схватился он за грудь.

С тоской сердечною не в силах совладать,
Вздыхнул он тяжело, застонал и стал рыдать.

Едва увидела она его в слезах,
И у нее блеснули слезы на глазах.

Тогда царевич, словно впавший в забытье,
Последних сил лишась, упал к ногам ее.

В невыразимой и безудержной тоске
Она склонилась головой к его щеке.

«Я вижу, что любовь твоя ко мне жива.
Прости пустые и обидные слова.

Довольно! Радости душа моя полна,
И я забыла, что была оскорблена.

Сейчас случившегося не вернешь — и пусть!
Из сердца вылеченного умчалась грусть.

Пусть тысячи к тебе розоволиких льнут,
Но прилетишь ко мне ты, вырвавшись из пут».

Короче говоря, вот какие они вели меж собой речи — одна упрекала, другой — уговаривал. Тадж ул-Мулук без утайки рассказал, как томился в темнице и как его женили на Читрават, и до конца смысл пыль печали с сердца той, чей лик светел, словно зеркало. Тем временем настало утро, Тадж ул-Мулук пошел домой и заснул на ложе Читрават.

Так он тайно от всех ходил каждую ночь к Бакавали, а дни коротал с Читрават в пустых разговорах. Та, удивленная поведением царевича, сказала про себя: «О всевышний, странное дело: хоть мы и рядом друг с другом, огонь моего сердца не зажигает фитиль тайны царевича и не может спалить копну его сдержанности. Удивительно, возлюбленный и влюбленная живут в одних покоях, а разделены между собой, как восток и запад».

О дорогая, до тех пор пока взгляд твоего сердца прельщен красотой чужеземца, ты не увидишь облика Друга, хотя он поднял перед тобой завесы. Сначала, прополов поле сердца, вырви колючки склонности к чужеземцу, а потом погляди в зеркало сердца на розовые ланиты Друга. Если же ты зришь на цветник своего бытия взглядом безверия, то, кроме цвета и запаха, ничего в нем не отыщешь.

Короче, однажды Читрават пожаловалась на царевича отцу и рассказала ему о разладе между ними. Раджа подослал к царевичу соглядатаев и приказал им немедленно разведать, где он проводит ночи. Они стали следить за царевичем и увидели, как в положенное время он отправился в храм, провел там всю ночь, а утром снова вернулся во дворец. И вот соглядатаи пошли и доложили, что царевич до самого утра обретался в некоем храме. Тотчас этот жестокосердный повелел каменотесам разрушить его. Они срыли храм до основания, а обломки бросили в реку. Когда Тадж ул-Мулук, как обычно, пришел к Бакавали, то не нашел и следа капища. Словно безумный, стал он кататься по земле, а потом прочел такие стихи:

О любимая, если б нашелся твой след,
Я примчался б к тебе, но нигде его нет.

Я погиб. Нет тебя ни вблизи, ни вдали.
Жду бесстрастно конца я небес и земли.

И потеряв надежду, он зарыдал в голос и поплелся домой. Несколько дней царевич досыта вкушал печаль и испускал вздохи и стенания. Когда же вконец отчаялся соединиться со своим кумиром, то оставил слезы и внял пленительным речам Читрават. Короче, ласковый ветерок даровал цветение бутону ее надежд, а весенний дождь встречи породил жемчужину в раковине желаний.

Рассказ двадцать четвертый

о том, как Бакавали родилась в доме одного крестьянина, а потом встретила с Тадж ул-Мулуком и Читрават и они прибыли в Прекрасную страну

Рассказывают, что один крестьянин вспахал землю, где стоял храм, и посеял там горчицу. Тадж ул-Мулук нередко приходил туда развеять тоску видом зеленеющих всходов. Когда горчица зацвела, царевич стал приходить на поле дважды в день и, любуясь прекрасным зрелищем, читать такие стихи:

Как ты явилась и откуда, дай ответ.
Любовь мою живят твой аромат и цвет.

Из глубины земли на свет пробилась ты.
Пусть то, что знаешь ты, расскажут мне цветы.

Одним словом, вскоре горчица созрела, и крестьянин, собрав урожай, выжал из нее масло. А у земледельцев есть обычай непременно отведать плодов нового урожая. Поэтому он принес масло домой и угостил им жену. И вот эта женщина, которая была бесплодна, по воле божьей понесла и через девять месяцев родила девочку, красотой подобную пери. Так в доме крестьянина, до-

ныне темном, наконец появился светильник и своим сиянием озарил его. Повсюду разнесся слух, что у одной бесплодной женщины, отведавшей горчичного масла, родилась девочка такой удивительной красоты, что и описать невозможно. Сияние ее лица затмило луну в ночь полнолуния, а когда ей исполнится четырнадцать лет, она, без сомнения, посрамит и солнце.

Вскоре эти слухи достигли ушей Тадж ул-Мулука. Он догадался, в чем тут дело, и повелел привести к себе крестьянина с дочерью. Едва взглянув на девочку, он увидел, что ее облик точь-в-точь совпадает с обликом его возлюбленной. И обрадовавшись, понял, что Бакавали возродилась вновь. Царевич щедро одарил крестьянина деньгами и отпустил его, наказав как следует заботиться о дочери. Когда ей исполнилось семь лет, не стало отбоя от женихов. Однако крестьянин не знал, как ему быть, памятуя о строгом наказе царевича. «Бог ведает, — думал он, — понравится ли царевичу, если я дам кому-нибудь согласие». И он стал говорить всем, что выдаст дочь за того, кого она полюбит, когда вырастет.

Между тем, едва девочке пошел десятый год, Тадж ул-Мулук послал к крестьянину служанку с просьбой отдать дочь ему в жены. Бедняга задрожал от страха: «Куда мне, бедному и слабому, брать в зятя зятя падишаха. Ведь в конце концов моей дочери суждено стать рабыней. Тысячу раз обидно отдавать такую красавицу в услужение к дочери раджи». Узнав его мысли, девушка сказала:

— Слушай, отец. Меня зовут Бакавали. Я — пери. Ни о чем не тревожься и наберись терпения. Всем известно, что место прекрасной розы — в царской прическе, а бесценной жемчужины — в шахской короне. Вели передать царевичу, чтобы он дал мне отсрочку.

Крестьянин, бедняга, с перепугу словно воды в рот набрал, а служанка вернулась во дворец и обо всем донесла повелителю. Тадж ул-Мулук расцвел от радости, забыл все свои беды и печали и щедро наградил ее.

Когда срок испытания кончился, к Бакавали отовсюду слетелись сотни пери, на золотом троне прибыла ее лилейноликая подруга и принесла с собой парадную одежду и бесценные украшения. Переодевшись и украсив себя драгоценностями, царевна сказала отцу и матери:

— Много дней я гостила в вашем доме, но теперь покидаю его. — Она повела отца на задний двор и показала, где хранится зарытый там еще в древние времена котелок с золотыми монетами. Затем простилась с ним и села на трон. Пери тотчас подняли его в воздух и доставили туда, где пребывал Тадж ул-Мулук с Читрават, Нирмалой и Чапалой. Бакавали одна, без свиты, вошла в дом и нежно, как сестру, обняла Читрават. Та при виде красоты и богатого платья Бакавали в смятении спряталась за маснадом. Тут пери поведала царевичу все, что с ней было, а потом обратилась к Читрават:

— Если ты хочешь остаться с царевичем, во имя Аллаха, выйди к нам. Это твой дом, тебе не о чем тревожиться.

— Мою душу забрал царевич, — отвечала Читрават. — Разве может тело жить без души? Я готова на все ради него.

Тут Бакавали кликнула пери, и вскоре по городу разнесся слух, что они наводнили весь Сарандип. Жители пришли в смятение, а раджа в тревоге бросился во дворец дочери. Царевич встретил его у ворот и усадил на свой маснад, а затем поведал свою историю от начала до конца. Сначала раджа очень опечалился, а потом соединил руки Бакавали и Читрават и сказал:

— Это моя единственная дочь. Отдаю ее под ваше покровительство, уповая на то, что вы обратите на нее свой милостивый взор и сделаете своей служанкой.

Сказав так, он простился со всеми. Тадж ул-Мулук взошел на трон, Бакавали и Читрават сели по правую и левую руку от него, а Нирмала и Чапала пристроились в подножии. Затем пери подняли трон в воздух и в то же мгновение опустили его возле дворца Тадж ул-Мулука. Как только Бакавали и Читрават переступили порог, навстречу им с богатыми дарами вышел сын везира Зейн ул-Мулука по имени Бахрам — управитель Прекрасной страны, сада и дворца. Отвесив поклон, он открыл им свое имя и звание. Тадж ул-Мулук оказал ему большую милость — принял подношения и одарил царским халатом. Потом все вошли в покои. Дильбар и Махмуда были счастливы лицезреть царевича и радостно встретили Бакавали и Читрават.

Р а с с к а з   д в а д ц а т ь   п я т ы й

о том, как Тадж ул-Мулук написал письма Фироз-шаху, Музаффар-шаху и своему отцу и те приехали повидаться с сыном, и о том, как Бахрам полюбил Рухафзу

Художник в мастерской любви так рисует на листе бумаги картину рассказа. Тадж ул-Мулук послал Фироз-шаху, Музаффар-шаху и Зейн ул-Мулуку радостную весть о своем возвращении, и сердца их ожили. Фироз-шах вместе с Джамилей-хатун во главе пышного поезда торжественно двинулись к восточной стране. Сопровождаемый не менее великолепной свитой, тронулся в путь Музаффар-шах с Хуснарой и Рухафзой. Собрался в дорогу и Зейн ул-Мулук, взяв с собой главную жену, все свое войско и придворных.

Через несколько дней прибыли они в Прекрасную страну, где людей и пери было столько, что семечку некуда упасть. Все обрадовались при виде Тадж ул-Мулука и Бакавали, тоска и печаль оставили сердца. Три дня длился праздник. Танцы и песни не прекращались ни днем, ни ночью. На четвертый день гости, радостные и веселые, простившись, разъехались по домам. И только Рухафзу Бакавали оставила у себя, чтобы насладиться ее обществом и изгнать из сердца память о тяжелых днях разлуки. Она отвела ей покои в рубиновом зале, и все ночи напролет прекрасная пери с прелестной гурией вели оживленные беседы, а затем расходились по опочивальням и засыпали.

И вот однажды, когда Рухафза спала в своих покоях, ее коса с драгоценным камнем на ленте свесилась в окно. В это время Бахрам вышел полюбоваться луной и, увидев косу Рухафзы, подумал было, что это ползет черная кобра с драгоценным камнем в пасти. Но потом догадался, что то сверкает рубин в девичьей косе. «Наверно, здесь спит Бакавали, — решил Бахрам, — и это свесилась ее коса». Но почему-то всю ночь сердце его не знало покоя. Наконец, он не выдержал и утром спросил лилейно-ликую пери:

— Кто спит в такой-то опочивальне?

— Это покои Рухафзы, — отвечала она.

При этих словах в сердце Бахрама вспыхнула любовная страсть, и он пожелал надеть на себя оковы локонов. И вот в полночь он забрался по веревочной лестнице в опочивальню Рухафзы. Видит: эта соперница Зухры кокетливо возлежит на ложе. Никогда прежде не пробовал он вина любви и, отведав его, сразу охмелел. Словно безумный, сжал он красавицу в своих объятиях и стал целовать. Проснувшись, она увидела Бахрама, и, хотя его любовь уже разбила ее хрупкое сердце, подобная дерзость была противна ее чувствительной натуре. Она очень рассердилась и отвесила ему такую пощечину, что он вывалился из окна и, зарыдав от горя, побрел домой.

Когда наступило утро, Рухафза стала просить Бакавали отпустить ее на родину. И сколько та ни упрашивала и ни молила ее задержаться еще хоть на несколько дней, Рухафза ни за что не соглашалась. «Если Бакавали узнает про ночное происшествие, она засмеет меня и вконец задразнит», — думала Рухафза и, покинув сестру, отправилась на остров Фирдаос. Но от любви к Бахраму днем ей не сиделось, а ночью не спалось. Она то и дело роняла слезы, как свеча в фонаре, и с каждым часом увядала от урагана печали, а хмельные глаза-нарциссы всякую минуту наполнялись росой слез.

Истинно, что человек проникательный заметит волнение, порожденное страстью, и поймет, собирается ли красавица накинуть кому-то на шею аркан любви и притянуть пленника к себе или хочет отбросить прочь пращей разлуки.

Рассказ двадцать шестой

о том, как лилейноликая пери доставила Бахрама на остров Фирдаос, а Банафша помогла ему встретиться с Рухафзой

Рассказывают, будто в разлуке с Рухафзой Бахрам так исхудал, что от слабости перед глазами у него мелькали круги. О его страсти знала лишь лилейноликая пери и неустанно твердила ему:

— О Бахрам, оставь эти мысли и выкини из сердца пустые тревоги, ибо древо любви к чужеземке не приносит иных плодов, кроме разлуки. Убей в себе склонность, способную только повергать в печаль, и не скрывай за беспечностью горе и страдания. Не бери в пример Тадж ул-Мулука, ибо это чудо из чудес, что сердце Бакавали склонилось к нему. Какое сравнение может быть между человеком и пери? Как можно соединить чистого и нечистого?

Однако Бахрам молча внимал ей, а в ответ прочел такой бейт:

Не будь советчиком: ведь как ни морщи лоб,
Не вспомнишь черноты черней, чем эфиоп.

Когда лилейноликая пери увидела, что шипы любви так глубоко вонзились в сердце Бахрама, что извлечь их уже невозможно, она сказала:

— О безумец, я не в силах помочь тебе в этом деле. Но если ты хочешь, я доставлю тебя на остров Фирдаос. А дальше пусть будет, что тебе суждено.

Он с радостью согласился. Тогда лилейноликая пери одела его в женское платье и убрала драгоценностями. Бахрам был хорош собой и, переодевшись, превратился в прекрасную девушку. Пери вместе с ним взмыла в воздух и опустилась на острове Фирдаос у дома своей нареченной сестры по имени Банафша, которая была служанкой Рухафзы. Та очень обрадовалась лилейноликой и спросила:

— Кто эта молодая девушка с тобой?

— Это моя сводная сестра, — сказала та. — Ей очень хотелось побывать в этих краях. Поэтому я привела ее к тебе. Покажи ей все, что достойно внимания.

— Очень хорошо, с большим удовольствием, — отвечала Банафша.

Затем лилейноликая, простившись, вернулась к Бакавали, а Бахрам остался в доме Банафши. Она была гостеприимна и радушна и кормила его диковинными яствами. Днем показывала ему сады и прочие красоты здешних мест, а вечером, взяв шкатулку с гребнями и зеркалом, уходила к своей госпоже. Так прошло несколько дней. Однажды Банафша куда-то отлучилась, и Бахрам, убедившись, что в доме никого нет, достал из ее шкатулки зеркало, написал на его обратной стороне стихи и положил его на место. Вот что он написал:

На все вокруг глядит сурово зеркало.
Тебя узрев, сиять готово зеркало.

Перед тобой служанкою поставлено,
Не проронит, светясь, ни слова зеркало.

Нашептывает ревность нам: «Разбей его!»
Зачем берешь ты в руки снова зеркало?

Сверкает зеркало в твоём присутствии.
Цепь локонов твоих — оковы зеркала.

Одним словом, вечером Банафша, как всегда, взяла шкатулку и отправилась к Рухафзе. Причесывая ее, она подала ей зеркало. Тут царевна увидела на обратной стороне надпись, прочла ее и сказала про себя: «Это писал не кто иной, как Бахрам, однако ж надо разузнать все до конца, чтоб в сердце не осталось сомнений, что он здесь». И она обратилась к служанке с такими словами:

— О Банафша, скажи мне, что существует вечно и что всегда неотделимо от печали?

Сколько Банафша ни думала, она так и не нашла ответа и попросила царевну:

— Окажите вашей рабе снисхождение и позвольте ей ответить завтра.

Сказав так, она ушла и дома по-прежнему не оставляла попыток решить эту загадку. Бахрам, увидев ее озабоченное лицо, спросил:

— Сестрица, отчего ты сегодня не в себе?

Тогда Банафша поведала ему загадку Рухафзы и призналась:

— Мне приходит в голову только такой ответ: «Вечны колдовские чары мудрецов, и всегда радость неотделима от печали».

— Ответ на этот вопрос совсем другой, — сказал Бахрам, — вот он: всегда румяно лицо влюбленного, получившего пощечину от возлюбленной, и вечно печален тот, чья цель скрыта завесой, ибо в каждой женщине он видит свою возлюбленную. Есть знаменитая притча: Маджнуна спросили, кто из праведных халифов достоин править халифатом после пророка. И он ответил: Лейла.

Короче, Банафша, придя утром к Рухафзе, передала ей этот ответ. Тогда, удостоверившись в том, что Бахрам прибыл на остров, Рухафза спросила:

— Скажи, кто помог тебе разгадать загадку?

Хотя служанка и уверяла: «Она пришла мне в голову

среди ночи», пери не поверила ей. Тогда Банафше пришлось признаться:

— Лилейноликая пери приводила ко мне в гости свою сводную сестру, которая хочет посмотреть здешние края. Она и научила меня этому ответу.

— Ты никогда не показывала ее нам,— сказала Рухафза.— Поэтому сегодня приведи-ка сестрицу с собой, чтобы я могла взглянуть на нее.

— Очень хорошо,— ответила Банафша.— Это великое счастье для нас обеих.

И вот, когда наступил вечер, она принарядила Бахрама и повела его во дворец. Рухафза сразу же узнала его, но не подала виду, а он подумал: «Она до сих пор ни о чем не догадывается. Скорее всего, она не видела обратной стороны зеркала и не прочла моей надписи».

Короче говоря, Банафша заплела Рухафзе косы, и царевна потребовала зеркало. Бахрам поспешно подал ей его обратной стороной. Рухафза не сдержалась, бутон ее рта приоткрылся в улыбке, и она сказала Банафше:

— Эй, Банафша, до чего же несмышленная у тебя сестра — она не знает, какая сторона у зеркала лицевая. Оставь ее здесь нынче ночью. Мы с ней весело проведем время.

— Я — сама радость, а она с головы до ног — удача,— отвечала та.

И сказав так, Банафша отправилась домой, а Бахрам остался в покоях любимой.

О дорогой, если бы Бахрам не надел женской одежды, то никогда бы так быстро не встретился с возлюбленной и не достиг бы своей цели. Без сомнения, если влюбленный подражает своей возлюбленной, то возлюбленная станет любящей. Так пророк, да благословит его господь, изволил сказать слова, смысл которых таков: «Подражай качествам всевышнего, пока не обретешь близость к нему».

Устроитель дел вселенной закрыл лицо дня темным покрывалом и разостлал по земле блестящий ковер лунного света. Рухафза покинула общество пери, и, пригласив с собой Бахрама, вошла в свои покои. Там она села и, по-прежнему притворяясь, будто они незнакомы, повела любезную беседу:

— Скажи, госпожа, как твое имя?

— Давно миновала я переулки стыдливости и че-

сти, — отвечал он. — Я не помню ничего имени, кроме твоего.

— Зачем ты пришла сюда? — спросила пери.

— Свече известно, зачем прилетел мотылек. Спроси у нее, — сказал Бахрам.

Рухафзе были приятны сладкие речи Бахрама, но она притворно нахмурила брови и сказала:

— Эй, хитрец, я догадалась, что ты вовсе не женщина, а мужчина. Ты обманом проник сюда и запятнал мою честь. Смотри же, как я накажу тебя за дерзость и чем отплачу тебе за бесстыдство.

Он же, неопытный, до сих пор не ведал ни боли от шипов, ни сладости награды. Ему не открылись еще тайны притворства. К тому же он вспомнил про пощечину и, приняв эти притворные речи за правду, подумал: «Сейчас я снова буду бит и выставлен вон».

Бахрам задрожал от страха и, прочитав приведенные ниже стихи, лишился чувств.

Убей! От рук твоих мне радостнее пасть,
Чем жребий свой, живя с тобой в разлуке, клясть.

Тогда красавица-пери испугалась: «Не дай бог, с горя он перестанет дорожить жизнью и запишет меня в мучители». И ужаснувшись, она бросилась к нему и положила его голову себе на колени. Он же, вдохнув аромат ее ланит-роз, тотчас пришел в себя.

О дорогой, если ты не заставишь свой разум сверкать блеском мудрости, то не обретешь пользы от сияния Друга. Если не покинешь это брэнное существование, разве когда-нибудь придет к тебе вечная жизнь? Кто не прошел путь любви, тот не достигнет желанной цели.

Когда Бахрам открыл глаза, сердце возлюбленной, словно соловей, воспрянуло от радости и все прежние речи были забыты. Он без страха прижал свои губы, которым завидуют лепестки розы, к ее устам, благоухающим сильнее, чем бутоны жасмина, и сполна насладился ими. И так как эта нежная роза тоже была полна страсти, она отбросила сдержанность и сплелась с ним в объятьях.

В конце концов легкий ветерок превратил бутон страсти в цветок, и они насладились друг другом. Сердцем уверилась тогда Рухафза, что каждое мгновение разлуки с любимым сулит ей тяжкие страдания. Потому пожела-

ла она хранить его на груди, как талисман, и прятать от недобрых глаз. Она привязала ему на шею амулет, а потом превратила в голубя и, посадив в золотую клетку, с той поры всегда держала своего возлюбленного при себе. Ночью, открыв клетку, она вновь превращала его в человека, а к утру уничтожала все следы его пребывания. Так прошло некоторое время и все оставалось в тайне. Но любовь и мускус не утаишь. И вот однажды этот аромат дошел до Хуснары. Как-то на рассвете она услышала тихий шорох, а когда утром вошла к Рухафзе, то увидела, что ее темные локоны разметались, подбородок-яблоко зарумянился, щеки запылали ярче розы, а в глазах, как в зеркале, читалось, что она стала супругой. Шальвары и рубашка Рухафзы были в беспорядке, лиф застегнут кое-как. Хуснара поняла, что рубин ее дочери, без сомнения, отшлифован чьим-то алмазом и порыв ветерка, бесспорно, раскрыл ее бутон. Подскочив к дочери, она в гневе ударила ее по спине и закричала:

— Эй, плутовка, ты опозорила имя Розы. О горе! Ты влюблена, не будучи замужем, и потеряла стыд перед мужчинами! Увы! Барабаны позора уже прогремели! Ты замарала честь своего отца! Признавайся, как было дело, иначе задушу своими руками!

Рухафза, дрожа от страха, отвечала:

— Матушка, клянусь вашей головой, лопни мои глаза, если я взглянула хоть на одного мужчину. Это все клеветы и выдумки. Что вы за мать, если поносите свою дочь и верите злым наветам?

Хотя Рухафза клялась страшными клятвами и отрицалась как могла, мать ей не поверила. Она решила про себя: «Вора, который пробрался в наш дом, надо изловить и хорошенько наказать».

Тысячи соглядатаев обыскали землю и небо, но тайну клетки, что стояла у всех на виду, так и не раскрыли.

О дорогой, ты ищешь кого-то в небесах, не ведая о том, кто живет в доме твоего сердца. Увы! Близкое ищет слишком далеко.

Ты и в своем доме столкнешься с неизвестным.

Так не суди о том, что есть в доме небесном.

Короче, Хуснара, желая отыскать вора, запугала служанок Рухафзы и пригрозила им гневом Музаффар-шаха. Тогда однажды служанка по имени Гульрух пришла к ней и сказала:

— Как можем мы раскрыть тайну опочивальни царевны? Мы там не бываем и ничего не знаем.

Суть тайная глазам обычным не видна.
Лишь зрению души открыта глубина.

Но последнее время дочь нашего хозяина ни днем ни ночью не отходит от своего голубя и ни на миг не спускает глаз с его клетки. С виду это птица как птица, но так ли это на самом деле, нам неизвестно. Разберитесь в этой тайне.

О неразумный! Душа выходит из своей клетки погулять на луг мира, но до тех пор пока амулет висит на ее шее и ярмо рабства сжимает горло, а цепь держит на привязи, непроницательный взгляд не увидит в ней ничего, кроме пригоршни праха. Но в тот день, когда амулета не станет, истина откроется и все поймут, кто это и что за чудо произошло. Так посланник Аллаха, да благословит его господь, изволил сказать: «Когда приходят люди, мы узнаем о них все. Бытие — река, а все сущее — лишь пузыри на воде. Когда пузырек лопается, остается одна река».

Приглядишься же внимательно: лишь бытие — истинно. Но несомненно, что никто не назовет пузырек рекой, а реку пузырьком. Однако Каабу зовут киблой, кумирню — храмом, Геенну — адом, а рай — Эдемом.

Изведай, что чего ничтожней, что ценней.
Нельзя уверовать, не видя степеней.

Воистину, единство сущего постигнуть трудно, и многие, нырнув в этот глубокий океан, попадают в водоворот ложной веры и тонут в пучине неверия. Здесь нет другого спасения, кроме милости Аллаха и благосклонности его пророка.

Короче говоря, Хуснара пришла в покои Рухафзы и отобрала у нее клетку. Увидев своего голубя в когтях королевского сокола, Рухафза скрепя сердце промолчала. От стыда губы не смели произнести ни слова, но птица духа билась в клетке тела. Итак, Хуснара поспешила с этим несчастным к Музаффар-шаху. Тот вынул птицу из клетки, расправил ей крылья и увидел на шее амулет. Он снял его, и Бахрам превратился в человека. Все, кто был в собрании, пришли в крайнее изумление, а шах, вспыхнув от ярости, вскричал:

— Эй, низкий бездельник, ты не побоялся царского гнева и не подумал о своей душе. Отвечай же все как есть! Кто привел тебя во дворец падишаха? В награду за свое бесстыдство или беспечность он получит не меньше чем смерть и в наказание умрет.

— Проводник влюбленных — страсть, а в награду получают они гирлянду из страданий, — отвечал Бахрам. — Добровольно надев на себя оковы любви, не станешь узником. Ведь влюбленные рвут все узы, освобождаясь от всех оков мира. Тому, кто не дорожит жизнью, бояться ли смерти и заботиться ли о пропитании? Но неутоленная жажда встречи по-прежнему будет томить их души, и даже в могиле из глаз ручьем прольется кровь.

Смерть видя близкую, не стану унывать.
По пурпuru ланит лишь буду тосковать.

Одним словом, пламя гнева Музаффар-шаха так разгорелось, что он приказал своим слугам немедля схватить того, кто, подобно горящему угольку, разжег этот пожар, и, бросив его в огонь, сжечь дотла.

А в то время Тадж ул-Мулук и Бакавали прогуливались по Гулистан-и Ираму и невзначай оказались неподалеку от острова Фирдаос. И тут им пришлось в голову навестить Рухафзу и погостить у нее несколько дней. Короче, они появились на острове как раз тогда, когда дрова для костра были сложены, Бахрама уже бросили на них, а со всех сторон полыхало пламя. Увидев толпу, собравшуюся возле пылающего костра, Бакавали приказала поднести свой трон поближе и спросила:

— Почему здесь толпится народ?

— Жгут возлюбленного Рухафзы, — отвечал кто-то.

Тогда она спустилась с трона, подошла, видит — это Бахрам.

— Немедля погасите костер и отпустите этого юношу, — приказала Бакавали. — И если у него сторел хоть один волос, я спалю тысячи ваших голов и сровню с землей ваши жилища.

Люди испугались, потушили огонь и освободили Бахрама. Бакавали оставила его с Тадж ул-Мулуком в саду, а сама отправилась к Музаффар-шаху и Хуснаре. Поклонившись, она приветствовала их, а падишах, прижав ее голову к своей груди, спросил о здоровье и благополучии, а также о том, что привело ее к ним.

— Мне вдруг захотелось повидать вас и дорогую тетушку, — сказала Бакавали. — Все было бы хорошо, если бы не печальное зрелище, которому я стала свидетельницей по дороге к вам. Толпа вознамерилась сжечь сына везира, что служит у моего свекра. Опоздай я хоть на мгновение, он сгорел бы дотла, лишив родителей радости в жизни. Всякая смерть плоха, но гибель такого прекрасного юноши особенно. Несомненно, вина его велика, однако теперь в наказании нет смысла. Что было, то прошло. Пусть обрекли бы вы его на смерть, но ведь со лба лебедя не сотрешь тику. Сегодня о их любви знает сотня, а завтра прослышат тысячи. Лучше простите ему его вину и выдайте за него Рухафзу: ведь Бахрам — юноша достойный. Он богат и знатен, а падишахи издавна роднились с везирами. Если ж вы полагаете человека низким созданием, то почему согласились поженить меня с Тадж ул-Мулуком? Какая разница между племянницей и дочерью?

Слушая эти речи, Музаффар-шах поник головой и сказал:

— Что ж, хорошо. Будь посредницей в этом деле.

Тогда Бакавали пошла к Рухафзе. Видит, глаза той полны слез, волосы всклокочены, лицо опухло от слез. Засмеявшись, Бакавали промолвила:

— Ой, ой! Что за вид, испугаться можно! Хватит плакать, вставай! Можешь радоваться и веселиться. Перемени-ка платье и покинь свое убежище. Я привела твоего желанного живым и невредимым. Теперь ты соединишься с ним открыто и будешь вечно наслаждаться им.

Рухафза, обрадовавшись, вскочила и, приняв на себя все несчастья сестры, бросилась к ней на шею. Всю ночь Бакавали провела с Рухафзой, а утром повела ее к Музаффар-шаху и Хуснаре и уговорила их простить дочь. Затем, взяв с собой Тадж ул-Мулука и Бахрама, она вернулась на остров Ирам, рассказала все как было своим родителям и обратилась к ним с просьбой:

— Как они со всей пышностью снаряжали Тадж ул-Мулука на свадьбу, так и вы, отправляя Бахрама к невесте, не забудьте ни одной мелочи.

И ее родители, проявив должное гостеприимство, облачили Бахрама в царское платье и, украсив его драгоценностями и гирляндами из цветов, торжественно отбыли на остров Фирдаос.

Нет слов, чтоб рассказать о празднике на Фирдаосе! Как сможет язык поведать о великолепии свадьбы пери и разве сумеет калам его описать?! Люди Музаффар-шаха с почестями привели и усадили гостей и жениха в собрание радости, а женщин, восседавших в паланкинах, препоручили заботам Хуснары. До исхода ночи во дворце и за его стенами продолжались танцы и песни, а в воздух взлетали потешные огни.

Затем по всем правилам совершили обряд соединения прекрасной пери с этим соперником месяца. Потом украсили их гирляндами, роздали бетель и жениха, как водится, отослали из дворца. Бакавали, которая была при нем сестрою, ушла вместе с Бахрамом. Пропели свадебные песни и жениху и невесте разрешили взглянуть друг на друга. Потом жених допил шербет невесты, и после этого Музаффар-шах и Хуснара, дав Рухафзе в приданое много денег и товаров, служанок и невольников, сердечно простились со всеми. Свадебный поезд вместе с Фироз-шахом и Тадж ул-Мулуком весело и шумно вступил на остров Ирам. Там праздник длился еще несколько дней. В конце концов Тадж ул-Мулук и Бакавали с Рухафзой и Бахрамом отбыли в Прекрасную страну.

Там они рассказали родителям Бахрама все как было. Везир с женой, увидев невестку и сына, очень обрадовались и принялись всей душой и сердцем благодарить Бакавали. Везир тоже устроил празднество, пригласил на него самого падишаха и всех придворных — великих и малых — и созвал шутов со всего города. Короче, пение и пляски продолжались несколько дней подряд, а потом всех щедро одарили. Перед падишахом и его сыном поставили тысячи подносов с драгоценными камнями и одеждой и во дворец послали столько же. Не обделили и гостей — денег и товаров роздали без числа. После этого все вознесли благодарственную молитву благословенной обители пророка Али. Потом гости удалились, и Бакавали послала передать Хамале: «Без промедления перенеси сюда мой сад и дворец». И когда Хамала выполнила ее приказ, Бакавали подарила свой дворец со всем убранством Рухафзе и Бахраму.

Слава Аллаху! Его милостью все обрели счастье и зажили в довольстве.

Конец! Ты сделал их счастливыми, Аллах,
Споспешествуй и нам в задуманных делах.

Благополучно завершился мой рассказ,
Но сомневался я в названии не раз.

Таинственно и вдруг оно на ум пришло.
«Религия любви» — название и число.

Дата в христианском летосчислении:

Я повесть письменно и устно повторю
По христианскому теперь календарю.

И снова тайная ушей коснулась весть:
«Кому «Религию любви» дано прочесть

И влаги чистой почерпнуть из глубины,
Тем станут тайны омовения ясны».

Халил Алихан Ашк

ЦВЕТНИК ЧИНА

Предисловие сочинителя

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Любовь — великая мастерица — искусно сотворила человека из четырех стихий и, вызволив его из небытия, дала ему жизнь. Затем, даровав ему превосходство над всем сущим, вознесла она его на эмпиреи и нарекла благороднейшим из созданий. Милостив Аллах! Сколь же всеильна божественная длань, явившая в одной пылинке всю вселенную! И как беспомощны перо и слово! Ведь если бы даже на месте каждого волоска человеческого тела выросло сто языков, подобных лепесткам тысячелистной розы, то и они никогда не смогли бы поведать о единстве Его, являемом во множестве.

Как запах роз, в один и тот же миг
Единосущен Он и многолик.
Повсюду виден и от всех сокрыт,
Кем узнан? Трепет Он кому внушит?
От мусульман, от индуистов — Он
От всех хвалу приемлет и поклон.
Когда б достало у калама сил,
Ему хвалы б одни он возносил¹.

Изреку я нескончаемые хвалы великому господину,
которые будут еще одним словом в книге его восхваления.

Наставника всегда в нем люди чтут,
По праву и Мухаммадом зовут.
В созвездии посланцев Он звезда —
Крупнее мир не видел никогда.

---

¹ В повести «Цветник Чина» стихи даны в переводе Г. Ярославцева.

Предводитель пророков, заступник в Судный день, да благословит его Аллах, в сердце всякого грешника — упование на его покровительство.

Наполни, виночерпий, чаши влагой.
Иссохло сердце, как бутон, бедняга.
Дай мне одну — я не расстанусь с нею,
Пока не выпью и не охмелею.
Я расскажу историю такую,
Что каждый, кто услышит, — возликует.

В годы владычества повелителя страны императора Шах-Алама, солнца с небес власти, и во времена правления господина справедливости и закона, надежды жителей страны, праведного из праведных, Хатима нашего времени, вельможи из вельмож, знатнейшего из знатных, тайного советника шаха, Сатурна английского двора, благороднейшего из благородных, маркиза Уэлзли, генерал-губернатора провинций и земель Индии, управляемых Английской Компанией, в 1219 году хиджры, а иначе в 1804 году христианской эры я, бесславный Халил Алихан, по прозвищу Ашк, составил сию повесть. Она сложена на высоком урду, по желанию звезды из созвездия процветания, жемчужины из шкатулки величия и великолепия, полуденного светила судьбы, моря великодушия, рудника щедрости, начала власти и предела смелости, столпа государства, военного министра Джонатана Генри Лаута (да продлится его счастье и процветание!), дабы, прочтя сию книгу, он развлек свой ум. И сия капля щедрости из облака величия, став путеводителем жаждущего влаги удачи, привела его, словно Хизр, к желанной цели. Когда же чаша сей повести наполнилась до краев, как шкатулка драгоценными камнями, и жемчужины ее слога воочию предстали перед ценителями словесности, все они даровали мне, наислабейшему, сокровищницу похвал и одобрений.

Ныне же я зываю к высокому и блистательному господину, дабы если в сей книге он встретит слово, смысл коего не сможет постичь, то пусть обратится к властелину речи, океану, пленяющему сердца, лучшему поэту времени Мирзе Казиму Али Джавану, служащему Компании (да продлится его величие!). Ибо, словно роза в саду времени, изысканная речь восславлена этим попугаем из цветника разума.

Весьма возможно, что от него-то господин и узнает, что означает сие слово. Однако же тому, кто искушен в предвидении и военном искусстве, а также не превзойден в поэзии, ничего не стоит переплыть безбрежное море повести о высокородном. И без сомнения, достанет он со дна океана речи жемчужину разумения. Однако обращаюсь к ищущим жемчуг смысла в водах словесности, дабы если на сих страницах встретят они где-либо ошибку, то пусть милостиво спрячут ее под полую благосклонности и умолчат о ней, ибо всевышний радуется людской снисходительности.

Н а ч а л о п о в е с т и

*о Ризван-шахе, повелителе Чина,
и о пери Рухафзе, дочери властелина джиннов*

Сладкоречивый рассказчик так повествует сию историю. В стране Чин правил падишах, покровитель бедняков и защитник подданных, столь праведный и великодушный, что все семь пределов освещались его щедростью и милосердием. Всевышний даровал ему власть над всеми странами, и потому жил он в роскоши и довольстве. В его городе днем всегда был праздник ид, а ночью шаб-е барат, и никто ни о чем не печалился. Но терзала падишаха тоска, ибо не было наследника в его доме.

В душе сплошная тьма, лицо бескровно.
Нет, не вошла его луна в созвездье Овна.

И молил он сына у божественного владыки, но время ожиданий шло, а роза его надежд все не расцветала.

Желаний сад, придет ли твой расцвет?
Потомства в доме шаха нет и нет.

Однажды, призвав своих везиров, падишах сказал:
— Все силы отдали мы, управляя разными землями и распоряжаясь великими богатствами, а не знаем, кто будет повелевать державой после нас. К несчастью, нет

у нас наследника короны и трона, который сохранил бы миру наше имя и величие.

При этих словах глаза его наполнились слезами, и он сказал везирам:

— Знайте же, и пусть узнают все наши подданные: мы уходим от дел, чтобы, став факиром, найти себе тихое пристанище где-нибудь в лесу под горой, где мы могли бы скоротать остаток лет в молитвах всевышнему, ибо подобное занятие лучше нашего правления.

— Повелитель! — воскликнули везиры, — служить ли Аллаху во дворце или в пустыне — все едино. И стоит ли уходить куда-то, сняв шахское облачение?

— Воистину так, — отвечивал падишах, — но одному повелителю не сидеть на двух престолах. Достаточно вкусил я власти в этом мире. Теперь же, увенчавшись короной факира, узрю и иное царство. Быть может, всевышний смилостивится надо мной, и дерево моей надежды даст плод.

И с этими словами, облачившись в красное кафни, он сошел с трона. Везиры же и вельможи, заливаясь слезами, пришли в смятение, словно настал день Страшного суда. Но был у падишаха один везир, господин проницательности и мудрец своего времени, по имени Азам. Понял он, что падишах тверд в своем решении, и посему, также переодевшись в платье дервиша, присоединился к повелителю. Тот взял везира с собою, простился с остальными придворными и направился в сторону пустыни. Так шли они, минуя лес за лесом, поле за полем, гору за горой, и повсюду видели чудеса и диковины, а где заставала их ночь, там расстилали подстилку прямо на земле и на ней засыпали. И вот, преодолев долгий путь, пришли эти горемыки к подножию одной горы. Глядят, а под ней раскинулся цветущий луг. Тогда растелили они на камне шкуру антилопы и присели отдохнуть. Отовсюду манила их свежая трава, и прозрачная вода родников льнула к губам.

Со всех сторон бежали ручьи и всевозможные цветы гор и долин радовали глаз. Неподалеку росли огромные деревья, в пышной кроне которых пели птицы. Путники подошли к тем деревьям и увидели среди них еще один луг, который благоухал сотнями тысяч роз и базиликов и звенел трелями птиц. На краю этого луга виднелась невысокая ограда из белого мрамора. Верхушка каждой

из ее четырех стен была выложена узором из нарциссов и цветов иудина дерева. Войдя в ворота, падишах и везир оказались в маленьком дворике, посреди которого стояла хижина из сандалового дерева, нарядно убранная и застеленная белым чистым ковром. Внутри же на белом маснаде, погрузившись в молитву, сидел почтенный старец, преисполненный добродетелей.

Падишах встал пред ним, почтительно сложив руки. Старец прервал молитву и приветствовал его.

— Кто ты и откуда пришел? — спросил старец.

— Я падишах Чина, — отвечал тот, — покинув мир, пришел я в эту обитель поклониться тебе.

Тогда сей добродетельный муж взял падишаха за руку и посадил рядом с собой, а затем спросил:

— Какое несчастье постигло тебя, что ты, выпустив из рук бразды правления, в платье факира пришел в эту пустыню?

И падишах, рыдая, облегчил всю боль сердца пред этим познавшим бога столпом веры. Выслушав его, старец целый час просидел в раздумии, а затем встал и, сорвав гранат с дерева, отдал его падишаху.

— Не пристало тебе это платье, — молвил он. — Возвращайся в свой город и дай несколько гранатовых зерен той жене, от которой решишь иметь сына, а остальное съешь сам. И если захочет всевышний, твое желание сбудется.

Падишах возблагодарил старца и, покинув его дом, отправился в свою столицу. Везир же двинулся вперед, дабы возвестить о его возвращении. Придворные все до одного вышли падишаху навстречу и с почетом усадили его на царский трон. И целый день столпы государства устремлялись во дворец, чтоб предстать перед шахом с приветствием. А вечером падишах вошел в свои покои и провел ночь с луноликой красавицей. Чудотворством всевышнего и всеилием провидения в ту же ночь семя владыки проникло в лоно его возлюбленной.

Проснувшись утром, падишах направился в баню, а потом дважды склонился в благодарственной молитве всевышнему. Затем взошел он на трон и принялся вершить делами государства. И когда прошло несколько месяцев, из сада надежд падишаха новеяло ароматом желанной розы. Как только дерево чайний принесло плоды, повелитель, призвав везиров, приказал:

— Ныне по милости божьей облако счастья напоило радостью наше сердце, и светильник надежды воссиял в саду нашей судьбы, словно солнце, озаряющее светом мир. Теперь призовите прорицателей, что познали все тайны, и астрологов, коим подвластны чудеса, сколько их есть в нашем городе, дабы мы могли расспросить их об одном деле.

И эти люди были созваны и предстали перед повелителем.

— В нашем доме зреет плод надежды,— обратился к ним падишах.— Употребите же все ваши знания и поведайте нам, какие ждут его радости и несчастья.

Предсказатели поклонились и занялись тем, что им было приказано. Сначала, положив перед собой доску, они начертили на ней знаки, а потом, прочтя заклинания, бросили гадательные кости. Затем, умножив четные и нечетные числа, составили они гороскоп и, начертив линии на земле, завершили гаданье. Поклонившись падишаху, гадатели сказали: «Жизненный путь царевича во всем представляется нам счастливым. Будет он всегда пребывать в радости и не ведать никаких печалей. Покорится ему все живое — от рода людского до племени пери и дэвов. Те, кто вознамерится сотворить ему зло, будут изгнаны из своей страны, а он заживет в полном процветании. Однако до двенадцати лет не следует ему покидать родного города, ибо в движении светил видим мы опасность и угрозу, а в третьей фазе Луны — враждебное противостояние Зухаля. Все же остальное предрекает ему благополучие».

Брахманы, что сидели по другую сторону, открыли календари, сосчитали двенадцать знаков Зодиака, девять планет и двадцать семь домов Луны и поздравили шаха.

А затем, предсказав то же, что и гадатели, нарекли сего блистательного и долгожданного отрока Ризван-шахом.

Падишах же, узнав о счастливой судьбе сей розы надежд, остался весьма доволен. Однако весть о кратковременной поре несчастья наполнила его сердце печалью. Но положившись на милость Аллаха, он одарил прорицателей деньгами и товарами и отпустил. И потекли дни в радости и веселии.

Р а с с к а з

*о рождении Ризван-шаха и о празднике, коий
устроил повелитель Чина*

Сказитель-садовник цветника словесности так дарует сияние и свежесть розам слов на клумбах красноречия. Когда миновало девять месяцев, от ветерка надежд расцвела роза из сада желаний, а в цветнике ожидания раскрылся бутон, подобный подсолнечнику. Иными словами, родился равный солнцу мальчик, словно прекрасная Зухра вышла из созвездия Овна. Мгла ночи отчаяния рассеялась, и воссиял день счастья.

Женщины, что были назначены в услужение царевичу, послали падишаху со стражниками поздравления и подношения, а также велели передать:

— Ныне по милости божьей в вашем доме родился наследник престола и короны.

Как только евнухи предстали перед падишахом с дарами и объявили радостную весть, повелитель едва не умер от счастья и, отправившись в дом молитвы, склонился в благодарственном поклоне всевышнему. Пожаловав навабам, стражникам и евнухам новые халаты, он наказал слугам:

— Немедля доставьте во дворец все необходимое для праздника. Пусть бьют в барабаны и палят из пушек.

И только глашатаи разнесли приказ падишаха, как пушки дали залп. Вышку над воротами крепости, где бьют в барабаны, обили шитой золотом тканью и натянули над ней навес. Барабанщики, облачившись в златотканые рубахи и украсив тюрбаны парчовыми лентами, взяли в руки сандаловые палочки и ударили дробь. Загремела радостная мелодия, и музыканты показали все свое мастерство.

Все жители города — мужчины и женщины, — услышав эти ликующие звуки, поняли, что у падишаха родился наследник, и обрадовались без меры. Бедные и богатые, украсив себя драгоценностями, покинули свои жилища и направились к воротам крепости падишаха. Там же везде — от покоев до тронного зала — только и говорили что о чудесном рождении царевича, весь город так и бурлил. Отовсюду стекались подданные с по-

дарками и поздравлениями. Падишах же в ответ пожаловал каждому вельможе соответственно его чину богатый халат с рукавами по локоть, саблю, украшения и султан из перьев, жемчужные ожерелья, златотканые головные повязки, а также слонов, паланкины, земельные надель и высокие должности. Каждому пешему даровал он богатый выезд, а всякому конному — землю; крестьянам простил налоги в казну за несколько лет; святых старцев одарил владениями, а детей их — селениями. В один день падишах роздал столько подаваний, что любой факир стал богаче амира.

Весть о том, что взошло солнце благодетней, разлетелась по городу, и все благочестивые люди, к какому бы сословию они ни принадлежали, явились к падишаху, чтобы приветствовать его. Двери в сад роскоши были открыты, звенели сазы, слышались трепетные звуки саранги, рокот тамбурина и удары таблы. А затем заиграли ситара, маленький барабан «дхолки», цимбалы, индийская лютня, рубаб, чанг и бубен. Звуки слились меж собой, превратившись в чарующую мелодию.

Четыре дня наложницы повелителя, изящные и кокетливые, танцевали и пели, являя в танце свою красу и силу чувств. На каждой из этих розоволиких надет был изысканный наряд, сплошь украшенный драгоценными камнями. Звон колокольчиков на ногах ласкал слух, а от танца, исполненного изящества, все готовы были пуститься в пляс. Перо мое не в силах описать это необыкновенное зрелище. Были здесь женщины касты дом и красавицы касты нат, танцовщицы-индуски и плясуньи-мусульманки. Они наполнили дворец радостным гулом. Вот музыканты заиграли на лютне и, преклонив колени, исполнили раги. Затем зазвучала мелодия дхурпат, и певцы каввали запели хором. Потом кашмирские бродячие бханды разыграли веселое представление, а комедианты показали драму бхагат. Шах был так доволен, что повелел открыть казну и приказал: «Впустите всех жаждущих, и тому, кто просил одну рупию, дайте целую тысячу».

Отовсюду во дворец явились знатные женщины, луноликие и солнцеподобные, и принесли в дар роженице драгоценные подношения. Они воссели позади царицы и окружили солнце красоты прелестью многих лун. Казалось, будто чудом сошлись счастливые планеты Муштари и Зухра, и, узрев соединение солнца и луны, небесное

светило вспылало огнем ревности. Одним словом, во дворце расцвел сад красоты. Не умолкали приветствия и поздравления, и целых шесть дней красавицы, подобные розам, не покидали дворца.

Падишах определил в услужение царевичу множество нянек, мамок и кормилиц, и они принялись заботливо растить этот побег из сада прелести и красоты. С появлением на свет Ризван-шаха в стране расцвели роскошь и великолепие. По прошествии года в день его рождения падишах устроил пышное празднество. А когда этот юный кипарис из цветника власти начал ходить, повелитель отпустил на волю тысячи рабов и невольников. Минуло еще четыре года, и царевича стали учить грамоте, приставив к нему учителей и воспитателей.

Ризван-шах с первого же урока начал читать и стал великим знатоком грамматики. А затем в несколько дней он постиг логику, риторику, врачевание, словесность, богословие, философию и математику. И так преуспел в праве и геометрии, что не осталось и малости, которой бы он не знал. Он постиг все тонкости изящных искусств и, лишь раз поупражнявшись, освоил все виды письма: насталик, урус ул-хутут, рейхан, губар, насх, мелкий и крупный, «украшенный» и скоропись. Шикасте Имея склонность ко всему, что касалось военной науки он научился владеть саблей и кинжалом, умел распознавать яды и делать ловушки, искусно метал копье и стрелы, рубил палицей и мечом и снискал себе славу знаменитого борца.

Однажды, увидев, как он шутя натянул тетиву лука, все его наставники попрятались по углам, ибо и в этом деле не было ему равного. К одиннадцати годам сделался он столь непревзойденным знатоком поэзии и неповторимым ценителем музыки, был так проникателен и сведущ во всем, что слух о его совершенствах прошел по семи пределам.

Однажды этот месяц добродетели предстал перед падишахом и склонился в приветственном поклоне. А затем присел рядом с тронном на скамью сандалового дерева, украшенную бирюзой. Падишах с отеческой любовью запечатлел поцелуй на челе этого розоволикого месяца и, прижав его к груди, обласкал.

— Всевышний явил сегодня день, — изволил молвить он везирам, — когда солнце на небе моего желанья достигло зенита. Теперь же надобно, чтоб миновали дни

несчастья, ибо осталось лишь несколько месяцев до того, как царевичу исполнится двенадцать лет. А сейчас мы желаем взять сына с собой на охоту, дабы показать всему народу, как искусно держится он в седле. Завтра пятница, готовьте наш выезд и украсьте город зеркалами. Мы решили ехать верхом.

Р а с с к а з

о том, как царевич и его благородный отец поехали верхом и по пути попали в сад

Сказитель изящным почерком так выводит слова этого рассказа. Как только окончился шахский диван, все придворные разошлись по домам и принялись готовиться к торжественному выезду. Городские торговцы украсили свои лавки навесами из разноцветных тканей. В дверях и окнах выставили зеркала, чтобы выезд казался вчетверо красивее. Весь день подданные хлопотали и лишь ночью ели да пили.

Селезень утра красив:
Солнце-яйцо подхватив,
На востоке над миром взлетает.
Чуть завидев стремительный взлет,
Птица ночи на запад плывет,
И в мгновение тьма исчезает.

И как только настало светлое сияющее утро, амиры и везиры проводили Ризван-шаха в баню. Едва этот розовотелый скинул с себя одежды, белоснежная кожа его покрылась от жары капельками пота, словно в лунную ночь на небе взошли звезды или на лепестки розы пала сверкающая роса. Ему повязали бедра банной повязкой и, наполнив водой золотые и серебряные тазы, подобные солнцу и луне, окунули в них. Водяные капли, едва коснувшись головы царевича, брызнули жемчугами, и повсюду разлилось море красоты. Слуги, натянув на руки атласные перчатки, принялись тереть тело этого луноликого, и оно засияло, словно чистое золото.

Потом они закутали его в златотканое покрывало

и повели одеваться. Разложили перед ним украшения и одежды, и он сначала надел шелковые расшитые шальвары, а затем короткую рубашу, ворот которой был украшен самоцветами и оторочен золотой каймой, а подол сплошь расшит жемчугом. Затянув талию парчовым поясом, повязал голову светло-зеленой чалмой с узором из изумрудов и жемчужиной и алмазом посредине, увенчанной султаном из перьев птицы феникс. На руки надел драгоценные браслеты, а шею обвил бриллиантовым ожерельем, сияние которого озарило весь дворец. Короче, с ног до головы облачился он в роскошные одежды, и придворные вывели его из бани. Тут носильщики подали золоченый паланкин, выложенный узорчатым камнем, и Ризван-шах изволил занять свое место.

Как только царственные всадники выехали из дворца, войско радостно зашумело. Тысячи пеших и конных воинов собрались во дворе, и повсюду развевались тканые золотом хоругви. Вслед за падишахом двигалась вереница из сотен слонов, которые несли на спинах блестящие роскошью сиденья. По обе стороны верховых шли носильщики со всевозможными золочеными и посеребренными паланкинами, носилками, походными тронами на плечах. И были эти носильщики молоды годами, белы лицом и черны кудрями, так что казалось, будто на лице у них сошлись белый день и черная ночь. Были они одеты в вышитые рубашки и тюрбаны с парчовым концом и двигались проворно, положив руки друг другу на плечи и оглашая воздух криками. А рядом конюхи вели на шелковых поводьях шахских лошадей в драгоценной сбруе: арабских, иракских, турецких и прославленных коней с Кача. Над головами падишаха и царевича несли разукрашенные зонты, а впереди — опахало из павлиньих перьев.

Всех вестников, глашатаев и даже
Надсмотрщиков и старшего над стражей,
Копейщиков, оруженосцев сотни,
Несущих службу в каждой подворотне,
К дворцу созвали барабанным боем, —
Явились все без промедленья строем.

Самыми первыми шли факельщики и музыканты, а барабанщики ехали на слонах и конях и били в барабаны. Одним словом, шествие это походило на свадебный поезд, и сколько ни было в городе мужчин

и женщин, все они вышли посмотреть на Ризван-шаха. Всякий подносил ему богатые подарки и, едва взглянув на царевича, сейчас же влюблялся в него без памяти. Был ли то выезд царственных особ или, может, весенний ветерок, от которого расцвел волшебный цветник? Все великолепие этого шествия можно было сравнить лишь с рекой красоты.

Как только всадники выехали из городских пределов, показалась огромная равнина, покрытая зеленой травой, будто изумрудным ковром. В источниках и мраморных водоемах сверкала вода, как лист серебра среди клумб, повсюду теснились строения. С сиреневых гор стекали водопады, даруя наслаждение, а рядом струилась глубокая и полноводная река, берега которой были одеты камнем. По ней молнией проносились лодки и барки, шлюпки для прогулок, ялики и грузовые баржи. Стояли на якорях военные и торговые корабли, а по берегам в белоснежных беседках сидели сотни красавиц, любуясь зрелищем царственного выезда.

Затем всадники отправились дальше и подъехали к горе, на которую вела лестница из черного и белого камня. Войско осталось внизу, а военачальники спешили и, выстроившись цепочкой, подняли паланкины шаха и царевича на самую вершину. Оттуда насколько хватало взора простирался огромный луг, цветущий бальзамином.

С приятностью прогулявшись по горе, они спустились вниз и увидели удивительный сад, которому позавидовали бы райские цветники. Белокаменная ограда, украшенная узорами из цветов, сияла словно зеркало.

Под стеной был разбит виноградник. Вверх вилась гибкая лоза, полная изумрудно-зеленых листьев и рубиновых гроздьев. Самые большие и спелые из них, подвязанные шелком и золотой нитью, были столь прекрасны, что всякий любитель вина упивался бы их видом. Повсюду стояли ласкающие взор беседки с золотыми и алмазными шестью и кровлей из парчи, расшитой серебряной нитью. И украшали те беседки тканые занавеси.

Земля вокруг была гладкая и ровная, как лист сандала, на котором проворный слуга — утренний ветер — не оставил ни пылинки. Разноцветные клумбы пестрели как драгоценные камни, и от алых роз сад полыхал огнем. Дул ароматный ветерок, дарующий отдохновение, и текли прихотливые ручейки. А в середине цветника, будто

сапфировая стрела в мраморной оправе, протянулся прекрасный канал, все четыре рукава которого были полны прозрачной водой. Били фонтаны, сделанные из золота и серебра, очертаниями подобные цветам и птицам, и струи воды, рассыпаясь в воздухе, казались распускающейся розой. В воде плескались серебристые рыбки, то всплывая наверх, то ныряя в глубину. На клумбах цвели цветы всех времен года: тюльпаны и нарциссы, маки, жасмин, ромашки и туберозы, базилик и иудино дерево — всех не перечислить. И каждый цветок любовался видом тысяч других.

В строгом порядке росли пышные деревья, и ветви их были обвязаны драгоценным шитьем. На каждой ветке качался фонарь или лампа, разгоняя ночную тьму, а беседки из стеблей хенны сверху донизу обвивали парчовые шнуры. И не было в этом цветнике уголка, где бы, подобно грациозным красавицам, не толпились кипарисы, можжевельники, самшиты и сосны. Удивительное зрелище являл собой этот цветник, ибо в нем каждая роза слышала имя Садовника мирового сада, а всякий нарцисс зрел его лик.

Показав Ризван-шаху окрестности, падишах распорядился натянуть на золотые и серебряные стойки вышитый шатер и застлать беседку зеленым бархатным ковром. А затем вместе с царевичем вошел внутрь и воссел на троне. Отовсюду явились вельможи и преподнесли правителю праздничные дары. Весь день длилось шествие. Важно ступая белоснежными, как серебро, ногами, вошли виночерпии и наполнили хрустальные чаши вином, благоухающим сильнее, чем розовая вода. Красивые лицом музыканты запели, и все в собрании увидели, как розовое вино стало рубиновым. И было оно так прозрачно, что никто не мог различить, где рубиновая чаша, а где рубиновый напиток, будто розовощекий виночерпий держал вино на ладони. Сладкогласные музыканты ублажали слух пирующих райскими чарующими звуками саза, а голоса певцов проникали в душу, как радостная весть о вечной жизни.

Целый день не кончался праздник роскоши и веселья. И когда наступил вечер, танцор времени, одетый в небесную синеву, спрятал в сундук запада тамбурин солнца и достал из футляра востока серебряный бубен луны. Повсюду зажглись огни — это в собрание внесли всевозможные фонари. На каждом дереве, каждой ветке в саду

зажгли светильники, а в цветнике расставили зеленые и красные подсвечники-лотосы с зажженными свечами. Созерцание этого лунного вечера, зрелище освещенного сада и его отражения в водах канала даровало наслаждение, а фейерверк, взлетавший в воздух у подножия горы, радовал взор.

Всю ночь падишах и царевич наслаждались танцами и пением. А когда забрезжил рассвет, утомленные танцовщицы, наконец, сели. С похмелья глаза этих розоволиких покраснели, будто на лепестках розы выступили алые прожилки. Их смех и щебет звенели мелодией прохладного утра. Одни из них, опьянев, спали там, где застиг их сон, другие умывались на берегу канала, третьи, нарвав цветов, плели венки, а четвертые, стоя под деревом, пели рагу бхайрав.

В полдень падишах изволил откусать и, спустившись с горы на берег, где стояли беседки, вместе с Ризван-шахом укрылся в летнем дворце из сандалового дерева. Луноликие красавицы и наложницы собрались на берегу и, усевшись на позолоченные стулья, стали ловить рыбу. Кто удочкой, а кто — крючком, кто на наживку, а кто — сетью.

В тот день небо затянули облака, дул прохладный ветерок и слегка накрапывал дождь. Шелестела зеленая трава, где паслись тысячи антилоп, ланей, оленей и лосей, отловленных для шахской охоты. С рисовых полей, лежащих в поймах рек, доносилось воркование куropаток, а из манговых рощ — кукованье койлы. Вдруг грянул гром, блеснула молния, в летнем дворце сорвались с крюков гамаки, и красавицы, качавшиеся в них, запели песню сезона дождей. Короче, это зрелище было подобно картине искусного художника.

После полудня Ризван-шах, испив вина, решил поохотиться и спросил на то дозволения у падишаха. «Очень хорошо», — отвечал повелитель. Глядь, по одну сторону стоят ловчие в розовых одеждах и с ними своры собак, арабских и турецких, длинношерстных и гладких, а с другой — охотничьи леопарды и рыси. Сокольниковые, надев вышитые перчатки из оленьей кожи, держат наготове соколов, ястребов и перепелятников. Падишах отрядил царевичу в провожатые везиров и сардаров, и, как только тот отправился в путь, доезжачие поскакали вперед. В охоте Ризван-шаху сопутствовала удача, и, когда он с богатой добычей возвращался назад, вдруг появи-

лась красавица антилопа. Спину ее покрывала вышитая попона, рога сверкали рубинами и алмазами, а на копытах звенели золотые колокольчики. Царевич увидел прекрасную антилопу и сразу в нее влюбился.

— Эй, ловчие, — промолвил царевич, — нам еще не попадалась такая дичь. Поймаю-ка я ее живьем.

И собственноручно взяв силок, он погнался за антилопой. Та было бросилась прочь, но со всех сторон ее окружили охотники. И тогда она нырнула в пруд и исчезла.

Р а с с к а з

о том, как Ризван-шах полюбил пери в образе антилопы, которая давно уже пылала к царевичу страстью

Рассказчик так продолжает эту повесть. Увидев столь необыкновенное чудо, охотники пришли в изумление. А царевич, спешившись, уселся прямо на земле у края пруда и сказал:

— Пока прекрасная антилопа не покажется из воды, я ни за что не уйду отсюда.

— Это не антилопа, — говорили ему все вокруг. — Разве вода — место для дикого животного? То какой-то злой дух. Не думайте о нем и пожалуйте в обитель счастья.

Но ничем нельзя было убедить царевича. Он продолжал рыдать и не отрывал глаз от воды. Тогда, отчаявшись, придворные вернулись к падишаху и доложили ему о случившемся. Тот в волнении сей же миг оседлал коня и поскакал к пруду. И всякий, прослышав об удивительном событии, поспешил туда же, так что поднялась сутолока и суматоха.

Повелитель, увидев отчаяние сына, распорядился поставить на берегу трон, и царевич, поднявшись с земли, воссел на нем. Казалось, он потерял рассудок и не может думать ни о чем, кроме прекрасной антилопы. Глядя на него, плакал падишах и убивались наложницы. Никто не в силах был сдержать слез. Одни в печали и тоске утира-

ли глаза, другие восклицали: «Что за рассказы?!» «Царевича околдовала пери», — убеждали третьи. А четвертые, прочитав двестише: —

Испил из чаши он любовного сближенья
И воспылал к кому-то страстью, без сомненья, —

добавляли: «Не принимайте его за сумасшедшего, ибо на лице его все приметы любви».

Одним словом, миг обитель радости стала домом печали:

Мужчины, женщины склонились, спины горбя,
Дворец веселия стал домом долгой скорби.
Увял бутон надежд... Несчастье какое!
Все соловьи вокруг лишаются покоя.

Опечаленные наложницы пытались выведать у царевича, кто виновница его тоски, но он им не открылся. А когда падишах повел его в город, наконец нарушил молчание и проговорил:

— Скорее постройте мне на берегу этого пруда царственный дворец.

Прибыв в столицу, падишах созвал сведущих лекарей и приказал им излечить недуг царевича, однако с каждым днем страдания больного лишь множилось. Когда же дворец на берегу был построен, Ризван-шах немедленно отправился туда и, увидев его, очень обрадовался. Потом он распорядился устроить у пруда помост и поставить на нем изукрашенный трон, вокруг которого сидели бы райские птицы с жемчужными ожерельями в клювах. А по бокам каждой птицы стояли бы позолоченные кувшины, увитые гирляндами из сапфировых и бриллиантовых цветов с топазовой сердцевиной. Затем велел он разостлать маснад, украшенный ветвями из хризолитов и листьями из изумрудов.

Царевич взошел на этот трон и с тех пор сидел на нем день и ночь, не вступая ни с кем в беседу. И так провел он немало времени, но болезнь все не покидала его. Была у царевича нянька, которая знавала в жизни слезы и горе, повидала худые и добрые дни. Однажды пришла она на берег и сказала:

— О любимец матери! Пораскинь-ка мозгами, и ты поймешь, что то был не зверь. Часто эти пустынные места посещают джинны и пери. Наверно, кто-то из них

принял облик антилопы, чтобы подшутить над тобой. Все это колдовские чары. Выбрось их из головы и займись делами государства.

— Все это так, — ответил царевич. — Но пока я не узнаю, кто эта антилопа, не успокоюсь.

— То джинн в образе зверя, — продолжала нянька. — А там, где живут люди, джинны не появляются в своем подлинном виде. Послушай меня, и я тебя вылечу.

— Согласен, — кивнул царевич, — говори же.

— Ступай в город и не допускай сюда никого. Я же останусь здесь и сделаю что смогу.

Ризван-шах повиновался и, поручив дворец кормилице, возвратился в столицу. Нянька же занялась делом: расставив по всему дому курильницы, она день и ночь жгла в них амбру, алоэ, мускус и другие благовония и читала заклинания джиннов. Так прошел год, но тщетны были все надежды.

И вот настал день, когда в воздухе показался украшенный самоцветами трон. Пери опустили его на берег пруда, и нянька увидела, что на землю сошла луноликая красавица лет двенадцати. Искушавшись и облачившись в богатые одежды, она воссела на трон царевича. А прислужницы стали играть на сазах и танцевать.

При виде этого зрелища кормилица пришла в изумление: «Во сне я иль наяву?» И застыв под деревом, долго созерцала это собрание владычиц красоты и гурий изящества. Вдруг взгляд главной пери, небесной чаровницы, упал на нее. Кликнув служанку, она приказала:

— Позови-ка ту женщину.

Пери подвели кормилицу к своей госпоже, и нянька склонилась в приветственном поклоне. А красавица, отличив ее, усадила рядом с собой и спросила:

— О любезная матушка! Часто посещаю я сей берег, ибо здесь излюбленное место наших прогулок. Но никогда не видела я этого дворца. Кто построил его и что ты здесь делаешь совсем одна? Откройся мне!

Выслушав царевну, нянька как тень распростерлась у ног солнцеликой.

— О слава небес! — воскликнула она. — Поведайте прежде о себе, а там, глядишь, и ко мне вернется дар речи.

И пери, открыв мускусные уста, сладчайшим языком повела рассказ:

— Я — дочь падишаха джиннов, а имя мое — пери Рухафза. Есть в океане остров, который люди называют страной Шейс. Живет там джиннов, что песчинок в пустыне и звезд на небе, а правит ими мой отец. Ну, а теперь говори, по какой причине ты живешь здесь в одиночестве?

— Я расскажу свою историю, — сложив почтительно руки, отвечала кормилица, — да боюсь, как бы от моих речей не помутнело зеркало сердца повелительницы небес.

— Говори спокойно и не таи в душе страха, — повелела Рухафза, — я исполню все твои желания и сделаю все, о чем ты попросишь.

И нянька поведала историю о том, как Ризван-шах отправился на охоту и, увидев здесь антилопу, повелел построить на этом месте дворец, и добавила:

— Так царевич и не знает, какая пери скрывалась в облике той газели, и день и ночь мечется, подобно безумному Маджнуну, по лесам и пустыням. Стекло его сердца иссечено страданиями, будто он отмечен печатью Сулеймана, и никого не желает он слушать. Если вам известна тайна того зверя, соизвольте раскрыть ее.

Пери выслушала рассказ няньки и, не сдержав смеха, сказала:

— Эй, старуха! Та антилопа, что похитила сердце охотника, вовсе не зверь. Это я заманила царевича в силлок привязанности. Пошел уж девятый год с тех пор, как я увидела его впервые и полюбила. Но мне хорошо известно, что люди коварны и вероломны. Посему, покинув любимого, я горю в огне разлуки. Раз в месяц я издали гляжу на этот райский дворец, дабы не обнаружить любовного пламени и не выдать своего позора.

Услышав эти пылкие речи, кормилица обрадовалась и воскликнула:

— О океан красоты! О солнце с небес женственности! Царевич нетерпелив и в желании обладать тобою посыпает голову прахом мучений. Он не знает, кто та, к которой он так стремится. О светоч в собрании добродетели! О жемчужина в раковине любви! От твоего милосердия зависит, всплывет ли утонувший в океане скорби из пучины тоски и достигнет ли он берега своего спасения.

— Я же тебе сказала, — остановила ее Рухафза, — что в смертных нет ни капли верности. Не смей и просить об этом!

— О стройный кипарис в цветнике прелести, — про-

должала нянька, — разве я призывала тебя соединиться с царевичем? Но для больного любовью достаточно один раз узреть тебя, чтобы утолить жажду шербетом твоего лицезрения. Кроме этого нет для него иного лекарства, ибо лекарь страсти прописал ему такой рецепт: «Гиацинт кудрей, алая роза ланит, амбра родинки, рубины уст, нетронутый жемчуг зубов, черный мускус локонов, белый сандал чела, миндаля очей, фисташковый орех рта, яблоко подбородка, золотая фольга тела, кораллы рук, серебристый цинк ног, ароматное вино из ячменя щек». Напой же друга шербетом встречи и даруй ему исцеление, ибо на базаре красоты только у тебя есть такие снадобья.

И кормилица так расписала страдания царевича, что глаза пери наполнились слезами и она сказала:

— Будь по-твоему. Ступай, приведи его.

Та поклонилась и в сей же час, оседлав коня, поспешила в город. Обо всем поведав Ризван-шаху, нянька воскликнула:

— Поспеш! Всевышний исполнил твое желание, ибо луноликая воспылала к тебе страстью.

Царевич вмиг без колебаний вскочил в седло и поскакал в свой дворец. Подъехав поближе, он спешился и один, без свиты, подошел к воротам. Кормилица же, войдя в покои, объявила Рухафзе:

— О гурия из сада радости! О свет дня свободы! Явился раненный мечом твоего взгляда.

Тогда Рухафза грациозно сошла с трона и вместе с другими пери вышла царевичу навстречу.

Р а с с к а з

о том, как царевич и пери Рухафза встретились с помощью кормилицы и как падишах Чина и отец Рухафзы ушли из брэнного мира в мир духов

Рассказчик говорит: как только пери кипарисом из сада добродетели предстала перед царевичем, ему показалось, будто сама красота и изящество одарили его

своим присутствием. Разве сравнишь ее чело с луной в ночь полнолуния? Что ниша михраба в сравнении с ее бровью, а сердцевина нарцисса — рядом с глазами? Алые прожилки в ее глазах — словно красные нити на розовых лепестках. Ланиты рдеют, будто застыдившиеся от нескромных взоров розы, и на лице от смущения выступили капельки пота. Одна из них блестит в ямочке на подбородке, как родник на солнце. *В шелк одетая, очарованьем согретая; лицом прекрасная, как луна, ясная; миру украшение, тюльпану поношение; газелеокая, гиацинты локоны; месяцем бровь, губы как кровь.*

Когда царевич увидел эту солнцеликую, в глазах у него вспыхнул огонь, душа дрогнула, а в голове помутилось. Чуть было не упал он без чувств, но Рухафза взяла его за руку, подвела к трону и усадила рядом. А Ризван-шах не сводил глаз с красавицы, и страсть его все разгоралась. Пери же, обратясь к нему, промолвила:

— Слышали мы, что ты воспылал к кому-то любовью. Хотелось бы узнать, кто она. Тогда, встретившись с нею, я помогла бы вам соединиться. Проведав от кормилицы о твоих терзаниях, я преисполнилась к тебе состраданием. Истинная страсть велика. Создатель того не сделает, что совершит влюбленный.

— О гурия земного рая, слушай, — отвечал Ризван-шах, — вот уж давно, томясь по тебе, я всей душой отдался науке горести и тоски. В сердце мое вступило войско скорбей и печалей. Пленили они правителя-душу силком кокетливых взглядов и заточили в темницу разлуки. Кого же, кроме тебя, о сад надежд, можно полюбить? Ныне судьба благосклонна ко мне, ибо радость встречи откинула с твоего лица покрывало и явила прекрасный образ невесты. Теперь следует возблагодарить создателя. Ведь если бы у меня на месте каждого волоска выросла тысяча языков, и тогда бы я не смог воздать ему хвалу.

И сказав так, он, подобно цветущей ветви, обвил рукой стан пери и приник рубиновыми устами к бутону ее рта. Рухафза же, охваченная любовью, бросилась в его объятия. Открылись врата в сад наслаждения, опьянели они от вина близости и предались ласкам и поцелуям. Ризван-шах то припадал губами к устам пери, то страстно привлекал ее к своей груди. Одним словом, он вел себя, как одержимый Маджнун на свидании с Лейли.

Но не прошло и часа, как с неба спустился летающий трон, и с него сошла юная прекрасная пери и будто принесла с собой печаль. Она роняла слезы, подобно весенней туче, и, подойдя к Рухафзе, заговорила с ней на языке джиннов. Выслушав ее, царица с такой силой ударила себя по щекам, что они заалели, и испустила горестный вздох, от которого могло бы затуманиться зеркало солнца. Из бутона рта, как из уст соловья, вырвались стенания, а прислужницы пери принялись рыдать и рвать на себе волосы. При виде этого зрелища Ризван-шах в волнении обнял возлюбленную и воскликнул:

— О душа мира! О плод с дерева счастья! Что с тобой приключилось? Скорее скажи мне!

— Ах, Ризван-шах, — отвечала пери, — что же сказать, когда на меня обрушилось небо печали и скорби. Эта пери — Маймуна, дочь везира моего отца. Она принесла весть о смерти падишаха, а также о том, что сын моего дяди Манучехр хочет завладеть престолом. Все военачальники во главе с везиром собрались в городе и послали за мной.

— О царица, — спросила тут Маймуна, — что это за юноша?

— Это правитель и владыка Чина, забота моего сердца и утешение души, — сказала Рухафза. Маймуна ничего на это не ответила, а лишь воскликнула:

— Немедля отправляйся спасать свое царство, не то потеряешь его. А сюда ты еще вернешься.

— Сейчас нам предстоит важное дело, — обратилась Рухафза к царевичу, — посему я расстаюсь с тобой. Наберись терпения. Через два-три дня я возвращусь.

Затем со слезами на глазах и раной в сердце она села на трон и отправилась в страну пери. Оставшись один, царевич заметался в тоске. Он сел на трон и начал безутешно рыдать.

Вдруг за воротами послышался шум. Глядит: во дворец, плача и стона, входят приближенные и советники его отца; головы их не покрыты, лица перепачканы пеплом, одежды разорваны. Упав к ногам царевича, они воскликнули:

— Сегодня падишах покинул сей бранный мир.

Услышав о смерти отца, Ризван-шах упал с трона и стал кататься по полу. Везиры подняли его, посадили на коня и повезли в город. Там, оплакав и похоронив па-

дишаха, он в печали взошел на престол. В столице стали чеканить его монету, а сам он принялся за государственные дела, однако днем и ночью думал лишь о своей солнцеликой.

Р а с с к а з

о том, как Рухафза стала править во владениях своего отца и как Маймуна принесла Ризван-шаха к Манучехру и его заточили в темницу

А теперь послушайте немного о Рухафзе. Когда она прибыла в свой город, везиры сделали ее правительницей и стали служить ей. Однако рассказчик так продолжает свою повесть. Пери Маймуна, что прилетала за Рухафзой, пылала любовью к Манучехру. Каждый день она приходила к нему и говорила так:

— О повелитель мира и смертных! Напрасно ты губишь свою душу, вздыхая по Рухафзе. Никогда она, жестокая, не ответит на твою любовь.

Однако же он был очарован Рухафзой и сходил по ней с ума, а потому не слушал никаких увещаний. На сей же раз, увидев Рухафзу с Ризван-шахом, Маймуна все рассказала Манучехру и прибавила:

— Ты страдаешь по ней, а она наслаждается любовью со смертным. Разреши мне служить тебе, и все желания твоего сердца исполнятся.

Узнав о случившемся, Манучехр побледнел и сказал так:

— Мне хорошо известны твои желания. Посему я не верю ни одному твоему слову.

— Прикажи, и я сейчас же доставлю его сюда, чтобы он сам во всем признался. Тогда ты мне поверишь?

— Без сомнения.

Тут Маймуна поднялась в воздух и полетела в страну людей. А там сидел на престоле Ризван-шах и в разлуке с любимой проливал слезы. Вот уже два дня и две ночи он не ел и не пил. На третье утро вошли к нему придворные, успокоили и накормили. Вечером Ризван-шах

отправился во дворец на берегу пруда, прилег там и уснул. В полночь прилетела Маймуна и видит: царевич крепко спит. Она подняла ложе вместе со спящим царевичем в воздух, перенесла в город Шейс и опустила подле Манучехра.

Ризван-шах пробудился, глядит и не узнает ни дома, ни сада. Он в каком-то чужом дворце, у его ложа на изукрашенном сиденье восседает незнакомый юноша, прекрасный как полная луна, а рядом с ним стоит та красавица, что принесла Рухафзе весть о смерти ее отца.

— О стройный кипарис, — обратился он к ней в изумлении, — как я попал в этот дворец?

— С той минуты, что царица вернулась, — отвечала пери, — она день и ночь призывает тебя. А этот высокородный — сын ее дяди. Услышав, как тебя превозносит Рухафза, он воспытал желанием встретиться с тобой. По воле правительницы я отправилась в путь и принесла тебя сюда. Можешь считать этот дом своим и ничего не опасаться. Сейчас царица занята, а как освободится от дел, придет. Но вот что меня удивляет, о властелин мира, как ты — человек и она — пери, происходя из двух враждующих родов, пришли к согласию?

Тогда царевич рассказал всю свою историю: как он поехал на охоту, увидел антилопу и влюбился. Маймуна же, обратившись к Манучехру на языке джиннов, сказала:

— Ну, теперь, наконец, ты мне веришь? Разве я не говорила, что она коварна? Однако потерпи. Я знаю средство, как проучить Рухафзу и сделать так, что в ее сердце навсегда останется рана.

— Что же это за средство? — спросил Манучехр.

— Я убью этого юношу, и никто об этом не узнает.

— Но он неповинен в том, что случилось, — возразил Манучехр. — Она одна всему виной.

— Ну что ж, если ты не согласен, есть и другой способ. Прикажи, и я заточу его в таком месте, что, увидя его страдания, заплачут лишь рыбы в воде да птицы в воздухе.

— Пусть будет так, — отвечал Манучехр.

Тогда Маймуна подала Ризван-шаху гирлянду и сказала:

— Эти цветы растут только в нашей стране. Понюхай, какой аромат.

Понюхав цветы, царевич чихнул и упал без чувств.

Маймуна же унесла его в заточенье, а затем, вернувшись, доложила обо всем Манучехру. Когда же Ризван-шах пришел в себя и огляделся, то видит: со всех сторон окружает его океан, посреди которого возвышается огромный столб, а на нем стоит железная башня. В этой-то башне он и заточен. Царевич заплакал и загоревал, однако помощи ждать было неоткуда. Кроме терпения и смирения, не было у него иного средства. Посему, умолкнув, он опустил на пол, но при виде этого соловья, плененного жестоким ловцом птиц, плакала сама весна, а царевич, запертый в клетке печали, тосковал, вспоминая желанную розу. Каждую ночь сгорал он, подобно мотыльку, в пламени любви к той свече из собрания изящества и в муках одиночества, словно одержимый, то смеялся, то рыдал, то погружался в сон, то пробуждался.

Ну, а теперь, узнав все о нем, послушайте, что случилось в его царстве. Утром кормилица открыла глаза и не нашла ложа царевича. В беспокойстве бросилась она всех будить и вопрошать: «Где Ризван-шах?» «Мы спали и ничего не знаем», — отвечали слуги.

Увидев, что двери заперты, нянька подивилась, как мог царевич пропасть. Осмотрела все углы, но нигде его не нашла. Тут по городу разнеслась весть, что Ризван-шах исчез. Все придворные собрались в саду, опечаленные этим известием больше, чем недавней смертью падишаха. А по прошествии нескольких дней прознали об исчезновении Ризван-шаха враги и, собрав армии, двинулись со всех сторон на страну Чин. Тогда везиры провозгласили одного из правителей своим падишахом и повели войну с врагами. А кормилица ушла в загородный дворец царевича и принялась там плакать и рыдать.

Однажды Рухафза вместе со свитой прилетела на троне к берегу пруда. Увидев, что дом пуст, она ступила на землю и вошла в покои. Смотрит, кругом ни души и лишь нянька царевича жжет в беседке благовония и колдует. Царевна подошла к ней, а та, услышав звук шагов, обернулась и увидела желанную гостью. Тут кормилица упала к ногам Рухафзы и громко разрыдалась. Пери, взяв ее за руки, подняла и прижала к груди.

— Нянюшка, — спросила Рухафза, — что с тобою? И где Ризван-шах?

— О бальзам для раненого сердца! — вздохнув, отве-

чала кормилица. — С того дня, как ты покинула этот дом, царевич тосковал в разлуке и дни напролет плакал. А на третью ночь куда-то исчез из дворца вместе с ложем, и неизвестно, кто его унес.

При этих словах лицо Рухафзы от гнева стало алым, как рубин. Взглянув на Маймуна, она воскликнула:

— Не знаешь ли ты, кто мог осмелиться похитить моего возлюбленного?

— О царица небес, — ответила Маймуна, почтительно сложив руки, — ни у человека, ни у джинна не хватит на это мужества. Разве какой-нибудь несчастный, которому не дорога жизнь...

— Отправляйся со мною, — обратилась Рухафза к кормилице, — будем искать его вместе и узнаем, где он и кто его похитил.

И посадив няньку на свой трон, она возвратилась в город Шейс. Войдя во дворец, они уединились и, вспоминая Ризван-шаха, не могли сдержать слез. Затем царевна послала во все стороны джиннов на поиски. Маймуна же пришла к Манучехру и сказала так:

— О владыка духов! Царица ищет Ризван-шаха и разослала повсюду своих слуг. Как теперь быть?

— Маймуна, это ты учинила над ним расправу и спрятала подальше от людей, — отвечал Манучехр. — Если Рухафза прознает, что его заточили с моего согласия, она ни меня, ни тебя не оставит в живых. Говорят, умный враг лучше глупого друга. По-твоему, ты мне услужила, а по-моему, навредила. Да и себе пользы не принесла.

— Потерпите еще немного, — сказала Маймуна, — даже если люди и джинны вместе будут искать Ризван-шаха, они не сыщут его до конца света. А вы лучше обдумайте другое дело.

— Какое же?

— Отправьте Рухафзе уведомление о вашей свадьбе. Хотя она теперь и правительница, но связана словом, ибо ее отец помолвил вас. Прикажите моему отцу, чтобы он, собрав всех придворных, явился к ней с этой вестью. Посмотрим, какой она даст ответ.

Всей же миг Манучехр сел на коня и поскакал к дому везира. Тот вышел гостю навстречу и с поклоном усадил его. Затем, почтительно сложив руки, спросил:

— Господин, что заставило вас утрудить себя?

— Причина моего прихода в том, что покойный дядя

помолвил меня с Рухафзой, а теперь она стала правительницей. Передай же ей наше предложение, да приложи усилия, ибо в этом деле и тебя ждет выгода.

Везир с радостью согласился и ответил:

— Не тревожьтесь. Я исполню все, что приказал господин.

Тогда Манучехр вернулся домой, а везир и еще несколько придворных отправились к Рухафзе и передали ей слова царевича. Пери же терзалась любовью к Ризван-шаху и пылала в пламени разлуки. Жизнь казалась ей несчастьем. Она выслушала везира и, полыхая гневом, как огнедышащий дракон, закричала:

— Ну и глупец же он, если питает такие надежды!

И обращаясь к везиру, добавила:

— Схватите Манучехра и доставьте сюда.

Везир задрожал от страха и тотчас распорядился заковать Манучехра в цепи и привести во дворец. Рухафза же повелела:

— Заточите его в темницу!

Р а с с к а з

о том, как заключили в темницу Манучехра и Маймуна пошла к колдунье Бадре, как заточили Рухафзу, Манучехр стал падишахом, а Ризван-шах обрел свободу

Как только весть о заточении Манучехра дошла до Маймуны, та, побледнев от горя, зарыдала и запричитала. Ночью она пришла к нему в темницу и сказала:

— Разве я не говорила тебе, как она коварна? Нельзя верить ее словам и обещаниям. Видишь, чем дело кончилось. Как же мне теперь освободить тебя?

Манучехр, роняя слезы, ответил:

— О верный и сострадающий друг! Что мне написано на роду, то и случилось. Однако если ты совершишь два дела, без которых не видать мне лица свободы, я буду век тебе благодарен.

— Что ни прикажешь, на все согласна.

— Прежде всего склони своего отца и всех военачальников на мою сторону. А потом отправляйся на остров Сулукия. Там живет колдунья по имени Бадра, которую я почитаю своей матерью, да и она меня любит не меньше, чем своих сыновей. Никто в целом мире не сравнится с ней в волшебстве, ей подвластны все семь пределов. Захочет она, и одним заклинанием в мгновение ока сведет небо на землю. Иди к ней и расскажи обо всем, что со мной приключилось. Как она повелит, так и сделай. Если всевышний сотворит милость и освободит меня из темницы, никогда не преступлю я твоей воли.

И в сей же час Маймуна, расставшись с ним, пустилась в путь к острову Сулукия. Через несколько дней достигла она цели и видит: стоит замок из черного камня, а во дворе замка сидит на спине у дракона старуха, уродливая лицом и злобная нравом, и бормочет заклинания, вызывая духов. Перед нею стоит печь, а огонь в ней горит сам по себе, ибо языки его пламени ведут разговор с небом.

Маймуна подошла поближе и склонилась перед старухой в поклоне. Бадра же, глянув на нее, закричала:

— Эй, несчастная! Кто ты такая и зачем пришла в дом, куда никому нет хода?

— Я-то не несчастная, — отвечала Маймуна, — несчастен тот, кому сюда не попасть. Мне же сопутствовала удача, ибо я достигла цели. Прислал меня Манучехр, и, если позволите, я объясню зачем.

Как только Бадра услышала имя Манучехра, она радостно улыбнулась и воскликнула:

— Так это же мой сынок. Где он и чем занят? Вот уж много дней я ничего о нем не знаю. Хорошо, что ты пришла. Расскажи мне, как он живет.

— О владычица магов, — сказала Маймуна, почтительно сложив руки, — вы, верно, знаете Рухафзу, дочь дяди Манучехра. Они были помолвлены, но ее отец умер, и она воссела на шахский престол. Манучехр предложил ей выйти за него замуж, да она уже влюбилась в одного смертного. Узнав о намерениях Манучехра, Рухафза пришла в ярость и заточила его, беднягу, в темницу. Потому-то он и послал меня к вам со словами: «Поведай обо всем моей матушке. Что она пожелает, то и сделает». Вот я и пришла. Приказывайте, все исполню.

При этих словах у Бадры потемнело в глазах от гнева.

— Маймуна, — воскликнула она, — ты увидишь, как я расправлюсь с Рухафзой. Вся земля Шейс будет помнить.

И взяв Маймуну за руку, она полетела в Шейс. У входа в город дорогу им преградила река. Бадра прочла несколько заклинаний, дунула, и вмиг вода превратилась в камень. Они прошли по нему во дворец и вступили в покои Рухафзы, та стала звать на помощь, но Бадра, взяв щепотку горчичных зерен и горошин, произнесла заклинание и бросила их в пери. В тот же миг Рухафза вскрикнула и упала замертво. Тогда Бадра велела Маймуне:

— Ступай, приведи Манучехра.

Та отправилась в тюрьму и, освободив царевича, привела его во дворец. Бадра посадила его на трон, а затем сказала Маймуне.

— Позови теперь к нам своего отца со всеми придворными.

Маймуна послала за отцом, и вскоре он явился, ведя за собой военачальников, и приветствовал Бадру.

— Эй, вы, — закричала эта негодница, — отныне Манучехр — ваш падишах. А Рухафзу — свою пленницу — я возьму с собой. Кто же из вас не признает Манучехра и вступится за Рухафзу, погибнет от моей руки.

Что делать, пришлось придворным покориться. Бадра вместе с бездыханной Рухафзой вернулась на остров Сулукия, а Манучехр женился на Маймуне, и они, забрав себе все богатства царевны, стали править страной Шейс.

Однажды Маймуна увидела кормилицу Ризван-шаха и приказала слугам:

— Уведите ее подальше и убейте.

Однако Манучехру стало жаль старуху:

— Несчастливая ни в чем не повинна. Зачем ее убивать? Какая польза от напрасно пролитой крови? Пусть себе идет на все четыре стороны.

Тогда Маймуна велела приготовить лодку, положить в нее еды и питья на несколько дней и, посадив няньку, пустить лодку по морю. Пока оставались у кормилицы припасы, она кое-как держалась. А когда пришел им конец, старуха потеряла всякую надежду и зарыдала от одиночества, в тоске оглядывая небо и океан. Через несколько дней по божьей воле лодку принесло к башне,

где томился царевич, и закрутило возле нее в водовороте.

Но теперь посмотрим, что было с Ризван-шахом. Он, бедняжка, оплакивал свою горькую долю, день и ночь вознося к престолу всевышнего молитвы об освобождении и встрече с Рухафзой. Однажды сидел он так, с надеждой обозревая бескрайний океан. Вдруг видит: быстрее ветра несется увлекаемая течением лодка, а в ней, уронив голову на колени, сидит старая женщина. Волей судьбы лодку вскоре прибило к башне. Ризван-шах, обрадовавшись, подумал: «Милостив Аллах, что являет мне после столь долгого времени человеческий лик», — и окликнул старуху.

Нянька подняла голову и осмотрелась по сторонам. Никого не увидев, она подивилась: «Кто же это кричал?» Тут взгляд ее упал на башню. Глядит, стоит среди пучины столб такой высоты, что ни стражнику, ни дозорному не взобраться на него без лестницы. А на самом верху сидит Ризван-шах. Увидела она его, охнула и лишилась чувств.

А Ризван-шах в недоумении, что же приключилось со старухой, призвал тысячу и одно имя господ, спрыгнул с башни и влез в лодку. Смотрит, а это его нянька. Тогда, повернувшись к кибле, он простерся в благодарственной молитве всевышнему, а затем плеснул в лицо кормилицы водой. Та открыла глаза — видит, рядом стоит Ризван-шах. Тогда она поклонилась ему до земли и воскликнула:

— О любимец матери! Какое счастье, что сохранил тебя создатель! Но расскажи, как ты здесь очутился?

— А ты, нянюшка, как сюда попала?

И она рассказала ему все с начала до конца и добавила:

— Надо уповать на лучшее, ибо всевышний даровал надежду смертным. Создатель милостив, что явил мне твой лик. Открой же мне свои намерения.

— Не будем горевать, — отвечал царевич, — если всевышний сохранил нам жизнь, то пошлет и свободу. Давай постараемся переплыть океан.

С этими словами стал он грести изо всех сил, пока лодка не вышла из водоворота и не поплыла согласно его воле. Ризван-шах обрадовался, надеясь, что скоро появится берег, но только он подумал об этом, глядит,

с лодкой поравнялся крокодил. При виде чудовища чувства покинули царевича, а крокодил поднырнул под лодку и так ударил головой в днище, что оно разлетелось на куски. Ризван-шах и нянька оказались в воде. Бедняжка сразу ушла на дно коварного моря и так больше и не появилась. Царевич же вынырнул, схватился за какую-то доску и, держась за нее, поплыл. Волны то ввергали его в пучину, то вздымали ввысь.

Три дня и три ночи носило его по морю. От голода и жажды душа еле держалась в теле. Однако нож вырезал линии надежды на печати его жизни. Ризван-шах не переставал возносить мольбы и молитвы всевышнему и на четвертый день достиг, наконец, берега. Он выбрался на сушу и, обратя лицо к кибле, вознес благодарственную хвалу Аллаху.

Глядит, перед ним пустынная равнина без признаков жилья. Царевича томили голод и жажда, и он сорвал с дерева молодые побеги и съел их, а потом напился воды из ручья. Погасив пламя голода, царевич лег под деревом на плоском камне и крепко уснул. Проснувшись же и совершив намаз, пошел куда глаза глядят. Терзаясь разлукой со своей возлюбленной, он, подобно безумцу, то смеялся, то плакал. Вскоре перед ним появилась широкая дорога со следами людей и животных, и он по ней отправился дальше.

Через некоторое время Ризван-шах подошел к ограде сада, где росло много плодовых деревьев и текли прозрачные ручьи. Съев спелых груш и утолив жажду сладкой водою, царевич воспрял духом и решил искупаться в пруду, чтобы смыть дорожную усталость. Выйдя на берег, он улегся и проспал четыре часа, а когда проснулся, то услышал человеческие голоса и конское ржанье. В беспокойстве он поднялся и увидел, что тысячи вооруженных и богато одетых всадников сопровождают какого-то знатного господина. Ризван-шах подумал: чья же это свита летит сюда подобно весеннему ветру?

И пока он размышлял об этом, к нему подъехал прекрасный обликом всадник, окруженный воинами, как солнце — звездами. Всем своим видом являя истинного вельможу, он приветствовал царевича, а тот в ответ низко поклонился.

— О юноша, — спросил знатный всадник, — кто ты и зачем пришел сюда?

— Я — гонимый судьбой, — отвечал царевич. — Что еще могу я сказать?

— Мне тоже довелось испытать много горя. Расскажи мне о себе. Где твоя родина? Откуда идешь ты и куда направляешься?

Р а с с к а з

о том, как Ризван-шах был приглашен в город Какум его правителем и с помощью почтенного Якуба разрушил чары Бадры, и о том, как Рухафзу освободили из плена

Рассказчик повествует: повстречав сего знатного господина, Ризван-шах сказал:

— История моя очень длинна и молнией сжигает душу. Я поведаю ее, если вы готовы внимать ухом сердца.

— Говори, мое сердце жаждет ее услышать.

Тогда Ризван-шах рассказал ему свою историю от начала до самого конца. Знатный незнакомец, внимая ему, обливался слезами, а затем велел подать царевичу коня и повез его в город. Оказался он падишахом страны Какум и, въехав в столицу, воссел на троне. Царевича же проводили в баню, облачили в богатый халат и усадили рядом с престолом. «Приготовьте трапезу», — повелел правитель, и вмиг слуги, расстелив дастархан, внесли всевозможные яства.

Падишах ел сам и потчевал Ризван-шаха. Покончив с едой, они омыли руки и, сев рядом, повели беседу. Когда падишах узнал обо всех злоключениях царевича, он проплакал целый час, а затем приказал своему везиру:

— Иди позови почтенного Якуба.

Вскоре везир вернулся, ведя за собой человека величественного вида. Падишах поднялся ему навстречу, почтительно приветствовал и, взяв за руку, усадил на свой трон, а сам сел рядом, скрестив ноги. Тут старец спросил:

— По какой причине изволили вы вспомнить недостойного?

— О друг в каждом деле и помощник во всяком не-

счастью, — отвечал тот, — этот господин — падишах Чина. Из-за него я потревожил тебя, ибо он жаждал встречи с тобой.

Почтенный Якуб обратился к Ризван-шаху и спросил:

— Что привело сюда господина?

— Предначертания судьбы непременно сбываются. Я уже рассказал повелителю свою повесть. Вот что со мной произошло.

Выслушав его историю, почтенный Якуб исполнился жалости и воскликнул:

— О господин, соберитесь с силами. Если захочет всевышний, кончатся все ваши мучения и вы достигнете цели. Я постараюсь помочь вам обрести желаемое.

И сказав так, он простился с падишахом и увел Ризван-шаха в свой дом. Видит царевич, перед ним дворец, подобный райскому. Внутри стоит изукрашенный трон, на который и усадил его старец.

— Клянусь, — сказал Якуб, — что, по воле всевышнего, твои мечты сбудутся. Но сперва послушай, что мне довелось испытать. Есть в стране Йемен город, который люди называют Аден. Я тамошний уроженец. В доме моем было денег и товаров больше, чем у йеменского падишаха. Я промышлял торговлей и держал много помощников.

Всегда любил я странствовать по океану. И вот однажды, наняв несколько кораблей, отправился в путь по торговым делам. Целый месяц море было спокойно, но вдруг налетели черные тучи и начался ураган. Полил дождь, море забурлило, и корабли разметало в разные стороны. Ветер и волны разнесли в щепки мое судно. Все, кто были на борту, утонули, а я ухватился за бревно и плыл так по воле ветра, пока на шестой день не пристал к берегу. Ступив на сушу, я дважды преклонил колени в благодарственной молитве и двинулся вперед.

Вскоре пришел я на луг, где возвышалось огромное дерево, ствол которого не смогли бы охватить и сто человек. Под сенью его ветвей цвело множество цветов, а среди них стоял драгоценный трон, устланный чистым ковром. На этом троне под белым покрывалом спал человек, держа в руках золотую шкатулку. Вокруг трона кольцом обвилась белая змея и гирляндой из нарциссов оведала спящего. Я поразился увиденному и стал смотреть, что будет дальше.

Не прошло и часа, как под дерево приползла черная

змея, много больше белой. Завидев ее, белая зашипела и между ними завязалась такая битва, что содрогнулась земля. Я в страхе бросился бежать и спрятался в башне на берегу моря. Приложив глаз к дверной щели, я украдкой наблюдал, как белая змея, одержав победу, обратила черную в бегство и заползла на трон. Она задела хвостом золотую шкатулку, и та упала на землю. Обрадовавшись, что всевышний посылает мне, бедному, пропитание, я схватил ее и кинулся прочь.

Удалившись от того места на один-два коса, я сел на берегу, открыл шкатулку и достал из нее кипу свитков. На обертке было написано: «Тот, кому бог, по своей милости, посылает эту рукопись, должен знать, что сей спящий муж — везир Сулеймана ибн Давуда, да благословит его Аллах, по имени Асаф ибн Бархийя. Когда чаша жизни пророка Сулеймана наполнилась до краев, он призвал Асафа и повелел: «О проникающий в тайны сердца! Наступил предел нашему странствованию, пришло время покинуть этот мир. Я назначаю тебя правителем страны. Но со своим перстнем, который мне так дорог, я не расставался при жизни, не расстанусь и после смерти. На нем вырезаны все великие имена всевышнего. Перепиши же их на бумагу».

Потребовав чернильницу и калам, пророк Сулейман назвал Асафу имена Аллаха, а тот записал их на этой бумаге, которую всегда носил с собой. Когда почувствовал он приближение кончины, то, удалившись на остров, запер рукопись в шкатулку, поставил рядом с собой на троне и предстал перед богом. Поэтому тот, кому в руки попадет сия рукопись, пусть дорожит ею больше жизни, ибо в ней значатся великие имена всевышнего, исполняющие все желания и разрушающие чары. Им подвластны дэвы, пери, джинны, чародеи и люди, а владеющий этой рукописью не утонет в воде и не сгорит в огне».

Прочтя написанное, я возблагодарил всевышнего и сказал себе: «Милостив творец, ибо пока не откроет человеку тысячу выходов, не закроет ни одной двери. Хотя я лишился всего своего имущества, зато получил в вознаграждение такой дар, с помощью которого обрету все что пожелаю». Тут прочел я вслух несколько великих имен и бросился в море. Гляжу, вода под моими ногами превратилась в зеркало. Узрев промысел создателя я смело ступил вперед и три дня шел по воде.

На четвертый день прибыл я на этот остров, вошел в город и стал прогуливаться по базару. Вдруг вижу, жители запирают двери домов и лавок и покидают город. Удивившись, я стал спрашивать людей: «В чем дело? Куда вы идете?» Но никто не отвечал мне ни слова. Тогда и я двинулся за ними. Отойдя от столицы на несколько косов, все собрались на берегу. Тут увидел я меж ними седобородого старца в богатых одеждах. Рыдая, он говорил юноше, что стоял рядом: «О любимец отца! Зачем оставляешь ты меня одного в старости и ланцетом разлуки вскрываешь вены моего сердца? Как мне теперь жить?» Так причитал он, обнимая юношу и целуя его в лоб. Тот же был бледен и дрожал как тростник. Вскоре вслед за стариком заплакали и стар и млад. Через час юношу посадили в лодку, и раздались стоны и крики, будто пришел конец света. Тут из воды поднялся столб огня, и толпа, рыдая, побрела в город.

Я же, сев на берегу, издали наблюдал за тем юношей, подобным солнцу. Он, увидев, что все, простые и знатные, покинули его и остался лишь один человек, обратился ко мне: «Эй, дорогой, кто ты? Спасай свою жизнь и уходи отсюда. Зачем понапрасну ввергаешь душу в водоворот опасности и пучину смерти?» Я подошел ближе, сел рядом с юношей в лодку и сказал: «Эй, юноша, не тревожься. Даже если весь мир охватит ураганом, я не дам и пылинке коснуться твоей полы. Всевышний посылает облегчение в каждом испытании и дарует исцеление от всякой болезни — он подбирает ключ к любому замку. Освободи свое сердце от забот. Милостив Аллах! Однако открой мне, кто ты и что с тобой приключилось».

От моих слов он воспрял духом, и бледное лицо его порозовело. «Ясно мне, что господин — нездешний житель, — отвечал он. — Посему я с превеликим удовольствием расскажу вам все. Тот седой старец, что приходил сюда, окруженный свитою, падишах этого города, и, кроме меня, у него нет других сыновей. Я его единственный наследник. Недалеко от нас есть остров, который зовется Сулукия. Живет там колдунья по имени Бадра, прославленная искусством чародейства. Жесточайшей рукой ловит она здешних правителей в силки тиранства. Четырежды в месяц приходит в нашу страну и требует красивого юношу. Сначала она силой овладевает им, а потом, разорвав на куски, съедает. Ныне гадалка-судь-

ба в гороскопе смерти отыскала мое имя. Потому-то меня оставили здесь, и скоро за мной явится колдунья».

Я почувствовал к юноше сострадание и сказал: «Потерпи немного. Я разделаюсь с ней». Так мы вели с ним беседу, как вдруг над морем поднялся столб пыли. Блеснула молния, с неба раздался громовый голос, и наступила тьма. Я вышел вперед и по рукописи прочел великое имя всевышнего. Вмиг исчезла мгла. Гляжу, к нам приближается старуха в платье из верблюжьей шерсти, и в руках у нее склянка с черным порошком. Подняв ее над головой, колдунья произнесла заклинание, и из склянки вырвались два языка пламени и закрыли собой все небо. Я вновь назвал великое имя Аллаха и дунул. Сей же миг огонь погас, склянка выпала из рук волшебницы и разбилась, а сама она в смятении бросилась было бежать, да я догнал ее, схватил за волосы и хорошенько отколотил.

Бадра каялась и клялась: «Никого больше не буду притеснять!» Наконец я отпустил ее, и она кинулась наутек. Затем я проводил царевича в город, и когда весть об этом дошла до падишаха, тот от радости скончался. И царевич, прибыв во дворец, стал падишахом. «Все свое государство доверяю я тебе, — сказал он, — и передаю ключи от казны. Но умоляю тебя именем бога, даровавшего тебе такую силу, не покидай меня. Если она снова объявится и пойдет на меня войной, я погибну без твоей помощи». И все жители страны умоляли меня о том же. Я согласился. Тогда падишах выдал за меня свою сестру, а я велел построить в этом уединенном месте дворец и жду, когда появится колдунья, чтобы убить ее.

Выслушав рассказ почтенного Якуба, Ризван-шах воскликнул:

— Это та самая колдунья, которая держит в неволе Рухафзу. Я буду благодарен тебе без меры, если ты освободишь ее из плена. И куда жив, стану благословлять тебя.

Взяв царевича за руку, Якуб вышел из дома и отправился на берег моря. Произнеся великое имя, он по воде как посуху перешел на другой берег и приблизился к владениям Бадры. Затем, очертив вокруг царевича магический круг, он усадил его в безопасном месте, а сам пошел искать колдунью туда, где она, по рассказам, оби-

тала. Смотрит, кругом ни души. Тогда Якуб взглянул мысленным взором и увидел, что под горой стоит дворец из черного камня, а у входа высится башня с четырьмя углами. Ее охраняют четыре каменных идола в человеческом облике. Перед крепостными воротами растет старый-престарый самшит, и на месте каждого листочка у него на ветвях цветы.

Почтенный Якуб представил себе, что он входит внутрь крепости, разрушает ее и освобождает из заключения Рухафзу. И с этим намерением направился к воротам. Вдруг поднялся ветер, и самшит, подобно невесте, которая откидывает с лица покрывало, сбросил с себя цветы и бутоны, что росли на его ветвях вместо листьев, и они взлетели в воздух. Запели соловьи, и каменные идола у ворот затрубили в трубы. Послышался невообразимый шум. Из крепости вырвалось красное облако и заволокло небо. Сверкнула молния, грянул гром. Короче, при виде этого зрелища испугался бы и Рустам.

Два часа читал Якуб заклинания, а затем произнес великое имя Аллаха, и миг все стихло, а тьма рассеялась. Вдруг позади Якуба вонзилась в землю стрела. Удивившись, откуда она взялась, он вновь обратился к рукописи. Тут из невидимого мира зазвучал голос:

— О Якуб, все это козни Бадры. В страхе перед тобой спряталась она в своем дворце. Вырой яму там, где стоишь. Достань сундук, в котором лежит свиток, разрушающий ее чары. Делай все, как в нем написано. Захочет всевышний, и ты одержишь победу.

Откопав свиток, Якуб прочел: «О путешественник в краю чудес! Великую милость посылает тебе творец, даруя силу разрушать чары. Сперва повтори про себя великое имя Аллаха, что написано на полях свитка, и встань под старым самшитом. Когда листья его превратятся в птиц и улетят, еще раз произнеси великое имя и, закрыв глаза, нырни в водоем, что под деревом. Не бойся, произойдет волшебство, и ты увидишь много чудес и диковинок. Тут уж ничего не предпринимай, не посмотришь в свиток».

Тогда, следуя написанному, Якуб произнес великое имя и встал под дерево. Возникло первое видение, и, закрыв глаза, он смело бросился в воду и пошел ко дну. Тут услышал он, как кто-то страшным голосом кричит:

— Хватай его, братцы, держи! Не дай ему уйти! Эй, Бадра, будь начеку. Явился разрушитель чар.

Наконец, ноги его коснулись земли и, открыв глаза, он не увидел ни крепости, ни дерева. Перед ним расстиралась плоская равнина, гладкая, как игральная доска. Посреди стоял летний дворец со златотканым навесом и богато украшенными занавесями. Внутри на возвышении сидела юная пери, подобная солнцу. Волосы ее были привязаны к крючку на потолке, на руках повисли кандалы, под бременем которых она согнулась. Лицо пожелтело, глаза с тоскою глядели на пустынную равнину, а из раковин очей жемчужной нитью струились слезы. За спиной пери возвышался стражник-негр, столь чернокожий, что в безлунную ночь не разглядеть его лица. Приложив к губам трубу, он готов был всякую минуту поднять тревогу.

Почувствовав сострадание к пленнице, Якуб подошел поближе и спросил:

— О красавица! Кто ты и почему томишься здесь в неволе?

— Я дочь шаха джиннов, — отвечала она вздыхая, — имя мое — пери Рухафза. Колдунья Бадра держит меня в плену. Сколько горя терплю я от этого чернокожего! Смерть была бы для меня освобождением.

Вытащив из-за пояса меч, Якуб взмахнул им и рассек невольника пополам. Однако обе половины, упав на землю, превратились в людей и бросились на смельчака. Пери же, взлетев высоко в воздух, воскликнула:

— О сокрушитель чар! Ты хочешь убить Бадру и освободить Рухафзу из заключения. Предвидя твоё намеренье, колдунья совершила это волшебство и посадила меня здесь в облике Рухафзы. Теперь тебе не спастись, даже если у тебя тысяча жизней.

Тут появилось огненное облако, и из него хлынуло пламя. А капли крови из тела разрубленного невольника обратились в чернокожих, и те целым войском двинулись на Якуба. Тот же принялся читать великие имена и стал неуязвим для злых духов. Вспомнил он, наконец, о свитке и, достав его из-за пазухи, прочел: «Эй, сокрушитель чар, берегись! Не приближайся к колдовскому созданию, принявшему образ Рухафзы, иначе оно и тебя опутает волшебством. Теперь следует произнести над наконецником стрелы величайшее имя Аллаха, которое написано на правой стороне свитка, и пронзить стрелой грудь колдовского создания. Тогда чары Бадры развеются и видение исчезнет».

Почтенный Якуб все так и сделал, и вновь поднялся страшный шум, и наступила тьма. Когда же кончилось это наваждение, перед ним не оказалось ни равнины, ни летнего дворца. Видит — стоит беломраморная ограда, а внутри нее четыреста разноцветных колонн. На каждой колонне сидит по зверю. А на одной, сделанной из хрусталя, диковинная птица, подобно хамелеону меняющая свой цвет. В клюве у нее тысяча отверстий, и из каждого несетя мелодия. Все звери вокруг слушают их как замороженные. Якуб подумал: «Уж не сон ли мне снится? Где же это я очутился?» Однако голос птицы был так прекрасен, что он заслушался, и не прошло и часа, как окаменел по пояс.

Тут очнулся он, выхватил из-за пазухи свиток и прочел: «Будь начеку! Заслушаешься голоса волшебного феникса, никогда не освободишься от его чар. Посему прочти величайшее имя всевышнего над обломком камня и брось его в небо. Посмотришь, какое зрелище явит всеильный Аллах!» И как только Якуб метнул вверх камень, тот превратился в сокола, налетел на волшебную птицу и убил ее. И вновь небо покрылось мглой, и за сверкала молния, а когда все стихло, исчезла ограда с колоннами.

Теперь же извольте послушать, что тем временем сделала Бадра. С помощью колдовских чар построила она себе дворец на склоне горы, а напротив него башню. На вершине башни находилось зеркало, в котором видны были разные чудеса и превращения. И все они отражались в другом зеркале, что стояло у нее во дворце. В нем-то она и увидела, что приближается сокрушитель чар. Тогда, оседлав огнедышащего дракона и взяв в помощники других чародеев, она полетела прямо к нему и закричала:

— Злодей! Спасаясь от тебя, я сотворила волшебные пределы, но и там ты не даешь мне покоя. Сейчас я согру тебя в порошок.

Видит почтенный Якуб, перед ним сидит на драконе Бадра, окруженная свитой колдунов. А колдуны эти грязны и уродливы: волосы под мышками свисают до пояса, а те, что растут в носу, достают до губ. Они бормочут заклинания и бросают в Якуба семенами хлопка и горчицы. Тогда Якуб достал свиток и прочел: «Теперь чары развеялись, ибо сама Бадра предстала пред тобой. Произнеси величайшее имя и брось в нее свиток». Как

только он сделал это, из земли поднялось пламя и охватило Бадру. Она кинулась бежать, но Якуб догнал ее и схватил за волосы.

Тут исчезли все наваждения. Глядит Якуб, а это то самое место, где он оставил Ризван-шаха, оградив его магическим кругом. Он подвел Бадру к царевичу и спросил:

— Ну, что с ней теперь делать?

— Узнай, где Рухафза, — ответил Ризван-шах.

Тот так и поступил.

— Она вон в той каменной темнице, — сказала колдунья.

Ризван-шах бросился туда, выломал дверь и видит — сидит Рухафза с ярмом на шее, в кандалах, опутана цепями так, что не пошевелиться. Тут царевич залился слезами и, вернувшись к Якубу, сказал:

— Скорее. Освободите ее от оков.

Тот проколол Бадре нос и потащил ее за собой на веревке в темницу. Там он произнес величайшее имя Аллаха и дунул на Рухафзу. Вмиг цепи рухнули, и возлюбленные пали к ногам Якуба. Сей великий муж поднял обоих и прижал к своей груди, а затем сказал:

— Не медлите. Поспешайте, ибо вы близки к желанной цели.

Затем он посадил обоих на спину Бадре и отправился в город Шейс.

Р а с с к а з

о том, как Рухафза, царевич и почтенный Якуб прибыли на остров Шейс и, отомстив Манучехру и Маймуне, стали править страной, а также о свадьбе пери и Ризван-шаха

Рассказчик повествует, что Якуб вступил в город и, войдя в крепость, направился к покоям Манучехра. Там он спрятался вместе с Ризван-шахом и повелел Рухафзе:

— Предстань перед Манучехром, посмотрим, что он будет делать.

Едва пери вошла в покои, Манучехр с Маймуной накинулись на нее с бранью. Манучехр хотел было схва-

тить ее за волосы, но почтенный Якуб так огрел его дубинкой по голове, что тот, шатаясь, упал и отправился прямо в ад. Ризван-шах связал Маймуне руки и посадил Рухафзу на царский престол. Весть о случившемся разлетелась по городу. Явились все военачальники, придворные и советники, поздравили Рухафзу и поднесли ей дары.

— Мы и не ведали, что эти двое так поступили с владычицей небес, — говорили они. — Теперь же всевышний посылает вам процветание и благословляет ваше правление.

Рухафза повелела заточить Маймуну в башне на базарной площади, а труп Манучехра сбросить в море. А затем, приняв всех придворных к себе на службу, распорядилась устроить празднество.

— Отныне царствование ваше будет счастливым, — изрек почтенный Якуб. — Я же расстаюсь с вами и увожу с собою Бадру, чтобы, возвратясь на родину, предать ее мучительной казни. И пусть все узнают об этом, дабы никому не было повадно чинить злодейство.

И взяв колдунью за узду, он отправился на остров Какум, а придя туда, велел разложить огромный костер и сжег на нем колдунью. Узнав о ее смерти, обрадовались женщины и мужчины, старые и малые. А тамошний падишах задал роскошный пир.

Ну, а теперь расскажем о пери и царевиче. Когда Рухафза и Ризван-шах наконец обрели друг друга, то вознесли молитвы к престолу всевышнего. Придворные одарили их драгоценностями и украшениями. Утих ураган горя и печали, и от благоуханного ветерка счастья в каждом доме расцвели бутоны сердец. Весь город дивился: «Такого еще никогда не бывало!» И впрямь, когда пришел вечер, дворец осветили фонарями и светильниками, как в праздник шаб-е барат. Рухафза усадила Ризван-шаха в своих покоях и созвала верных наперсниц. При взгляде на царевича у пери на глазах навертывались слезы, как капли росы на лепестках розы.

— О Ризван-шах, — говорила она. — Из-за любви к тебе на мою долю выпало немало горя. Бог свидетель, что в неволе я ни разу не подумала о себе. День и ночь тревожилась я о розе твоей любви. А теперь слезы смывают печать разлуки со страницы сердца.

И когда пришел вечер, отведав яств, они возлегли на ложе под балдахином и всячески услаждали друг друга,

пока радостная ночь близости не стерла из памяти скорбный день разлуки. Оба были счастливы без меры и изумлялись, во сне ли они иль наяву. И так скоротали они ночь в наслаждениях. Между тем забрезжил рассвет, и прохладный утренний ветер принялся гулять по аллеям цветника. Тут явились слуги и отвели любовников в баню, а после купания нарядили в расшитые драгоценными камнями богатые одежды.

Рухафза надела шелковые, вытканые золотом шальвары: завязки их были выложены жемчугом, а пояс — изумрудами. Потом ее облачили в муслиновое платье гранатового цвета, украшенное каймой из рубинов. Короче, убор ее был так прекрасен, что невозможно описать. В алом платье она была подобна огню, вспыхнувшему в цветнике красоты от роз изящества и кокетства. Словно утреннее светило, озаряющее небосвод на исходе ночи, ее лицо, равное солнцу, бросало отблеск на одежды. Вырез воротника схвачен был алмазной застежкой, секрета которой не постичь никому, кроме влюбленного. И наконец, точно алое облако, окутало ее покрывало, по краю которого молнией блистала кайма.

Тут тихо вошел Ризван-шах в великолепном убранстве и сел на трон рядом с нею, подобно тому, как Солнце соединяется с Муштари. И от радости в цветнике их надежд не осталось ни одного нерасцветшего бутона. Так украсили они собою дом веселья, а затем отовсюду во дворец счастья явились пери в богатых нарядах и начали танцевать. Несколько дней длился праздник, пока Рухафза не приказала везирам:

— Скорее готовьте все к нашей свадьбе и зовите всех знатных жителей горы Каф. Украсьте дворец, что стоит в пяти косах от города. Отведите туда Ризван-шаха и доставьте все, что потребуется для свадебного поезда.

И вот придворные, окружив Ризван-шаха пышной свитой, проводили его в этот дворец. А жених разослал письма приближенным и военачальникам своей страны, и те поспешили с дорогими подарками в город Шейс. Узнав об их прибытии, Рухафза выслала навстречу своих подданных и пожаловала каждому гостю халат соответственно его званию. Одним словом, в день, когда был заключен союз двух светильников из собрания красоты, вокруг них вились пери, подобно мотылькам, с дарами и подношениями. Начался великолепный пир, повсюду плясали луноликие красавицы и раздавались празд-

ничные клики. Затем устроили празднество в доме жениха, и тысячи прислужниц внесли на головах золотые и серебряные сосуды, украшенные эмалью.

Наконец, жених сел на коня и торжественно отправился во дворец невесты. Пять дней под сводами свадебного шатра жениха и невесту умащали благовониями. На шестой день прибыли подружки Рухафзы и окрасили ладони и ступни жениха хной. Повсюду звучали праздничные мелодии. В дорогих одеждах на конях гарцевали придворные жениха. Музыканты исполняли рагу парадж и били в барабан, прославляя новобрачных. И столько толпилось вокруг пери, что радостный гул достигал до самого неба. Выезд жениха составляли роскошные паланкины, вышитые сиденья которых были изукрашены рубинами, изумрудами и пластинками из золота и серебра. По обеим сторонам плыли расшитые золотом носилки, в которых пели и танцевали пери, юные годами и прекрасные лицами.

Ризван-шах в пышном убранстве ехал верхом, овеваемый опахалами из перьев птицы феникс. Сотни алых и зеленых фонариков и золотых светильников разгоняли вечерний сумрак. К тому же светила луна и ввысь взлетали потешные огни, рассыпаясь в воздухе, словно нить гранатов. А тысячи шутих и бенгальских огней, похожих то на павлина, распутившего хвост, то на слонов, сражающихся с дэвами? А цепь горящих факелов, что протянулась от дома жениха к жилищу невесты? Когда свадебный поезд прибыл к дворцу невесты, глазам гостей открылось великолепное здание, которому могли бы позавидовать даже райские дворцы. Внутри него хлопотали пери.

Посреди зала стоял изукрашенный маснад. На него то и усадили жениха. Покои освещались восковыми свечами с камфорой и благоухали духами. Парадно одетые придворные окружили Ризван-шаха.

А теперь заглянем в покои Рухафзы. Там она восседала нарядно убранная, и пери пели вокруг нее свадебные песни. Приготовленные для новобрачных сиденья были украшены самоцветами и цветочными гирляндами. Матери жениха и невесты в шутку ударяли друг друга цветущими ветвями, а прислужницы пели озорные частушки. Одним словом, невозможно описать, сколь прекрасна была эта картина.

Как только брачный обряд был совершен, везиры

проводили жениха в опочивальню и разрешили ново-
брачным взглянуть друг на друга. А потом царевич и пе-
ри возлегли на ложе, и из цветника желания выросли две
цветущие ветви. От благоуханного ветерка счастья рас-
крылись лепестки бутона надежды. Испив из чаши вина
близости, оба были счастливы, как Луна и Муштари во
время осеннего равноденствия.

Когда пришло утро, Ризван-шах отправился в баню,
а потом занял свое место в собрании. И тут по приказу
Рухафзы амиры и везиры признали его своим падиша-
хом и возвели на престол. Несколько месяцев длились
торжества. А по окончании празднества царевич даровал
каждому гостю халат по его чину и званию и всех отпу-
стил по домам.

Целый год жил Ризван-шах в этой стране. А затем,
созвав совет, изъявил свою волю:

— Нашей державе грозит разорение. Следует нам на-
ведаться туда.

— Ну что ж, — отвечала Рухафза, — живи год здесь,
год там.

На том и порешили, и, снарядив в дорогу большой
караван, Ризван-шах отправился в Чин.

Р а с с к а з

*о том, как царевич прибыл в свою страну с вой-
ском джиннов и, победив правителя Хотана,
вступил в Чин*

А теперь послушайте о событиях в стране Чин! Когда
Ризван-шах таинственно исчез, везиры выбрали нового
падишаха. А через несколько лет правитель Хотана вос-
стал против него и вознамерился покорить Чин. Видя
подданные, владыке их, увы, не справиться с врагом Вой-
ско, горя о Ризван-шахе, разбрелось в разные сто-
роны, а падишах заперся в замке, укрепив крепостные
стены и валы. Позади рва расставили стражников, лучни-
ков и стрелков, а под стенами разложили бутылки с не-
фтью и чаны с гарным маслом.

Вскоре подошла хотанская армия и встала на рас-

стоянии полета ядра. Смотрят, крепость готова к осаде, и овладеть ею можно не силой, а только хитростью. Навели они пушки, и бой начался. А в лесу хотанцы устроили тайную засаду, окопавшись со всех сторон. В сумерках спрятав там пушки и часть своего войска, падишах Хотана повелел коннице утром начать осаду крепости.

И когда властелин востока — солнце, разбив армию звезд, взял черную крепость ночи, неисчислимая хотанская рать двинулась на штурм. Однако горожане тоже были начеку. Сколько было в городе жителей, все как один укрылись во рву, опоясавшем крепость, и вражеские ядра пролетали над их головами. Тут хотанские конники приблизились к стенам города и видят, что его защитники неуязвимы для вражеских пушек. Тогда послали они за теми воинами, что прятались в засаде, — и грянули их пушки. Осажденные удивились, но продолжали стойко сражаться. Из-за глубоких рвов хотанцам до сих пор не удавалось вступить в город, но теперь воины, что напали из засады, разрушили насыпь, и ров наполнился землей.

Ну, а что тем временем происходило в замке?

Схватив щиты и мечи, люди приготовились к бою, решив про себя: «Если крепость падет, умрем, но врага истребим». И каждый воссылал мольбы всевышнему: «О великий Аллах! Услышь наши молитвы, спаси от напасти и пошли с небес Ризван-шаха и Рухафзу с сонмом пери».

— Эй, глупцы, — закричал тут падишах Хотана, — вы, верно, решили, что я далеко, раз так расхрабрились. Вам от меня не уйти!

Он кичился своим войском и своей силою, а посему подумал о Ризван-шахе так: «Я его ничуть не слабее. Пускай приходит, посмотрим, чья возьмет». Между тем царевич, подойдя к городу, предупредил джиннов:

— Вы — духи, а они — люди, не может быть между вами сравненья. Я сам покараю врага на поле брани.

Когда горожане увидели Ризван-шаха, то все — вместе с везирами и сардарами — покинули город и перешли к нему на службу. И великие и малые обрадовались, и каждый согласно своему званию поднес царевичу дары и украшения. Вмиг собралась его армия, и день прошел в радости и веселье. Как только стемнело, шах Хотана отдал приказ идти в наступление, и об этом возвестили

трубы, горны, рога, литавры и барабаны. Гонцы принесли эту новость Ризван-шаху.

— Готовьте и наше войско к бою, — повелел тот.

Вся ночь прошла в ожидании битвы. Воины проверяли стрелы, точили мечи, чистили доспехи. Друг обнимал друга, приятель — приятеля, ибо Аллах знает, кто утром умрет, а кто останется в живых. Итак, минула ночь, и, когда рассвело, шах Хотана вывел на поле боя шестьдесят четыре тысячи вооруженных всадников. Войско выстроилось род к роду, вид к виду, цепь к цепи, ряд к ряду, сотня к сотне, тысяча к тысяче.

Тем временем алое солнце вышло из созвездия Рака и рассеяло своим сиянием ночную мглу. Ризван-шах появился в полном вооружении во главе сорока тысяч всадников и построил свое войско напротив хотанского. Передовой, замыкающий и боковые отряды составили четырнадцать рядов. Водоносы, напоив воинов, удалились, а глашатаи, выйдя вперед, объявили:

— Эй, храбрецы! Кто жаждет смерти? Пусть выйдет на поле и обагрит своей кровью его зеленый покров или снесет голову противнику.

Тут перед воинами словно встала сама смерть, сложив в приветствии руки; с обеих сторон летели стрелы, слышалось конское ржанье, латы всадников застили белый свет. Шах Хотана, закованный в броню, выехал на середину поля и стал показывать свое военное искусство, а потом приблизился к Ризван-шаху и вызвал его на поединок. И как только он прокричал вызов, царевич, подобно языку пламени, метнулся в его сторону и с такой силой ударил шахского иноходца, что тот отступил на несколько шагов.

— И с такими-то силами вышел ты на поле боя! — насмешливо воскликнул Ризван-шах. — Разве способен ты на богатырский поединок?

Тогда шах Хотана выхватил из ножен сверкающий как ртуть меч, что поражает врагов без промаха, и занес его над головой царевича. Но тот, подставив щит, мощной рукой умело отразил удар и, вынув из-за пояса сияющий подобно алмазу меч, воскликнул:

— Эй, берегись! Потом не говори, что я тебя не предостерег. — И с этими словами бросился на врага. Шах, защищаясь, поднял щит, но рука Ризван-шаха была крепка, а меч — тяжел. Он разрубил стальной щит, как кусок сыра, и рассек противника по грудь. Шах упал

с коня, а его воины, вскинув копья, сабли, пики и кинжалы, со всех сторон окружили Ризван-шаха. Царевич рубил мечом направо и налево, и как овцы разбегаются от разъяренного льва, так бежали от него враги. Тут пришло ему на помощь войско Чина.

Увидела этот бой Рухафза и повелела джиннам:
— Покажите-ка этим невежам!

Тогда те вмиг подняли царевича в воздух, посадили его на трон, а сами стали бить хотанских воинов. Многие из них полегли на поле битвы, а те, что остались в живых, спаслись бегством и вернулись на родину.

А Ризван-шах с победой вступил в город и взошел на царский престол. Он помиловал подданных правителя Хотана, простил им налоги в казну за несколько лет и зажил в счастье и благополучии.

З а к л ю ч е н и е

Окончена повесть о Ризван-шахе и пери Рухафзе.

Завершено мое повествованье.
От знатоков хвала мне и вниманье:
«Написано с большим искусством, право».
Немалая для дома Чина слава!

О достохвальный! Столь велика твоя щедрость, что у меня не хватает слов описать ее. И если б каждый волосок на теле воспевающего тебя имел язык, все равно не выразить мне всей своей благодарности.

Есть камень, что люди зовут философским. Он обладает чудесным свойством претворять металлы в золото. Но если человек захочет получить его из ступеней своего порога, что за беда? Всевышний так всемогущ, что, коснувшись любого камня, он превращает его в философский.

Итак, составив сию рукопись, я подношу ее святейшему господину, чтобы, изучив ее пронизательным взором, он доложил бы высокому двору, что я, бесславный и безродный, все же снискал себе доброе имя и пребываю в молитвах о долголетию и процветании сего двора.

КОММЕНТАРИИ

Мир Амман, «Сад и весна»

Стр. 17. *Белый и черный.* – Имеется в виду цвет кожи людей.

Стр. 18. *Двенадцать имамов* – потомки Мухаммада, которых мусульмане-шииты почитают святыми.

Хиджра – мусульманское летосчисление, ведущееся со времени бегства пророка Мухаммада из Мекки в Медину, то есть с 622 г. н. э. При этом счислении используется не солнечный, как у нас, а лунный год, длительность которого 354 дня (на одиннадцать суток короче нашего), вследствие чего расхождение между нашим летоисчислением и хиджрой постепенно сокращается. Так, 1215 г. хиджры соответствовал 1801 г. н. э.; разница составляла уже только 586 лет.

Фасли – употреблявшееся в Индии летосчисление, которое было введено императором Акбаром (1556–1605). Оно опиралось на хиджру, но в основу счисления был положен солнечный год, а потому оно постепенно отставало от хиджры. Летосчисление фасли находится в прямом соотношении с нашим при разнице в 593 года.

Маркиз Уэлзли лорд Морнингтон – английский генерал-губернатор Бенгалии с 1798 по 1805 г.

Язык базара – урду. Само слово «урду» имеет значение «армия» «лагерь», «базар». В качестве названия языка оно появляется в литературе лишь со второй половины XVIII в.

Язык Хиндустана хиндустани, распространеннейший в Индии разговорный язык, на котором основываются литературные хинди и урду. Слово «Хиндустан» может обозначать всю Северную Индию но в данном случае под этим названием разумеется лишь две речи Ганга и Джамны. Мир Амман обращается здесь к читателям которые станут учиться языку по его книге.

Амир Хосров (Хусро) Делийский (ум. в 1325 г.) – выдающийся индийский поэт и теоретик литературы, гворивший на персидском языке.

Низамуддин Аулия (XIII в.) – один из популярнейших мусульманских святых Северной Индии. *Хазрат* почтительный титул

...гробница его (Низамуддина) находится в южной части современного Нового Дели и до сих пор служит местом паломничества индийских мусульман.

Кос — индийская мера длины. Величина ее колебалась в разные времена и в разных областях. Обычно около 4 км.

...в день, когда было совершено омовение... — Встав с одра болезни, мусульмане совершают очистительное омовение, которое так и называется — «омовение исцеления». Оно означает полное выздоровление.

Стр. 19. *Джон Гилкрист* руководил преподаванием хиндустан (хинди и урду) в Колледже форта Вильям (Калькутта), основанном в 1800 г. для обучения языкам Индии англичан — чиновников Ост-индской компании.

Жакий грешник. — Здесь сказывается требование средневекового этикета наделять себя уничижительными эпитетами в знак уважения к собеседнику.

Хумаюн — император династии Великих Моголов, правивший перерывом с 1530 по 1539 и с 1555 по 1556 г.

...та доля, которой мы сами свидетели... — Мир Амман имеет в виду упадок власти Великих Моголов и их военные поражения, приведшие во второй половине XVIII в. к фактическому распаду империи.

Сурадж Мал — раджа джатского княжества, правивший с 1756 по 1763 г и достигший больших военных успехов.

Ахмад-шах Дуррани (Абдали) — первый независимый правитель афганцев совершивший в 1748—1767 гг. ряд военных походов в Северную Индию.

Азимабад — мусульманское название города Патны.

Наваб (букв. «наместник») — титул, который широко употреблялся в Индии применительно к феодалам-мусульманам.

Стр. 20. *Муниш* — писец, мелкий чиновник; это слово используется как почтительное обращение к индийцам, имеющим образование.

Мир Бахадур Али (Хусейни) служил преподавателем Колледжа форта Вильям одновременно с Мир Амманом и писал на урду в том же стиле, как и Мир Амман.

Махмуд Газнави — султан Газни (998—1030), совершивший ряд грабительских походов в Индию и подготовивший почву для ее завоевания.

Гури — династия, правившая в Газни в 1152—1206 гг. К концу XII в. Гуриды подчинили себе территорию Индии вдоль течения рек Инда и Ганга

Лоди — афганская династия, правившая в Северной Индии с 1451 по 1526 г

...*Хиндустан захватил эмир Тимур*... — Знаменитый завоеватель Тимур (Тамерлан) в 1398–1399 гг. совершил грабительский поход в Индию и произвел страшные опустошения в Дели и других городах. Бабур, основавший династию Великих Моголов, происходил из рода Тимуридов.

Патаны — афганцы.

Акбар (1556–1605) — император династии Великих Моголов, заложивший основы могущества империи и подчинивший почти всю Северную Индию.

Шах-Джахан (1627–1658) — император династии Великих Моголов, правивший в эпоху расцвета империи.

Благословенная крепость — Красный форт (Лал-Кила) в Дели.

Соборная мечеть (Джама масджид) — крупнейшая мечеть в Дели, расположенная против Красного форта.

Городская стена. — В правление Шах-Джахана вокруг Старого Дели (Шахджаханабада) была построена каменная стена, остатки которой сохранились до настоящего времени.

Павлиний трон — знаменитый трон Шах-Джахана, который был украшен массой драгоценных камней и считался роскошнейшим в мире; был захвачен и увезен в качестве трофея Надир-шахом во время его индийского похода 1737–1738 гг.

...*наваб Али-Мардан-хан провел канал*. — Али Мардан-хан, знаменитый инженер Шах-Джахана, реконструировал Западный канал Джамны и довел один из его рукавов до самого Дели.

Шахджаханабадом, или Старым Дели (как он теперь именуется в отличие от Нового Дели, строительство которого было начато англичанами в нынешнем веке), называется старая часть города, прилегающая к Красному форту. Во времена Мир Аммана «новым городом» считался Шахджаханабад, противопоставлявшийся еще более древним частям города.

Стр. 21. *Мухаммад-шах* (1719–1748), *Ахмад-шах* (1748–1754) и *Аламгир II* (1754–1759) — представители династии Великих Моголов, правившие в период упадка империи.

Книги грамматических правил. — Дж. Гилкрист издал самую подробную из старых грамматик хиндустани (1796) и ряд других учебных пособий.

Шах-Алам (1759–1806) — император династии Великих Моголов, обладавший лишь номинальной властью.

Сюда — то есть в Калькутту.

Стр. 22. *Рум*. — Под этим названием, обозначавшим первоначально Византию, здесь понимается Турция.

Нуширван — Хосров I Ануширван (531–579), персидский царь из династии Сасанидов, имя которого служит символом справедливости.

Хатим – вождь арабского племени тай, вошедший в легенду благодаря своей щедрости.

Намаз – один из главнейших обрядов ислама; совершается обычно пять раз в сутки: 1) утренний намаз – на рассвете, перед восходом солнца; 2) полуденный; 3) послеполуденный; 4) вечерний – после захода солнца, когда сгущаются сумерки; 5) ночной – в любое время после наступления темноты. Намаз состоит из молитвы, сопровождаемой установленными телодвижениями, и ритуального омовения, предшествующего молитве.

...не дал лишь светильника моему темному дому. – Образное сравнение сына со светильником в доме; распространено в литературе индийских мусульман.

Стр. 23. *...в час разрешения от поста...* – Во время поста мусульмане не едят с восхода и до заката солнца.

Везир – министр, главный советник.

Амир – вассальный князь, военачальник.

Стр. 25. *Восемнадцать тысяч живых существ* – традиционное, по представлениям индийцев, число видов животных.

Йог – инду-подвижник, нищенствующий аскет.

Факир – мусульманский странствующий монах, добывающий пропитание нищенством.

Стр. 26. *Дервиш* – то же, что факир.

Дабир – писец, государственный чиновник.

...поднесли ему свои дары... – Феодалный этикет требовал, чтобы подданные при встрече с монархом подносили ему подарки в знак преданности и покорности.

Стр. 27. *Кабир* (1440–1518) – популярный народный поэт Северной Индии, проповедник религиозной реформации (бхакти), слагавший свои гимны и песни на диалектах языка хинди.

...получить искупление в будущей (жизни). – Здесь сказывается влияние на мусульман Индии индуистского верования, что сын является искупителем грехов отца, а человек, не имеющий сына, обречен после смерти на вечные муки.

Стр. 28. *Дэв* – злой дух, обладающий страшным обликом, исполинским ростом и сверхъестественной силой.

Стр. 29. *...чихнул и воскликнул: «Хвала Аллаху!»* – Суеверный мусульманин, чихнув, поминает бога, чтобы обезопасить себя от последствий чихания, которое считается недобрый знаком.

Хади (букв. «руководитель») – духовный наставник.

Стр. 30. *Кафни* – короткий плащ кирпичного цвета, обычная одежда дервишей.

Волюсяное ожерелье (сели) – ожерелье из нитей или волос, которое некоторые дервиши носят как отличительный знак.

Маснад (букв.: «место сидения») – покрывало из парчи или

других ценных тканей, иногда богато вышитое и украшенное золотом и самоцветами. Оно расстилается поверх ковра, и на нем, скрестив ноги, восседает хозяин дома, опираясь спиной на большой валик и подложив под колени небольшие подушечки. Место, предоставляемое на маснаде гостю, служило показателем степени уважения, питаемого к нему хозяином. Низшего по положению сажали на уголок, равного хозяин помещал рядом с собой, а высшему уступал все подушки и сам устраивался с краю. Маснад мог находиться и на возвышении.

Стр. 31. *Карун* — легендарный богач, обладавший несметными сокровищами.

...приняла на себя все мои беды... — Ритуальный жест, который заключается в том, что женщина обеими руками касается головы близкого человека и затем прижимает ладони к своим вискам. Ныне этот жест превратился в выражение ласки.

Стр. 32. *Димашик* — Дамаск, столица Сирии.

Стр. 33. *Тика* — небольшой значок, который ставится на лбу между бровей либо краской, либо разными мазями, в состав которых часто входит какое-нибудь вещество, полученное от коровы — животного, считающегося у индусов священным. Нанесение тики является торжественным актом, сопровождающим заключение брака, вступление в должность или отъезд в далекое путешествие и паломничество. Обычно тика служит кастовым знаком, но может быть и простым украшением, что особенно распространено в последнее время. В Индии этому индусскому обычаю следуют и мусульмане.

Стр. 35. *Мой нищий дом*. — Это выражение отражает требование восточного феодального этикета говорить обо всем, что касается себя лично, в уничижительном тоне. На деле этот «нищий дом» может быть самыми роскошными палатами. Напротив, дом собеседника, независимо от его действительного достатка, именуется «обителью богатства».

Ним — дерево, соком из листьев которого пользуются как антисептическим средством.

Стр. 36. *Бедмушк* — тоническое средство, приготовляемое из растительных соков и обладающее сильным ароматом.

Бетель — растение из семейства перечных. Его пряные и острые на вкус листья смазывают известью, заворачивают в них семена арековой пальмы, а также различные пряности и употребляют для жевания. Бетелем обычно называется и вся эта смесь в готовом виде.

Пери — по поверьям народов мусульманского Востока, разряд сверхъестественных существ, которые выступают в роли как добрых, так и злых духов мужского и женского пола. Обычно пери предстают в образе прекрасной женщины.

...стал властелином семи стран света. — Согласно традиционной мусульманской географии, мир делится на семь стран света. Поэтому это выражение означает: стал властителем всего обитаемого мира.

Стр. 37. *Калам* — тростниковое перо.

Слово «*сиди*» (арабск. «сайид» — господин) первоначально служило в Индии почтительным обращением к мусульманам из Африки, но затем распространилось на всех африканцев и приобрело значение «чернокожий». Так стали называть черных рабов.

Стр. 39. *Тан Сен* — известный музыкант, живший в Северной Индии в эпоху императора Акбара (XVI в.).

Стр. 40. *Байджу Бавра* — знаменитый певец Северной Индии, живший в XII в.

Стр. 41. *Плевательницы* служат необходимым предметом обстановки там, где жуют бетель, так как при этом обильно выделяется слюна кроваво-красного цвета.

Стр. 42. *Курти* — короткая кофточка-лифчик, которую носят индийские женщины.

Стр. 43. *Лейли* (или Лейла) и *Маджнун* — герои распространенной на Ближнем и Среднем Востоке легенды о преданных возлюбленных, погибающих в разлуке. Согласно одной из версий, Лейли была некрасива, но Маджнуну казалась прекрасной.

Стр. 46. *Собака прачки* — символ гонимого и обездоленного существа. Стирка чужого белья считалась при кастовом строе нечистым занятием, а презрение к мужчинам-прачкам (дохби), стоявшим на самых низких ступенях социальной лестницы, распространялось и на принадлежащих им животных.

Стр. 49. *Казы* — судья, в компетенцию которого входит совершение гражданских церемоний, в том числе заключение брака.

На что вам теплая вода? — В этом вопросе содержится намек на то, что молодой человек не исполнял своих супружеских обязанностей. Имеется в виду мусульманский обычай совершать омовение после сношения с женщиной.

Стр. 53. ...*на людном перекрестке базара...* — В Индии базарами именуются торговые улицы. Наиболее оживленным местом обычно бывает скрещение двух таких улиц.

Стр. 54. *Муэдзин* — служитель мечети, призывающий верующих на молитву.

Стр. 55. *Верблюд с кошкой на шее.* — Автор намекает на распространенный восточный анекдот об арабе, потерявшем верблюда. Когда араб совсем отчаялся найти животное, он поклялся, что если все же найдет его, то продаст за один динар. Вскоре верблюд нашелся, и хозяину, к его огорчению, пришлось исполнить зарок. Но хитрый араб нашел выход. Он вывел на рынок верблюда

с привязанной к его шее кошкой и закричал: «Продается верблюд за один динар и кошка за тысячу! Отдельно не продаются!»

Лакх — сто тысяч.

Стр. 56. ...*был чудесный весенний день... моросил мелкий дождичек...* — В странах тропического климата, где большую часть года люди изнывают от жары, пасмурный день с моросящим дождем очень приятен.

Шаб-е барат — мусульманское ночное празднество, совершаемое в полнолуние месяца шабан (восьмой месяц мусульманского лунного года). Оно сопровождается иллюминацией и фейерверком.

Стр. 58. ...*повесил пояс на шею...* — знак полной покорности.

Стр. 62. *Мы убивали дичь, как того требует шариат...* — Согласно шариату — мусульманскому религиозному праву, — убивая животное на мясо, нужно перерезать ему горло и спустить кровь, обязательно сопровождая эти действия молитвой. В противном случае мясо считается непригодным для еды.

Стр. 63. *Джинн* — по поверьям народов стран мусульманского Востока, сверхъестественное существо мужского пола.

Шам — Сирия.

Муртаза Али («Али избранный») — зять пророка Мухаммада и четвертый правоверный халиф. Почитается в исламе (у шиитов) святым и считается устранителем затруднений, которые встречаются верующим.

Стр. 64. *Фарс* — область на юге Ирана. Иногда под этим названием понимают весь Иран (отсюда — Персия).

Исфаган до начала XIX в. был столицей Персии.

Стр. 69. *Первое — это умеренность в еде...* — Толкователь называет три слова, начинающихся с согласных, входящих в слово «факир». Далее его оппонент так же поступает с арабским словом «щедрый».

Стр. 71. *Дастархан* — скатерть из ткани или кожи, которая расстилается на полу.

Кашанский коврик. — Кашан — город в центральном Иране; из давна славился своими коврами, крупным центром производства которых остается до сих пор.

Стр. 74. *Фархад* — как и Маджнун, традиционный в персидской литературе образ преданного возлюбленного.

Стр. 76. *Нимроз* (букв.: «полуденная страна») — область на юго-востоке Ирана.

Стр. 77. *Индра* — главный бог индийского (ведического) пантеона.

Стр. 79. «*Ночь предопределения*» — мусульманский праздник. отмечается в день, когда, по преданию, божественным откровением был ниспослан Коран.

Стр. 80. *Биби* – юспожа, обращение к женщине из высших классов общества.

Кибла – сторона, к которой обращаются лицом мусульмане во время молитвы (указывает направление к Мекке). Туда же они обращают свои поклоны. Поэтому слово «кибла» приобрело переносное значение – «предмет поклонения».

Кааба – храм в Мекке, где находится священный черный камень. Он является объектом паломничества мусульман. Сравнение с киблой и Каабой означает дань величайшего уважения.

...прах с ваших следов класть себе на глаза, как сурьму... – Индийские женщины подкрашивают сурьмой веки и брови. Делается это как для красоты, так и для защиты глаз от ярких лучей солнца. Кроме того, суеверные люди приписывают сурьме и магические свойства – она якобы отвращает злых духов и помогает увидеть чудеса, обычно недоступные глазу (см. рассказ четвертого дервиша). Сравнение праха из-под чьих-либо ног с сурьмой служит способом выражения глубокого почтения и любви к человеку.

Стр. 81. *...умылась песком.* – Перед молитвой мусульманин обязательно должен умыть лицо, уши, шею, руки, прополоскать рот. Если воды достать невозможно, как бывает, например, при путешествии в пустыне, то совершается символическое омовение песком.

Лукман – легендарный мудрец. Иногда он отождествляется с создателем басен Эзопом.

Ибн Сина – Абу-Али ибн Сина (Авиценна), выдающийся философ, ученый и медик (ум. в 1037 г.).

Хизр – популярный в Индии мусульманский святой, о котором сложено много легенд. Он якобы нашел источник живой воды и поэтому живет вечно.

Стр. 82. *Кир* – древнеперсидский царь (VI в. до н. э.).

Нуман (конец VI в.) – последний представитель династии Лакмидов, правившей в Хире (юго-западная Месопотамия). Постройки Хиры поражали воображение кочевников-арабов своей роскошью.

Стр. 83. *Прикладывать руки к ушам* – жест полной покорности, который делает провинившийся.

...попробуй их дочка брахмана... – Здесь подразумевается, что даже дочка брахмана – представителя высшей индусской касты – соблазнилась бы запретной для индусов пищей.

Стр. 85. *Рамазан* – один из месяцев мусульманского календаря, в течение которого ежедневно от восхода и до захода солнца мусульмане соблюдают строгий пост.

Стр. 86. *Рустам* – знаменитый герой персидского эпоса, чьи доблести превознесены в «Шах-наме» – «Книге царей» Фирдоуси.

Стр. 88. *Пандит* – ученый индус.

Стр. 89. *Писать семью красивыми почерками.* – У народов,

пользующихся арабской графикой, имеются несколько стилей каллиграфического письма, довольно сильно различающихся принципами начертания одних и тех же букв.

Стр. 90. *Каф* – мифическая горная цепь, опоясывающая мир. Там якобы обитают джинны, дэвы и пери.

Стр. 91. *Ходжа* – титул уважаемых горожан, обычно крупных купцов.

...святой отшельник, не стригуший волос... – Некоторые аскеты-индусы дают обет не стричь волосы.

Махадева (букв.: «великий бог») – эпитет Шивы, в индийской мифологии бога-разрушителя, одного из наиболее почитаемых индусами богов.

Шеврат – индуистский праздник в честь бога Шивы.

Стр. 92. *...которого следует назвать Платоном нашего времени...* – По традиционным мусульманским представлениям, понятия «философ» и «врач» отождествлялись; поэтому, в частности, знаменитый древнегреческий философ Платон считался на мусульманском Востоке выдающимся медиком.

Стр. 93. *Ланготи* – набедренная повязка.

Стр. 94. *Величайшее имя Аллаха.* – Мусульмане дают Аллаху 99 эпитетов; причем считается, что один из них якобы обладает чудодейственной силой при заклинаниях, но знать, какой именно, доступно лишь избранным.

Стр. 99. *Бадахшан* – горная область на северо-востоке современного Афганистана и юге Таджикской ССР.

Мискаль – мера веса, около 4 г.

Стр. 100. *Фаранг.* – Под этим названием в странах Востока была известна Западная Европа, а также ее жители.

Раджа – индусский владетельный князь, царь.

Нишапур – один из крупнейших городов средневекового Ирана. Он расположен на северо-востоке страны.

Стр. 106. *...прочел символ веры...* – Символом веры в исламе является формула: «Нет бога, кроме бога, и Мухаммад – посланник его». Ей придается очень большое значение, и произнесение ее – основное условие для обращения в мусульманство.

Стр. 112. *И закон мой таков...* – Ходжа перечисляет здесь пять основных обязанностей мусульманина, пять «столпов», на которые опирается ислам: 1) исповедание символа веры, 2) молитва, 3) пост, 4) хадж – паломничество в Мекку к Каабе и 5) жертвование на веру и в пользу бедных.

Шахитиах – «царь царей».

Стр. 115. *Пятница* – у мусульман день отдыха и молитвы.

Хаким – правитель города, которому принадлежит исполнительная власть.

Стр. 118. ...они избили меня, поступив, как братья с Иосифом. — Имеется в виду библейская легенда об Иосифе, который был продан братьями в рабство.

Стр. 123. *Зербад* (букв.: «подветренная страна»). — Так индийцы называли земли, расположенные на юго-восток от Индии.

Махараджа — «великий раджа», царь.

Чауган — конная игра в мяч, который гоняют длинными клюшками того же названия.

Рани — княгиня, царица.

Стр. 125. ...приобщила ее к нашей вере... — Здесь имеется в виду желание женщины прочесть символ веры, что является главным условием обращения в мусульманство.

Сарандип — название Цейлона, бывшее в ходу у арабов, персов и мусульман Индии.

Стр. 127. *Салсабил* — источник в мусульманском раю.

Стр. 128. *Храм идолов* (кумирня) — такое название мусульмане дают индусским храмам, внутри которых стоят скульптурные изображения богов. Поэтому и самих индуистских богов Мир Амман называет идолами.

Парда — обычай затворничества женщин, запрещающий им показываться с открытым лицом перед чужими мужчинами.

Стр. 130. *Лат и Манат* — языческие богини арабов, которые почитались в доисламские времена. Здесь Мир Амман приписывает жителям Цейлона поклонение этим богиням.

Стр. 131. *Турок* — так в Индии нередко называли мусульман независимо от их происхождения.

Стр. 137. ...где снимают туфли... — Входящий в храм или мечеть обязан снять обувь при входе.

Стр. 138. *Веды* — древнейшие памятники индийской литературы. Они состоят из ритуальных гимнов, соединенных в четыре сборника. Брахман, изучивший все четыре Веды, пользуется наибольшим авторитетом.

Стр. 140. ...ему пожалован халат. — Пожалование халата являлось не только знаком расположения, оно производилось и при назначении подчиненного на новую должность.

Стр. 143. *Чин* — Китай (обычно Южный) и прилежащие к нему области. *Кхата* — Северный Китай.

Стр. 145. «Во имя Аллаха» — начало обычной благословительной формулы, которую мусульманин произносит, приступая к любому делу.

Стр. 148. *Падмини*. — В индийской эротической литературе с давних пор существовало деление женщин по красоте на четыре группы. Падмини (женщина-лотос) — это высший тип, наиболее совершенный.

Стр. 153. *Каламдан* – пенал; он служит здесь атрибутом власти везира.

Стр. 154. *Нарды* – род настольной игры.

Стр. 156. *Азар*. – Так в Коране именуется отец библейского Авраама. По представлениям мусульман, Азар был скульптором и идолопоклонником.

...*вдова сжигает себя с телом мужа*... – В Индии существовал обычай самосожжения вдовы вместе с трупом мужа. Основывался он на религиозных верованиях, в частности на учении о переселении душ. Хотя самоубийство вдовы не было обязательным, но оно считалось высоким нравственным долгом и всячески поощрялось брахманами и родными покойного. Самосожжение вдов было официально запрещено англичанами в 1829 г.

Стр. 159. *Обоих миров* – т. е. земной и загробной жизни.

Дилькуша – «радость сердца».

Стр. 164. *Ибрагим Адхам* – легендарный царевич, оставивший власть ради благочестивой жизни.

Балх – город на северо-востоке современного Афганистана, в прошлом один из богатейших городов Востока.

Стр. 168. *Джаунпурский мост*. – В городе Джаунпуре в XVI в. был построен через реку Гомати многоарочный каменный мост, пользующийся большой известностью в Индии.

Стр. 169. *Прибежище мира, Кибла мира* – эпитеты падишаха или властителя вообще.

Стр. 174. *Абу-Джахль* – современник пророка Мухаммада, активно противоборствовал новой религии – исламу. По преданию, он был дядей пророка.

Стр. 177. *Разрежь ее (материю), шей, оденься*... – Платье индийской женщины (сари) состоит из одного куска ткани, оборачиваемого вокруг тела, так что на его шитье не требуется много времени.

Стр. 178. *Гурия* – райская дева.

Доля жены. – По мусульманскому праву, муж обеспечивает жене при браке долю имущества, которую она сохраняет за собой в случае развода.

Стр. 185. *Зульфикар* (букв. «тот, кто владеет позвонками») – название знаменитого меча, доставшегося Мухаммаду в виде трофея, а от него перешедшего к Али (см. примеч. к с. 63).

Стр. 189. *Оман* – область в восточной части Аравийского полуострова.

Стр. 190. *Море Кулзум* – северо-западная часть Индийского океана, включающая Аравийское и Красное моря.

Ифрит – по представлениям народов стран мусульманского Востока, злой дух-великан.

Стр. 191. *Пять чистых телом* – пророк Мухаммад и его дочь

Фатима с мужем Али и детьми Хасаном и Хусейном. Четырнадцать невинных — дети Хасана и Хусейна.

Стр. 192. *И видно число.* — Каждой букве арабского алфавита, используемого в урду, присуще определенное числовое значение. Сумма числовых значений букв, входящих в название «Сад и весна» («Баг о бахар»), составляет 1217.

Г Зограф

Нихалчанд Лахори, «Роза Бакавали»

Стр. 195. ...*Гулистан* — сад роз, в переносном смысле — рай.

Кейс — герой романтической арабской поэзии, символ верного влюбленного, известный также под прозвищем «Маджнун» — одержимый.

Стр. 196. *След копыта его кобылицы* (Буррак). — Кобылица с женской головой, на которой пророк Мухаммад совершил «вознесение» из Мекки в Иерусалим, а затем облетел «семь небес» (по мусульманской космогонии, небесный свод делится на семь сфер), где лицезрел Аллаха.

Книга — т. е. Коран.

Матла и макта — первое и последнее двестишестидесяти газели.

Шах-и Мардан — «царь людей»; эпитет мусульманского святого Али, зятя Мухаммада. Далее встречается другой его эпитет: Али Избранный.

Стр. 197. *Чакора* — горная куропатка; в индийской традиции — метафора изящной поступи.

1124 г. хиджры соответствует 1710 г. н. э.

Стр. 198. *Лал* — рубин.

Сахиб — господин, почтительное обращение.

Стр. 199. *Хинди рехта* — разговорный язык хиндустани.

Ифлатун — Платон, древнегреческий философ (V в. до н. э.).

Стр. 200. *Как над кладом красоты свилась в кольцо...* — Имеется в виду поверье о том, что клады обычно охраняются черной коброй.

Стр. 201. *Мессия* — Иисус Христос (в Коране — Иса), которого мусульманская традиция считает искусным лекарем.

Бу Али — Абу-Али ибн Сина — См. примеч. к с. 81.

Якуб — библ. Иаков.

Айюб — библ. Иов.

Свет очей моих — т. е. младший сын.

Стр. 202. *Сардар* — военачальник.

Юсуф — библ. Иосиф Прекрасный.

Стр. 208. *Крор* — десять миллионов.

Стр. 210. *Восемь страж* — принятое в индийской традиции деление суток на восемь частей.

Шейх Саади из Ширазы — великий персидский поэт, живший в XIII в., автор классических произведений «Гулистан» («Сад роз») и «Бустан» («Благоуханный сад»).

Халилулла — «друг бога», коранический Ибрахим, библ. Авраам. Согласно Корану, был обречен язычниками на сожжение, но Аллах превратил огонь его жертвенника в цветник.

Стр. 211. *Брахман*. — Здесь: индусский жрец.

Стр. 213. *Вешнее облако* — букв. «облако найсана» (весеннего дождя), который, по поверью, рождает жемчужины в раковинах и яд в пасти змеи.

Стр. 214. *Каландар* — странствующий мусульманский монах, то же, что дервиш и факир.

Стр. 215. *Сулейман* — библ. Соломон. В мусульманской традиции ему подвластен мир духов; с его образом связываются чародейство и ведовство.

Ман — мера веса, приблизительно 37 кг.

Стр. 218. *Перстень Сулеймана*. — По поверью, обладатель этого перстня мог повелевать миром духов.

Стр. 220. *Зухра* — планета Венера.

Уннаб — дерево и плод ююба, растение семейства крушинных; из его колючих ветвей, по легенде, был сплетен мученический венец Христа.

Стр. 226. *Цветут все розы в Ханаане* — реминисценция знаменитого стихотворения великого персидского поэта XIV в. Хафиза «Верь, Юсуф вернется в Ханаан». Возвращение Юсуфа на родину метафорически означает исполнение желаний.

Стр. 233. *Котваль* — начальник городской стражи.

Стр. 236. *Джуббе* — верхняя одежда с широкими рукавами.

Стр. 247. *О та, к кому ревнуют китайские идолы!* — т. е. изображения китайской живописи и скульптуры. Китайская живопись считалась в странах Среднего Востока образцом красоты и повлияла на мусульманскую миниатюру.

О свеча, зажигающая вечер! — т. е. луна.

Стр. 248. *Хирман* — букв. «стог», «копна». Хирман, сгоревший от молнии (любви), — постоянная метафора индо-персидской лирики.

Стр. 250. *Йога* — здесь: подвижничество, аскетизм.

...приложив руки к ушам... — См. примеч. к с. 83.

Стр. 251. *Муштари* — планета Юпитер.

Ирам — по легенде, земной рай, построенный царем Аравии Шаддадом, а затем разрушенный Аллахом. Здесь: сказочная страна пери.

Стр. 253. *Майна* – индийский скворец.

Стр. 254. «*Лампа волшебницы*» – сказочное растение, которое светится в темноте.

Стр. 257. *Волшебная обитель вселенной*. – Здесь отразилась кораническая идея о том, что Аллах сотворил вселенную и человека с целью «испытания» как этап на пути к вечной жизни, где каждому воздается по заслугам.

Стр. 258. *Ринд* – вольнодумец, не соблюдающий законов религии.

Фирдаос – сад, рай.

Стр. 260. «*Еще добавь!*» – коранический вопрос: «Нет ли еще добавки?», подразумевающий: «Нет ли грешников для Геены?»

Миррих – планета Марс.

...сад, который звался, как и она, «Ободряющий дух»... – Имя героини «*Рухафза*» в переводе означает «Ободряющая дух».

Стр. 261. ...приняла на себя все ее несчастья. – См. примеч. к с. 31.

Стр. 265. *Известно, что суфии полагают...* – Смысл дальнейшего отрывка связан, во-первых, с одним из основных положений суфизма, согласно которому мир «истекает» из неизменного Единого а во-вторых, с суфийской же концепцией соединения души с богом, состоящей в слиянии двух противоположных величин или понятий.

Стр. 267. *Месяц Ханаана* – т. е. Юсуф.

Стр. 268. *Мисси* – черный порошок для чистки зубов, придающий им темноватую окраску.

Пан – жвачка из листьев бетеля, смазанных известью, в которые заворачивают орехи и различные пряности: окрашивает губы в красный цвет

Стр. 270. ...позволили жениху и невесте взглянуть друг на друга... – так называемый «благоприятный взгляд», когда новобрачные впервые видят друг друга.

Сладкий рис (кхир) – рисовая каша, сваренная сначала в воде, а затем в молоке с добавлением сахара и специй: кормление кхиром носит ритуальный характер и входит в ряд важнейших церемоний индийцев.

Стр. 271. *Алиф соединения* – начальная буква «а» с дополнительным значком, указывающим на ее непронизносимость (т. е. на слияние обозначаемого ею гласного с конечным гласным предшествующего слова).

Стр. 272. *Амарнагар* – «город бессмертных».

Стр. 273. *Хали*. – См. Халилулла.

Мантра – заклинание.

Стр. 278. *Храм идола*. – См. примеч. к с. 128.

Первая ночная стража – соответствует отрезку времени примерно от 18 до 21 часа.

Стр. 280. *Амрита* — в древнеиндийской мифологии напиток бессмертия.

Стр. 281. *Корона царей* — перевод имени «Тадж ул-Мулук».

Стр. 283. *Зулейха* — героиня коранической легенды, полюбившая Юсуфа и за неуступчивость оклеветавшая его перед своим мужем, который заключил Юсуфа в тюрьму.

Стр. 284. *Хотан* — область в Синьцзяне, славящаяся своим мускусом.

Стр. 285. *...но при виде свадебной хны на его руках и ногах...* — Обычай красить руки и ноги хной практиковался во время радостных событий в жизни человека, в том числе и свадьбы.

Стр. 288. *...в доме крестьянина, доныне темном...* — См. примеч. к с. 22.

Стр. 289. *...понял, что Бакавали возродилась вновь.* — Согласно одному из основных догматов индуизма, все живое после смерти рождается в новом воплощении.

Стр. 294. *Праведные халифы.* — Имеются в виду преемники Мухаммада, возглавлявшие после его смерти мусульманскую общину: Абу Бакр, Омар, Осман и Али; при них складывается арабская империя — халифат.

Стр. 302. *«Религия любви» — название и число.* — Хронограмма, означающая 1804 год.

Халил Алихан Ашк, «Цветник Чина»

Стр. 306. *Мирза Казим Али Джаван* — один из литераторов Колледжа форта Вильям; переложил на урду «Шакунталу» — знаменитую драму великого индийского драматурга и поэта V в. Калидасы и санскритскую обрاملенную повесть «Тридцать две истории царского трона» (VIII—IX вв.); перевел на урду Коран.

Стр. 307. *Праздник ид* — объединенное название двух крупнейших ежегодных мусульманских праздников: ид уль-воха — праздника жертвоприношения и ид уль-фитр — праздника разговения после поста-рамазана.

Стр. 310. *Зухаль* — планета Сатурн.

Ризван — согласно мусульманской традиции, хранитель и страж рая.

Стр. 312. *Саз* — струнный музыкальный инструмент.

Саранги — струнный смычковый инструмент, популярная в Индии разновидность скрипки.

Табла — два небольших барабана, на которых играют одновременно.

Ситара — трехструнный щипковый музыкальный инструмент, напоминающий гитару.

Рубаб — смычковый инструмент с одной или двумя струнами.

Чанг — струнный музыкальный инструмент наподобие цимбал.

Дом — каста индийских мусульман. Принадлежащие к ней мужчины были музыкантами, а женщины — певицами и танцовщицами.

Нат — каста, в которую входят танцоры, жонглеры, канатные плясуны.

Рага — основная категория индийской музыки, звукоряд, соответствующий европейскому пониманию тональности.

Дхурнат — название индийской мелодии; вводная строка песни, повторяющаяся как рефрен.

Каввали — пение газелей или песен хором.

Бханды — бродячие актеры, представлявшие фарсы.

Бхагат — религиозные мистерии, разыгрываемые специальными труппами народного индийского театра.

Стр. 313. *Насталик* — разновидность персидской каллиграфии.

Урус уль-хутут — письмо, в котором указаны диакритические значки.

Рейхан — арабская каллиграфия, используемая в заглавиях книг. *Губар* — самое мелкое арабское или персидское письмо. *Насх* — современное арабское письмо. *Шикасте* — персидская скоропись.

Стр. 315. *Кач* — территория, ныне находящаяся на северо-западе Индии.

Стр. 317. *Хенна* — растение *Lawsonia alba*, культивировавшееся в Индии как декоративное. Из листьев хенны получают красящее вещество — хну.

Стр. 318. *Рага брайрав* — мелодия, по традиции исполняемая на рассвете.

Койла — индийская кукушка.

Стр. 324. *Михраб* — ниша в задней стене мечети, обращенной в сторону Мекки, лицом к которой стоит молящийся; до некоторой степени соответствует алтарю в христианской церкви.

Стр. 346. *Рага парадж* — одна из классических раг, исполняемая по торжественным случаям.

А. Дехтярь

Содержание

А. Дехтярь. Сад чар и чудес 3

Индийские волшебные повести

Мир Амман	
САД И ВЕСНА. <i>Перевод Г. Зографа . . . . .</i>	17
Нихалчанд Лахори	
РОЗА БАКАВАЛИ. <i>Перевод А. Дехтярь. . . . .</i>	195
Халил Алихан Ашк	
ЦВЕТНИК ЧИНА*. <i>Перевод А. Дехтярь. . . . .</i>	305
Комментарии	351

И 60 Индийские волшебные повести. Пер. с урду.
/Предисл. А. Дехтярь; Коммент. А. Дехтярь и
Г. Зографа.— М.: Худож. лит., 1981. 367 с.

В сборник входят три повести: «Сад и весна» Мира Аммана, «Роза Бакавали» Нихалчанда Лахори и «Цветник Чина» Халила Алихана Ашка.

Эти повести, созданные в начале XIX века, представляют литературную обработку известных на Востоке сюжетов и признаны лучшими образцами повествовательной прозы на языке урду. Подобно европейскому рыцарскому роману, индийские волшебные повести до сих пор пленяют читателя хитросплетениями замысловатого сюжета, невероятными приключениями и волшебными превращениями их героев — благородного царевича и прекрасной девушки, — которые, пройдя все испытания, вновь обретают друг друга.

Повести «Сад и весна» и «Роза Бакавали» издавались ранее на русском языке. «Цветник Чина» публикуется впервые.

И 70304-104
И 028(01)-81 183-81 4703000000

И (Инд)

Индийские волшебные повести

Редактор
С. Прокунина
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
Л. Ковнацкая
Корректор
Г. Ганапольская

ИБ № 2058

Сдано в набор 10.06.80. Подписано к печати 16.02.81. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. 19,32 усл. печ. л. 19,74 усл. кр.-отт. 20,588 уч.-изд. л. Зак № 1377. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» 107882, ГСП, Москва. Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

1907

КНИЖНИЦА БОЛШЕВИКОВ

